

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕОЛОГИЯ

Д. М. ОМЕЛЬЧЕНКО

ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ

СВ. ИОАННА В АРЕЛАТЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ VI в.: НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ И ПРАКТИКА

Ключевые слова: церковная история; галльские монастыри VI в.; женское монашество

Аннотация: В статье рассматривается ранняя история женского монастыря Святого Иоанна в Арелате, основанного епископом Цезарием (470–542). Анализируются функции этого монастыря и деятельность аббатисы Цезарии.

Раннесредневековое женское монашество, развивавшееся под сенью мужского и имевшее более замкнутый характер, оставило о себе самом довольно мало свидетельств, становясь предметом законодательного и дидактического творчества мужчин. Однако если принимать на веру все речи мужчин о женщинах, «нам оставалось бы только заключить, что женщины были пойманы в сети столь строгих правил, что не могли ни слова сказать, ни рукой пошевелить»¹. К счастью, у нас есть возможность, хотя и несколько ограниченная, если не опровергнуть такого рода заключение, то скорректировать его.

В нашем распоряжении имеется комплекс источников, касающихся начальной истории женского монастыря Св. Иоанна Крестителя в провансальском городе Арелате, который занимает в истории раннегалльского монашества особое место. Если не считать довольно скурых (и часто полуполюгендарных) сообщений о женских аскетических общинах в Галлии², монастырь в Арелате

¹ *Клаппиш-Зубер К.* Скрытая власть женщин // История женщин на Западе. Т. II. Молчание Средних веков / Под общ. ред. Ж. Дюби, М. Перро. СПб., 2009. С. 164.

² *Griffe É.* La gaule chrétienne à l'époque romaine. P., Toulouse, 1947. P. 279; *Clébert J.-P.* Provence Antique. V. 3. Aux temps des premières chrétiens. P., 1992. P. 162–172.

стал первым, о котором известно более или менее подробно. Он был основан в 506 г. или 507 г. епископом Цезарием Арелатским (470–542) для нескольких женщин-подвижниц. Сначала обитель располагалась возле города, но после разрушения во время осады Арелата бургундами была перенесена под защиту городских стен и освящена в 512 г. Видимо, здание монастыря примыкало к кафедральному собору, с которым соединялось дверью³. За пределами монастыря располагалась базилика Св. Марии, служившая местом погребения сестёр. Первой аббатисой монастыря стала Цезария Старшая — сестра епископа. О ней почти ничего не известно, кроме того, что некоторое время она жила в монастыре в Массилии⁴. Второй аббатисой была Цезария Младшая, племянница епископа, которая с детства воспитывалась в монастыре Св. Иоанна. Она возглавила монастырь в возрасте около 25 лет и руководила им в течение трёх десятилетий (приблизительно до 557 г.⁵).

Комплекс источников, который нам предстоит проанализировать, был создан в первые сорок лет существования обители. В него входят: составленные Цезарием «Правило для дев» (534 г.)⁶ и завещание⁷; послание Цезария аббатисе Цезарии Старшей (ок. 507 г.)⁸; письма диакона Теридия к Цезарии Младшей (ок. 525 г.)⁹ и папы Гормизда (понтификат 514–523 гг.) к Цезарию

³ *Vogué A. de. Regle des vierges. Introduction // Sources Chrétiennes. V. 345. P., 1988. P. 98–99. (Далее — SC).*

⁴ *Vita Sancti Caesarii I, 25 // Patrologiae cursus completus. Ser. Latina / Ed. J.-P. Migne. V. 67. Col. 1013–1014.*

⁵ *Coureau J. Trois écrits de l'abbesse Césarie. Introduction // SC. V. 345. P. 440.*

⁶ *Caesarius Arelatensis. Regula virginum // Ibid., P. 169–345. (Далее — Regula).*

⁷ *Testamentum sancti Caesarii // Ibid., P. 381–397. (Далее — Testamentum). Перевод см.: Завещание Цезария Арелатского / Перевод, вступ. статья, коммент. Омельченко Д. М. // CURSOR MUNDI: ЧЕЛОВЕК Античности, Средневековья и Возрождения. Иваново. Вып. 2. С. 204–219.*

⁸ *Caesarius episcopus omnium servorum dei famulus Caesariae sanctae sorori abbatissae vel omni congregation suae in Christo aeternam salutem // SC. V. 345. P. 295–337. (По первому слову это письмо называют Vereor).*

⁹ *Epistola Hortatoria ad virginem Deo dicatam // SC. V. 345. P. 419–439. (По первому слову это письмо обычно именуют O profundum). Перевод см.: Наставление диакона Теридия аббатисе Цезарии. Письмо-увещание деве, посвятившей себя Богу / Перевод, вступ. статья, коммент. Омельченко Д. М. // Cogito. Альманах истории идей. Ростов-на-Дону. 2008. С. 371–382.*

(ок. 515 г.)¹⁰; несколько отрывков из писем Цезарии Младшей¹¹ и её письмо к Рихильде и Радегунде¹² (550-е гг.). Особое место занимает Житие Цезария¹³ (после 542 г.).

Обратимся к сконструированной Цезарием и его сподвижниками нормативной модели женского монашества. Наиболее важен здесь текст «Правила для дев» — как источник, имеющий, в представлении Цезария, законченную структуру с раз и навсегда установленным идейным содержанием¹⁴. Это первый из известных нам западных письменных уставов, созданных специально для женщин. До этого в женских обителях, как правило, использовались — с некоторыми оговорками — уставы для монахов¹⁵. В основе же «Правила» Цезария лежат не только отдельные положения мужских уставов, но и собственные наблюдения епископа за организованной им общиной в течение двадцати лет¹⁶.

Ключевыми в конструируемом «Правиле» дискурсе являются понятия замкнутости и границы, отделяющей монастырь от мира. Конечно, осмысление себя как «иног жительство», «иног града», «социального ино-бытия»¹⁷ является характерной чертой монашества, однако в «Правиле» принцип «инобытийности», замкнутости женского монастыря на себе самом и отделения его от мира возводится в абсолют. Уже один из первых пунктов «Правила» гласит, что монахиня, «дабы избежать зубов духовных волков, никогда не должна до самой своей смерти ни выходить из монастыря, ни входить в базилику¹⁸ через дверь» (Regula 2; 50). Изоляция от мира обеспечивается рядом требований: вступающие в монастырь обязаны предварительно избавиться от всякого имущества (Regula 5–6; 52); монахини должны сами изготавливать для себя одежду, «чтобы

¹⁰ *Dilectissimo fratri Caesario Hormisda* // SC. V. 345. P. 353–359. (По первому слову — Exulto).

¹¹ *Dicta Caesariae* // SC. V. 345. P. 470–475. (Далее — *Dicta*).

¹² *Dominabus sanctis Richildae et Radegundi Caesaria exigua* // SC. V. 345. P. 476–499. (Далее — *Epistola Caesariae*).

¹³ *Vita Sancti Caesarii* // *Patrologiae cursus completus. Ser. Latina* / Ed. J.-P. Migne. T. 67. Col. 1001–1042. (Далее — *Vita*).

¹⁴ Официальное утверждение «Правила» произошло в июне 534 г.

¹⁵ *Vogué A. de*. Op. cit. P. 190–273.

¹⁶ *Caesarius Arelatensis. Regula virginum*, 1.

¹⁷ *Флоровский Г. В.* Восточные отцы Церкви. М., 2003. С. 488.

¹⁸ По мнению исследователей, под базиликой понимается кафедральный собор, к которому примыкал монастырь Св. Иоанна (*Vogué A. de*. Op. cit. P. 98).

никогда не было у настоятельницы необходимости обеспечивать нужды извне» (Regula 28); сёстрам запрещено становиться крёстными матерями (Regula 11). Внешний мир мог проникнуть в монастырь с родственниками, пришедшими навестить монахинь, мастерами, которых позвали что-то починить, поэтому общение с ними строго ограничено и регламентировано. Даже представители духовенства могли находиться в монастыре только во время церковных служб (Regula 36–38).

Настоятельнице категорически запрещалось устраивать трапезы в честь каких-либо гостей, будь то родственники сестёр или даже епископ (Regula 39; 53). Также она «никогда не должна принимать пищу за пределами монастыря, если только недостаток [пищи], болезнь или дела не требуют того» (Regula 41). Последствия такого запрета вполне очевидны, если учесть, что совместная трапеза была средством создания и поддержания социальных связей, а застольный ритуал выступал «одним из способов облечения власти в видимые формы»¹⁹. Даже каритативная функция монастыря, воплощавшая идеал деятельного милосердия, осуществлялась сёстрами не напрямую:

«Дабы избежать большой давки у входа в монастырь, здесь не должно быть каждый день усердных попрошайек; если Бог подаст нечто сверх того, что необходимо монастырю, пусть настоятельница раздаст это бедным через провизора»²⁰ (Regula 37, 42).

Замкнутость должна была обеспечиваться также экономической и административной независимостью монастыря. Ещё при жизни Цезарий позаботился о пожаловании общине земельных наделов из имущества Арелатской Церкви и заручился в том поддержке папы Гормизда (Exulto 3). Впоследствии он подтвердил свои пожалования в Завещании (Testamentum 32–37). Административная автономия должна была проявляться в том, что выборы новой аббатисы проводились внутри монастыря самими сёстрами (Regula 61), а епископ не имел права вмешиваться в дела общины. Более того, Цезарий настаивал:

¹⁹ АрнаUTOва Ю. Е. Еда // Словарь средневековой культуры. М., 2007. С. 173.

²⁰ Провизор — поверенный в делах монахинь.

«Если однажды какая-то настоятельница... из-за родства или по каким-то иным обстоятельствам решит подчиниться власти епископа этого города, то, вдохновляемые Богом и с нашего разрешения, сопротивляйтесь сему с почтением и достоинством и ни в коем случае не допускайте того» (Regula 64).

Однако папа Гормизд, на авторитет которого Цезарий ссылался, несколько смягчил его ригоризм, разрешив епископам последующих времён посещать монастырь «со своими клириками в чистоте сердца и в случае необходимости — как и подобает» (Exulto 2, 4).

Комплекс идеалов и средств, подразумевавшихся под понятием «замкнутость»²¹, включал, помимо физических границ, экономической и административной независимости, своего рода духовные барьеры, которые следовало выстроить в душе каждой монахини. Этим барьерам Цезарий уделил пристальное внимание в письме к сестре — аббатисе Цезарии Старшей. Написанное в первые годы существования монастыря и задолго до окончательной версии «Правил», это письмо ещё не предполагало строгой замкнутости монашеской жизни. Поэтому весь поток своего — или святоотеческого — красноречия Цезарий направил против иллюзии, что «приятельские отношения» с мирянами, пусть даже самыми благочестивыми, возможны без ущерба для целомудрия — главной добродетели монахинь (Vereor 3, 14–31; 4, 1–16; 5, 6–10). Очевидно, опыт показал, что физические преграды гораздо прочнее духовных: во всяком случае, «Правило» не предполагает возможности возникновения «приятельских отношений».

Итак, задуманная Цезарием модель женского монашества, нашедшая своё концентрированное выражение в «Правиле для дев», призвана была полностью изолировать монахинь — «драгоценных жемчужин... которые молятся за всех людей» и тем самым несут особую службу в Церкви (Regula 1, 6; 40, 2; 1, 5–6; 72, 1–6). — от остального мира. Однако уже из рассмотренных текстов очевидно, насколько далеко действительность отстояла от теории. Весьма характерно в этом отношении завещание Цезария, где доказывается законность пожалований монастырю из церковного имущества и устанавливается граница власти епископа над общиной. Акцент на этих вопросах заставляет предположить, что распространение жен-

²¹ Hochstetler D. The meaning of monastic cloister for women according to Caesarius of Arles // Religion, culture and society Middle Age. Michigan, 1987. P. 37.

ского монашества в Южной Галлии первой трети VI в. наталкивалось на определённые препятствия. Одно из них — отсутствие чётко определённого статуса монахинь в структуре Церкви. Поэтому, доказывая законность имущественных операций в отношении монастыря, Цезарий не только нарочито ссылаясь на каноническое право (*Testamentum* 23, 24, 41) и разрешение Римского престола (*Testamentum* 29), но и пытался вписать монахинь в уже сложившуюся систему церковного милосердия. Они оказываются в одном ряду со странниками и бедняками, в отношении которых «Церковь имеет обыкновение быть щедрой» (*Testamentum* 3), а также вдовами, получающим *stipendium* от Церкви (*Testamentum* 36)²².

Не только в церковной среде основание женского монастыря не всегда находило одобрение. Косвенным, но весьма любопытным свидетельством отношения общества к инициативе Цезария может служить его проповедь, посвящённая осаде Арелата²³. Во время осады города бургундскими войсками зимой 507–508 гг. был разрушен почти достроенный женский монастырь. Описывая военные бедствия, Цезарий удивительным образом «забывает» упомянуть о столь значимом, казалось бы, для христиан событии. Возможно, ответ стоит искать в «Житии Цезария» и в его завещании, где нет упоминаний о частных благодетелях, жертвующих на постройку монастыря, а епископ предстаёт одиноким энтузиастом. В конечном итоге женский монастырь не стал для Цезария и его паствы символом коллективной идентичности, поэтому его разрушение так и осталось личной трагедией епископа.

Однако возвратимся к основным источникам. Примечательно противоречие между завещанием и «Правилom» в пункте о епископской власти над монастырём. Если «Правило» исключает возможность вмешательства епископа в дела монастыря, то в завещании Цезарий с первых строк изъявляет желание, «чтобы монастырь... был канонически под властью Арелатского понтифика» (*Testamentum* 5, 8). Единственная свобода, которая, по тексту завещания, оста-

²² По обычаю того времени, епископ считался владельцем всех церковных земель и распорядителем остального церковного имущества и был обязан делить доходы на четыре части: на содержание епископского дома, духовенства, различного рода социальных групп, входящих в категорию «бедных», а также на строительную деятельность. (Лебедев А. П. Духовенство древней Вселенской Церкви от времён апостольских до X века. СПб., 2006. Отдел III., Гл. V–VI).

²³ *Césaire d'Arles. Sermons au peuple, 70 // SC. V. 330. P., 1986. P. 156–169.*

ётся у сестёр, это право избрания провизоров и священнослужителей для базилики Св. Марии (Testamentum 20). В остальном же монахини должны полагаться на епископа и отвечать на его заботу любовью и послушанием (Testamentum 25).

Поскольку завещание составлялось, исходя из реальных условий существования общины, указанное противоречие свидетельствует о действительной опасности того, что монастырь окажется без материальной основы. По замечанию исследователя, «если Цезарий утверждает в завещании широкое и неограниченное право епископа, то это потому, что неуместно настаивать на независимости монахинь, когда всё завещание направлено на оправдание — в прошлом и будущем — материальной помощи монастырю со стороны Церкви»²⁴. Подобная помощь предполагала причисление монахинь к служителям Церкви, зависимым от епископа. Нетрудно увидеть лежащую в основе подобных отношений мыслительную схему: представление о «доме» (*domus*) — в данном случае Церкви, — как структуре, соединяющей хозяйственные и личные отношения и руководимой «отцом семейства» (*paterfamilias*)²⁵.

Необходимо отметить, что отчасти проблемы монастыря Св. Иоанна связаны с личностью его основателя, ведь именно устройство женской обители стало главным объектом нападок противников Цезария²⁶. Речь идёт не только о материальной стороне вопроса, но и о широком комплексе явлений, называемых в современной науке «социокультурными способами властвования»²⁷, одним из которых и была строительная практика. Иными словами, городской монастырь выполнял важную функцию репрезентации епископской власти: он «мыслился как непрменный компонент духовного окружения, сообщавшего епископской кафедре надлежащую святость и...великолепие»²⁸. Не случайна поэтому забота Цезария о том, что-

²⁴ *Vogüé A. de.* Op. cit. P. 365.

²⁵ *Эксле О. Г.* «Образ человека» у историков // *Он же.* Действительность и знание: очерки социальной истории Средневековья. М., 2007. С. 322–323.

²⁶ *Klingshirn W.* Caesarius of Arles. The making of a Christian Community in Late Antique Gaul. Cambridge, 2004. P. 117–123.

²⁷ *Бессмертный Ю. Л.* Некоторые соображения об изучении феномена власти и о концепциях постмодернизма в микроистории // *Одиссей.* Человек в истории. М., 1995. С. 15.

²⁸ *Усков Н. Ф.* Монастыри в городе // *Город в средневековой цивилизации Западной Европы.* Т. 1. Феномен средневекового урбанизма. М., 1999. С. 290.

бы «люди неблагоприятные и недружелюбные к монастырю не повредили его репутации» (Regula 46, ср.: 36).

Принцип независимости монастыря от епископа был нарушен самим Цезарием: после смерти сестры он не позволил монахиням провести выборы внутри монастыря, а назначил новой аббатисой свою племянницу — Цезарию Младшую. Это обстоятельство делает очевидным, что женский монастырь был значимой частью честолюбивого пастырского проекта Цезария и его сторонников, способствовал укреплению положения семьи епископа и его собственной власти в городе. В то же время возникает вопрос о том, насколько пассивной была роль самих монахинь (точнее, аббатис, поскольку о простых сёстрах сведений нет) в осуществлении этого проекта.

Прежде чем перейти к ответу на данный вопрос, хотелось бы обратить внимание на замечательный источник — «Увещание к де-ве, посвящённой Богу» (O profundum), написанное диаконом Теридием, племянником епископа и адресованное молодой Цезарии, только что ставшей аббатисой. С одной стороны, письмо типично и для эпохи, и для среды: автор, скорее всего, недавно принявший духовный сан, всё же считает себя вправе давать советы по управлению аббатисе, которая всю сознательную жизнь провела в монастыре и, будучи родственницей первой аббатисы, видимо, играла там не последнюю роль. С другой стороны, это письмо замечательно тем, что, совмещая дискурсы посланий девам, мужских уставов и писем клирикам, Теридий как будто пытается найти образы для характеристики собственно женских способов властвования. В основном, ему на ум приходят мужские роли (монетчика (O profundum 1, 8), воина (O profundum 2, 4; 5, 1), врача (O profundum 4, 7–8)) или лексика, традиционно применяемая к епископу (O profundum 2, 5; 3, 4; 4, 7–8). Даже образ матери семейства, казалось бы, наиболее подходящий в данном случае, едва прорисовывается в письме (O profundum 5, 3).

Можно предположить, что нечёткое описание властных функций аббатисы связано не только с отсутствием в предшествующей монашеской традиции собственно женских уставов. Отчасти это объясняется тем, что Цезарии ещё предстояло заслужить авторитет в глазах общины. Отчасти — личным отношением автора к адресату. Послание почти целиком построено на цитатах из писем Иеронима Стридонского (ок. 345–420) к Павле, Евстохии и Блезилле —

образованным римским аристократам, посвятившим себя монашескому служению. Апеллируя к «памяти контекста», послание диакона демонстрирует высокую оценку интеллектуальных качеств новой аббатисы, уважение и доверие к ней: Теридий, скорее, призывает Цезарию саму задуматься над своей ролью, чем дать ей готовые формулы власти.

Другие источники говорят о том, что Цезария Младшая не была заурядной женщиной. Несомненно, она зарекомендовала себя как рачительная хозяйка: к моменту смерти епископа в 542 г. её община насчитывала более двухсот монахинь (*Vita II*, 47) и имела довольно обширные земельные владения (*Testamentum* 32–36). Также аббатиса была рукодельницей: епископу она своими руками изготовила подбитый мехом плащ, который тот завещал после своей смерти вернуть ей (*Testamentum* 42, 2, 46). Значимый социальный аспект деятельности аббатисы и её общины связан с созданием искусных копий с различных книг, в том числе и проповедей Цезария, которые расходились далеко за пределами Арелатского диоцеза (*Vita I*, 58). Если учесть, что распространение собственных проповедей было важным элементом стратегии христианизации, разработанной Цезарием, то очевидно, что монастырю Св. Иоанна была отведена в этом отнюдь не пассивная роль.

Ещё один социальный аспект деятельности женской общины связан с тем, что в современной историографии принято называть феноменом *memoria*. Монастырь Святого Иоанна как «сообщество вспоминающих»²⁹ соединял в себе два взаимодополняющих вида *memoria* — архитектурную и нарративную. Именно в базилике монастыря был похоронен епископ Цезарий. Ещё при жизни он стяжал славу чудотворца, которая являлась важнейшим компонентом репрезентации епископской власти. Прежде всего, к этой славе апеллировали клирики из ближайшего окружения Цезария, стремясь после его смерти сохранить своё привилегированное положение в арелатском диоцезе. Место захоронения, таким образом, выполняло группообразующую функцию для сторонников и продолжателей дела Цезария. Аббатиса же, под чьей опекой находилась могила епископа, приобретала в данном случае особый статус, выводящий её за рамки монастырской замкнутости. Осознание собст-

²⁹ Арнаутова Ю. Е. *Мемогія: «тотальный социальный феномен и объект» исследования // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 28.*

венного статуса явно чувствуется в постановлении аббатисы о запрете хоронить других клириков в базилике монастыря:

«Поскольку посвящённое молитве место было занято могилами священников, может случиться, что однажды мы окажемся изгнанными в другое место для погребений — и это мы, которых Бог хотел собрать вместе в едином лоне во время нашей жизни и таким же образом дать единое место погребения?»³⁰

Возможно, ведущая роль принадлежит аббатисе Цезарии и в нарративной форме *memoria* о епископе. Во всяком случае, написание «Жития Цезария» связывается с просьбой рассказать о нём, обращённой аббатисой к клирикам из его ближайшего окружения (*Vita I*, 1). Хотя в этом «Житии» нет ни слова самой аббатисы о епископе, однако несомненно, что защита женского монастыря была одной из основных целей написания этого произведения.

Даже в собственных произведениях Цезарии её голос едва различим в гуле мужских голосов, звучащих в бесконечных цитатах. Характерно в этом смысле самое обширное из дошедших до нас произведений аббатисы — письмо к Рихильде³¹ и Радегунде. Оно было отправлено вместе с «Правилom» Цезария по просьбе королевы франков Радегунды, устроившей монастырь в Пуатье. Радегунда в то время вела борьбу с епископом Пуатье Маровеем и в «Правиле» Цезария её, по большому счёту, привлекло лишь положение о независимости женского монастыря от епископа³². Послание Цезарии почти полностью построено на цитатах из Библии, произведений Арелатского епископа и отцов Церкви. Примечательно, что аббатиса, которая в момент написания письма была уже в преклонном возрасте, не попыталась найти образы для реперезентации собственно женского опыта монашеской жизни. Она принимает мыслительные схемы, заданные мужчинами, и практически затушёвывает гендерную идентичность монахинь:

«С той же силой и мужественностью, как если вы были мужчинами, боритесь с вашими врагами, дабы тело ваше не было поражено, с таким же постоянством и мужественностью боритесь против дьявола, дабы он не убивал ваших душ наущениями и весьма опасными помыслами» (Epistola Caesariae 34).

³⁰ Ordonance Caesariae, 5–6 // SC. V. 345. P. 496–497.

³¹ Кто такая Рихильда, точно не известно. Возможно, она была первой настоятельницей женского монастыря в Пуатье (*Coureau J.* Op. cit. P. 450–451).

³² Григорий Турский. История франков, IX, 40–42. М., 1987.

И всё же в этом послании и в дошедших до нас отрывках произведений Цезарии есть основная тема, которая, хотя и развивается по тому же парафразно-центонному принципу, но может сказать нечто о духовности самой аббатисы. Это — сосредоточенности мысли на Писании: «помышлять день и ночь о законе Божиим», слушать «божественные чтения» как приказы короля и посвящать им «все свои помыслы», сосредоточиваться на псалмопении, не думая ни о чём другом, выучить наизусть Псалтырь и следовать Евангелию (*Epistola Caesariae* 5–7, 8–13, 39–40, 60–62), «приобретать и поддерживать похвальное горение усердным чтением» (*Dicta Caesariae* II, 1). Очевидно, прав был французский исследователь Ж. Курро, который увидел в Цезарии Младшей «монахиню одновременно простую и образованную, мудрую, обладающую глубокой духовностью, любящую слово Божие»³³.

Подведём итоги. Основной принцип в созданной Цезарием и его окружением нормативной модели женского монашества — замкнутость, полная изоляция от мира. Однако в силу того, что женский городской монастырь призван был выполнять важную функцию репрезентации епископской власти и занимал значимое место в стратегии христианизации, разработанной Цезарием, он не мог быть полностью исключён из социально-экономических и политических связей. Поэтому, вопреки духу «Правил», значение деятельности аббатисы и сестёр не ограничивалось стенами монастыря. В скриптории общины Святого Иоанна делались копии с различных книг и переписывались сборники проповедей Арелатского епископа, создававшие далеко за пределами Арелатского диоцеза его репутацию народного проповедника. Несмотря на усилия епископа устранить всякую возможность того, чтобы монахини были услышаны миром, аббатису Цезарию можно считать одной из ключевых фигур в процессе конструирования памяти о нём. Сохранившиеся произведения аббатисы свидетельствуют, что Цезария была отнюдь не заурядной женщиной, призванной стать лишь слепым инструментом в замыслах епископа и его окружения.

*Омельченко Дарья Михайловна
аспирант кафедры истории древнего мира и средних веков
Ставропольский государственный университет
E-mail: dorothy_om@mail.ru*

³³ *Coureau J. Op. cit. P. 441.*

О. И. ТОГОЕВА

ЖЕНЩИНА У ВЛАСТИ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ (О ПОНЯТИИ “VIRAGO”)¹

Ключевые слова: Средние века; гендерная история; представления о власти и ее символизация; вираго.

Аннотация: В статье исследуется понятие женщины-“virago”, востребованного в средневековой историографии образа для легитимации власти женщин в патриархатном обществе. Как показывает автор, вторгаясь в мужской мир власти, женщины со времен раннего Средневековья и до наших дней вынуждены были символически «превращаться» в мужчину.

Приступая к описанию жизни и замечательных деяний Карла Великого Эйнхард, личный секретарь Людовика Благочестивого и наставник его сына Лотаря, не упустил, кажется, ни одной скольконибудь существенной для создания образа идеального правителя детали: он не забыл ни о достойных предках императора, ни о его славных победах и завоеваниях, ни о его личных качествах. В числе последних Эйнхард упомянул и скромность своего «господина и воспитателя» в том, что касалось одежды:

«Карл носил традиционную франкскую одежду. Тело он облачал в полотняные рубаху и штаны, а сверху [одевал] отороченную шелком тунику, обернув голени тканью. На ногах его были онучи и обувь, а зимой он защищал плечи и грудь, закрыв их шкурами выдр или куниц. Поверх он набрасывал сине-зеленый плащ и всегда подпоясывался мечом, рукоять и перевязь которого были из золота или из серебра. Иногда он брал меч, украшенный драгоценными камнями, однако это случалось только во время особых торжеств или же если пребывали чужеземные послы... В остальные дни его одежда мало чем отличалась от той, что носят простые люди»².

¹ Статья подготовлена при поддержке Американского Совета Научных Сообществ в области гуманитарных наук (ACLS Humanities Program).

² Эйнхард. Жизнь Карла Великого // Историки эпохи Каролингов. М., 1999. С. 7–34. § 23 (перевод М. С. Петровой).

Как полагает Дж. Нельсон, этот пассаж из «Жизни Карла Великого» мог представлять собой творческую переработку сочинения Светония «Жизнь двенадцати цезарей» (действительно бывшего одним из источников Эйнхарда), а точнее — его четвертой главы, повествующей о Гае Калигуле³. О манере этого императора в одежде *уподобляться женщине* римский историк писал с явным презрением:

«Одежда, обувь и остальной его обычный наряд был недостойн не только римлянина и не только гражданина, но и просто мужчины и даже человека. Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны, то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли...»⁴.

Очевидно, что такая вольность была совершенно недопустима для монарха, и Эйнхард, по мнению Дж. Нельсон, обыграл этот мотив, описывая в высшей степени достойное облачение Карла Великого.

Впрочем, императора франков и императора римлян разделяли хорошие семь веков. В том же, что касается *неподобающих* правителю костюма и поведения у Эйнхарда могли найтись и более близкие по времени примеры: в частности, императрица Ирина, вдова Льва IV, регентша в 780–790 гг. при малолетнем Константине VI, а с 797 по 802 гг. — единоличная правительница Византии⁵. Насколько можно судить по дошедшим до нас византийским золотым монетам, Ирина приказывала изображать себя на них в церемониальных одеждах василевса: в императорском лоросе, со сферой в одной руке и с крестом-скипетром — в другой⁶.

³ Nelson J. Did Charlemagne have private life? (выступление на историческом факультете МГУ 21 октября 2005 г.). О писательской манере Эйнхарда: Сидоров А. И. Отзвук настоящего. Историческая мысль в эпоху каролингского возрождения. СПб., 2006. С. 71–99 (там же — литература по теме).

⁴ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. М., 1993. С. 165. Кн. 4. § 52 (перевод М. Л. Гаспарова).

⁵ Об облачении константинопольского императора как о безусловном образце для подражания у франкских королей см.: Бойцов М. А. В шурах или в пурпуре? К облику варварских королей времен «падения» Римской империи // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Отв. ред. О. В. Дмитриева. СПб., 2007. С. 46–87.

⁶ Wroth C. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. L., 1908. 2 vol. № 10, Pt XLVI; Grierson P. Catalogue of the Byzantine Coins in

Возможно, Эйнхард, ни слова не сказавший в своем труде об Ирине, в принципе не считал достойной упоминания женщину, захватившую императорский престол и отвергшую предложение Карла о браке и политическом союзе⁷. Возможно, однако, что он в принципе не видел — или не хотел видеть — в мужском одеянии императрицы ничего предосудительного. Ведь Ирина, будучи правителем Византии, и не могла выглядеть иначе. Узурпировав власть, она обязана была присвоить себе и ее символические знаки, а следовательно — до некоторой степени — *превратиться в мужчину*.

Женщины никогда не рассматривались средневековой традицией в качестве «настоящих» государей. То, что дела управления — удел мужчин, являлось устойчивым топосом того времени. Если же — в силу каких-либо причин — к ним подступала женщина, лучшей похвалой ей в устах хронистов становилось указание на то, что она осуществляет свои функции “*cum virilis audacia*”, “*viriliter*”⁸. Так, Св. Бернар, обращаясь к Мелисенде, королеве Иерусалима (1131–

the Dumbarton Oaks Collection. Washington, 1966–1973. 5 vol. T. III. Pt. 1. P. 347–351. Pt. XV; *Nelson J. L.* Women at the Court of Charlemagne: A Case of Monstrous Regiment? // *Nelson J. L.* The Frankish World, 750–900. L., 1996. P. 223–242, здесь P. 228. Описание церемониальных одеяний василевса см.: *Грабар А.* Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 31–43.

Подробнее: *Васильев А. А.* История Византийской империи. Время до Крестовых походов (до 1081 г.). СПб., 1998. С. 356–359; *Classen P.* Karl der Grosse, der Papsttum und Byzanz // *Karl der Grosse / Hrsg. Von W. Braunsfels.* Düsseldorf, 1965. Bd. 1. S. 537–608, здесь S. 558–563; *Noble T. F. X.* The Republic of St. Peter. Philadelphia, 1984. P. 165–166, 176–181. Известно, что современники Карла Великого (свидетели его коронации в качестве императора на Рождество 800 г.) полностью оправдывали этот шаг, считая престол императора *вакантным*, т.е. не принимая в расчет «женское управление» Византией: “Et quia iam tunc cessabat a parte Graecorum nomen imperatoris, et *femineum imperium apud se abebant*, tunc visum est et ipso apostolico Leoni et universis sanctis patribus qui in ipso concilio aderant, seu reliquo christiano populo, ut ipsum Carolum regem Franchorum imperatorem nominare debuissent” (*Annales Laureshamenses / Hrsg. Von H. G. Pertz // MGH SS. Bd. 1.* Berlin, 1826. S. 19–39, здесь S. 38. § XXXIII, здесь и далее курсив мой — *О.Т.*).

⁸ *Hemptienne Th. de.* Women as Mediators between the Powers of Comitatus and Sacerdotium. Two Countesses of Flanders in the 11th and 12th centuries // *The Propagation of Power in the Medieval West / Ed. by M. Gosman, A. Vanderjagt, J. Veenstra.* Groningen, 1997. P. 287–299, здесь P. 287.

1153), писал: «Хотя вы и женщина, вы должны действовать как мужчина»⁹, а Кристина Пизанская призывала Изабеллу Баварскую, супругу и соправительницу Карла VI, «стать правителем и избавителем королевства от обрушившихся на него невзгод»¹⁰.

Женщина могла управлять и, в частности, управлять государством «по-мужски» хорошо или «по-женски» плохо. Именно так представлял себе дело анонимный автор «Лоршских анналов», писавший о правлении императрицы Ирины как о «женской империи» (*femineum imperium*)¹¹. Напротив, манера управления Феофано, регентши при малолетнем Оттоне III (980–1002), была названа Титмаром Мерзебургским «мужской», несмотря на «слабый пол» героини¹². Точно так же в заслугу Бланке Кастильской ставился решительный мужской характер: то, что «она укрепила сердце мужской отвагой и правила мудро, властно и справедливо»¹³. Правление Анны Французской (старшей дочери Людовика XI и Шарлотты Савойской), бывшей регентшей при малолетнем брате, Карле VIII, позволило современникам называть ее «королем Франции» и «наименее глупой» среди французских женщин¹⁴. «Больше, чем мужчиной» считал Елизавету I Тюдор верный ей Роберт Сесил, а ее воспитатель Роджер Эшам писал, что «ее ум лишен женской слабости»¹⁵.

Образ женщины-правительницы знаком нам и по литературным источникам, причем не только средневековым. Так, Тацит

⁹ Цит. по: *Honeycutt L. Female Succession and the Language of Power in the Writings of 12th — century Churchmen // Medieval Queenship / Ed. J. C. Parsons. N.-Y., 1993. P. 189–201, здесь P. 199.*

¹⁰ «Tres redoubtée dame, ne vous soit doncques merveille se à vous, qui au dit et oppinion de tous povez estre la medicine et *souverain remede de la garison de ce royaume* à present playé et navré piteusement et en peril de piz» (*Pizan C. de. Epistre à la reine / Ed. A. Kennedy // Revue des langues romanes. 1988. T. 92. № 2. P. 253–264, здесь P. 254.*)

¹¹ См. прим. 7.

¹² «Наес, *quamvis sexu fragilis*, modestae tamen fiduciae et, quod in Grecia rarum est, egregiae conversationis fuit regnumque filii eius custodia *servabat virili*, demulcens in omnibus pios terrenisque ac superans erectos» (*Thietmar von Merseburg. Chronik / Neu ubertragen und erlautert von W. Trillmich. Darmstadt, 1992. IV, 10. S. 124–126.*)

¹³ *Ле Гофф Ж. Людовик IX Святой. М., 2001. С. 537.*

¹⁴ *Varenes J.-C. Anne de Bourbon, roi de France. P., 1979.*

¹⁵ *Дмитриева О. В. Елизавета Тюдор. М., 2004. С. 41, 287.*

упоминал о легендарной британской королеве Боудикке, поднявшей в 61 г. восстание против римского господства, по поводу чего — как кажется, с легкой издевкой — замечал: «У бриттов воевать под командованием женщины — обычное дело»¹⁶. Героиня «Песни о Нибелунгах» Брюнхильда, вызвавшая любовь Гунтера, имела репутацию не только красавицы, но и истинного воина¹⁷. Не менее примечателен и образ Камиллы — *rex femineus Vulcane* — которую анонимный автор «Энея» описывал как «короля при свете дня»¹⁸, и которая погибала в сражении, как подобает рыцарю¹⁹.

Управление могло стать делом женщины не только в масштабах государства, но и, к примеру, в масштабах одного монастыря. И тем не менее, ее деятельность на этом посту оценивалась окружающими с тех же самых позиций. Так, о правлении Сюзанны Реймской, современницы Св. Ремигия, во вверенном ей аббатстве Флодоард писал как о «мужском», а следовательно, как о чрезвычайно удачном²⁰. Близким к управлению монастырем оказывалось, как представляется, и исполнение сугубо мужских функций проповедника, которые иногда — правда, очень редко — принимала на себя та или иная выдающаяся женщина. Свидетельством тому служила история Марии Магдалины (XI в.), проповедовавшей, но затем вынужденной (в силу именно гендерного несоответствия) передать де-

¹⁶ “Boudicca curru filias prae se vehens, ut quamque nationem accesserat, solitum quidem Britannis *feminarum ductu bellare tastabatus*” (*Cornelii Taciti libri qui supersunt* / Quartum recognovit C. Holm. Lipsiae, MCMV. T. 1: Libros ab excessu divi Augusti continens. S. 301. XIV, 35).

¹⁷ «Царица королева на острове морском, / Была она прекрасна и телом, и лицом, / Но женщины сильнее не видел мир досель. / Она могла, метнув копье, насквозь пробить им цель» (Песнь о Нибелунгах // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. С. 396, перевод Ю. Корнеева).

¹⁸ “Lo jor ert rois, la nuit raïne” (*Enéas: Roman du XIIe siècle* / Ed. par J.-J. Salverda de Grave. P., 1925. V. 3977).

¹⁹ О женщинах-правителях, имевших, скорее, легендарное происхождение, подробнее см.: *Portmann M.-L. Die Darstellung der Frau in der Geschichtsschreibung des fruheren Mittelalters*. Basel, 1958. S. 10–24; *Kellermann-Haaf P. Frau und Politik im Mittelalter. Untersuchungen zur politischen Rolle der Frau in den hölischen Romanen des 12., 13. und 14. Jahrhunderts*. Göppingen, 1986. S. 297–306.

²⁰ “Quae sub tutela beati Remigii puellari praerat congregationi, *femina virilis animi, virago profundi consilii, consiliatrix altioris ingenii*” (*Flodoardi. Historiae Remensis Ecclesiae Libri quatuor* // PL. T. 135. Col. 23–328, здесь Col. 85).

ло в руки своего брата Лазаря «для достойного исполнения»²¹. Другой проповедницей, взявшей на себя заведомо мужской труд, была сестра Марии Магдалины, Св. Марта²², с проповедью которой «мало кто уходил неверующим»²³, поскольку в ее «женском теле жил поистине мужской дух»²⁴. Сюда же можно отнести Кунихильду, тетку Св. Луллия, епископа Майенса (VIII в.), «с мужской душой и доблестью» пришедшую ему на помощь в деле евангелизации²⁵.

Достойное поведение во время паломничества в Святую землю, расценивавшегося современниками, скорее, как мужское, нежели как женское дело, также могло принести женщинам, рискнувшим отправиться в Рим или в Иерусалим, славу «настоящих мужчин». Так описывал своих попутчиц Феликс Фабри, немецкий монах, совершивший два путешествия в Иерусалим между 1480 и 1483 гг. Он писал, что «пожилые дамы» держались в пути «лучше, чем мужчины и доблестнее, чем рыцари», и что «они сделаны из железа и сильнее всех нас, рыцарей»²⁶.

Уделом женщин порой оказывалось и участие в войнах или в вооруженных конфликтах, по определению не предусматривавшее

²¹ “Ad peragendum illus operum idoneus” (Sermo de Sancta Maria Magdalena / Ed. B. de Gaiffier // *Analecta Bollandiana*. 1951. Т. 69. Р. 131–147, здесь Р. 146).

²² Истории о ней были особенно популярны в южных областях Франции в XII в.: Nelson J. L. *Women and the World in the Earlier Middle Ages* // Nelson J. L. *The Frankish World*. Р. 199–221, здесь Р. 219–220.

²³ “Vix, vel nunquam, inveniebatur aliquis, qui ab earum praedicatione incredulus recederet, vel sine fletu” (*Beati Rabani Mauri De vita Beatae Mariae Magdalena et sororis ejus Sanctae Marthae* // PL. Т. 112. Col. 1431–1508, здесь Col. 1496).

²⁴ “Quibus illa non insolenter abusa, sed in “femineo” pectore “virilem” gerens “animum”, liberaliter est usa” (Ibidem. Col. 1433).

²⁵ “Inter has erat et matertera beati Lulli virilis admodum animi et masculae virtutis femina, nomine Cunihilt cum filia sua, quae, excepto virginitatis privilegio, scientia quoque et morum gravitate matrem oequabat” (*Lambert d’Hersfeld. Vita Lulli* // MGH, SS. Т. 15. L. I. S. 136).

²⁶ “Sed in his omnibus comperegrinae et sociae nostrae annosae vetulae antecederant nos, praeripientes loca militum, et nec gemebant, nec conuerebantur de labore, sed fortiores viris et militibus adaciores primae in acie procedebant... istae autem sunt ferreae, cunctis militibus fortiores” (цит. по: Craig L. A. “Stronger Than Men and Braver Than Knights”: Women and the Pilgrimages to Jerusalem and Rome in the Later Middle Ages // *Journal of Medieval History*. 2003. № 29. Р. 153–175, здесь Р. 174).

активного вмешательства лучшей половины человечества. И снова в ход шли излюбленные топосы. «Устрашающее зрелище» представляла собой одетая в доспехи Гаита (Сигельгаита), супруга Роберта Гвискара, герцога Апулии, Калабрии и Сицилии, наравне с ним участвовавшая в военных операциях²⁷. «Вооруженной как рыцарь», «подобной деве Камилле» выглядела в своих доспехах во главе войска собственного мужа Изабель де Конш в описании Ордерика Виталия²⁸. «Одетая с ног до головы как мужчина» сражалась на полях Столетней войны Жанна д'Арк²⁹.

Как представляется, требования, которые предъявляли современники к таким женщинам, заставляли последних *сознательно* подстраиваться под заданные рамки. «Мужское» дело обуславливало соответствующее поведение, использование подобающих случаю — прежде всего внешних, легко считываемых — знаков нового общественного положения. Каковы же были эти знаки?

Прежде всего таким знаком становился *мужской костюм* той или иной достигшей власти женщины. Нам хорошо известно, сколь важную роль играла в средневековом обществе одежда человека, сколь точным отражением занимаемого им положения она всегда считалась. Любое изменение могло привести к окончательной или временной утрате социального или общественного статуса, и это касалось всех членов общества: как преступников, так и королей³⁰.

²⁷ «Отправившись в путь, Роберт прибывает в Гидруит и проводит там несколько дней в ожидании своей жены Гаиты, ибо и она обычно воевала вместе с мужем и в доспехах представляла собой устрашающее зрелище» (*Анна Комнина*. Алексиада. М., 1965. С. 85, перевод Я. Н. Любарского).

²⁸ “In expeditione inter milites, ut miles equitabat armata, et loricatis equitibus ac spiculatis satellitibus non minori praestabat audacia, quam decus Italiae Turni manipularibus virgo Camilla” (*Orderici Vitalis. Historiae ecclesiasticae* / Ed. par A. Le Prevost. P., 1845. Т. 3. P. 345).

²⁹ “Virili veste corpore et capite per omnia amictam, armis equisque munitam” (*Basin T. Histoire de Charles VII* / Ed. par Ch. Samaran. P., 1964. Т. 1. P. 134).

³⁰ О средневековой традиции раздевания или переодевания людей, преступивших закон, в момент их наказания см.: *Тогоева О. И.* «Истинная правда». Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 26–31, 282–298; *Мёглен Ж.-М.* «С веревкой на шее, с розгами в руках». Ритуал публичного покаяния в средневековой Европе // *Казус. Индивидуальное и уникальное в истории* — 2006 / Под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. Вып. 8. М., 2007. С. 120–154.

Эти последние, как кажется, во все времена любили игры в переодевание, подразумевавшие временное, реальное или символическое, сложение с себя полномочий. Иногда подобные «игры» имели весьма серьезные последствия. Ирландский король Лугайд, названный собственным шутом перед сражением «несомненно обреченным на смерть», поменялся с ним одеждой и тем самым спас свою жизнь³¹. Андроник I Комнин (1122–1185) в момент волнений плебса, избравшего новым императором Исаака Ангела, сбросил с себя пурпурные императорские одеяния, облачился в одежду «варвара», сел на галеру и отбыл в Милудий, где находилась его жена Агнесса (Анна)³². Французский дофин Карл, якобы поменявшийся костюмом с кем-то из своих придворных, не только смог убедиться в избранности явившейся к нему в Шинон Жанны д'Арк³³, но и породил неутраченные по сей день историографические споры об обстоятельствах этой встречи³⁴.

³¹ Михайлова Т. А. Осмысление и обозначение «судьбы» в древнеирландской мифопоэтической традиции // Мифологема женщины-судьбы у древних кельтов и германцев / Отв. ред. Т. А. Михайлова. М., 2005. С. 24–49, здесь С. 44.

³² «Когда же чернь разломала ворота, называемые Карейскими, и ворвалась во дворец, Андроник обращается в бегство. Сняв с ног пурпуровые сапоги и, как сумасшедший, сбросив с шеи крест, эту давнюю свою охрану, он надевает на голову варварскую шапку, которая, оканчиваясь острием, похожа на пирамиду, и снова вступает на царскую трибуру, на которой приехал в большой дворец из дворца Милудийского» (*Никита Хониат*. История со времен царствования Иоанна Комнина. Рязань, 2003. С. 354).

³³ По сообщению секретаря Ларошельской мэрии: “Et quand elle fut arrivée au dit lieu de Chinon ou le roy estoit, comme dit est, elle demanda parler a luy. Et lors on luy monstra Monsr Charles de Bourbon, feignant que ce fust le Roy; mais elle dit tantost que ce n'estoit pas le Roy, qu'elle le cognestroit bien si elle le voioit, combien que oncques ne l'eust veu. Et apres on luy fit venir un escuier, feignant que c'estoit le Roy; mais elle cognut bien que ce n'estoit-il pas; et tantost après le Roy saillit d'une chambre, et tantost qu'elle le vit, elle dit que c'estoit il et luy dit qu'elle estoit venue a luy de par le Roy du Ciel, et qu'elle vouloit parler a luy” (*Quicherat J.* Une relation inédite sur Jeanne d'Arc // *Revue historique*. 1877. № 4. P. 327–344, здесь P. 335–336).

³⁴ Райцес В. И. «Свидание в Шиноне»: Опыт реконструкции // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории — 2003 / Под ред. М. А. Бойцова и И. Н. Данилевского. М., 2003. С. 42–59; Тогоева О. И. Событие и его интерпретации: «свидание в Шиноне» // Диалог со временем. Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 467–494.

Однако то, что для некоторых мужчин оказывалось минутной слабостью или прихотью, для женщин часто становилось определенной «программой действий». Уже правительница Египта Хатшепсут (1504–1482 гг. до н.э.) являлась перед своими подданными в мужском обличье. Ее статуи в храме Дейр-эль-Бахари, по мнению специалистов-искусствоведов, выполнены в виде «традиционной фигуры фараона»: в соответствующей одежде, с привязанной к подбородку бородой, в мужском парике и головном уборе хат с уреем³⁵. Точно так же в истории фракийской девушки Гиппархии, рассказанной Диогеном, особый упор делался на то обстоятельство, что, добившись от своих родных согласия на брак с бродячим философом-киником Кратетом, она надела мужское платье (в каком обычно ходили эти философы) и отправилась с ним странствовать и проповедовать (что, как уже говорилось, также являлось преимущественно мужским делом)³⁶. В императорском одеянии желала видеть себя запечатленной на золотых солидах упоминавшаяся выше Ирина, а также Лициния Евдоксия (437–455), дочь Феодосия II и супруга Валентиниана III. Среди инсигний, присвоенных ими, следует особо отметить крест-скипетр, символизировавший воинскую мощь василевса, его способность всегда одерживать победу над врагами — прежде всего, над неверными³⁷.

Интересно, что точно такой же крест-скипетр мы обнаруживаем в руках Христа, попирающего тварей (василиска, аспид, льва, дракона, змею) в типе *Christus militans*. Этот образ, по мнению специалистов, появился в Византии, а затем в империи Каролингов под непосредственным влиянием римской императорской иконографии³⁸. Не удивительно, что на единственном дошедшем до нас изображении *Virgo Militans* Дева Мария также представлена с крест-

³⁵ Померанцева Н. А. Искусство Древнего Египта // Малая история искусств. Искусство Древнего Востока / Под общ. ред. И. С. Кацнельсона. М., 1976. С. 199–342, здесь С. 286–287.

³⁶ Свенцицкая И. С. Греческая женщина античной эпохи: Путь к независимости // Человек в кругу семьи. Очерки по истории частной жизни в Европе до начала Нового времени / Под ред. Ю. Л. Бессмертного. М., 1996. С. 74–102, здесь С. 88.

³⁷ Грабар А. Указ. соч. С. 32–33, 51–58.

³⁸ Там же. С. 242–243; Lewis S. A Byzantine “*Virgo Militans*” at Charlemagne Court // *Viator*. 1980. № 11. P. 71–110, здесь P. 81–91.

стом-скипетром и в облачении римского генерала³⁹. Как полагает американская исследовательница Сюзан Льюис, прообразом Богородицы как *imitatio Christi*, а точнее, *imitatio imperatorum* стали здесь как раз изображения императрицы Ирины, узурпировавшей власть правителя-мужчины⁴⁰. И основным знаком этой *присвоенной* власти являлось торжественное облачение василевса.

Не менее красноречивым оказывалось и использование мужских доспехов, в которых постоянно фигурировали легендарные и вполне реальные героини прошлого, принявшие на себя несвойственные им функции полководцев. Художники и поэты не могли представить себе богиню Афины без ее знаменитых шлема, щита и копья. Они всегда изображали предводительниц амазонок Гипсикратею и Пентесилею верхом на конях и в доспехах, а Брюнхиль-

³⁹ По мнению некоторых исследователей, образ *Virgo Militans* не прижился на средневековом Западе: *Philippart G. Le récit miraculaire marial dans l'Occident médiéval // Marie. Le culte de la Vierge dans la société médiévale / Etudes réunies par D.Iogna-Prat, E.Palazzo, D.Russo. P., 1996. P. 563–590, здесь P. 569–570. Противоположное мнение высказывал Клаус Шрайнер: Schreiner K. Maria. Jungfrau, Mutter, Herrscherin. Wien, 1994. S. 374–381.*

⁴⁰ *Lewis S. Op. cit. P. 79, 85–86.* Впрочем, речь здесь могла идти и не об узурпации власти, а об образе, восходящему к апокрифическому «Евангелию от Фомы», в котором Мария уподоблялась мужчине и в этом новом качестве могла рассчитывать на вечное спасение: «Симон Петр сказал им: Пусть Мария уйдет от нас, ибо женщины недостойны жизни. Иисус сказал: Смотрите, я направлю ее, дабы сделать ее мужчиной, чтобы она также стала духом живым, подобным вам, мужчинам. Ибо всякая женщина, которая станет мужчиной, войдет в царствие небесное» (Евангелие от Фомы // Апокрифы древних христиан. Исследования, тексты, комментарии / Пер., комм., прим. И. С. Свенцицкой, М. К. Трофимовой. М., 1989. С. 262). Этот образ Богородицы-мужчины, по мнению Эвелин Патлажан, был хорошо известен средневековой культуре: *Patlagean E. L'histoire de la femme déguisée en moine et l'évolution de la sainteté féminine en Byzance // Studi medievali. 1976. Ser. 3. V. 17. Fasc. II. P. 597–623, здесь P. 607.* Возможно, именно под его влиянием в «Разъяснении семи видений из книги Апокалипсиса», приписываемом Амвросию Медиоланскому, встречаются такие строки: «Та же женщина, которая силой души побеждает дьявола, а также своими добрыми делами стремится стать любезной Богу, справедливо именуется мужем (*non incongrue vir vocatur*). Ибо, хотя телом она и женщина, силой души (*virtus*) равняется благим мужам» (*Expositio super septem visiones libri Apocalypsis // PL. T. 17. Col. 765–970, здесь Col. 877*).

ду — с ее великолепным оружием⁴¹. На этом фоне переодевание Жанны д'Арк в мужское платье, в подробностях описанное большинством лично знавших ее современников⁴², выглядит совершенно логично и сводит на нет споры, по сей день кипящие в историографии относительно «тайного смысла» подобного поступка⁴³. Становится понятно также, почему Елизавета Тюдор, явившаяся 8 августа 1588 г. в форт Тилбери подбодрить свои войска перед возможным нападением испанцев, восседала на боевом коне, сжимала в руках маршалский жезл и была облачена в доспехи⁴⁴. Вполне естественно выглядит и переодевание Екатерины II в гвардейский мундир в решающий момент переворота 28 июня 1762 г.:

«В сем новом наряде она села верхом у крыльца своего дома и вместе с княгиней Дашковой, также на лошади и в гвардейском мундире, объехала кругом площадь, объявляла войскам, как будто хочет быть их генералом»⁴⁵.

Помимо мужского платья Екатерина присвоила себе еще один атрибут своей новой власти — Андреевскую ленту, полагавшуюся только императору:

«Вскоре я заметила, что на ней была лента ордена Св. Екатерины и что она еще не надела голубой андреевской

⁴¹ «Хоть щит ее широкий из золота и стали / Четыре сильных мужа с наугой поднимали / И был он посредине в три пяди толщиной, / Справлялась с ним играючи она рукой одной» (Песнь о Нибелунгах. С. 408).

⁴² См., например: “Et petiit sibi idem testis iterato si cum suis vestibus vellet ire; que respondit quod *libenter haberet vestes hominis*. Et tunc idem testis de famulis suis tradidit sibi vestes et calceamenta, ad induendum; et hoc facto, habitatores dicte ville Vallis Colore fecerunt sibi fieri vestes hominis et calceamenta, ocreas et sibi necessaria...” (Procès en nullité de la condamnation de Jeanne d'Arc / Ed. P. Duparc. T. 1. P., 1977. P. 290). Подробнее о мужском костюме Жанны д'Арк см.: *Hartmand A. Jeanne d'Arc. Ses costumes, son armure. Essai de reconstitution*. P., 1929.

⁴³ *Райцес В. И.* Жанна д'Арк. Факты, легенды, гипотезы. Л., 1982. С. 93–105; *Крылов П. В.* Мужской костюм Жанны д'Арк: неслыханная дерзость или вынужденный шаг? // *Одиссей. Человек в истории — 2000. История в сослагательном наклонении?* М., 2000. С. 186–193; *Тогоева О. И.* Мужской костюм Жанны д'Арк и его возможные символические смыслы // *Historia animata. Сборник статей памяти О. И. Варьяш*. М., 2004. С. 156–168.

⁴⁴ *Дмитриева О. В.* Указ. соч. С. 174–175.

⁴⁵ *Рюльер К.-К.* История и анекдоты революции в России в 1762 г. // *Россия XVIII в. глазами иностранцев*. Л., 1989. С. 296 (курсив мой — *О.Т.*).

ленты. Подбежав к графу Панину, я попросила его снять свою ленту и надела ее на плечо императрицы»⁴⁶.

Не менее важными, чем костюм, оказывались для восприятия женщины как истинного правителя и некоторые *инсигнии*, присваиваемые ею. Выше уже упоминались крест-скипетр императриц Лицинии Евдоксии и Ирины, идентичный скипетр Девы Марии на костяной дощечке из Ахена. Сюда же относились меч и знамя Жанны д'Арк⁴⁷, маршалский жезл Елизаветы I и Андреевская лента Екатерины II. Следует упомянуть и такой важный, с символической точки зрения, знак как наличие у правительницы *белого коня* — верного признака императорской, папской или королевской власти⁴⁸. Из «Хроники» Феофана нам, к примеру, известно, что на Пасху 799 г., разоблачив направленный против нее заговор и приказав ослепить его организаторов, императрица Ирина продемонстрировала свою силу, появившись на публике в золотой колеснице, запряженной четверкой белых коней⁴⁹. Белый конь якобы служил отличительным знаком и Жанны д'Арк: согласно некоторым авторам, верхом на нем она совершила торжественный въезд в осажденный англичанами Орлеан, а затем освободила город⁵⁰. Елизавета Тюдор, как кажется, вообще садилась только на белых коней. Так было в ноябре 1558 г. во время ее торжественного въезда в

⁴⁶ Дашкова Е. Записки 1743–1810 / Подготовка текста. Статья и комментарии Г. Н. Моисеевой. Л., 1985. С. 43–44.

⁴⁷ См. о них: Тогоева О. И. Карл VII и Жанна д'Арк. Утрата девственности как утрата власти // Поблекшее сияние власти. Материалы круглого стола / Отв. ред. М. А. Бойцов. М., 2006. С. 52–83; Она же. «Портрет» Жанны д'Арк на полях журнала Клемана де Фокамберга // Пространство рукописи. От формы внешней к форме внутренней / Под ред. И. Н. Данилевского, О. И. Тогоевой. М., 2009 (в печати).

⁴⁸ Подробнее см.: Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М., 2009.

⁴⁹ «Во второй день святой пасхи царица возвращалась из храма святых апостолов на златой колеснице, ведомой четырьмя белыми конями, которых вели четыре патриция» (Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта // Феофан Византиец. Летопись от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005. § 346 (перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского).

⁵⁰ «La Pucelle fait porter son estandart, au soir, à torches devant elle, armée et montée sur un gros cheval blanc» (Le Mystère du siège d'Orléans / Ed. critique de V. L. Hamblin. Genève, 2002. P. 481).

Лондон (в качестве только что вступившей в свои права наследницы престола); в январе 1559 г. во время коронации, а также во время знаменитого визита в Тилбери в августе 1588 г.⁵¹

Однако кроме внешних знаков присвоенной власти — знаков, *визуально* превращающих их обладательницу в мужчину-правителя, существовала еще такая важная область как официальная *титулатура*, дававшая женщине возможность не только *казаться*, но и *называться* мужчиной.

Одним из наиболее ранних примеров может в данном случае служить история некоей Аристодамы (конец III в. до н.э.), поэтессы родом из Смирны, переехавшей жить в г. Ламию в Этолии. Она так успешно прославляла в своих стихах новую родину и ее жителей, что ламийцы даровали ей в конце концов почести, специально предназначавшиеся для жителей других городов. Аристодама получила гражданские права, право на владение недвижимостью и стала именоваться эвергетом (благодетелем) и проксеном (лицом, представлявшим интересы Ламии в своем родном городе). Оба эти звания в греческом языке существовали только в мужском роде, ибо предназначались только для мужчин⁵². Точно так же императрица Ирина использовала в отношении себя титул «василевс», «император» и «верный император» (а не «василисса», «императрица»)⁵³. Анна Французская считалась «королем», а не «регентшей» Франции. «Королем и королевой одновременно», «леди-сувереном» и даже «великим касиком севера» называли Елизавету Тюдор ее современники⁵⁴. А Жанна д'Арк, заняв место во главе королевских войск, обрела статус «военачальника», «капитана» и «доблестного воина»⁵⁵, т.е. также именовалась в мужском роде.

⁵¹ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 59, 61, 174.

⁵² Свенцицкая И. С. Указ. соч. С. 89.

⁵³ Васильев А. А. Указ. соч. С. 317; Nelson J. L. Women at the Court of Charlemagne. P. 228; Bensammar E. La titulaire de l'imperatrice et sa signification // Byzantion. 1976. Т. 46. P. 243–291.

⁵⁴ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 95, 129, 178–179.

⁵⁵ “Voicy ung vaillant champion et capitaine pour recupérer le royaume de France!” (Le doyen de St.-Thibaud de Metz // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation de Jeanne d'Arc, dite la Pucelle. P., 1841–1849. 5 vol. T. IV.

Здесь же, возможно, следует сказать и о сознательном соотношении женщин-правительниц с их предшественниками-мужчинами. Так, уже упоминавшаяся выше царица Хатшепсут, приказав украсить свой заупокойный храм изображением своей беременной матери Яхмос, подчеркивала таким образом принцип божественной теогамии (зачатия будущего фараона от бога Амона), имевший в ее случае место точно так же, как у всех ее предшественников-мужчин на египетском троне⁵⁶. Как кажется, на попытку репрезентировать себя как мужчину может указывать и мозаика, заказанная Галлой Плацидией (388–450) для абсиды базилики Иоанна Евангелиста в Равенне и представлявшая собой некую галерею римских императоров. Галла, носившая титул «августа» с 421 г. до самой смерти в 450 г. была соправительницей своего супруга Флавия Констанция и брата Гонория, а также регентшей при Валентиниане III и вполне могла ассоциировать собственное правление с «мужским» правлением своих предшественников⁵⁷. Сравнением себя с предшественниками-мужчинами на английском троне (прежде всего со своим отцом Генрихом VIII) занималась и Елизавета Тюдор: ведь именно она возобновила прерванную было традицию врачевания золотушных, на успешный исход которого до нее претендовать могли, кажется, только короли⁵⁸. Точно так же в «Записках» княгини Дашковой выбор Екатериной II мундира Преображенского полка в момент захвата власти был интерпретирован как сознательная апелляция к памяти о ее великом «предке» — Петре I:

«Замечу, кстати, что то был прежний мундир преображенцев, который они носили со времен Петра I вплоть до царствования Петра III, заменившего его мундиром прусского образца»⁵⁹.

Однако, наибольший интерес представляют, безусловно, не столько «частные» самоназвания женщин, присвоивших власть

P. 327); “Elle estoit *cappitaine et chief de guerre*” (Le greffier de la Chambre des Comptes de Brabant // Ibidem. P. 427); “Et de nos genz preux et habiles / *Principale chevetaine*” (Christine de Pizan. Ditié de Jeanne d’Arc / Ed. by A. J. Kennedy, K. Varty. Oxford, 1977. V. 285–286).

⁵⁶ Вардиман Е. Женщина в древнем мире / Отв. ред. А. А. Вигасин. М., 1990. С. 225–226; Померанцева Н. А. Указ. соч. С. 281, 284.

⁵⁷ Подробное описание мозаики см.: Грабар А. Указ. соч. С. 48.

⁵⁸ Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 180–181.

⁵⁹ Дашкова Е. Р. Указ. соч. С. 44.

мужчин, сколько их *общее именование*, принятое в средневековых текстах. Известно, что мотив переодевания женщины или девушки в мужское платье/доспехи был весьма распространен в художественной и агиографической литературе того времени⁶⁰. Однако у него имелось две составляющих. С одной стороны, переодевание в мужскую одежду защищало женщину от посягательств со стороны мужчин, позволяло ей сохранить невинность и статус “*virgo*” — девственницы, посвятившей себя (и свою девственность) Богу. Агиографическая литература особенно охотно использовала этот мотив, всячески развивая тему постоянной угрозы дефлорации святых дев и их более или менее успешных попыток эту угрозу отвести. Однако отличительной чертой всех этих попыток являлось *состояние тайны*, в котором они осуществлялись: бегущие из дома от ненавистных женихов; встречающие на своем пути разбойников и готовые скорее умереть, нежели отдаться им; поступающие в мужские монастыри и там — все как одна — попадающие под обвинения в изнасиловании себе подобных и в отцовстве, эти девушки никогда не признавались в том, что являются особами женского пола. Даже грозящее им наказание (вплоть до смертной казни) не могло заставить их открыть свое истинное лицо. Это происходило лишь в конце жизни в присутствии весьма ограниченного круга лиц, либо правда становилась известной уже после смерти той или иной страдальницы посредством ее прощального письма или последней исповеди⁶¹.

Разница между агиографической моделью поведения, предполагавшей *сокрытие* тела, а вместе с ним и собственной половой идентичности, и властной моделью поведения представляется мне огромной. Женщина, узурпировавшая власть и присвоившая себе

⁶⁰ См. об этом: *Тогоева О. И.* Карл VII и Жанна д’Арк.

⁶¹ Исключение, возможно, представляла собой византийская святая Онисима, пребывавшая сначала в женском монастыре, а затем бежавшая оттуда и возглавившая общину из 400 отшельников-«восков» (пасущихся). В нарушение 13-го канона Гангрского собора (340-е гг.) Онисима носила мужскую одежду, однако пустыnnики знали, что их настоятель «по природе не мужчина, а женщина». См. подробнее: *Иванов С.А.* Блаженные похабы. Культурная история юродства. М., 2005. С. 67; *Anson J.* The Female Transvestism in Early Monasticism: the Origin and Development of a Motif // *Viator*. 1974. Т. 5. P. 1–33. Сюда же, вероятно, следует отнести и юродивую Ксению Петербургскую, ходившую в мужской одежде, но также никогда не скрывавшую своего пола: *Иванов С. А.* Указ. соч. С. 322.

ее знаки, *не скрывала* своего подлинного «Я», выставляя на всеобщее обозрение сам факт узурпации. Окружающие прекрасно понимали, что перед ними — женщина, и она не делала из этого тайны. Она открыто присваивала себе атрибуты власти мужчины, символически *становилась* им. И в этом смысле декларируемая ею порой девственность оказывалась таким же символом мужской по сути власти, как и костюм, титул и инсигнии. Таковы были «дева-воин» Камилла, Орлеанская Дева и Елизавета I, говорившая о себе, что ей будет достаточно, если на ее «мраморном надгробии будет написано, что королева... жила и умерла девственницей»⁶². Отсутствие детей, отказ от материнства представлял собой принижение женской сущности, переход к некоей андрогинности⁶³. Утрата же этой девственности (вымышленная в случае Жанны д'Арк или официально отрицаемая в случае Елизаветы I) вела к утрате власти, мужской по своему характеру⁶⁴.

Таким образом возникал совершенно иной тип женщины, нежели “*virgo*”, девственница. Это была “*virago*”, *женщина-мужчина*. Данное понятие, заимствованное из восточной литературы, прекрасно, насколько можно судить, прижилось на западноевропейской почве⁶⁵. Уже в меровингскую эпоху писатели-мужчины создали из “*virago*” идеальный образ женщины. Именно так называли Св. Хротильду, Св. Женевьеву, Св. Гертруду и Св. Радегунду⁶⁶. Позднее идея о мужском духе в теле женщины обыгрывалась в «Житие Св. Риктруды» (X в.)⁶⁷. «Святой *virago*» именовались Ма-

⁶² Дмитриева О. В. Указ. соч. С. 74–76.

⁶³ Подробнее см.: Toubert P. Op. cit. P. 258–259; Corbet P. Les saints Ottoniens. Sainteté dynastique, sainteté royale et sainteté féminine autour de l'an Mil. Sigmaringen, 1986. P. 108–110.

⁶⁴ Близкой по смыслу оказывается и история с обвинением Бланки Кастильской в развратном образе жизни и беременности. Дабы отвести от себя беспочвенные подозрения, королева, по сообщению Реймского Менестреля, якобы вынуждена была раздеться прилюдно: *Ле Гофф Ж.* Указ. соч. С. 84–85.

⁶⁵ Thomasset C. Le corps féminin ou le regard empêché // *Micrologus. Natura, scienze e società medievali*. 1993. № 1: I discorsi dei corpi. P. 99–114, здесь P. 112.

⁶⁶ Portmann M.-L. Op. cit. S. 37–48.

⁶⁷ “*Virilis tamen quod ei inerat animi robur muliebrem superavit affectum, nec passa est sibi dominari luctum mortis filiae, vel esse ibi locum tristitiae, ubi natalis celebratur vitae*” (*Hucbaldus Sancti Amandi. Vita Sancti Rictrudis Batissae Marcianensis* // PL. T. 132. Col. 827–848C, здесь Col. 839–840).

рия Магдалина и ее сестра Марта, которые вели такую «активную жизнь» (*vita activa*), что и не снилась переодетым монахам девицам, смыслом всей своей жизни почитавшим сохранение пресловутой девственности⁶⁸. О Бланке Кастильской современники писали как об «отличной *virago*», которая «хотя душой и телом была женщиной, имела сердце мужчины»⁶⁹.

Развернутое объяснение данного понятия дал Ратхер Веронский (890–974) в своем “*Preloquia*”:

«Virago, т.е. мужественной, женщина была названа впервые, чтобы мужественно сражаться против грехов и быть послушной словам Господа. Мужчина в душе, но женщина во плоти, постарайся совладать со своими греховными желаниями, используя силу своего мужества»⁷⁰.

Такая активная жизненная позиция женщины-“*virago*” пугала некоторых средневековых писателей-мужчин. Так, например, автор «Книги дружеских бесед об интимных отношениях любовников», принявший ислам еврей-конверс ас-Самуо аль ибн Яхья (ум. 1180), предупреждал своих читателей:

«Существует определенная категория женщин, которые превосходят прочих в уме и тонкости обращения. В их природе много мужских черт, как, впрочем, и в их движениях, в звуке их голоса. Они вообще немного похожи на мужчин и также любят занимать активную позицию в жизни. Подобная женщина способна одолеть мужчину, если он ей это позволит... Искать таких женщин следует среди знатных, умеющих писать и читать, образованных особ»⁷¹.

Примером столь опасной, с точки зрения средневековых авторов, особы могла служить супруга Эдуарда II Изабелла Француз-

⁶⁸ De vita Beatae Mariae Magdalenaе. Col. 1431, 1489, 1497, 1501.

⁶⁹ Ле Гофф Ж. Указ. соч. С. 536.

⁷⁰ “*Virago enim, id est fortis, mulier vocata est in principio, ut et fortem te contra vitia et flexibilem in subiectione Domini praeceptorum esse debere memineras omnino. Vir itaque mente, mulier carne, insurgentes et tu adversus spiritum, insanos vitiorum voluptatumque tumultus forti mentis vigore stude devincere*” (*Ratherius Veronensis Episcopus. Preloquium libri sex // PL. T. 136. Col. 145–344C, здесь Col. 191A*).

⁷¹ Цит. по: Thomasset С. Op. cit. P. 112.

ская Волчица (1292–1358), добившаяся свержения короля, назначения себя регентшей при малолетнем Эдуарде III и заслужившая за это от современников прозвища «жестокой женщины» и «железной *virago*»⁷².

И, тем не менее, гораздо чаще образ жизни “*virago*” оказывался образцом для подражания, настоящим *exemplum* для других женщин. Об этом со всей определенностью говорилось в эпитафии жене императора Оттона I Аделаиде (931–999), чья святость, по мнению исследователей, покоилась не на образцовом поведении королевы, супруги и матери, но на принципах, характерных для женской святости раннего средневековья⁷³: *militia spiritualis*, аскезе и девственности, т.е. на полном отрицании женственности и обращении к образу мужчины⁷⁴. Как представляется, примерно те же принципы лежали в основе поведения Жанны д’Арк, еще одной “*virago*”⁷⁵, чью «асексуальность» не раз подчеркивали ее современники и ближайшие потомки⁷⁶.

Приведенные выше примеры свидетельствуют, что образ женщины-“*virago*” нельзя назвать маргинальным для европейской

⁷² “*Femina crudelis*”, “*ferrea virago*” (*Chronicon Galfridi le Baker de Swynebroke* / Ed. by E.M.Thompson. Oxford, 1889. P. 29).

⁷³ *Portmann M.-L.* Op. cit. S. 51; *Corbet P.* Op. cit. P. 110.

⁷⁴ “*Quo vixit more regina Adelaida Romae, / Odilo quae vidit abbas, quae scripta notavit, / Nobis haec Atala scribi jussit comitissa, / Exemplum vita sibi quo captaret in ista, / Nolle malum, sed velle bonum deducere seclum. / Regnet cum Domino semper laudanda virago, / Quae pravos vitat, justos imitarier optat*” (цит. по: *Corbet P.* Op. cit. P. 108).

⁷⁵ “*Apparuique in armis uirago et nunc Borgundos, nunc Anglicos magnis stragibus confecit. Nam quocumque iret, uictoria sequebatur eratque territori omnibus hostibus*” (*Enee Silvii Piccolominei postea Pii PP. II. De viris illustribus* / Ed. A. van Heck. Città del Vaticano, 1991. P. 72); “*Igitur, postquam Janna haec virago totius regii exercitus declarata imperatrix*” (*Philippe de Bergame // Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation T. IV. P. 526*).

⁷⁶ См., к примеру: “*Joanna, inquam, Puella, habitu pastorali induta, et quasi virili, de mandato Dei omnipotentis accessit ad regem per diversa formidabilia itinera, sine violentia, illaesa, illibata associata cum personis*” (Fragment d’une lettre écrite au dos de la précédente // *Quicherat J. Procès de condamnation et de réhabilitation. T. V. P. 100*).

культуры средних веков и Нового времени. Не исчезает он и позднее, как полагают некоторые исследователи⁷⁷. Напротив, он оказывается чрезвычайно живучим — именно потому, что служит делу *легитимации власти*, легитимации нового положения в обществе, которое “*virago*” постоянно стремится занять. Легализация женщины — будь то в искусстве, науке или политике — по-прежнему регулярно происходит через отсылки к образу мужчины, причем все чаще и чаще к образу совершенно *конкретного* человека: близкого родственника, мужа, любовника или друга.

Именно так поступает в XVII в. Мадлен де Скюдери (1607–1701), публикующая свои романы и афоризмы под именем собственного брата, поэта и драматурга Жоржа де Скюдери⁷⁸. Так же ведет себя в XIX в. Аврора Дюпен, более известная как Жорж Санд (1804–1876), заимствующая в качестве псевдонима имя любовника, вместе с которым пишет свой первый роман. Мария Скловская-Кюри (1867–1934) становится первой женщиной-профессором Сорбонны только потому, что занимает место своего умершего мужа, и даже в ведомости заработной платы фигурирует поначалу под его, а не под своим именем⁷⁹.

Используя имя супруга, входит в политику Сиримава Бандаранаике (1916–2000), первая в мире женщина-премьер-министр, трижды становившаяся главой правительства после убийства мужа, Солломона Бандаранаике, основателя Партии свободы Шри-Ланки. Это последнее обстоятельство всегда указывается во всех официальных биографиях Сиримаво — как знак того, что притязания конкретно этой женщины на высшую власть законны и гарантированы именем покойного супруга⁸⁰. В той же символической системе, с той же отсылкой к авторитету умершего или все еще живущего родственника-

⁷⁷ Обзор историографии на эту тему см. в: *Репина Л. П.* Гендерная иерархия и «власть женщин» // *Искусство власти*. С. 486–504.

⁷⁸ *Стогова А. В.* Женщины и салоны в интеллектуальной культуре Франции XVII–XVIII в. (доклад на конференции «Гендер и власть в истории», 18 июня 2007 г., ИВИ РАН, Москва).

⁷⁹ *Фетисова Н. Ю.* Репрезентация женщины в научной и художественной литературе 1920–1930-х гг. во Франции (доклад на конференции «Гендер и власть в истории», 18 июня 2007 г., ИВИ РАН, Москва).

⁸⁰ *Carpenter C.* *The Guinness Book of Kings, Rulers and Statesmen*. L., 1978. P. 229; Бандаранаике, Сиримаво // <http://ru.wikipedia.org/wiki/>.

мужчины выстраивают отношения с властью и народом Индира Ганди (1917–1984), занявшаяся политикой в 1964 г., после смерти своего отца, Джавахарлала Неру, первого премьер-министра Индии; Беназир Бхутто, дочь убитого лидера Пакистана Зульф리카ра Али Бхутто; Глория Макапагал-Аройо, президент Филиппин — не только дочь Диосдадо Макапагала, исполнявшего те же функции в 1961–1965 гг., но и однокурсница Билла Клинтона; Кристина Фернандес де Киршнер, недавно сменившая на посту президента Аргентины собственного мужа, Нестора Киршнера.

Впрочем, последний пример свидетельствует и о некоторых изменениях, происходящих с “*virago*” буквально на наших глазах. Отныне не только смерть отца или мужа может привести в политику ту или иную женщину: ее собственных амбиций, как в случае с Хилари Клинтон или Ангелой Меркель, бывает теперь вполне достаточно. Для самоутверждения в этом ранее чуждом для нее мире женщине уже не нужно прикладывать столько усилий, как ее предшественницам. Она не чеканит золотых солидов с собственным изображением, не ездит верхом на белых конях и не становится во главе войска в момент национальной опасности в полном боевом доспехе. И хотя брючный костюм по-прежнему остается излюбленной формой одежды современной женщины-политика, это, пожалуй, единственное, что еще долго будет напоминать нам о том, что когда-то она узурпировала свою власть у мужчин...

Тогоева Ольга Игоревна
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938–50–32;
E-mail: togoeva@yandex.ru

А. М. ЕРМАКОВ

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ ЖЕНЩИНЫ В ИДЕОЛОГИИ ГЕРМАНСКОГО ФАШИЗМА

Ключевые слова: германский фашизм; национал-социализм; гендерные роли и идеология; модернизация; эмансипация женщин

Аннотация: В статье дается характеристика взглядов нацистских лидеров на место женщины в обществе, семье, экономике и установлена их расово-биологическая основа; выявлена связь представлений руководителей гитлеровской партии с традиционными гендерными стереотипами; показаны элементы модернизма в национал-социалистической гендерной идеологии; установлен факт ревизии нацистами моральных норм.

Германский фашизм, стремившийся коренным образом преобразовать государство и общество, выступил с множеством радикальных идей, касавшихся самых разных областей жизни. В частности, расово-биологическая основа нацистского учения диктовала необходимость ревизии доминировавших в обществе взглядов на место женщины в публичной и приватной сферах. При этом национал-социалистическое учение не предлагало никакой единой и досконально разработанной теории гендерной роли женщины в Третьем рейхе. Геббельс публично признался в этом, заявив, что нет «нового окончательного мнения о новом идеале женщины и семьи... Есть только вариации по этой теме, личные взгляды, смешанные со здоровым человеческим рассудком и опытом повседневной жизни»¹. Гендерная идеология национал-социализма опиралась на некоторые течения общественной мысли XIX в., представители которых в философских трактатах, музыке, изобразительном искусстве представляли женщину как существо, которое должно даровать жизнь и поэтому направляет все свои помыслы и действия на сохранение и преумножение рода человеческого. Мыслители этого периода указывали на историческую преемственность биологически обусловленных функций женщины, считая идеальным образом женственности героинь древнегерманских саг и мифов. Именно на этих произведениях были воспитаны руково-

¹ Цит. по: *Winkler D. Frauenarbeit im «Dritten Reich»*. Hamburg, 1977. S. 28.

дители Третьего рейха, обосновывавшие подходы нацистской партии и государства к гендерным отношениям: фюрер и рейхсканцлер А. Гитлер, ответственный за идеологическую работу в НСДАП А. Розенберг, министр народного просвещения и пропаганды Й. Геббельс, рейхсфюрер СС Г. Гиммлер и другие. Гитлер вспоминал, что в его детские годы школьные учителя обращались к детям:

«Немецкий мальчик, не забывай, что ты немец... девочка, помни, что ты должна стать немецкой матерью!»².

Творцы нацистской идеологии проводили четкое различие между наборами качеств, присущих мужчине и женщине. Согласно представлениям Гитлера, общими для обоих полов добродетелями являются «высокая любовь к отечеству» и «фанатический национальный энтузиазм». При этом мужчина должен был отличаться мужеством, решительностью, жесткостью, силой, готовностью к действию в интересах общества. Силу мужчине дает «только борьба за сохранение вида, за сохранение очага и государства». Наконец, он способен к абстрактному мышлению, его поступки определяются разумом. Женщину, с точки зрения нацистского лидера, характеризуют самоотдача, вечное терпение и выносливость. Ее психика «совершенно невосприимчива к половинчатому и слабому», разумные аргументы на нее не действуют, и даже очень умная и образованная женщина «не в состоянии отделить разум от чувства», что, по его мнению, бесспорно подтверждается «многими историческими примерами». Ее поступки определяются «инстинктивными стремлениями к дополняющей ее силе», инстинктом самосохранения, и «не следует ожидать, что красивая женщина — за немногими исключениями — проявит интерес к умному разговору, она страстно желает лишь одного: чтобы все симпатичные мужчины ею восхищались». Хуже всего, полагал Гитлер, когда женщины начинают размышлять о проблемах бытия, «вот тут они действительно могут вывести из себя». Он прощал женщинам «маленькие слабости», которые были «в тысячу раз лучше», чем женские рассуждения о метафизических проблемах. Борьба за бытие или небытие своего народа тоже ведется женщиной специфическим, только

² Hitler A. Mein Kampf. 620. Aufl. München, 1941. S. 9.

ей присущим способом — рождением детей. Именно забота о спасении своего ребенка, писал Гитлер в книге «Моя борьба», делает героиней даже самую слабую из матерей. Поэтому идеальная женщина — не добродетельная старая дева, а та, которая способна «рожать нам новое поколение здоровых мужчин»³.

Розенберг на страницах своей книги «Миф XX века» доказывал, что «внешние расовые и наиболее глубокие духовные признаки, направления и ценностные структуры у мужчины и женщины одного, обусловленного типом, народа» одинаковы. Однако «мужчина во всех областях исследования, изобретения и формирования превосходит женщину», ценность которой состоит в ином — сохранении крови и умножении расы. «Женщине всех рас и времен не хватает как интуитивного, так и интеллектуального обобщения». Ответственный за идеологическую работу в НСДАП попытался обосновать историческими примерами еще одну идею:

«Мужчина к миру и жизни подходит изобретательно, формирующе (структурно) и обобщающе (синтетически), женщина же лирически... Великие государственные учреждения, правовые кодексы, типобразующие союзы политического, военного, церковного характера, широкие философские и творческие системы, симфонии, драмы и культовые сооружения все без исключения, пока существует человечество, были созданы синтетическим духом мужчины. Женщина же представляет мир, который по своей красоте и своеобразию не уступает миру мужчины, а равным образом ему противостоит»⁴.

Заместитель фюрера по партии Р. Гесс в мае 1936 г. назвал три ипостаси, в которых должна была выступать женщина: мать, товарищ мужчины и «равноценный член народного сообщества». При этом, как показывает анализ его высказываний, быть полноценным членом общества женщина могла, выполняя две первые функции. Женский идеал сегодняшнего мужчины, заявил Гесс, — «это женщина, которая прежде всего может быть матерью». Матери должны гордиться тем, что «производя на свет здоровых детей, воспитывая

³ См.: *Hitler A.* Op. cit. S. 44, 168, 455, 473; *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993. С. 62, 124, 195.

⁴ *Пикер Г.* Указ. соч. С. 371.

их для нации», они сознательно способствуют сохранению жизни своего народа. Но «женское своеобразие», за сохранение которого высказался Гесс, состоит не только в этом. Немецкая женщина, по его словам, не должна быть ограниченной и бездуховной «Гретен», а «с полным пониманием поддерживать мужчину в его интересах, в его борьбе за жизнь», делать жизнь мужчины интересней и содержательней⁵.

В первую очередь подход германских нацистов к гендерной роли женщины определялся необходимостью производства на свет здорового и полноценного в расовом отношении потомства. Только в качестве матери женщина упоминается в программе НСДАП «25 пунктов», принятой в феврале 1920 г.⁶ В июне 1926 г. имперской организационный руководитель НСДАП Г. Штрассер написал статью, в которой доказывал, что «самой проникновенной и полноценной формой участия в государственных делах для мужчины является воинская служба, а для женщины – материнство». Штрассер предлагал «приравнять материнство к военной службе мужчины и точно так же вознаграждать его предоставлением дополнительных голосов на выборах»⁷.

Взгляды нацистских лидеров на брак были проникнуты расизмом и антисемитизмом. Гитлер выступал против браков по расчету, которые ведут к «прямоу отравлению крови» и вырождению потомства. Евреи, усыпляя бдительность других народов разговорами о равенстве всех людей, независимо от расы и цвета кожи, «навязывают» своих женщин в жены влиятельным христианам, поощряют проституцию и торговлю девушками, но строжайшим образом соблюдают чистоту собственной расы, сохраняя свое мужское колено «чистым». Целью этих действий, согласно Гитлеру является «через кровосмешение нанести как можно больший вред ненавистной белой расе, низвергнуть эту расу с ее политической и общекультурной высоты, а затем самим стать ее господами»⁸. Розенберг резко выступил против предложений лидеров немецкого

⁵ *Schneider W.* Frauen unterm Hakenkreuz. Hamburg, 2001. S. 60–61.

⁶ Нюрнбергский процесс. М., 1988. Т. 2. С. 181–183.

⁷ *Arendt H.–J., Hering S., Wagner L. (Hrsg.)*. Nationalsozialistische Frauenpolitik vor 1933: Dokumentation. Frankfurt am Main, 1995. S. 107.

⁸ *Hitler A.* Op. cit. S. 48, 63, 269, 280, 346–347.

женского движения рубежа XIX-XX вв. Аниты Аугшпург, Хелен Штекер и других о передаче детей на воспитание государству, применении противозачаточных средств и разрешении аборт, против «эротической свободы» для женщин и «эротической революции». По его мнению, требования подобного самоопределения женщины и признания ценности ее личности являются не чем иным как способом проникновения «еврея» «в корни нашего бытия». Немецкий народ не сможет освободиться от угрожающего ему «расового заражения», если немки будут рожать «негритянских и еврейских метисов», «грязный поток негритянского искусства беспрепятственно пойдет по Европе дальше». Тогда «в один прекрасный момент наступит такое положение, что Германия (и вся Европа) в своих духовных центрах будет заселена только метисами». Поэтому «уже сегодня в проповеди поддержания чистоты расы и лежит самая святая и великая задача женщины»⁹.

Главной для партийно-государственного руководства Третьего рейха была расово-биологическая функция брака.

*«Необходимо понять, что и брак не является самоцелью, что он должен служить более высокой цели — размножению и сохранению вида и расы. Только в этом заключается действительный смысл брака. Только в этом его великая задача. Только по тому, насколько браки выполняют эту задачу, и можно судить о степени нормальности положения», — писал Гитлер в середине 1920-х гг.*¹⁰

Позднее, в сентябре 1934 г., фюрер провозгласил:

«Программа нашего национал-социалистического женского движения содержит один единственный пункт, и этот пункт гласит ребенок, это маленькое существо, которое должно появиться и расти, ради чего вся борьба за жизнь вообще и имеет смысл. За что же мы сражаемся и боремся, если после нас не придет кто-то, кто сможет применять для своей пользы и радости то, что мы сегодня приобретаем, и передать это по наследству дальше? Для чего же иначе вся человеческая борьба? Для чего эта забота и это страдание? Только ради одной идеи? Только ради одной теории? Нет! Ради

⁹ Розенберг А. Указ. соч. С. 368, 369, 372.

¹⁰ Hitler A. Op. cit. S. 274-275.

этого не стоило бы шествовать через всю эту земную юдоль. Единственное, что позволяет нам преодолеть все это, это взгляд из современности в будущее, взгляд человека нынешнего времени на то, что вырастет после нас»¹¹.

Руководитель НСДАП убеждал читателей своей книги: чтобы раса получила «здоровых детей, являющихся продуктом здоровых человеческих чувств», следует повести решительную борьбу «против предрассудков, против старых укоренившихся привычек, против многих старых представлений, устаревших взглядов и прежде всего против лживого святошества, укоренившегося в определенных слоях общества». Гитлер выступал против «брака по рассудку» и ратовал за создание условий, облегчающих ранние браки. Брак молодой девушки, заключенный по расчету с «безрогим Зигфридом» — мужчиной старше ее по возрасту — нацистский вождь приравнивал к проституции.

«Ранние браки, — писал он, — правильны уже потому, что только молодые супруги могут обладать достаточными физическими силами, чтобы обеспечить здоровое поколение»¹².

В 1942 г. фюрер заявил, что брак, основанный на взаимной склонности партнеров, — «это ячейка, в которой зреет будущее Германии». Именно такой брак дает наилучшие результаты по сравнению с браком, заключенным «по чисто сословным и рассудочным соображениям». Но одновременно он выступил против удовлетворения заявлений немецких солдат о разрешении на брак с иностранными гражданками. Такие заявления были вызваны, как он полагал, «сексуальной озабоченностью», распущенностью и безответственностью, поэтому «истинно германский брак с этими в основном кривобокими, сутулыми или уродливыми иностранками в перспективе не может быть счастливым и с точки зрения интересов германской нации от него нельзя ожидать каких-либо ценных результатов». Выходом из положения будут «любовные шашни на стороне, если, конечно, все будет шито-крыто»¹³.

¹¹ Der Kongreß zu Nürnberg vom 5. bis 10. September 1934. Offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Reden. 2. Aufl. München, 1935. S. 172.

¹² Hitler A. Op. cit. S. 270, 274–276.

¹³ Пукер Г. Указ. соч. С. 226.

В январе 1941 г., ожидая скорого окончания войны, рейхсфюрер СС Гиммлер задумался над изменением законов о браке.

«Среди прочего эти новые законы о браке включают новые условия развода. Он будет законным, если супруги прожили в браке пять лет без детей. Такой брак можно и нужно разводить, поскольку государству требуется как можно больше детей и оно нисколько не заинтересовано в бездетных браках», — рассуждал он. Для Гиммлера было неважно, счастливы супруги в браке. «Если детей нет, им следует дать шанс на другой брак, с детьми. Настоящая семья... начинается с трех детей; нельзя ждать от государства, что оно будет одобрять бездетный брак. Существующие брачные законы контролируются церковью и нуждаются в реформе. Их нужно заменить таким брачным законом, который был бы исполнен немецкого духа и открывал дорогу к новому интеллектуальному и духовному возрождению немецкого народа»¹⁴.

Расовая идеология германского фашизма порывала с традиционными нормами морали и права, отказав целым категориям людей в праве создавать семьи, становиться счастливыми отцами и матерями. Евгенические и расово-гигиенические представления были широко распространены в Германии еще до прихода нацистов к власти. Специалисты по расовой гигиене считали теорию Ч. Дарвина о естественном отборе утратившей силу после развития благотворительной деятельности. Государственная защита бедных, больных и слабых якобы больше не позволяет осуществляться «естественному отбору», напротив, происходит «контр-отбор»: семьи обеспеченных и образованных граждан производят на свет слишком мало детей, а бедные и больные, то есть «неполноценные», ранее проигравшие «естественный отбор», — слишком много. Это ухудшает качества «арийской расы». Следовательно, необходим «контр-контр-отбор»: государство должно стимулировать «полноценных» к деторождению, а «неполноценных» — стерилизовать и отказать им в социальном обеспечении¹⁵.

¹⁴ Керстен Ф. Пять лет рядом с Гиммлером. Воспоминания личного врача. 1940–1945 гг. М., 2004. С. 97–98.

¹⁵ Weyrather I. Muttertag und Mutterkreuz. Der Kult um die “deutsche Mutter“ im Nationalsozialismus. Frankfurt am Main, 1993. S. 12–13.

Гитлер уже в 1920-е годы решительно высказывался в пользу «радикальных и порою тяжелых» медицинских мер, которые должны были воспрепятствовать полному вырождению, якобы грозящему немецкому народу через пятьсот лет:

«Лишить дефективных людей возможности размножения и создания таким образом столь же дефективного потомства только справедливо. Планомерное проведение такого правила было бы одной из самых гуманнейших мер. Это будет варварством по отношению к тем несчастным, которые стали жертвою неизлечимых болезней, но это будет благодеянием для всего остального населения и для будущих поколений. Преходящие страдания займут, может быть, одно столетие, зато потом нас будут благословлять за эти меры в течение тысячелетий». Среди категорий, обреченных на эти страдания, были «несчастный дегенерат, сифилитик, туберкулезный, наследственно больной, калека, идиот и преступник»¹⁶.

Будущий фюрер и рейхсканцлер, отбывая наказание в Ландсбергской тюрьме, мечтал «поднять институт брака на новую высоту, оздоровить его настолько, чтобы он перестал быть позором расы. Наше государство поставит институт брака на такую высоту, которая соответствовала бы его высокому призванию — давать потомство людям, являющихся образом и подобием Бога, а не потомство, состоящее из помеси человека и обезьяны». Это государство сделает расу средоточием всей общественной жизни, будет систематически заботиться о сохранении чистоты расы, объявит ребенка самым ценным достоянием народа и позаботится о том, чтобы потомство производили только люди здоровые.

«Позором будет считаться только производить детей, если родители больны. Величайшей честью будет считаться, если родители откажутся производить детей, будучи недостаточно здоровыми. С другой стороны, предосудительным будет считаться не рожать детей, если родители здоровы, так как государству нужно здоровое потомство». В результате государственной поддержки только здоровых родителей «в течение каких-нибудь 600 лет» будет получена раса, «которая сначала освободится от нынешних физических недостатков, а затем станет постепенно подниматься и духовно»¹⁷.

¹⁶ Hitler A. Op. cit. S. 279–280.

¹⁷ Ibid. S. 444–448.

Нацисты провозглашали брак одним из «самых великих мужских актов в истории»¹⁸, но брак и семья не обладали для нацизма самоценностью, а были только условиями сохранения и преумножения «арийской расы». Ради достижения этой цели Гитлер и его приверженцы были готовы к разрушению семьи и атаке на традиционные моральные нормы. В полном соответствии с требованиями женского движения рубежа XIX-XX вв. они предлагали оказать поддержку внебрачному материнству. Гитлер неоднократно критиковал традиционную «ханжескую» протестантскую и буржуазную мораль, в условиях господства которой общество, «потеряв всякий стыд и совесть, обрушивалось с нападками на матерей и их внебрачных детей, зачатых в подлинной любви». Сейчас, в условиях войны, «пока два с половиной миллиона девушек рискуют остаться старыми девами, незаконнорожденных детей нельзя превращать в изгоев общества. Девушка, родившая ребенка и заботящаяся о нем, в моих глазах стоит выше старой девы. Общественные предрассудки постепенно отмирают. Природа берет свое. Мы на правильном пути... Если же девушка не может забеременеть, она становится истеричкой или заболевает», — заявил фюрер¹⁹. В действительности национал-социалисты предлагали не вернуться к старой морали, а сформировать новые моральные нормы с ярко выраженной расово-биологической начинкой. Гиммлер в мае 1943 г. рассуждал о том, что в будущем «для каждой женщины тридцатилетнего возраста, если она еще бездетна, станет делом чести и обязанностью перед рейхом завести детей», воспользовавшись услугами «помощников в зачатии» в эсэсовских домах «Лебенсборн». «Рано или поздно эта процедура окажется настолько привычной, что никто не будет возражать, когда закон объявит ее не добровольной, а обязательной», — предсказывал он²⁰.

Гитлер полагал, что война может стоить Германии четверть миллиона убитых и 100 000 инвалидов, и поощрение внебрачного материнства было недостаточным средством компенсации потерь. Перенаселение, будто бы имевшее место в Германии, всегда использовалось нацистами для обоснования претензий на «жизненное пространство».

¹⁸ Розенберг А. Указ. соч. С. 353.

¹⁹ Пикер Г. Указ. соч. С. 94, 226, 280, 287–289.

²⁰ Керстен Ф. Указ. соч. С. 245.

«То, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории», — не забывал Гитлер и ссылаясь на несуществующий пример Тридцатилетней войны, после которой якобы «было вновь разрешено многоженство» и рожденные в полигамных браках дети «возродили нацию»²¹.

В 1943 г. фюрер «решил в тот же момент, как кончится война, полностью пересмотреть существующее брачное законодательство и ввести бигамию». На первом этапе он предполагал не запрещать многогамные браки, а в качестве «специальной награды за героизм в бою» даровать кавалерам Германского золотого креста и Рыцарского креста «право брать вторую жену». Позднее это право следовало распространить на кавалеров Железного креста 1-го класса и на тех, кто получил серебряные и золотые нашивки за службу на передовой.

«В число таких людей войдет большинство тех, кто проявил выдающиеся боевые качества: для рейха крайне важно, чтобы они передались по наследству. В то же время таким образом будет создана возможность собрать информацию о практических результатах бигамии. Затем можно будет решить: либо совершенно запретить моногамию, либо разрешить бигамию только вышеупомянутым лицам, чтобы она сама собой прекратилась, когда умрут все, получившие на нее право»²².

Планирование бигамного брака полностью порывало с христианской традицией, и нацисты прекрасно это осознавали. «Запрет моногамии будет естественным шагом в развитии нашего общества, — заявлял Гиммлер. — Брак в его существующей форме — сатанинское достижение католической церкви; брачные законы сами по себе аморальны». Анализ высказываний рейхсфюрера СС показывает, что насладиться «полезными» результатами двоеженства могли только мужчины:

«При бигамии каждая из жен будет служить примером для второй, так что они обе постараются быть женщиной мечты для своего мужа — не будет больше ни растрепанных волос, ни неряшливости. Образцами, стимулирующими их воображение, станут для них идеальные женщины из искусства и кино»²³.

²¹ Пикер Г. Указ. соч. С. 72, 95, 226.

²² Керстен Ф. Указ. соч. С. 237-238.

²³ Там же. С. 239.

Рассуждения Гимmlера о бигамии накрепко увязывались с нацистской аграрной утопией и теорией «жизненного пространства», поскольку каждому мужчине, имеющему двух жен, предоставлялось поместье на завоеванных восточных территориях. Рейхсфюрер прямо заявил об этом 9 мая 1943 г.:

«Все эти меры — бигамия, содействие рождению внебрачных детей и, как необходимое следствие, их полное уравнивание в правах с детьми, рожденными в браке, — преследуют одну цель: охранять и улучшить расовые качества Великого Германского рейха, чтобы он мог выполнить свои великие задачи как в центре Европы, так и отражая нашествие азиатских народов»²⁴.

Шеф партийной канцелярии рейхслайтер М. Борман обсуждал со своей женой Гердой, дочерью рейхслайтера В. Буха, возможность создания «физически и духовно здоровым» мужчиной даже не двух, а трех семей. Одна семья мыслилась супругам Борман как «основная», а в другую семью или семьи «отец будет приходить, скажем, раз в две недели». При этом «важно удостовериться в том, чтобы принятый закон не позволил беспринципным людям заводить сексуальные интрижки под предлогом желания иметь детей. Это может привести только к большему уровню бедности, и дети, рожденные в подобных случаях, не будут представлять никакой ценности для общества»²⁵.

Идеология германского фашизма провозглашала публичную сферу доменом мужчин, а женщинам отводила приватную сферу. Геббельс, оперируя обычными для нацистской фразеологии и мировоззрения природными категориями, заявил:

«Задача женщины — быть красивой и производить на свет детей. Это вовсе не так грубо и несовременно, как звучит. Птица прихорашивается для самца и высиживает для него птенцов. Самец же берет на себя заботу о добыче пищи и защите гнезда, прогоняя врагов... Женщина — это ни ангел, ни дьявол. Она — человек и по большей части — человек не особо значимый... В то время как мужчина осваивает жизнь, она осваивает кастрюлю»²⁶.

²⁴ Там же. С. 245.

²⁵ Борман М. Письма. М., 2006. С. 76-77.

²⁶ Цит. по: Koonz C. Mütter im Vaterland. Frauen im Dritten Reich. Freiburg, 1991. S. 70-71.

По мысли министра пропаганды, «мужчина — директор, а женщина — режиссер жизни... То, что мужчина наметил в набросках, женщина выполняет в жизни. Поэтому ей будет принадлежать семья как исконная область. Здесь она — суверенная королева... Если мы исключаем женщину из областей общественной жизни, то не потому, что хотим ее обесчестить, а потому что мы хотели бы вернуть ей ее настоящую честь... Но это не должно означать, что мы хотим вытеснить женщин из профессиональной жизни»²⁷.

С точки зрения Гитлера в традиционном ключе очерчивал гендерные функции каждого участника семейной пары: «В задачу мужа входит бороться в области профессиональной карьеры, а в задачу жены — поддерживать порядок в доме, ибо дом — это опора в борьбе за выживание. А под порядком в доме понимается поддержание определенного культурного уровня, с одной стороны, и практическое ведение хозяйства — с другой». Жена, которая любит своего мужа, живет только его жизнью и «лишь когда появляются дети, она осознает, что у нее в жизни есть еще кое-что». Напротив, требовать от супруга уделять много внимания семье — неразумно, ведь мужчина — «раб своих мыслей. Долг и обязанности властвуют над ним, и бывают моменты, когда он действительно вынужден сказать: какое мне дело до жены, какое мне дело до ребенка!». Более того, женщина в браке играет только пассивную роль и «нет ничего прекраснее, чем воспитывать юное существо: девушка в 18, 20 лет податлива, как воск. Мужчина должен уметь наложить на любую девушку отпечаток своей личности. Женщина только этого и хочет»²⁸.

Традиционное распределение гендерных ролей представлялось фюреру данным природой и освященным историей человечества и распространялось не только на семью, но и на все сферы жизни. «Если в человеческой жизни иногда сдвигались сферы труда между мужчиной и женщиной в неестественном направлении, то это происходило не потому, что женщина стремилась к господству над мужчиной. Причину надо было искать в том, что мужчина был не в состоянии полностью выполнить свою задачу. Чудо природы и Провидения состоит в том, что невозможен никакой кон-

²⁷ Цит. по: *Michaelis C., Michaelis H., Somin W. O. Die braune Kultur. Ein Dokumentenspiegel. Zürich, 1934. S. 18.*

²⁸ *Пикер Г. Указ. соч. С. 94, 262.*

фликт обоих полов друг с другом, пока каждая часть выполняет задачу, предписанную ей природой», — заявил он в выступлении на съезде нацистской партии 8 сентября 1934 г. Фюрер, используя формулировку Геббельса, говорил о «мире мужчины», который включает в себя государство, борьбу, готовность к действию ради общества, и меньшем «мире женщины», который состоит из ее мужа, ее семьи, ее детей и ее дома. «Оба эти мира никогда не противостоят друг другу. Они дополняют друг друга, они неразделимы, как неразделимы мужчина и женщина»²⁹.

Тем не менее, нацизм отводил женщине определенное пространство в экономической сфере. В выступлении перед представительницами Национал-социалистической женской организации на съезде НСДАП 1936 г. нацистский вождь заявил:

«Существует неизмеримое множество возможностей работы для женщины. Для нас женщина во все времена была самым верным товарищем мужчины в труде и жизни. Мне часто говорят: Вы хотите вытеснить женщину из профессиональной жизни. Нет, я хочу только открыть для нее более широкие возможности создать собственную семью и родить детей, потому что так она больше всего поможет нашему народу! Если, скажем, какая-то женщина стала преуспевающим юристом, а в соседнем доме живет мать с пятью, шестью, семью детьми, здоровыми и крепкими, хорошо воспитанными, то с точки зрения максимальной пользы для народа я отдал бы предпочтение женщине, родившей детей и поставившей их на ноги и тем самым обеспечившей будущее нации»³⁰.

В соответствии с этим возможности женщины на профессиональном поприще были ограничены жесткими рамками. Например, Розенберг считал, что для женщин «должны быть открыты все возможности получения образования, для физического совершенствования существует ритмика, гимнастика и спорт в той же степени, что и для мужчин... но в одном должна быть ясность: судьей, солдатом и руководителем государства должен быть и оставаться мужчина...

²⁹ Der Kongreß zu Nürnberg. S. 169.

³⁰ Der Parteitag der Ehre vom 8. bis 14. September 1936. Offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Kongreßreden. München, 1936. S. 167-168.

Уступить здесь значило бы для мужчин забыть свой долг перед прошлым и будущим»³¹. Гитлер считал женщинами профессии секретарши, продавщицы, артистки и танцовщицы. Кроме того, он считал, что женщина по своим наклонностям подходит для учительской профессии, «идеально» — для преподавания в начальной школе.

«Не нужно только чересчур усердно обучать их и, заставляя чрезмерно шевелить мозгами, делать из них идиотов, но пусть они усвоят лишь тот учебный материал, который будет им безусловно нужен для преподавания в начальной школе». Наконец, как естественную он воспринимал работу женщин в качестве почтовых служащих, медицинских сестер и домработниц. Работу девушек на военных заводах, в учреждениях, госпиталях, сельском хозяйстве в годы Второй мировой войны Гитлер считал только временным «содействием» мужчинам»³².

Нацистский вождь, постоянно ссылавшийся на историческое прошлое и традиции, не замечал, что его мировоззрение несет на себе заметный отпечаток эмансипации. Из названных им «женских» профессий только занятия артистки, танцовщицы и домашней прислуги встречались в доиндустриальную эпоху. С долей условности к этой же категории можно отнести профессии медицинской сестры (женщины издавна занимались благотворительностью и социальной работой) и продавщицы (в мелкобуржуазных семьях жены и раньше должны были помогать мужу вести коммерческую деятельность). Однако такие профессии, как секретарши, почтовые служащие и учительницы были порождением индустриального мира. Более того, с профессией секретарши был связан возникший в Германии в 1920–е годы образ «новой женщины» — самостоятельной, образованной, независимой от родительской опеки незамужней девушки, посещающей киносеансы, занимающейся спортом и современным отдыхом. Допуск женщин в учительскую профессию с давних пор был лозунгом женского движения и рассматривался на рубеже XIX–XX вв. как один из шагов к женской эмансипации. В то же время Гитлер искренне считал, что женщина во все времена была только помощницей и «самой верной подругой» мужчины, а все слова о

³¹ Розенберг А. Указ. соч. С. 373.

³² Пикер Г. Указ. соч. С. 306, 310, 361–362, 370.

женской эмансипации являются лишь выдумкой еврейского интеллекта. В добрые, хорошие времена мир женщины самодостаточен, и она не нуждается ни в какой эмансипации. Она вторгается в «мир мужчины» только в тяжелые периоды, когда братья за мужское дело ее подталкивает «женский инстинкт самосохранения и сохранения народа». Затем оба пола опять возвращаются к тому, «что было предписано вечным мудрым Провидением»³³.

Несомненно, антимодернизмом было проникнуто нацистское неприятие женщин в политической сфере. Розенберг доказывал, будто «государство нигде не было следствием общей идеи мужчины и женщины, а было итогом целеустремленно направленного на какую-то цель мужского союза». Он сравнивал участниц женского движения с евреями, которые «повсюду кричат о равноправии», с иными «разлагающими государство силами»: парламентаризмом, марксизмом, демократией, мировой торговлей. Женщина не может создавать гениальные культурные ценности, даже если ее поставить в лучшие условия, нежели те, в которые поставлен мужчина. Поэтому женщина не может создать и государство, государство может быть только мужским. Розенберг упрекал борющихся за свои права женщин в том, что они «в глубине своей сущности не хотят ничего другого, как существовать за счет мужчин».

«Эмансипированная женщина... требует не равноправия, а паразитической жизни за счет мужской силы, с предоставлением при этом общественных и политических преимущественных прав». «Феминизированный старый мир» переживает разгар своего краха, и «немецкая идея» требует «авторитета, типобразующей (мужской. — А. Е.) силы, расового отбора, автаркии, защиты расового характера, признания вечной полярности полов»³⁴.

Геббельс также высказывался за отстранение женщины от политической жизни, представляющей собой «парламентские демократические козни». «Политику делают мужчины», — цитировал он слова Тройчке³⁵.

³³ Der Kongreß zu Nürnberg. S. 169-170.

³⁴ Розенберг А. Указ. соч. С. 366-367.

³⁵ Goebbels J. Signale der neuen Zeit. München, 1940. S. 118-119.

Вероятно, это во многом соответствовало и ожиданиям самих немецких женщин, поскольку еще в августе 1930 г. одна неизвестная сторонница нацистов писала: «НСДАП — партия мужчин. Мы охотно отступим назад, если не будем нужны нашим вождям!». А руководительница нацистской женской организации Эльсбет Цандер сделала заявление о том, что «мы не принадлежим к фронту мужчин. Мы честно признаемся себе, что несмотря на все современные учения о равноправии женщины, несмотря на все собственные стремления к самостоятельности, к личной и государственной значимости, нас, женщин, радует, что нацизм является чисто мужским движением»³⁶.

Наконец, намеченное фашизмом изменение функций женщины в государстве, экономике обществе, семье предполагало преобразования в воспитании. Молодых матерей следовало воспитывать так, «чтобы они рожали детей здоровых». От девочек — будущих носительниц телесной и душевной силы народа — Гитлер требовал физического и психического здоровья. Главное значение он придавал «физической подготовке, и лишь затем — воспитанию моральных и, в последнюю очередь, духовных ценностей. Цель женского воспитания — быть будущей матерью»³⁷. В другом месте он назвал главной задачей воспитания девушек и юношей в школе расовое мировоззрение и требовал «со всей отчетливостью поставить перед всей молодежью в первую очередь проблему расы. И умом и чувством наша молодежь должна понять, что это главная из главных и центральная из центральных проблем», что вопрос о чистоте крови имеет «гигантское решающее значение»³⁸.

Гиммлер в январе 1940 г. рассуждал об «избранных женщинах», которых под его руководством будут обучать в специально созданных «академиях мудрости и культуры». Выпускницы академий будут обладать «атлетическим изяществом», культурностью и интеллигентностью, тонкостью чувств и изысканностью выражений. Критериями отбора в эти академии будут «полная политическая лояльность» и «искреннее одобрение национал-социалистических

³⁶ Цит. по: *Koonz C. Op. cit. S. 96.*

³⁷ *Hitler A. Op. cit. S. 458–459.*

³⁸ *Ibid. S. 475–476.*

идей», а также «высокая интеллектуальная одаренность, телесная и духовная привлекательность и абсолютно немецкий облик». «Я знаю, что некоторые брюнетки обладают выдающимися интеллектуальными качествами и большим шармом, но мы должны действовать по логике и не намереваемся отступить от нее», — заявлял рейхсфюрер СС, — поэтому слушательницами академии смогут стать только блондинки. Поскольку «они станут вечным идеалом для всей нации, другие будут смотреть на них и следовать их примеру», постольку «они должны обладать и идеальными физическими чертами — никакой компромисс здесь невозможен». Глава СС мечтал о том, что «эти избранные женщины получают наилучшее возможное образование. Они должны хорошо разбираться в истории; они выучат языки и пройдут такую же базовую подготовку, как чиновники внешнеполитического ведомства; они должны быть сообразительными и знать, как действовать в деликатных ситуациях. В их ежедневное воспитание будет включена игра в шахматы для развития ума, а также все виды спорта, особенно фехтование, которое тоже является интеллектуальным упражнением, так как требует мгновенной реакции на каждое движение противника; они будут ездить верхом, водить машину, плавать и стрелять из пистолета. Естественно, пройдут они и специальные курсы кулинарии и домоводства. Сдав исчерпывающие экзамены, эти женщины получают звание избранных, которое станет величайшей почестью, какой только смогут достигнуть женщины в Великом Германском рейхе»³⁹.

Таким образом, идеология национал-социализма аккумулировала накопившиеся в немецком обществе страх, недовольство, желание повернуть вспять общественное развитие. Теоретики нацизма исходили из «вечных» природных, биологических различий между полами и отводили каждому из них свои постоянные роли в обществе, считавшиеся «равноценными». Партия Гитлера, выступавшая против демократии и модернизации общества и экономики, стремилась сохранить за мужчинами ведущие позиции в управлении государством, в армии и экономике. Женщин нацисты хотели вернуть в семью, к домашнему очагу, изгнать их из сферы промышленного производства, из системы здравоохранения, правосудия, социально-

³⁹ См.: Керстен Ф. Указ. соч. С. 98-102.

го обеспечения, лишит политического равноправия. «Естественной» функцией женщины считались материнство, которое превратилось из частного дела в функцию государственной важности. От выполнения этой функции зависело бытие или небытие немецкого народа. «Борьба за рождаемость» против «неполноценных» и «чуждых в расовом отношении» приравнивалась к борьбе солдат на фронте. Ради достижения расово-идеологической утопии политические и духовные вожди германского фашизма были готовы низвергнуть моральные нормы, бытовавшие в немецком обществе, поощряя внебрачное материнство и полигамный брак и одновременно запрещая производить на свет потомство «неполноценным» согражданам. Полностью исключив женщин из политической жизни, нацизм отводил им незначительное пространство в экономической области, объявив допустимым женский труд в сельском хозяйстве, на семейном предприятии или в традиционных «женских» профессиях. Жизнь в очерченном гитлеровцами «женском мире» требовала от женщин, в основном, трех качеств: физической выносливости, самопожертвования и убежденности в правоте национал-социализма. Умственное образование женщин считалось ненужным и даже вредным. Анализ источников позволяет сделать вывод о том, что идеология Гитлера и его сторонников характеризовалась противоречивым сочетанием страстного желания опереться на историческую традицию, восстановить некоторые традиционные гендерные стереотипы и борьбы с такими явлениями доиндустриальной эпохи, как брак по расчету или осуждение внебрачных связей. Более того, нацистское мировоззрение вполне допускало труд женщин в качестве служащих бюро и учителей, поддерживало незамужних матерей и их детей, что не только соответствовало современным тенденциям развития экономики, общества и морали, но и совпадало с требованиями *политического* движения женщин за эмансипацию.

*Ермаков Александр Михайлович
кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории
Ярославский государственный педагогический университет
Тел.: 7(4852) 72-76-09; E-mail: ermakov.a.m@mail.ru*

ГЕНДЕРНЫЕ РОЛИ И МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ

Е. Н. КИРИЛЛОВА

ВДОВЬЕ ПРАВО

В РЕМЕСЛЕННЫХ И ТОРГОВЫХ КОРПОРАЦИЯХ РЕЙМСА В РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ¹

Ключевые слова: социальная и экономическая история; раннее Новое время; ремесленные и торговые корпорации; вдовье право

Аннотация: В статье сравнивается положение мастера и его вдовы, продолжавшей дело мужа после его смерти. Вдовье право не ограничивалось профессиональными требованиями к женщине, и хотя возможности получить представления о ремесле у нее были, нормой было и воспринималось отсутствие у вдовы профессиональных знаний. Вследствие этого она, в отличие от мастера, была ограничена в возможности работать самостоятельно и в возможности обучать новых специалистов.

В основе этого исследования лежат положения о вдовьем праве в ремесленных и торговых корпорациях, позволяющие сопоставить права и возможности вдовы, продолжавшей после смерти мужа держать мастерскую и заниматься ремеслом, с правами мастера. Источниками послужили регламенты корпораций Реймса с середины XV по конец XVIII в., а также ремесленные регламенты второй половины XVII–XVIII вв., действие которых распространялось на всю территорию Французского королевства, в том числе на Реймс.

Прежде всего, несколько слов о численности корпораций и количестве работавших вдов. В известных списках мастеров, составленных при утверждении регламентов или по другим поводам, женщины разного статуса упоминаются довольно регулярно, хотя

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

списки нередко носили ситуативный характер и потому были неполными. Они могли включать только присутствовавших при составлении регламента; те же, кто в этот момент был в отъезде или по иным причинам не смог или не пожелал участвовать, не обязательно упоминались. С XVII в. списки мастеров стали более регулярными и полными. Они предоставлялись властям (балыи реймского архиепископа, балыи Вермандуа или его наместнику) и во множестве сохранились в архивах: в регистрах, как приложение к регламентам и в качестве отдельных документов, не всегда датированных. Как показывают списки, доля вдов и самостоятельных мастериц в общей численности мастеров, входивших в профессиональные сообщества, составляла от 3 до 20%, в отдельных, исключительных случаях — 33–55%².

Наиболее полны и точны списки XVIII в. «Список сообщества мастеров бочаров города и пригородов Реймса» 1751 г.³ содержит пометки, сделанные человеком, осведомленным о фактическом положении каждого из 170 мастеров, рядом с именами которых было записано «полный» («plein», обычно сокращенно — «р»), и таких мастеров было 25, или «половина» («moitié» — «m») — 45 человек. В корпорации бочаров было 10 вдов, что соответствовало 6% численности корпорации. Все они обладали «половинным» статусом, составляя более трети таких мастеров — 38%. Скорее всего, речь идет не о том, что два бочара, обладавших «половинным» статусом, соответствовали одному «полному мастеру», но имеются в виду суммы регулярных взносов в общую казну, являвшиеся важной характеристикой положения мастера — члена профессионального сообщества.

² Вдовы составляли 33% от общей численности изготовителей шерстяной кисеи в 1710 г. (*Varin P. Archives législatives de la ville de Reims. P., 1847. Pt. 2. Statuts. Vol. 2. P. 226, Not. 1. P. 227. Not.*); в корпорации колпачников в 1576 г. было 55% вдов и самостоятельных мастериц (26% и 29% соответственно) (*Ibid. P. 278–279*). В XVII–XVIII вв. женщины составляли 10% в корпорациях Руана: *Hafters D.M. Strategies pour un emploi: travail féminin et corporations à Rouen et à Lyon, 1650–1791 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 2007–1. О женщинах в реймских ремесленных и торговых корпорациях см.: Кириллова Е.Н. Корпорации раннего Нового времени: ремесленники и торговцы Реймса в XVI–XVIII веках. М., 2007. Гл. VI.*

³ Афиша «Rolle de la communauté des maistres tonneliers de la ville et fauxbourgs de Reims de l'année 1751»: *Archives Municipales et Communautaires de Reims. Fonds ancien. (Далее — AMR. FA.) C. 686. Liasse 7. Suppl. XVII.*

1778 годом датируется список купцов, входивших в объединенное сообщество суконщиков и купцов-мерсье⁴. В числе 112 человек, заявивших, что они собираются продолжить дело, упомянуты девять вдов и семь самостоятельных женщин. Еще пять вдов названы во втором списке, среди 33 человек, не сделавших заявления, но фактически продолжавших работать. В этом списке были приведены лишь фамилии, и потому неизвестно, были ли среди них еще женщины, кроме указанных пяти вдов. Среди 145 человек, занимавшихся торговлей в 1778 г.⁵, 14 вдов — это почти 10%, 7 самостоятельных купчих — почти 5%, вместе они представляли шестую часть корпорации (14,5%). Среди 240 мастеров, занимавшихся в 1789 г. производством ткани, налоговый список называет 12 вдов⁶, что соответствует 5% от общей численности мастеров.

Вдовье право в ремесленных и торговых корпорациях. В уставах вдовье право записано следующим образом: вдова может продолжать дело своего мужа, держать мастерскую и лавку и продолжать работать, пользуясь такими же правами и привилегиями, какими пользовался ее муж при жизни. Подобная формула, с некоторыми вариациями, содержится в 47 текстах из рассматривавшихся 70 первых, вторых и третьих редакций уставов. При этом несомненно, что мастера, входившие в раннее Новое время в одну и ту

⁴ Афиша «Tableau des Agrégés à la Communauté des Marchands merciers-drapiers de la ville et fauxbourgs de Reims, qui ont déclaré qu'ils entendoient continuer leur commerce comme avant l'Edit du mois d'Avril mil sept cent soixante-dix-sept. Pour l'année 1778»: AMR. FA. C. 678. Liasse 7. Suppl. II. Купцы-мерсье (marchands merciers) — влиятельные негоданты, занимавшиеся исключительно оптовой торговлей. Реймские купцы претендовали на контроль над самыми разными товарами, главными из которых были ткани, предметы роскоши, а также изделия из металла, книги, бумага и множество других товаров. В XVII в. в Реймсе в одну с ними корпорацию входили также коробейники, мелкие торговцы галантерейным товаром.

⁵ В том же году был опубликован порядок прохода ремесленных и торговых корпораций во время торжественной процессии в день Тела Господня (афиша и брошюра: «Liste des Communautés, Arts et Métiers qui doivent faire porter des Flambeaux à la Procession Générale du Clergé de la ville de Reims, le jour de la Fête du Saint Sacrement, avec le nombre de Flambeaux qu'elles feront porter, suivant l'ordre qui sera observé dans la marche»: AMR. FA. C. 680. Liasse 7. Suppl. VI). Купцы, принадлежавшие к объединенному (с 1704 г.) обществу суконщиков и мерсье, занимали второе место и несли 8 факелов.

⁶ Histoire de Reims / Sous la dir. de P. Desportes. Toulouse, 1983. P. 217.

же корпорацию, имели разные права и привилегии, которые они и оставляли своим женам. Вдова могла — и должна была — унаследовать конкретный статус мужа, а не вообще все те права мастера, которые могли быть прописаны в регламенте и ордонансах.

Регламенты XVIII в. предпочитают обращаться к «мастерам, держащим лавку». Именно они являлись полноправными членами профессионального сообщества: из их числа выбираются присяжные, именно у них была возможность участвовать в разделе сырья и т.д. По уставу булочников 1743 г., присяжным мог быть назначен только мастер, уже 10 лет держащий лавку⁷, что существенно уточняло характеристику присяжных как опытных, честных и наиболее именитых мастеров сообщества. Статус мастера-владельца лавки достигался в том числе и дополнительным взносом. Такое правило действовало у литейщиков в 1737 гг. и булочников в 1743 г.⁸ Колпачники (уставы 1706 и 1735 гг.) разделяли «мастеров, не имеющих лавки»; «мастеров, работавших для других мастеров»; и сыновей мастера, не достигших 22 лет. Ни тех, ни других, ни третьих не звали на общие собрания, а только на торжественные мессы, на заупокойные службы и похороны. Для сыновей мастера это объясняется тем, что им не следует терять время, отведенное на учебу. Остальные не должны были оставлять свою работу. Мастера, которые не держали лавку, платили лишь половину регулярных взносов сообществу, «в соответствии с обычаями ремесла»⁹. Так, сумма взноса в общую казну корпорации отражала степень полноправности мастера.

То, что в регламенте вообще присутствует объяснение, уже свидетельствует о нестандартности ситуации для тех, кто составлял текст. Но предложенное обоснование неправомерно: общие собрания обычно устраивались лишь раз в год, преимущественно для выборов присяжных, и их «отвлекающий» потенциал не так уж и велик, даже меньше, чем у месс, похорон и заупокойных служб, от которых все эти категории мастеров не отстранялись. Неучастие в

⁷ «Les jurés seront personnes connues pour avoir de l'expérience et de la probité, et seront choisis entre les plus notables des maîtres de la communauté; et nul maître ne pourra être nommé juré qu'il n'ait exercé la maîtrise au moins pendant dix ans, boutique ouverte»: *Varin P.* Op. cit. P. 153. V ст.

⁸ *Ibid.* P., 1852. Pt. 2. Statuts. Vol. 3. P. 353-354. XVI ст. В уставе литейщиков 1701 г. такого правила еще не было. Булочники: *Ibid.* Vol. 2. P. 157. XVIII ст.

⁹ *Ibid.* P. 288. XXIV ст.

собраниях, на которых могли быть обсуждены и приняты важные для всей корпорации решения, скорее подчеркивало более низкий статус таких мастеров.

В последних статьях регламентов колпачников, без уточнения, о каких категориях членов корпорации идет речь, сказано, что «все мастера этого состояния, от которых не смогли ничего получить в качестве их части расходов, которые надлежит делать для сообщества, будут исключены из всех собраний, а также активных и пассивных голосований при обсуждениях»¹⁰. То есть мастера, не имевшие возможности заплатить взносы в корпорацию (не уточнено, какого размера взносы — полные или половину, или же имелись в виду разовые, нерегулярные выплаты), лишались права участвовать в общих собраниях и влиять на принимаемые решения. Так что в реальности категорий и степеней «полноправности» мастеров могло быть еще больше, чем зафиксировал устав.

Разница в фактическом положении мастеров воспринималась как норма и не препятствовала тому, чтобы всех их продолжали называть мастерами ремесла, добавляя к этому более или менее развернутые определения и устанавливая ограничения для одних категорий и преимущества для других. Известно, что мастер-повар, не державший лавку и работавший на другого, не имел права взять ученика (1757 г.)¹¹. «Мастера мясники, не держащие прилавок» (1737 г.), не могли покупать в городе товары, относившиеся к их профессии, если не имели на то распоряжения мастера или мастерицы или не были их представителями¹². А поставщики мяса в городские больницы могли превышать установленные недельные нормы забоя скота в два или четыре раза¹³, в отличие от всех остальных мясников.

Кроме указанной в статьях о вдовьем праве «точки отсчета» — прав и привилегий мужа, существенной характеристикой статуса вдов был размер их взносов в общую кассу профессионального сообщества. Ремесленные и торговые корпорации не всегда имели право устраивать такую кассу и собирать средства для ее пополнения, однако в раннее Новое время это их право было уже практически бесспорно. Касса складывалась счет регулярных поступлений от

¹⁰ Ibid. P. 290. XXXVII ст.

¹¹ Ibid. Vol. 3. P. 502. XXVII ст.

¹² Ibid. P., 1844. Pt. 2. Statuts. Vol. 1. P. 992. XXIV ст.

¹³ Ibid. P. 991–992. XIV, XV ст.

мастеров и вдов, вступительных взносов учеников, мастеров и подмастерьев, отчислений от штрафов. На эти средства корпорация создавалась и платила налоги королю, вела свои текущие (и профессиональные, и религиозные) дела, отстаивала свое место и сферу своего влияния, в том числе в суде.

Вдовы, как и мастера, обязаны были платить регулярные взносы в общую кассу корпорации. В Реймсе известно четыре случая, когда взносы вдов были такими же, как и у остальных мастеров, они относятся к XVI — началу XVIII вв.: это сапожники (1571 г.); починщики обуви (1571 г.); купцы бакалейщики (1692 г.); аппретурщики тканей (кроме сукна) 1703 г.¹⁴ И такое же правило было прописано в регламенте 1725 г. для цирюльников, работавших в городах и местечках королевства¹⁵. Вдовы свечных мастеров (1733 г.); басонщиков и пуговичников (1736 г.) должны были полностью, как и все остальные мастера, платить за регулярные досмотры мастерских, совершаемые присяжными¹⁶. В сумме получаем шесть или семь случаев, включая общефранцузский регламент цирюльников, действовавший в Реймсе.

Взносы вдов, соответствовавшие половине взноса мастера, зафиксированы у столяров (1684 г.); шляпников (1700 г.); колпачников (1706 и 1735 гг.); портных и старьевщиков (1716 г.), мясников (1737 г.), веревочников (1736 г.), поваров (1757 г.)¹⁷. Всего насчитывается 8 случаев, по 7 профессиям, (как и для равных взносов), и все они относятся к концу XVII—XVIII вв.

На основе этих данных можно заключить, что многое определялось профессией и сложившимися в ней обычаями, и потому далеко не во всех регламентах размеры регулярных взносов, уплачиваемых вдовами, считали нужным зафиксировать.

Возможность сопоставить положение вдов и мастеров дают три из перечисленных в последнем списке устава: колпачников 1706 и 1735 гг. и мясников 1737 г. Регулярные взносы вдов в этих корпорациях равны половине взноса мастера, точно соответствуя сумме, ко-

¹⁴ Ibid. Vol. 2. P. 257. [XV] ст.; P. 261. [XV] ст.; P. 984. XIII ст. Vol. 3. P. 123–124. II ст.

¹⁵ Ibid. P. 205. XV ст.

¹⁶ Ibid. P. 234. XII ст.; P. 298. XI ст.

¹⁷ Ibid. Vol. 2. P. 351. LV ст.; P. 208. XIII ст.; P. 288. XXII, XXIV ст.; P. 520–521. VIII ст. Vol. 1. P. 991. VII ст. Vol. 2. P. 215. VII ст. Vol. 3. P. 501. XIX ст.

торую уплачивали мастера, не имеющие лавки. Это наглядно демонстрирует независимость взноса вдовы от состояния дел до смерти ее мужа-мастера, от наличия или отсутствия у него мастерской. Соотнесение же со статьей о вдовьем праве столь же наглядно свидетельствует о не замеченном создателями регламентов и не замечаемом членами корпорации противоречии: наследовались не «те же самые право и привилегии», которыми обладал муж¹⁸, а его статус мастера; право же и привилегии вдовы были иными. Соответствовал ли размер регулярных взносов статусу, как и для мастеров-мужчин, или меньший размер взносов следует рассматривать как облегчение для вдов? В регламентах нет сведений, позволяющих уточнить участие вдов в общих собраниях, в голосованиях и выборах, в разделе сырья, и сравнение вдов с мастерами требует обратиться к другим вопросам, прежде всего, профессиональным.

Уровень профессиональных знаний вдовы. Вдовье право не ограничивалось и не определялось никакими профессиональными требованиями к женщине: становясь по сути мастерицей, вдова не обязана была доказывать свою профессиональную состоятельность. Возможности получить более или менее глубокие представления о ремесле у нее были: она могла происходить из семьи мастера и до замужества обучаться ремеслу у отца; могла учиться в другой семье, особенно если была сиротой; могла помогать мужу в лавке или мастерской, приобретая некоторые знания и представления о ремесле¹⁹.

¹⁸ Регламенты колпачников: «les veuves qui voudront continuer l'état et métier de bonnetier, jouiront des mêmes droits et privilèges que lesdits défunts leurs maris, tant qu'elles resteront en viduité»: Ibid. Vol. 2. P. 283. VIII ст. В уставе мясников нет отдельной статьи о вдовьем праве.

¹⁹ *Любарт М. К.* Семья во французском обществе. XVIII — начало XX в. М., 2005. С. 153–154, 193; *Репина Л. П.* Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002. С. 75–80; *Она же.* «Новая историческая наука» и социальная история. М., 2009. С. 183–192; *Опитц К.* Как жили в позднем средневековье // История женщин на Западе: в 5 т. / Под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2009. Т. II: Молчание Средних веков / Под ред. К. Клапиш-Зубер. Пер. с фр. С. 292–301; *Хафтон О.* Женщины, труд и семья // История женщин на Западе. СПб., 2008. Т. III: Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения / Под ред. Н. Земон Дэвис, А. Фарж. Пер. с англ. С. 33–37, 41–46, 55–58; *Crowston C.H.* L'apprentissage hors des corporations. Les formations professionnelles alternatives à Paris sous l'Ancien Régime // Annales. Histoire, Sciences sociales. № 2. Mars–

Однако ни одно ремесло не требовало, чтобы вдова обладала профессиональными знаниями на уровне мастера и тем более — чтобы она доказала это, выполнив шедевр, выдержав экзамен, пройдя испытание или проверку. Нормой было и воспринималось отсутствие у вдовы профессиональных знаний.

Каким же образом должна была выполняться работа? С середины XV в. в регламентах появляется требование, чтобы в мастерской вдовы работал подмастерье или слуга, знающий ремесло. Всего известно 26 таких случаев, все они представлены в таблице: в 12-ти текстах не уточнялось возможное число работников, в 14-ти оно было названо — один или два.

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
цирюльники-хирурги 1462	«подмастерья»	
аптекари 1552	«подмастерья и слуги», проходят испытание	
суконщики 1569	1 подмастерье	возможность доучить
веревочники 1571	1 или 2 подмастерья, завершивших обучение	
сапожники 1571	1 подмастерье	
починщики обуви 1571	«подмастерья»	
изготовители шерстяной кисеи 1571	1 или 2 слуги, завершивших обучение	
перчаточники 1574	1 слуга, который был в обучении три полных года (= срок обучения)	
колпачники 1581	«слуги, знающие ремесло»	
ткачи полотна 1581		«с учениками, которые были у мужа», может брать новых учеников
шорники 1581	«слуги»	
изготовители горчицы 1582	1 подмастерье	
изготовители седел, каретники 1592	«слуги»	
изготовители шелк. изделий 1600		могут доучивать
стригальщики сукна	«способные слуги»	

avril. 2005. P. 415; *Robin-Romero I.* Les orphelins de Paris: enfants et assistance aux XVIe–XVIIIe siècles. P., 2007. P. 199–234.

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
1603		
обивщики 1616	«слуги и подмастерья, способные и опытные в ремесле»	
печатники, 1623:	«подмастерья»	«и ученики, завершающие обучение»
портные 1628	1 подмастерье и 1 мальчик, доучивающийся ученик	могут доучивать
купцы-мерсье 1639		могут доучивать
токари 1642	работники и «подмастерья, завершившие срок своего обучения»	
слесари 1646	1 «слуга, опытный и знающий», присяжные должны счесть его достойным	
изготовители сукна, саржи и шерстяной кисеи 1666		может доучивать, если только присяжные не посчитают, что ученику лучше доучиться у другого мастера
красильщики всей Франции 1669		могут доучивать
производство сукна, саржи и других тканей всей Франции 1669		могут доучивать
столяры 1684	1 подмастерье	
колбасники и сосисочники 1685		могут доучивать («вдова имеет право обязать ученика служить ей...»)
бакалейщики 1692		могут доучивать
шляпники, 1700		могут доучивать
медники 1701	1 подмастерье	
литейщики 1701	1 подмастерье	могут доучивать
аппретурщики тканей (кроме сукна) 1703		могут доучивать
колпачники 1706	«со своими детьми или способными и сведущими в ремесле подмастерьями»	могут доучивать; штраф за нового ученика — 25 турецких ливров
слесари 1708	1 «слуга, знающий и опытный», его представляют присяжным, он проходит испытание	не могут доучивать

профессия / год	подмастерья / работники	ученики
изготовители шерстяной кисеи 1710	«подмастерья, завершившие обучение ремеслу»	
портные и старьевщики 1716	2 мальчика	могут доучивать
свечные мастера 1733		могут доучивать
колпачники 1735	«со своими детьми или способными и сведущими в ремесле подмастерьями»	могут доучивать; штраф за нового ученика — 25 турецких ливров
басонщики 1736		могут доучивать
веревочники 1736	2 подмастерья	могут доучивать
литейщики 1741	1 или 2 подмастерья	могут доучивать
ножовщики 1739		могут доучивать
булочники 1743		могут доучивать
повара, торгующие жареным мясом 1757		могут доучивать

Для подмастерьев существовало особое испытание. Оно не давало возможности стать мастером, поскольку не приравнивалось к шедевру, но давало право работать в мастерской вдовы. Таких случаев три, и относятся они к двум ремеслам. В регламенте реймских аптекарей 1552 г. (взявших парижский устав 1536 г.) было записано: «подмастерья и слуги, призванные вдовами, чтобы заниматься аптекарским искусством во время их вдовства», будут испытаны двумя докторами медицины и присяжными, не как для шедевра, но чтобы убедиться, что умеют и знают²⁰. Второе ремесло — слесари (устав 1646 г.): слуга, опытный и знающий, будет представлен вдовой присяжным в течение двух недель, а если не будет сочтен достойным, его не примут, и вдова не может работать, пока его не примут²¹. Во всем корпусе источников лишь слесари указали подобное временное ограничение: главной опасностью, с точки зрения ремесленного сообщества и для общественного мнения, представлялась неквалифицированная работа в таком тонком и опасном (в криминальном плане) ремесле. В 1708 г., при утверждении новой редакции устава, указанный запрет был снят, но появи-

²⁰ AMR. FA. C. 680. Liasse 7. Suppl. IX. Fol. 6; *Prevet F.* Les statuts et règlements des apothicaires. Textes intégraux, accompagnés de notes critiques. P., 1950. T. II. P. 89.

²¹ *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 601–602. [XXI.] ст.

лось требование испытать работника (*serviteur*), «который будет принят компаньоном, изготовив замок в полтора оборота»²² — выполнив нечто вроде шедевра, который не давал права стать мастером, но давал право работать подмастерьем. Можно предположить, что испытания и проверки должны были бы быть более традиционными и более частыми²³, а записывали их для тех ремесел, где недостаток знаний и опыта могли быть опасны.

Еще один важный момент, касающийся таких подмастерьев и не проявившийся в реймских текстах, но известный, в частности, по уставу парижских бакалейщиков и аптекарей 1638 г., — клятвы. Вдовы бакалейщиков и аптекарей, решившие продолжить работу, обязаны были нанять знающего и опытного слугу, кандидатура которого должна была быть одобрена присяжными. Затем вдовы и слуги должны были принести клятву «хорошо и верно приняться [за] изготовление и заниматься сбытом и продажей указанных товаров и хранить наши настоящие ордонансы»²⁴. Она сходна с вступительной клятвой нового мастера²⁵, которая означала начало работы в профессии, в то время как клятва вдовы и ее слуги связана с продолжением работы, с пролонгацией прежнего статуса мастера («точно также, как могли делать их мужья при жизни»), которая «производилась» другими людьми. Один из них (вдова) обладал статусом мастера, второй (слуга) — профессиональными знаниями. В итоге весьма похожая на клятву мастера клятва вдов и слуг сократилась почти на треть. Частично — за счет того, что были сняты буквальные повторы: «настоящие ордонансы» вместо ордонансов полиции и уставов; «указанные товары» вместо «изделий, от него

²² Ibid. P. 595. XVI ст.

²³ Известно, например, правило, что вдова должна была представить работника присяжным и получить их согласие. Так, в уставе реймских портных 1628 г. (в основе которого лежит парижский регламент 1619 г.) было сказано, что работника и мальчика (слугу) должны утвердить присяжные, «чтобы предотвратить злоупотребления»: Ibid. P. 511. [X] ст.

²⁴ *Prevet F.* Op. cit. T. III. P. 278–279. 14 ст.

²⁵ «Хорошо и верно приняться за дело указанного искусства и торговли, [за] изготовление, сбыт и продажу изделий, от него зависящих, хранить и соблюдать ордонансы полиции и уставы ононого [искусства]: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 277. 8 ст. Отдельные статьи этого устава см.: Французские ремесленники и торговцы / Пер. с франц., комм. Е.Н. Кирилловой // Гендерная история Западной Европы. Хрестоматия. Кн. VIII. XVII в. М., 2009. С. 265–269.

зависящих». Из содержательных изменений отметим отсутствие выражения «за дело указанного искусства и торговли» в клятве вдов и слуг, что, вероятно, и отражало отсутствие «вступления» в профессиональное сообщество. Исчез глагол «соблюдать» по отношению к ордонансам и уставам (осталось — «хранить» ордонансы), хотя в процессе работы и вдовы, и их слуги были обязаны не только хранить, но и в точности соблюдать все правила и установления. Все сокращения в клятве вдов и слуг «отсылают» к клятве, принесенной мастером, работают на ее подтверждение и подчеркивают повторность новой клятвы.

Не очевидна степень обязательности: *могут* вдовы брать работников или же они *обязаны* это делать? Встречается выражение «могут иметь лишь»²⁶, что скорее говорит об ограничениях, чем о привилегированности. Однако в подавляющем большинстве случаев речь идет именно о праве вдов, и чаще всего фраза о подмастерьях и слугах выступает частью конструкции о вдовьем праве: «вдовы смогут держать лавку и работать в ремесле с помощью подмастерья» или «имея (в своем распоряжении) слугу». Таким образом, наличие знающего ремесла работника логически сочетается с наличием мастерской и возможностью заниматься ремеслом.

Выражения, обязывающие вдову взять помощника, использованы в единичных случаях: у слесарей (у аптекарей в уставе 1552 г. нет отдельной статьи о вдовьем праве) и у столяров (устав 1684 г.)²⁷.

Вызывает вопросы и термин «слуга» (*serviteur*). Рядом с «подмастерьем» (*valet, compagnon*) и по контрасту с ним слуга представляется неквалифицированным или малоквалифицированным работником. А такое понимание термина «слуга» разрушает самую основу представления о вдовах как не обладающих знанием ремесла. Действительно, в мастерской два человека — вдова и слуга, и если слуга не знает ремесла, его должна знать вдова, иначе мастерская не сможет функционировать. Однако почти во всех текстах слуга, как и

²⁶ Регламент портных 1628 г.: *Varin P.* Op. cit. P. 511. [X] ст.

²⁷ «et à condition néanmoins qu'elles seront obligées, pour la conduite de leurs ouvrages et boutique, de prendre un bon compagnon expert au fait dudit mestier»: *Ibid.* P. 351. LV ст.

подмастерье, определяется как человек, знающий ремесло, чье обучение уже завершено, то есть предположение о возможном неквалифицированном работнике при обладающей профессиональными знаниями хозяйке мастерской (вдове) не проходит.

Следует в то же время учесть, что для обозначения подмастерьев каждый из регламентов обычно применяет только один термин. И лишь в двух уставах — шорников 1581 г., изготовителей седел и каретников 1592 г. — для работников и помощников использованы два различных термина. В статьях о вдовах — «слуга» (*serviteur*); в других статьях — «подмастерье»: *compagnon* у шорников и *valet* у седельщиков. Однако ни тот, ни другой тексты не позволяют однозначно противопоставлять слуг подмастерьям как неквалифицированных работников квалифицированным. Скорее здесь следует предполагать интерполяции в уставах, но можно усматривать и разные традиции наименования помощников, работающих у мастера или у мастерицы и потому выполняющих разную работу и, соответственно, занимающих разное место в мастерской.

Передача профессиональных знаний. В мастерской вдове могли помогать не только подмастерья или слуги, но и ученики, которые переходили к вдове после смерти мужа вместе с мастерской и со всем, что в ней было. Что происходило с ними в профессиональном плане?

Обычно вдова имела право доучить учеников, начавших обучение у мастера, и регламенты не считали нужным уточнять, кто на самом деле будет заниматься такими учениками: вдова или ее подмастерье, и предполагалась ли на этом этапе передача новых профессиональных знаний или только закрепление знаний и навыков, полученных ранее от мастера.

Всего для Реймса известно 22 случая, когда регламенты утверждали за вдовой право доучивать учеников ее мужа — тех, которые были его учениками на момент его смерти, и немного меньше, если считать профессии, а не регламенты. Категорически запретили вдовам доучивать только слесари (устав 1708 г.) — вдова обязана была передать ученика другому мастеру²⁸.

²⁸ Ibid. P. 595. XVII ст. В предыдущем их уставе 1646 г. эта статья отличается исключительным своеобразием: ничего не говорилось об обязательности дальнейшего обучения у вдовы или у другого мастера, было лишь сказа-

В общефранцузских регламентах зафиксировано право вдовы доучить учеников, находившихся в обучение у ее мужа на момент его смерти²⁹. Здесь, как и в реймских текстах, не оговаривался срок, который такие ученики должны были бы провести у мастера, прежде чем иметь возможность перейти в категорию «тех, кто доучивается». Именно опасение получить мастера, практически не обучавшегося у настоящего специалиста, и вызывало редкие запреты доучивать и традиционные — брать новых учеников.

Итак, вдова не имела права принимать новых учеников, и это кардинально отличало ее от мастера. Среди всех реймских ремесел лишь ткачи полотна (1581 г.) допускали, что вдова может принять новых учеников после того, как прежние доучились свой срок³⁰, что несомненно объясняется спецификой профессии, которой владели и нередко профессионально занимались женщины. Зато колпачники (уставы 1706 и 1735 гг.) не просто запретили брать новых учеников, но даже установили за это большой штраф в 25 турецких ливров³¹. И поскольку почти всякое правило основывалось на соответствующем казусе, можно утверждать, что вдовы колпачников все же рисковали принимать новых учеников, что опять же было связано со спецификой ремесла — мастера вязали колпаки, чулки, варежки, перчатки, митенки и другие изделия, что относится к числу традиционных для женщин занятий, и именно в этой реймской корпорации было более 50% женщин (в 1576 г.)³². В уставах 1706 и 1735 гг., в статье о полу-

но, что наследники умершего мастера должны представить его учеников присяжным в течение двух недель после его смерти, и если присяжные не сочтут их достойными, они не будут приняты в мастера: Ibid. P. 602. [XXIII] ст. Из чего можно сделать вывод: если присяжные находили такого ученика достаточно подготовленным, он получал уникальную возможность стать мастером, не доучившись полагавшихся ему трех лет.

²⁹ Регламент красильщиков 1669 г.: Ibid. P. 906–907. XCIII ст. Производство сукна, саржи и других тканей всей Франции 1669 г.: Recueil des reglements generaux et particuliers concernant les manufactures et fabriques du royaume. T. I. P., 1730. P. 296. L ст. В действовавших во всем королевстве регламентах музыкантов 1658 г. и цирюльников 1725 г. нет статей о вдовьем праве.

³⁰ Varin P. Op. cit. Vol. 2. P. 300-301. XXII ст.

³¹ Ibid. P. 283. VIII ст.

³² Об этом ремесле см.: Кириллова Е.Н. История о не-гендерном конфликте (реймские колпачники в 1576–1581 гг.) // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. 2004. № 7. С. 117–129.

чении метризы (права заниматься ремеслом) законнорожденными сыновьями мастера даже встретилось выражение: «если они обучались профессии у своих отца и матери»³³. Но его можно трактовать двояко: и как признание профессиональной компетенции женщин, владевших ремеслом и умевших самостоятельно научить ему детей, и как выражение, синонимичное слову «семья».

Термин «ученик», как и «слуга», имел разные значения. У ткачей полотна в 1581 г., например, «учениками» (*apprentis*) названы и те, кто обучался ремеслу, и те, кто, зная ремесло, нанимался к мастеру на работу, и кого следовало бы определять как подмастерьев.

Не всегда у вдовы оставались все ученики ее мужа. Так, в регламенте суконщиков 1569 г. говорится о возможности доучить одного ученика, хотя у мастера их могло быть и два³⁴ — и неизвестно, что происходило со вторым учеником. Подобные ситуации могли иметь место и в других корпорациях, особенно когда мастер имел право брать следующего ученика за год или за пол года до окончания обучения предыдущего, что было записано во многих уставах.

В регламентах обозначены две возможности разрешения подобных казусов. Прежде всего, это отсылка к мнению присяжных, которые могли посчитать, что ученикам лучше доучиться в другом месте. Такое правило было установлено в регламенте изготовителей сукна, саржи и шерстяной кисеи 1666 г.³⁵ При этом в предыдущем их регламенте 1664 г. вообще не оговорено, что происходило с учеником в случае смерти мастера, принявшего его в обучение. Ученик не имел права покинуть дом мастера без уважительной причины и без его письменного согласия, не доучившись свои три года. И только если мастер прекращал заниматься ремеслом, тогда ученик мог доучиться у другого мастера³⁶. Регламент 1664 г. был не первым для этого профессионального сообщества (1292, 1340, 1569, 1572, 1599, 1618 гг.), насчитывавшего в то время 215 мастеров, и потому «исчезновение» весьма актуальной нормы и ее трансформация в 1666 г. в правило о мнении присяжных не могли

³³ «ou qu'ils aient fait la profession chez leurs pères et mères»: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 284. XIII ст.

³⁴ *Ibid.* P. 198. XXI ст.; P. 196. IX ст.

³⁵ *Ibid.* P. 683. XVI ст.

³⁶ *Ibid.* P. 799. X ст.

не быть связаны с ситуацией, сложившейся в этой активно развивавшейся отрасли реймской экономики, нуждавшейся в квалифицированных работниках.

Второй вариант — добровольный отказ вдовы от ученика, обучавшегося у ее мужа. Так, стригальщики, пропаривальщики, катальщики, прессовщики, каландровщики и аппретурщики тканей (кроме сукна) в уставе 1703 г. записали, что вдова может предпочесть передать ученика другому мастеру, входившему в корпорацию, но не останавливались на причинах подобного решения³⁷.

Оба варианта, предполагая в качестве оправдания профессиональную некомпетентность вдов, являются ущемлением их прав и преимуществом для мастеров-мужчин, тем более, что, как хорошо известно, в последние годы или месяцы своего обучения ученик, являясь уже квалифицированным работником, представлял в этом качестве большой интерес для возможных работодателей. Несомненно, что вопрос об учениках, на любом этапе их обучения, был принципиально важен для ремесленных и торговых корпораций, как и вопрос об имени и статусе мастера.

Во второй половине XVII–XVIII вв. в реймских ремеслах стали встречаться «*одадживание*» вдовами имени и клейма, сдача имени *внаем*. В новом регламенте булочников и кондитеров 1743 г. в добавление к традиционной статье о вдовьем праве было сказано, что вдова может пользоваться правом метризы исключительно сама, а не для других, одолжив (ссудив) свое имя или сдав его *внаем*³⁸. Это означает, что были случаи, когда вдова решала не заниматься ремеслом³⁹, а предоставляла свое имя и свое право на ремесло — бесплатные для нее — человеку, который таким правом не обладал и, по всей вероятности, не мог его обрести иным способом⁴⁰, за что вдова

³⁷ «l'apprentif pourra continuer son apprentissage chez la veuve, si mieux n'aime en faire remise à un autre maître de la communauté pour achever son temps»: Ibid. Vol. 3. P. 126. XIII ст.

³⁸ Ibid. Vol. 2. P. 158–159. XXIX ст.

³⁹ Что происходило со вдовами не только булочников, см.: Кириллова Е. Н. Отказ от ремесла: мотивы, последствия, предположения // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. 2009. Вып. 70 (1–2). С. 253–254.

⁴⁰ Только для того, чтобы избежать опасности, купцы-бакалейщики (устав 1692 г.) могли пользоваться чужим именем и чужим клеймом, обязательно и заранее, до прибытия товаров, предупредив должностных лиц сообщества о

получала особую плату. Работавший у вдовы подмастерье также пользовался ее именем и ее правом на работу, но при этом вся его трудовая деятельность происходила в ее мастерской. Подобное положение вещей считалось нормой, независимо от степени участия вдовы в работе. Так, парижские аптекари и бакалейщики в 1638 г. запрещали вдовам «уступить свою лавку какому-либо слуге, если они действительно не проживают в домах и лавках со слугой», и если торговля, оптовая или розничная, не ведется от их имени⁴¹. Здесь же, видимо, речь идет о пространственном разделении: мастерская (комната?), в которой работают, не принадлежит вдове и находится не в том доме, которым она владеет и в котором живет⁴².

Во-вторых, в классическом варианте вдова, как хозяйка всего дела, получала все доходы от него и, соответственно, несла все расходы. У столяров (1684 г.): вдова была обязана предоставлять работникам дерево, инструменты и пропитание, как это делал при жизни ее муж. При «одадживании» имени она получала оговоренную сумму или процент, в любом случае — не весь доход (таким же образом она могла бы сдать помещение).

В регламенте реймских сапожников и починщиков 1774 г. есть подобное правило о недопустимости «одадживания», и относится оно не только ко вдовам, но и к мастерам⁴³. Уточняется, что имена (и право заниматься ремеслом) заимствовали компаньоны, желавшие «работать в своих комнатах» — те, кто не имел ни мастерских, ни лавок и не вступал в корпорацию.

Напротив, устав цирюльников всего королевства 1725 г. разрешал сдавать привилегии внаем. При перечислении лиц, у которых проводят досмотры прево-синдики (должностные лица) корпорации, упомянуты мастера, вдовы и «наниматели» (*locataires*)⁴⁴. Собственник привилегий не был обязан проживать вместе с тем, кому он их сдал, но не имел права работать в ремесле под угрозой

подобных обстоятельствах, под угрозой весьма серьезного наказания — лишения метризы, объявления товаров «иностранными» и 50 ливров штрафа: *Varin P.* Op. cit. Vol. 2. P. 987. XXXII ст.

⁴¹ *Prevet F.* Op. cit. Т. III. P. 278–279. 14 ст.

⁴² В регламенте столяров 1684 г., например, в конце традиционной статьи о вдовах сказано, что те обязаны лично находиться в том месте, где работает их подмастерье: *Varin P.* Op. cit. P. 351. LV ст.

⁴³ *Ibid.* P. 248. XII ст.

⁴⁴ *Ibid.* Vol. 3. P. 209. XXXVIII ст.

лишения привилегий и 100 ливров штрафа. Наниматель привилегий в течение недели регистрировался в особом регистре в канцелярии первого хирурга, платил сообществу 4 ливра под угрозой штрафа в 20 ливров, и не мог пересдавать полученные права без письменного согласия их собственника⁴⁵.

Статус мастера соответствовал вполне определенному «объему» привилегий, который выступал здесь объектом сделки — договора найма. Рамки, установленные для собственника и для нанимателя привилегий, заданы корпоративным характером собственности, и демонстрируют ограниченность рынка услуг и рынка сбыта в раннее Новое время, как и способы контроля над ними: место, занятое нанимателем, не могло больше служить своему владельцу, но и наниматель обладал лишь правом пользования, не получая права распоряжения взятыми внаем привилегиями. Подобная манера распоряжения правами и привилегиями в XVIII в. представлялась приемлемой в масштабах государства, или точнее — с позиции центральной власти, не «видевшей» разницы между привилегиями ремесленника и многими другими привилегиями, с которыми такие действия производились. Однако в реймских корпорациях в XVIII в. такое отношение к корпоративным привилегиям полагалось недопустимым. Их не считали возможным «отделять» от человека, имевшего на них право, независимо от жизненных обстоятельств (таких, например, как болезнь, немощность — о них даже не упоминают) и, несмотря на отдельные казусы, явно известные и булочникам, и сапожникам, а оба реймских примера относятся к довольно многочисленным специальностям⁴⁶.

Все вышесказанное относилось к текстам, упоминавшим о подмастерьях, рабочих или помощниках у вдовы, которые составляют немногим больше половины от общего числа уставов, содержащих статьи о вдовьем праве (см. таблицу выше). Такие статьи без каких-либо упоминаний о помощниках есть у реймских мясников (1467 и 1737 г.), булочников и кондитеров (1561 и 1743 г.), изготовителей шелковых изделий (1600 г.), обивщиков мебели (1616 г.), купцов-мерсье (1639 г.) и мерсье, объединивших-

⁴⁵ Ibid. P. 209–210. XXXIX–XL ст.

⁴⁶ В 1571 г. в Реймсе было 79 сапожников и 55 починщиков обуви: Ibid. P. 238–239. При утверждении нового регламента 1743 г. присутствовали и расписались 28 булочников и кондитеров: Ibid. P. 161–162. Not.

ся с суконщиками (1704 г.), колбасников и сосисочников (1685 г.), бакалейщиков (1692 г.), аппретурщиков тканей (кроме сукна, 1703 г.), свечных мастеров (1733 г.), басонщиков и пуговичников (1736 г.), ножовщиков (1739 г.), поваров, торгующих жареным мясом (1757 г.), сапожников и починщиков (1774 г.).

Вообще не упоминают о вдовах мастеров кожевники и дубильщики кожи (1535 г.), шляпники (1570 и 1630 гг.), пряничники (1571 и 1708 гг.), корзинщики (1588 г.), сукноделы (1599 г.), бочары (1606 г.), изготовители режущих инструментов (1612 г.), каменщики (1625 и 1730 г.), булавочники (1635 г.), кузнецы (1644 г.), монетчики (1725 г.), хотя во всех этих корпорациях, кроме последней, где работали только и исключительно мастера-мужчины, нет и, видимо, не могло быть запрета вдовам работать. Вдовы присутствуют в списках бочаров, пряничников, изготовителей режущих инструментов и торговцев скобяными изделиями; каменщики упоминают о похоронах мастериц. Женщины не «исчезли» от того, что о них ничего не написали в регламентах, однако причины их отсутствия в текстах заслуживают внимания.

Одно из возможных объяснений — отсутствие противоречий между существующими обычаями и практикой, отсутствие конфликтов, с наибольшей вероятностью побудивших бы составителей регламентов к записи соответствующих норм. Из чего логически следует возможность признания профессиональной компетенции женщин и возможность их равенства с мастерами-мужчинами, применительно к конкретным ремеслам и на определенных этапах их истории: статусного равенства, признаком которого служат равные взносы, и профессионального, соответственно — право обучать «с нуля». И те, и другие примеры известны в Реймсе. Несомненно, что логические построения, основанные частично на нормативных актах, могут как приближать исследователя к реальности, так и выстраивать между ними дополнительные барьеры. Преодолению этого служат сведения, почерпнутые из источников другого рода, в том числе — из списков мастеров, хотя одних только списков недостаточно.

Исследование показало, что представление о вдове как номинальном мастере — мастере «по статусу», но не специалисте, соответствует ситуации, лучше всего прописанной в источниках, по-

скольку она была чревата конфликтами и наиболее опасна для профессионального сообщества и для общества в целом. Такая ситуация вынуждала к установлению ограничений, создававших неравенство людей, обладавших одним и тем же статусом — статусом мастера, что противоречило сути и духу корпораций как объединения равных. С другой стороны, принять подобное решение было тем проще и «естественней», что «профессионально» неравными в его результате оказывались люди, и без того неравные — мужчина и женщина. Установление профессиональной дифференциации в зависимости от пола и вне связи с профессиональными качествами произошло в самом начале истории ремесленных и торговых корпораций, и к раннему Новому времени воспринималось как норма. Точнее все же — как одна из норм жизни профессионального сообщества, поскольку существовала и другая традиция — отсутствие ограничений для вдов, продолжавших заниматься ремеслом, что было продемонстрировано на конкретных примерах, показательных тем более, что они относятся к поздней истории корпораций и к городу, в котором не было исключительно женских корпораций (в отличие от ряда других французских городов). Этот вариант нормы слабо прослеживается по регламентам, что никак не может свидетельствовать против него, так как нормативные акты призваны были фиксировать ограничения, и в меньшей степени — безусловные права.

*Кириллова Екатерина Николаевна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник,
ученый секретарь ИВИ РАН
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-06-70; E-mail: kkirillova@mail.ru*

Л. Л. СЕЛИВАНОВА

РОССИЙСКИЕ АМАЗОНКИ НА СЛУЖБЕ ЕЁ ВЕЛИЧЕСТВА

Ключевые слова: внешняя и внутренняя политика России при Екатерине II; Крымское путешествие императрицы в 1787 г.; женщины в русской армии XVIII в., миф об амазонках.

Аннотация: Миф об амазонках оказался исключительно живуч и активно применялся в разных целях, в том числе и в политических, в Античности, в Средние века, в Новое время. В статье рассматривается, как миф об амазонках использовался в политике России XVIII в. Речь идёт о малоизвестной странице российской истории — о формировании князем Г. А. Потёмкиным в Крыму роты вооруженных женщин.

Древние греки и римляне помещали амазонок в разных частях ойкумены, но чаще всего в Малой Азии, на р. Фермодонт, где находилась столица амазонского царства Фемискира¹. После захвата города, согласно Геродоту (IV. 110–117), пленённые и вывезенные греками на кораблях амазонки подняли в море бунт, перебили мужчин и в течение нескольких дней, гонимые ветром, носились по волнам Чёрного моря, пока их не прибило к Кремнам² на озере Метотида (Азовское море). Здесь они захватили табун лошадей³ и стали грабить скифскую землю. Скифы выставили против амазонок свои отряды, полагая, что имеют дело с ещё безбородыми юношами,

¹ *Serv. ad Verg. Aeneid. II. 11. 659; ad Apoll. Rhod. II. 977; Apollod. II. 5. 9; Paus. I. 2; 15; Strabo. I. 3; XI. 5; XII. 3 etc.*

² Кремны («Кручи») — городок на западе Приазовья между оз. Молочным и р. Домузглы в Запорожской обл. Склоны у самого устья Домузглы, действительно, крутые. Район Кремн был периферийной землёй царских скифов, где были обнаружены крайние восточные курганы. По Геродоту, царские владения, где живут храбрейшие скифы, находились «по ту сторону реки Герра», западнее Молочной. См.: *Яценко И. В. Скифия VII–V вв. до н.э. М., 1959. С. 19, карта.*

³ Обширные степные пространства, а также речные берега с сочными пастбищами издавна были раздольем для диких лошадей, которые водились здесь вплоть до средневековья. Об этом свидетельствуют и современные топонимы: древний Гипакирис — это река Конка, впадающая в Днепр через плавни («Конские Воды»), а Гипанис (Горный Тикич) вытекает из озёр, среди которых расположены с. Конела, а восточнее — с. Кобыляки.

пока не поняли, что это женщины. После этого боевые действия были прекращены, и к амазонкам, от которых скифы хотели иметь сильных детей, был послан цвет скифской молодежи по числу женщин. Юношам было приказано стать соседним лагерем, в стычки не ввязываться, убегать. Со временем оба стана стали жить вместе, затем молодые скифы вместе с амазонками выселились на север, за Танаис (Дон)⁴, где стали родоначальниками племени савроматов, сохранивших обычаи амазонок. Таким образом амазонки оказались в краях, которые позже будут называться южнорусскими степями.

Миф о воинственных женщинах древности оказался на редкость живуч и пережил века. Его активно применяли в разных целях, в том числе и в политических, в античную эпоху⁵, Средние века, в Новое время. О том, как миф об амазонках использовался в политике и дипломатии России XVIII в., и пойдет речь в статье.

После победы над турками в войне 1768–1774 гг. Керчь и окрестности, отошедшие к России по Кючук-Кайнарджийскому мирному договору, стали заселяться греками. А после того, как в 1783 г. Екатерина присоединила Крым к России, начался следующий этап греческого заселения. История возвратилась на круги своя: в античную эпоху Боспор был одним из основных проводников греческого влияния на местное, скифское и синдо-меотское население, прошли века, полностью сменился этнический состав полуострова, и на Боспоре вновь оказались греки. «Новый свет просиял в древнем Понтийском царстве под руководством завоевателя Тавриды», — писал племянник Г. А. Потёмкина А. Н. Самойлов⁶. Из греков было образовано так называемое Албанское воинство, в задачу которого входило не-

⁴ С тех пор Танаис стал границей между Скифией и Савроматией. По мнению акад. Рыбакова, считавшего Танаис не Доном, а Северским Донцом и низовьями Дона, савроматы жили в междуречье Донца и Дона, а также на юго-востоке от излучины Танаиса — Донца на три дня пути, т. е. в Сальских степях по Манычу, где имеется много савроматских памятников. См.: Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. Историко-географический анализ. М., 1979. С. 28, 54, 62.

⁵ См., например: *Schaps D. The Women of Greece in Wartime // Classical Philology*. 1982. Jul. Vol. 77. № 3. P. 193–213; *Tyrrell W. B. Amazons, a Study in Athenian Mythmaking*. Baltimore, 1984; *Lindblom A. The Amazons. Representatives of Male or Female Violence? // Arctos*. 1993. 33. P. 67 ff.; *Block J. H. The Early Amazons. Modern and Ancient Perspectives on a Persistent Myth (Religions in the Greco-Roman World. 120)*. Leiden–New York–Köln, 1995.

⁶ *Самойлов А. Н. Жизнь и деятельность генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потёмкина // Русский архив*. 1867. С. 1015.

сение кордонной службы от Севастополя до Феодосии, карантинной службы во время частых эпидемий, а также надзор за порядком на полуострове. Во всех последующих Крымских войнах греки выказали себя преданными русскому престолу. В том же, 1783 году Светлейший Князь Потёмкин был назначен генерал-губернатором Новороссийской, Азовской и Астраханской губерний, в 1784 г. был пожалован в генерал-фельдмаршалы, назначен шефом кавалергардского корпуса и генерал-губернатором Крыма⁷. Сразу же он приступил к деятельному обустройству этого края, проявив при этом недюжинный талант организатора.

В разговорах с императрицей он не раз с воодушевлением рассказывал, какие храбрые и мужественные воины греки, и что даже женщины их обладают доблестями мужей. Наконец, государыня, смеясь, спросила, чем он может это доказать? Светлейший обещал убедить её на месте⁸, чем и подвиг на путешествие в «полуденный край». Разумеется, главной целью поездки было показать Порте и её западным союзникам силу и военную мощь Российского государства, посредством, в том числе и демонстрации Черноморского флота.

План этого предприятия вызревал давно. Ещё в 1780 г. Екатерина с подачи Вольтера увлеклась так называемым «греческим проектом» — идеей освобождения Греции от турецкого владычества. Потёмкин, будучи горячим сторонником этой идеи, связывал её с присоединением Крыма к России⁹. Екатерина замыслила поездку в Крым сразу после его покорения, но намерениям её помешала эпидемия чумы, свирепствовавшая на юге империи. Наконец, весной 1784 г. начались приготовления к поездке. 13 (24) октября 1784 г. Г. А. Потёмкин подписал ордер «О приуготовлении на различных станциях известного числа лошадей, о местах, где во время путешествия будут обеденные столы, о дворцах, которые должны строиться по присланному рисунку, о квартирах в городах для свиты императрицы» и т. п.¹⁰ Князь сам разработал маршрут путешествия¹¹: через Смоленск, Новгород-Северский, Чернигов в Киев,

⁷ Семевски М. Князь Г. А. Потёмкин-Таврический 1739–1791. Биографический очерк // Русская старина. 1875. Апрель Т. 12. № 4. С. 692.

⁸ Дуси Г. Записка об амазонской роте // Москвитянин. 1844. № 1. С. 267.

⁹ Есипов Г. В. Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. 1890–1891. С. 182.

¹⁰ Брикнер А. Г. Потёмкин. СПб., 1891. С. 82, 91.

¹¹ Маркевич А. И. Материалы архива канцелярии Таврического губерна-

оттуда по вскрытии вод на судах по Днепру до Нового Кайдака (где назначено было быть губернскому городу Екатеринославу), дальше посуху в Херсон, Тавриду и обратно через Черкасск, Бахмут, Изюм, Харьков, Курск, Орел, Тулу и Москву. В 1786 г. в Санкт-Петербурге вышла книга, описывающая маршрут, природные богатства и экономическое состояние территорий, по которым он пройдёт¹². 7 января 1787 г. царский поезд отправился в путь¹³. Путешествие в Крым обошлось казне в 15 миллионов рублей и ещё около 4 миллионов рублей самого Потёмкина (его годовой доход), хотя недоброжелатели поговаривали, что его расходы составили несколько сот миллионов рублей. Помимо придворных и высших сановников в свиту императрицы входили иностранные посланники: австрийский Кобенцель¹⁴, французский Луи Филипп Сегюр (позже член французской академии наук, автор восьми книг, оставивший интересные свидетельства о путешествии), английский Фиц Герберг и два испанских принца — Шарль Жозеф де Линь¹⁵ и Карл Генрих Нассау-Зиген (принц Нассауский)¹⁶. Все они вели ак-

тора, относящиеся к путешествию императрицы Екатерины II в Крым в 1787 г. // Известия Таврической Учёной Архивной Комиссии. (Далее — ИТУ-АК.) 1891. № 11. С. 88.

¹² Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб., 1786.

¹³ *Есипов Г. В.* Путешествие императрицы Екатерины II в южную Россию в 1787 году // Киевская старина. 1890. Т. 31. Декабрь. С. 391; *Семевски М.* Указ. соч. С. 696.

¹⁴ Кобенцель Людвиг (1753–1809) — граф, известный австрийский государственный деятель, дипломат, посланник в Пруссии (1774–1779), а затем посол в России (1779–1800); многое сделал для сближения Австрии и России; министр иностранных дел (1800), канцлер и глава правительства (1801–1805).

¹⁵ Принц Шарль Жозеф де Линь (Charles-Joseph de Ligne, 1735–1814), австрийский фельдмаршал, сподвижник Г. А. Потёмкина, происходил из знатного бельгийского рода. В 1782 г. был послан императором Иосифом II с важными поручениями к Екатерине II и надолго остался в России. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. де Линь находился при армии Потёмкина, участвовал в осаде и взятии Очакова. Принц оставил после себя многочисленные сочинения, выборку из которых опубликовала в 1809 г. французская писательница А.-Л. Ж. де Сталь (1766–1817) под заглавием «Lettres et pensées».

¹⁶ Карл Генрих Николай Отто, принц Нассау-Зиген (1743–1808), прозванный современниками «паладином XVIII века», состоял на русской службе в 1788–1794 гг., адмирал русского флота, сопровождал Екатерину в Крымском путешествии, находился в дружеских отношениях с Потёмкиным.

тивную переписку и дневники. Эти документы опубликованы в дореволюционных журналах, в частности, в «Русской старине»¹⁷. В Каневе Екатерина встретила польского короля Станислава-Августа Понятовского. Близ Кайдан (после Канева) к кортежу присоединился австрийский император Иосиф II, путешествовавший инкогнито, под именем графа Фалькенштейна¹⁸. 18 мая кортеж пересёк границу Таврической области. 12 дней, вплоть до 31 мая Екатерина со свитой обзревала «своё маленькое хозяйство». Огромное впечатление на иностранцев произвёл Черноморский флот, эффектно представленный Светлейшим в Инкермане¹⁹, а также последующая поездка на шлюпках в Севастополь²⁰.

Памятуя о своём обещании императрице, Потёмкин отдал приказ командующему Балаклавским Греческим полком на Русской службе премьер-майору К. Ю. Чапони сформировать роту вооружённых женщин. Светлейший сам занялся конструированием новой формы для амазонок. Князь был большой щеголь²¹ и не раз поражал придворных на балах своими затейливыми нарядами²².

¹⁷ Так, принц Нассауский ежедневно писал письма своей супруге в Варшаву и вёл подробные дневники. См.: *Принц Нассауский*. Императрица Екатерина II в Крыму, 1787 г. // *Русская старина*. 1893. Ноябрь.

¹⁸ Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II. СПб., 1865. С. 276–277.

¹⁹ Там же. С. 213–215.

²⁰ При вступлении на катер императрица изволила сказать: «Здравствуйте, друзья мои! Как далеко я ехала, чтобы только увидеть вас!» — «От евдакой матушки царицы чего не может статься!» — галантно отвечал загребной матрос Жаров, лучший шкипер во флоте. Обратившись к командующему флотом гр. Войновичу по-французски, Екатерина не без удовольствия заметила: «Какие ораторы твои матросы!» См.: *Сенявин Д. Н.* Путешествие императрицы Екатерины II в Тавриду // *Морской сборник*. 1855. Т. 15. Апрель. С. 144–145.

²¹ «В пристойном, но великолепном убранстве... при торжествах и церемониях он, одеваясь во вкусе высшего щегольства, любил украшаться... драгоценностями, являя, что всё то получил от щедрот монархини» (*Самойлов А. Н.* Указ. соч. С. 1572).

²² Так, устраивая у себя в Яссах пиры, балы и домашние спектакли, на которые выписывались из Петербурга балетмейстер Розетти с фигурантами, князь нередко одевался в гетманское платье, фасон которого выдумал сам, будучи пожалован в январе 1790 г. «великим гетманом казацких войск — екатеринославских и черноморских». Праздник, данный Потёмкиным в Таврическом дворце 28 апреля 1791 г. по случаю победы над турками был чудом роскоши и изящества. Внутреннее устройство дворца и программу сочинял сам

Неудивительно, что в его эскизе смешались элементы греческого, турецкого, крымско-татарского и ещё Бог весть каких костюмов²³. Комиссия утвердила форму, которая состояла из юбки малинового бархата, расшитой золотым галуном и отороченной золотой бахромой, зелёного бархатного спенсера, также обшитого золотым галуном,²⁴ и тюрбана из белой дымки с золотыми блёстками и страусовым пером²⁵. Форма интересна тем, что определённо повлияла на русский вариант «амазонки» — женского костюма для верховой езды, который мы лучше всего знаем по картинам Карла Брюллова «Всадница», «Портрет сестёр А. А. и О. А. Шишмаревых», «Всадники (Портрет Е. И. Мюссара и Э. Мюссар)»²⁶.

Обычно конный парадный портрет изображал мужчину-всадника. Победа над скакуном являлась зримым воплощением силы и власти. Теперь же юная хрупкая девушка укрощает пытающееся встать на дыбы благородное животное. На картине «Всадники» грациозная женщина

Светлейший, который «являлся в алом кафтане и в епанче из чёрных кружев; шляпа его, украшенная галуном из бриллиантов, была до того тяжела, что её носил за князем адъютант». См.: *Семевски М.* Князь Г. А. Потёмкин-Таврический 1739–1791. Биографический очерк // *Русская старина*. 1875. Октябрь. Т. 14. № 10. С. 225, 244.

²³ Уместно привести слова гр. де Сегюра: «Потёмкин может служить живым олицетворением империи Российской: подобно ей — исполин, он совместил в своём уме области плодоносные и степи. В нём являлась смесь азиатского, европейского, татарского и казацкого». Цит. по: *Семевски М.* Указ. соч. С. 259.

²⁴ Зелёный и красный цвета были выбраны, скорее всего, неслучайно: это цвета не только мундиров Греческого полка, но и национальной одежды татар.

²⁵ *Есипов Г. В.* Амазонская рота при Екатерине II // *Исторический вестник*. 1886. Т. 23. № 1. С. 72; *Он же.* Путешествие императрицы. С. 368; Записки графа Сегюра. С. 296–297.

²⁶ Иллюстрации приводятся в указанной последовательности.

непринужденно и горделиво восседает на горячем скакуне, умелой рукой сдерживая его порывистость. Не случайно на выставке 1851 года портрет Мюссаров носил название «Амазонка».

Получив приказ в марте, К. Ю. Чапони был поставлен в затруднительное положение: императрицу ожидали в мае²⁷, времени оставалось очень мало. Тем не менее он сумел сформировать роту из 100 человек. В основном это были жёны и дочери офицеров полка, оставшиеся вакансии были заполнены девушками из других греческих семейств. За два месяца их научили стрелять, фехтовать, скакать верхом, держать строй и перестраиваться. Каждая имела при себе небольшую саблю и ружьё на три выстрела порохом. Командовать над ними была поставлена жена старшего офицера Елена Ивановна Сарандова (впоследствии Шидянская) — дама пышных форм, впрочем, вполне в соответствии со значением слова «амазонка» (если понимать начальную альфу как *intensivum*, а не *privativum*²⁸) да и не в противоречии с античной иконографией. В прежние времена мужчины не

²⁷ Дуси Г. Указ. соч. С. 267.

²⁸ Слово «амазонка» объясняли по-разному: «без хлеба» (*a-maza*), «живущие вместе» (*ama-zoosai*), «с поясами» (*ama-zoonais*), «воин» (от иран. *ha mazan*), «луна» (на черкесском — «*maza*»), «юноша» («*amaze*» на Кавказе), «превосходная женщина» (от калмыкских «*aeme*» и «*tzain*»), «падшая женщина» («*zouneh*» на иврите), «мужеподобные» («*omuzhonyu*» в славянских языках) и т.д. Однако наиболее распространенным является толкование «без груди» (*a-mazos*, или *a-mastos*), восходящее к представлениям древних греков о том, что амазонки удаляли себе правую грудь, чтобы та не мешала стрельбе из лука и вся сила перешла бы к правой руке. Псевдо-Гиппократ писал: «Правой груди они не имеют, ибо ещё во время младенчества матери накладывают на правую грудь накалённый медный инструмент, для этого сделанный, и прижигают её, чтобы уничтожить её рост и чтобы вся сила и полнота перешли к правому плечу и правой руке» (*Hippocrates. De Articulis. 53*). В произведениях искусства, однако, амазонки никогда не изображались с этим увечьем. В древнегреческом языке, к тому же, начальная «альфа» имеет несколько значений, среди которых не только отрицательное (*privativum*), но и усилительное (*intensivum*), последнее при этом меняет смысл с «безгрудой» на «полногрудую».

задыхались при виде чахлах, заморенных созданий неопределённого пола²⁹.

24 мая рота должна была встречать императрицу под Балаклавой, у деревни Кадыковка (Кады-Кой), выстроившись фронтом в конце живописной аллеи, засаженной апельсиновыми, лимонными и лавровыми деревьями. Аллея была усыпана ветвями лавра³⁰. Неожиданно накануне там появился австрийский император Иосиф II, который прибыл, чтобы полюбоваться бухтой и

посмотреть развалины древней крепости. Однако, увидев красоты иного рода, он развернулся и поскакал к девушкам. Подъехав к Елене Ивановне, он взял её за подбородок и поцеловал в губы³¹. Рота взропала, «послышались из фронта слова укоров и мести»³². Тогда Елена, которой на ту пору было девятнадцать³³, скомандовала: «Смирно! Чего испугались? Ведь император не отнял у меня моих губ и не оставил своих!» Из чего можно заключить, что поцелуй был всё-таки горяч. «Куда Вы спрячете свои высокие груди»³⁴,

²⁹ Александр Македонский в письме к матери характеризовал «амазонид» как значительно превосходящих ростом прочих женщин, отличающихся красотой, здоровьем, сообразительностью и остроумием (*Callisth.* III. 27). А у христианского писателя IV–V вв. н.э. Евсевия Иеронима, амазонки изображены «с выставленной напоказ грудью и голыми руками и коленами, вызывающие на состязание сладострастия идущих против них мужчин» (*Hier.* II. 37).

³⁰ Отрывки из записок севастопольского сторожила / Сообщ. А. З. // Морской сборник. 1852. Т. 7. № 1. С. 46.

На иллюстрации выше изображена встреча Екатерины II «амазонской ротой» вблизи Балаклавы в 1787 г.

³¹ Дуси Г. Указ. соч. С. 268; Лашков Ф. Ф. Могила капитана амазонской роты Елены Ивановны Шидянской (Сарандовой) в Симферополе // ИТУАК. Симферополь, 1889. Том 7. С. 85.

³² Уманец А. А. Исторические рассказы о Крыме. Севастополь, 1887. С. 210–211.

³³ Дуси Г. Указ. соч. С. 266.

³⁴ Здесь опять обыгрывается древняя легенда о безгрудых амазонках. Военный историк А. В. Кибовский, ошибочно приписывая эти слова принцу де Линю, объясняет их так: «Принц де Линь... всё путешествие 1787 г. нахо-

если придётся Вам сражаться?» — якобы спросил Иосиф. «Груды драться мне не помешают, Ваше сиятельство!» — ответила амазонка³⁵. На следующий день, 24 мая Иосиф II приехал уже в одной карете с Екатериной и Потёмкиным. Государыня пришла в восторг от бравых воительниц. Потёмкин, вышедши из кареты, просил позволения у государыни стрелять Амазонской роте, она запретила, и, подозревая Елену Ивановну, тоже поцеловала её в губы, потрепала по плечу и сказала: «Поздравляю Вас, амазонский капитан! Ваша рота исправна: я ею очень довольна»³⁶. Светлейший сиял: сюрприз удался! Григорий Александрович — личность выдающаяся, истинный вдохновитель и строитель Черноморского флота, он проявил себя не только прекрасным организатором, прозорливым политиком и умелым дипломатом³⁷, но и тонким психологом. Незначи-

дился в какой-то эйфории, ощущая себя чуть ли не в райской Аркадии с идеальной правительницей Екатериной II. Вероятно, и «амазонские груди» — плод его восторженного воображения или просто литературный оборот, подчёркивающий женский состав роты или какую-либо особенность её одяния». См.: *Кибовский А. В.* Амазонская рота. 1787: Курьёз или первое женское подразделение в России? // *Цейхгауз.* № 6 (1/1997). С. 18.

³⁵ *Уманец А. А.* Указ. соч. С. 212.

³⁶ *Дуси Г.* Указ. соч. С. 268; *Лаишков Ф. Ф.* Указ. соч. С. 85.

³⁷ Скептицизм и недоверие иностранных посланников, принцев и королей после посещения Крыма исчезли. Сегюр в письме к Потёмкину, написанном сразу же после путешествия, обещал: «Я там [во Франции — Л.С.] с восторгом опишу все те чудные картины, которые вы представили нашим взорам: коммерцию, завлеченную в Херсон, несмотря ни на зависть, ни на болота; флот, построенный в два лишь года каким-то чудом в Севастополе, ваш Бахчисарай, напоминающий Тысячу и одну ночь, вашу Темпейскую долину [живописная Байдарская долина, в которой находилось имение Потёмкина. По древнегреческим мифам, из Темпейской долины на севере Греции пришёл, очистившись, Аполлон и завладел Дельфийским оракулом. — Л.С.]; ваши празднества, почти баснословные, в Карасубазаре; ваш Екатеринослав, где вы собрали в три года более монументов, нежели иные столицы в три столетия; эти пороги, которые вы подчинили своей власти, в ущерб авторитетности историков, географов и журналистов, и ту гордую Полтаву, на полях которой вы отвечали подвигом своих семидесяти эскадронов на критики, которыми невежество да зависть клеветали на вашу администрацию и опытность вашей армии. Если мне не поверят — вы в том виноваты: зачем сотворили столь много чудес в столь малое время и не гордились ими перед всеми, пока не показали нам их всех вдруг». Сподвижник Екатерины А. Г. Чертков писал: «Ему — ему одному [Потёмкину — Л.С.] можно такие дела делать, и когда он успел всё это сделать?.. Ну, подлинно удивил! Не духи ли какие-нибудь ему прислуживают?» (Цит. по: *Брикнер А. Г.* Указ. соч. С. 101–101). Де Линь ценил и воен-

тельный, казалось бы, эпизод³⁸ — встреча Екатерины с амазонками — стал, с точки зрения, как сейчас бы сказали, политехнологии, блестящим попаданием «в яблочко». Поездка императрицы в «полуденный край» готовилась несколько лет и была продумана до деталей так, чтобы всё «работало» на идею мощи Российской империи и на имидж её первого лица. Если десятилетием раньше Екатерина могла начертать на памятнике работы Э.-М. Фальконе: «Первому — Вторая», подчеркнув тем самым непосредственную преемственность своей власти от Великого Петра³⁹, то теперь воль-

ный гений Потёмкина. «Агамемнон посреди греческих царей, когда является своей армии. Какое же его волшебство? Гений, гений и гений! Врождённый ум, прекрасная память, высота духа, тонкость без всякого коварства, счастливая примесь какого-то единственного своенравия, которое в хорошие минуты привлекает к нему сердца; неограниченное великодушие, искусство награждать приятно и по мере заслуги, верное чувство, дар угадывать то, чего он не знает, и наконец, глубокое знание человеческого сердца». См.: Письмо принца де Линя к Сегюру из лагеря под Очаковым 1788, августа // Линь Шарль Жозеф (1735–1814). Письма и мысли маршала принца Де Линь, изданные в свет [с предисл.] баронессою Стаэль Голстеин; переведены с французского М. И[льин]ским и А. И[вано]вым. М., 1809. С. 249.

³⁸ А. В. Кибовский, не отрицающий самого факта этой встречи, тем не менее не придает ей особого значения: «Вероятно, рота вышла встречать Екатерину II вместе с Греческим полком, а её появление было столь незаметным в череде “потёмкинских сюрпризов”, что практически никто, кроме императрицы, де Линя и самого Потёмкина не обратил на неё должного внимания». В том же духе он отрицает возможность организации пусть временного, но конного подразделения из женщин в XVIII веке. См.: *Кибовский А. В.* Указ. соч. С. 16–19. Как «проявление прихотливого самодурства» Потёмкина рассматривает историю с амазонской ротой А. М. Панченко, выразив, по сути, общий взгляд на проблему. См.: *Панченко А. М.* «Потёмкинские деревни» как культурный миф // *Панченко А. М.* Русская история и культура: Работы разных лет. СПб., 1999. С. 465–466.

³⁹ В Европе под влиянием военных успехов России писали, что Екатерина, сумевшая понять истинные планы Петра Великого (почему её правление и считалось продолжением его царствования), желала вытеснить турок в Азию и восстановить Византийскую империю. Вольтер прямо утверждал, что на самом Агмайдане (площади в Константинополе) должна быть воздвигнута статуя Екатерины II точно такая, какую она поставила Петру I. Эти толки особенно были в ходу, когда Потёмкин строил в Херсоне флот и крепость. См.: *Уманец А. А.* Указ. соч. С. 219. А. Н. Самойлов, говоря о подражании Екатерины гению Петра Великого, подчёркивал, что Потёмкин «стремился произвести на Юге во славу императрицы своей, что великий Пётр совершил на Севере» (*Самойлов А. Н.* Указ. соч. С. 1564, 1203). См. также: *Бильбасов В. А.*

но или невольно была обыграна древняя легенда о встрече где-то в степях (в 329 г. до н.э.) Александра Македонского, когда он преследовал Дария, с царицей амазонок Фалестрис или Минифией (*Diod. XVII. 77. 1-3; Plut. Alex. 46; Strabo. XI. 5.4; Quint. Curt. VI. 5.29*), которая выехала к нему в сопровождении кавалькады из 300-х всадниц⁴⁰. Встреча с реальными, а не мифическими амазонками в степях России⁴¹ произвела огромное впечатление и на иностранцев, которые оставили восторженные отклики о девичьей роте. Австрийский принц Шарль Жозеф де Линь вспоминал:

«Я не видел здесь открытых женских лиц, кроме батальона албанок из небольшой Македонской колонии, поселившейся в Балаклаве: 200 прекрасных женщин или девиц, вооруженные ружьями, штыками и пиками вышли нам навстречу, чтобы оказать честь, а не из любопытства»⁴².

Граф Л. Ф. Сегюр в книге, опубликованной в 1803 г. в Париже, писал:

«На Западе должны были узнать, какими источниками богатства и могущества располагает Россия. Путешествие это из контроля над действиями Потёмкина должно было превратиться в торжество его, Екатерины и вообще России в глазах Европы, в демонстрацию перед Османской Портой и её союзниками, оно должно было внушить страх недоброжелателям России...»⁴³.

История Екатерины II. Т. II. Берлин, 1900. С. VII.

⁴⁰ Kleinbaum A. W. The War Against the Amazons. N. Y., 1983. P. 19–22; Mayor A., Ober J. Amazons. What has made the ancient mythology of warrior women so enduring? Does it have any basis in reality // Quarterly journal of military history. 1991. Summer. Vol. 3. P. 74; Lane R. J., Wurts J. In Search of the Woman Warrior. Four Mythical Archetypes for Modern Women. Boston, Mass., 1998. P. 47–48.

⁴¹ Селиванова Л. Л. Боспорские амазонки: исторические и мифические // X Боспорские чтения. «Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Актуальные проблемы». Керчь, 2009. С. 374–379.

⁴² Ligne Charles Joseph de. Lettres et pensées du maréchal prince de Ligne. Paris, 1809. P. 82.

⁴³ Цит. по: Широков В. А. Путешествие Екатерины Великой в Крым // Культура народов Причерноморья. 1997. № 3. С. 293.

В рамках большой стратегической задачи частные мероприятия, вроде этого, носили тактический характер и преследовали ту же цель — стать для Запада тем самым «парфянским выстрелом»⁴⁴, честь изобретения которого античная традиция приписывала легендарным амазонкам⁴⁵.

⁴⁴ Ростовцев М. И. Парфянский выстрел // ΣΚΥΘΙΚΑ. Избранные работы академика М. И. Ростовцева. Петербургский археологический вестник. № 5. СПб., 1993. С. 98–107.

Выше приведен фрагмент скульптурного декора крышки диноса из Капуи. (Начало V в. до н.э. Лондон, Британский музей).

⁴⁵ Тактика ложного отступления, при котором амазонки, заманивая противника вглубь, отстреливались, оборачиваясь на скаку — приём, впоследствии считавшийся присущим всем варварам, кочевникам. Однако термин «парфянский выстрел» не совсем корректен: парфяне появляются на исторической арене много позже — во II в. до н.э., а первое их военное столкновение с римлянами происходит в I в. до н.э. Но впечатление на античный мир парфянские воины произвели огромное. Чего стоили поражение и смерть в 53 г. до н.э. Красса, победителя Спартака, а также неудача Парфянского похода Марка Антония в 36 г. до н.э.! Как большой дипломатический успех императора Августа расценивалось возвращение в 20 г. до н.э. взятых парфянами в качестве трофея военных знаков в битве при Каррах (53 г. до н.э.). Самыми ранними памятниками, на которых появляется фигура всадника, стреляющего назад, являются предметы ассирийского и финикийского искусства VIII–VII вв. до н.э. По мнению М. И. Ростовцева, этот способ стрельбы был заимствован ассирийцами тогда же от их соседей — то союзников, то врагов — кочевых киммерийцев и скифов (Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 100). Со скифами, савроматами часто связывали амазонок. См.: Мирошина Т. В. Амазонки и савроматы // Памятники Евразии Скифо-сарматской эпохи. М., 1995. С. 3–10; Мурзин В. Ю., Фиалко Е. Е. Девичьи дружины у савроматов и скифов // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1999. С. 206–209; Фиалко Е. Е. Женские погребения с оружием в скифских курганах степной Скифии. Киев, 1991. С. 8–11; Она же. Скифские амазонки по письменным и археологическим источникам // Боспорский феномен. СПб., 2005. С. 242–247; Davis-Kimball J. Warrior Women of the Eurasian Steppes // Archaeology. 1997. 50. 1. P. 46–48; Eadem. Amazons, Priestesses, and Other Women of Status: Females in Eurasian Nomadic Societies // Silk Road Art and Archaeology. 1997/98. 5. P. 1–50; Guliaev V. I. Amazons in the Scythia: New Finds at the Middle Don, Southern Russia // World Archaeology. 2003. Vol. 35. С. 117–119; Rolle R. The World of the Scythians. Berkeley, 1989. P. 86–91; Shapiro H. A. Amazons, Thracians, and Scythians // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1983. 24. P. 105–116. Впрочем, согласно Помпею Трогу, амазонки «были родоначальниками парфян и бактрийцев» (Trog. II, 1, 2–4).

Е. И. Сарандова последовала за императрицей дальше, в Бахчисарай⁴⁶, где была ею милостиво принята. Екатерина любила и ценила свою армию и умела благодарить за верную службу. Так, Елена Ивановна, получившая из рук царицы чин капитана, стала первой в российской армии женщиной-офицером. А затем уже из Ак-Мечети (современного Симферополя) государыня передала г-же Сарандовой своё монаршее благоволение и всемилостивейший дар — бриллиантовый перстень стоимостью 1 800 руб., а амазонкам — 10 000 руб. ассигнациями⁴⁷, огромные по тем временам деньги. Вскоре рота была расформирована. Светлейший получил титул князя Таврического и 100 000 руб.⁴⁸ Императрица считала деятельность его «полезною»⁴⁹, а Крым называла драгоценной жемчужиной своей короны. 28 мая она писала из Бахчисарая Потёмкину в стихах:

*Хвала тебе, мой друг! Занявши здешний край,
Ты бдением своим всё вящце укрепляй⁵⁰.*

...Елена Ивановна овдовела, затем вышла замуж за титулярного советника Гавриила Шидянского, через 12 лет овдовела вновь и осталась в 1803 г. с тремя детьми хозяйкой имения. Бывшая амазонка пользовалась большим уважением и авторитетом не только в своем городе, но и в округе. По умолчанию назначенные в Таврическую губернию и другие высшие чиновники при вступлении в должность должны были делать ей визиты. Это была властная женщина, с сильным характером, не терпящая возражений. Однако к старости она почти со-

⁴⁶ Дуси Г. Указ. соч. С. 268; Есинов Г. В. Амазонская рота. С. 75.

⁴⁷ Записки графа Сегюра. С. 296–297; Есинов Г. В. Амазонская рота. С. 75; Он же. Путешествие императрицы Екатерины II. С. 368; Дуси Г. Указ. соч. С. 268; Лашков Ф. Ф. Указ. соч. С. 85.

⁴⁸ Брикнер А. Г. Потёмкин. С. 102.

⁴⁹ 27 июля 1787 г. из Царского Села Екатерина пишет: «Ты мне служишь, а я признательна... Врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи». См.: Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 102–103.

⁵⁰ Семевски М. Указ. соч. С. 698.

вершенно ослепла, и хозяйство её пришло в запустение. За неуплату акцизного сбора землю у неё отобрали, и Елена Ивановна оказалась без средств. Только тогда, в 1847 году она, переступив через гордость, решила написать письмо бывшему кавказскому наместнику князю М. С. Воронцову, описав ситуацию и напомнив о своих заслугах перед отечеством. М. С. Воронцов обратился к императору, и 29-го сентября 1848 г. ей была оказана единовременная помощь в размере трёхсот рублей серебром, о чём свидетельствует находящееся в архиве канцелярии Таврического губернатора дело № 271 от 21 ноября 1848 г.⁵¹ «О Всемиловитивейшем пожаловании Шидянской 300 рублей в единовременное пособие»⁵². Николай I также послал к Елене Ивановне живописца и летописца, дабы столь достославное событие не пропало для истории⁵³. В декабре 1848 года Воронцов доставил требуемые сведения, записанные Г. Дуси со слов самой Е. И. Шидянской. Елена Ивановна представила рисунок одежды амазонки и свой портрет, которые сохранились в деле, находящемся в архиве министерства императорского двора, и воспроизводятся в точной копии у Г. В. Есипова⁵⁴. В ответном письме она писала:

«Воссылая тёплые мольбы о благоденствии Милосердного Монарха Великого правнука Великой Екатерины и великодушных сановников Его, Князя Михаила Семёновича Воронцова, Вашего превосходительства и г. Предводителя Дворянства Тайного Советника А. Н. Казначеева, как единственных виновников той священной радости, которая подобно благотворному солнцу, ещё раз блеснула для меня, 95-летней старухи, на закате дней моих, счастьем считаю именоваться Вашего превосходительства Милостивого Государя покорнейшею слугою. Е. Шидянская. 28 ноября 1848 г. Симферополь»⁵⁵.

Меньше чем через год Елены Ивановны не стало.

В Симферополе на старом кладбище, к западу от входа в кладбищенскую церковь, к югу от аллеи, идущей вправо от ворот кладбища мимо дома священника, стоял простой крест из песчаника в

⁵¹ Ныне в Российском государственном Историческом архиве в Санкт-Петербурге: РГИА. Ф. 472. Оп. 17 (6/938). Д. 421.

⁵² Лашков Ф. Ф. Указ. соч. С. 84.

⁵³ Есипов Г. Амазонская рота. С. 71.

⁵⁴ Там же. С. 72–72.

⁵⁵ Лашков Ф. Ф. Указ. соч. С. 86.

форме георгиевского креста. «Возвышаясь на 17 с лишним вершков от поверхности земли,.. он почти незаметен, и если бы в последнее время вокруг него не стояла чугунная решетка, то он выглядывал бы ещё сиротливее»⁵⁶. На нём — надпись, расположенная в виде креста:

1849 года
Сентября
4-го скончалась капитань
Амазонской роты Елена
Шидянская на 95 году
своей
жизни.

Из надписи следует, что во время встречи с Екатериной капитану амазонок было около 32 лет, а не 19, как она утверждала. Известно, однако, что Елена Ивановна считала эту встречу самым ярким событием своей жизни, императрицу боготворила и полагала время её царствования «золотым веком»⁵⁷. Неудивительно поэтому, что идиллические воспоминания о далёкой молодости вытеснили из её памяти некоторые незначимые детали.

Время не пощадило могилы амазонского капитана,⁵⁸ но в памяти потомков Елена Ивановна Сарандова осталась одной из тех звезд, которые во множестве зажгли отечеству на пользу в славную эпоху правления Екатерины Великой.

Селиванова Лариса Леональдовна
научный сотрудник Центра античной истории
Институт всеобщей истории РАН.
Тел.: 7 (495) 938-57-60; E-mail: larleon@mail.ru

⁵⁶ Там же. С. 83.

⁵⁷ Записка Г. Дуси, появившаяся в «Москвитянине» 1844 г., была тогда же воспроизведена любителем крымской старины статским советником Ф. Домбровским в «Одесском вестнике». И всякий раз, когда внук Е. И. Шидянской И. С. Чех приезжал из Петербурга в Симферополь, бабушка заставляла его по многу раз читать эту заметку вслух. См.: *Лашков Ф. Ф.* Указ. соч. С. 84, прим. 1.

⁵⁸ Надгробие, сделанное из непрочного материала, возможно, разрушилось от времени. Во всяком случае, в описании 1910 года памятник не упоминается. См.: *Чернопятов В. И.* Некрополь Крымского полуострова. М., 1910. Попытки А. В. Кибовского разыскать могилу в 1995 и 1996 гг. успехом не увенчались. См.: *Кибовский А. В.* Указ. соч. С. 19.

С. Ю. МАЛЫШЕВА

ПУБЛИЧНЫЕ ДОМА И ПРОСТИТУТКИ В ДОСУГОВОЙ И ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ КАЗАНИ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX вв.*

Ключевые слова: история повседневности России; городская культура Казани; досуг; публичные дома; проституция.

Аннотация: Статья посвящена культурно-историческим аспектам истории проституции в России — месту публичных домов в досуговом и повседневном пространстве провинциального города и роли посещений публичных домов и проституток в структуре досуга мужчин-горожан.

Во второй половине XIX — на рубеже XIX–XX вв. в России — вслед за Европой, — процессы ускорявшегося промышленного развития вели ко все большему разграничению сфер труда и отдыха горожанина, к расширению последней (за счет нормирования и сокращения рабочего дня, введения календаря праздничных и нерабочих дней) и ее качественному изменению. Быстро развивавшаяся индустрия досуга предлагала горожанину все больший ассортимент развлечений и новых форм отдыха, создавала соответствующие учреждения и заведения.

Одной из форм городского досуга — досуга практически исключительно мужского, ввиду его специфики, — стало посещение публичных домов и пользование платными услугами «девушек для радости». Разумеется, как известно, эта форма досуга является одной из самых древних. Но в рассматриваемое время она, как и соответствующие заведения, обретают легальность. Проституция в России была легализована в 1843 г., когда по инициативе министра внутренних дел графа Л. А. Перовского был создан орган для надзора за публичными женщинами — Врачебно-полицейский коми-

* Исследование проведено в рамках стипендии Германского исторического института в Москве и Фонда Герды Хенкель (ФРГ, Дюссельдорф) AZ 12/SR/06, тема «Досуговая культура российского провинциального города второй половины XIX в.».

тет¹. В Казани подобный орган — под названием Проституционно-го комитета, — был учрежден в 1865 г. при полиции под председательством полицмейстера, однако, перейдя в следующем году в ведение земства, вскоре перестал созываться². Он был заново открыт под названием Врачебно-полицейского комитета и под председательством полицмейстера в 1886 г.³

Несмотря на легализацию проституции в России, необходимость борьбы с нею на протяжении второй половины XIX — начала XX вв. являлась весьма злободневной общественной темой, поднимавшейся и дебатировавшейся врачами, юристами, политиками, публицистами, журналистами, писателями⁴. Дань этой проблеме отдал и ряд современных историков, анализировавших корни явления, состав тружениц борделей и проституток-одиночек, политику правительства в отношении проституции, историю соответствующих правительственных учреждений и пр.⁵ Тем не менее, тема далеко не исчерпана. Помимо морально-нравственных, медицинских и гигиенических, юридических аспектов изучения проституции это явление может рассматриваться и в контексте других тем и проблем. В этой статье речь пойдет о таком малоизученном культурно-историческом аспекте, как место публичных домов в досуговом и повседневном пространстве провинциального города и роль

¹ По данным Н. Лебиной и М. Шкаровского — в мае 1843 г., по данным А. А. Ильехова — в марте 1843 г. См.: *Лебина Н., Шкаровский М.* Деталь ночного пейзажа: кое-что из мира проституток Санкт-Петербурга и Ленинграда // *Родина*. 1994. № 1. С. 61; *Ильехов А. А.* Проституция в России с XVII века до 1917 года. М., 2008. С. 41.

² Национальный архив Республики Татарстан (далее — НАРТ). Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 3об.-5, 7об.

³ *Порошин Н. Н.* Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // *Врач*. 1896. № 10. С. 272.

⁴ См.: *Кузнецов М.* Проституция и сифилис в России. Историко-статистическое исследование. СПб., 1871; *Покровская М. И.* Борьба с проституцией. СПб., 1900; *Канкарович И.* Проституция и общественный разврат. К истории нравов нашего времени. СПб., 1907; *Проституция в России. Картины публичного торга.* СПб., 1908; *Бентовин Б. И.* Торгующие телом. СПб., 1910; и др.

⁵ См.: *Лебина Н. Б., Шкаровский М. В.* Проституция в Петербурге (40-е гг. XIX в. — 40-е гг. XX в.). М., 1994; *Бабилов К. И.* Проституция в России // «А се грехи злые, смертные...». Русская семейная и сексуальная культура глазами историков, этнографов, литераторов, фольклористов, правоведов и богословов XIX — начала XXI века. М., 2004. Т. 3; *Ильехов А. А.* Указ. соч. и др.

посещений публичных домов в структуре досуга мужчин-горожан во второй половине XIX — начале XX вв.

Локализация в городском пространстве публичных домов и «тайных притонов для распутства»

Досуговое и повседневное пространство Казани, как и многих других провинциальных городов России, было дифференцированным и иерархизированным. Казань, расположенная на слиянии рек Волги и Казанки, являла собой причудливое сочетание различных городских ландшафтов. Однако ландшафтному разнообразию не уступало культурное разнообразие различных городских районов, обусловленное социально-сословным, национально-конфессиональным, профессиональным составом их жителей. Соответственно, весьма различались и досуговые пространства этих частей города, лишь частично совпадавших с теми шестью «частями», на которые Казань делилась в административно-полицейском отношении.

Высокая, гористая часть города с каменными домами классического стиля, широкими площадями и улицами, Кремлем, университетом, большим количеством православных церквей и монастырей, официальными учреждениями, была средой обитания преимущественно русской и русскоязычной городской элиты: дворянства, состоятельных горожан и интеллигенции. Эти городские кварталы располагались в 1-й и отчасти в 3-ей частях города.

Расположенную ниже «аристократической» части, преимущественно русскую, торгово-купеческую, мещанскую и ремесленную часть города отличали каменные и деревянные дома попроще, характерные торговые лабазы. В административно-полицейском отношении эти районы города относились ко 2-й и к 4-ой городским частям, причем, в состав последней входила и Суконная слобода, населенная как рабочим, так и ремесленно-мастеровым людом.

На противоположном берегу реки Казанки были расположены составлявшие 6-ую городскую часть рабочие слободы — Адмиралтейская, Ягодная, две Игумновы, чьи узкие, напоминавшие деревенские, улицы, небогатые жилища и мрачные заводские здания и бараки резко контрастировали с ландшафтом городского центра⁶.

⁶ Перепись населения 1897 г. зафиксировала наличие 11 присоединенных к городу слобод — Академической, Суконной, Архангельской, Новота-

Специфику Казани составляло наличие расположенных за городским озером Кабан и частично за городской протокой Булак, отделявших русскую часть города от татарской, Старо-Татарской и Ново-Татарской слобод. Они весьма отличались от прочего городского пространства яркими красками деревянных и каменных домов, узорчатых мечетей, пестротой восточного базара, колоритно одетыми жителями, специфическим течением повседневной и досуговой жизни. Татарские слободы официально составляли 5-ую городскую часть, но фактически охватывали и часть 2-ой.

Публичные досуговые учреждения были распределены по территории города весьма неравномерно, и плотность их размещения, и их качество сильно различались в зависимости от статуса того или иного городского района, а также от назначения того или иного досугового учреждения. Так, в «аристократической» части города, где проживала наиболее состоятельная и образованная часть населения, плотность досугового пространства была наибольшей, именно здесь в основном размещались очаги культуры и искусства. Торгово-купеческая и мещанско-ремесленная часть города отличалась не только пестротой и, в целом, бедностью населения, но и такой же пестротой, незатейливостью и бедностью досуговой инфраструктуры. Инфраструктура досуга заречных рабочих слобод была откровенно слабо развитой, просто убогой. Весьма специфическим было досуговое пространство татарских слобод — здесь до начала XX в. практически отсутствовали общественные и публичные досуговые здания⁷ — за исключением зданий мечетей.

Развлекательные заведения с сомнительной репутацией, какими были дома терпимости, в Казани размещались, как правило, подальше от мест проживания т.н. «чистой публики», но и не на самых «выселках», а поближе к потенциальным «потребителям» их

тарской, Адмиралтейской, Большой и Малой Игумновых, Ягодной, Гривки, Козьей, Кизической, в которых проживало тогда в общей сложности более 30500 человек, что составляло примерно 24 % населения Казани. (См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год). Исторически слобод в Казани было намного больше. См.: Бикбулатов Р., Мустафин Р. Казань и ее слободы. Казань, 2001.

⁷Надырова Х. Г. Архитектурно-пространственная организация Старо-Татарской слободы в конце XVIII-начале XX вв. // Старо-Татарская слобода — от прошлого к будущему. Казань, 2001. С. 196.

услуг. И в этом плане наиболее привлекательным районом оказались слободы торгово-ремесленной, мещанской части города. В Казани было два места, где традиционно локализовалось большинство дешевых публичных домов и притонов. Это так называемые «логовища Мокрых улиц» (Мокрые улицы — Первая, Вторая, Задняя, Передняя, Поперечная, — в Мокрой слободе во 2-й городской части, в районе современного железнодорожного вокзала) и улица Пески в Суконной слободе в 4-ой городской части, практически на границе 4-ой части и «аристократической» 1-ой. Так, в одном из официальных списков публичных женщин 1859 г. с указанием места их жительства (и, как правило, «места работы») из 159 проституток 67 проживало во 2-ой части и 54 — в 4-ой (в общей сложности, во 2-й и 4-й частях проживало 76 % проституток). Кстати, 4 проститутки указали в качестве места проживания 5-ую часть (Татарские слободы) и 34 — 1-ую, «дворянскую» часть, т.е. специфический национальный и «аристократический» районы города. Но в татарских слободах девушки, скорее всего, только жили, но не «работали» (об этом см. ниже). Что же касается аристократического центра, то «разврат» осуществлялся здесь скрыто, в тайных притонах, на частных квартирах. Например, высокооплачиваемые и чаще всего тайные (незарегистрированные) проститутки (а были и такие, что получали от 90 до 120 рублей в месяц⁸, что было сопоставимо тогда с жалованьем врача, доцента университета) снимали нередко весьма дорогие квартиры, где и принимали «гостей». Но заметнее жителям этого района были дешевые проститутки-одиночки, приходившие на промысел и в «аристократическую» часть города. Так, горожане из образованных слоев неоднократно сетовали в газетах, что они промышляли по вечерам на аллеях городского Черноозерского сада и на Большой Проломной улице⁹.

Публичные дома на улице Пески существовали с 1860-х гг.¹⁰ и их услуги находили широкий спрос как среди мастерового и студенческого населения, так и среди солдат располагавшихся неподалеку

⁸ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 706–707.

⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9747. Л. 9; см. также: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 272.

¹⁰ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 9об.

казарм. Большинство из официально разрешенных публичных домов Казани (в 1880-х гг. их было до 30¹¹, в 1895 г. — 23, в 1896 г. — 25, в 1897 г. — 27, в 1898 г. — 35¹²) находились именно здесь. В Мокрой слободе также были наиболее плотно сосредоточены публичные дома и подпольные бордели, здесь особенно процветала и одиночная проституция, всегда находившая спрос среди «гулявших» мастеровых и солдат расположенных вблизи казарм. В Мокрой слободе круглосуточно торговали вином, занимались ростовщичеством и скупкой вещей, этот район был довольно криминален, здесь обитали многочисленные представители городского «дна».

Городские власти сознательно поддерживали существование злачных мест в указанных Мокрой и Суконной слободах, предпочитая, чтобы, с одной стороны, «дома» самого низкого пошиба находились в стороне от городского центра, а с другой стороны, были сосредоточены как можно компактней и находились «под рукой», что облегчало контроль за ними. Недаром, в 1886 г. в ходе полицейской переписки по поводу просьбы жителей Песков о выселении публичных домов с их улицы, пристав 4-й части Казани подчеркивал, что «улица Пески, исключительно, назначена для публичных заведений»¹³, а казанская городская управа, рассматривая эти просьбы четырьмя месяцами ранее, отмечала, что она сочувствует жителям, но считает вывод публичных домов на отдаленные улицы нецелесообразным, так как их будет неудобно контролировать¹⁴.

Однако если расположение домов терпимости в торговом-ремесленных и мещанских частях было «удобно» как полиции, так и потенциальным посетителям, то жильцы соседних домов и улиц, действительно, были достойны сочувствия. «Развеселая» жизнь публичных домов, скандалы и дебоши, сопровождавшие досуговую жизнь их посетителей, оказывались частью невеселой повседневности жителей улиц, на которых располагались бордели. Как известно, потенциальный потребитель «услуг» публичных домов

¹¹ Свердлова Л. М. На перекрестке торговых путей. Казань, 1991. С. 128.

¹² См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271; *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 707; *Он же*. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

¹³ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10.

¹⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 3.

мог легко опознать сие заведение в городском пространстве по особым приметам, их отличавшим — красному фонарю у входа, красным занавескам на окнах¹⁵. Однако занавески на окнах не столько маркировали эти очаги разрешенного разврата, сколько служили вполне конкретной цели — оберегать покой и нравственность живущих вблизи злчных мест горожан, отгородить публичные дома от окружающего городского пространства. Так, в «Правилах для содержательниц домов терпимости», включенных в «Положение врачебно-полицейского комитета в Санкт-Петербурге» (1861 г.), предписывалось держать окна в борделях, выходящие на улицу, постоянно плотно закрытыми — днем занавесками из белой кисеи и коленкора, вечером и ночью — деревянными ставнями или толстыми шторами. А сами бордели должны были быть удалены от церквей, училищ, школ и тому подобных учреждений не менее, чем на 150 саженей¹⁶. В провинции это расстояние легко «сокращали» — так, в казанских документах 1880-х гг. речь вообще шла о «положенных» 40 саженях¹⁷.

Впрочем, и эти правила легко обходились и нарушались. А полиция и городские власти часто оставались безучастными к жалобам возмущенных жителей соседних с борделями домов и улиц. Так, жители Песков обращались к казанскому полицмейстеру в 1879 г. с жалобами на поведение обитательниц двух десятков расположенных на их улице «веселых домов», после чего в окнах этих домов появились плотные шторы. Но «порядок» продержался недолго. И в 1885 г. около 30 домовладельцев Песков вновь обратились в городскую управу, жалуюсь на то, что «из публичных больших домов, находящихся по лицу улицы, постоянно днем и во всю ночь видны всякие безобразия, в особенности летом, то есть, на открытых окнах сидят или высовываются в полунагом состоянии, ругаются с проходящими всякими сквернейшими словами и вообще кроме безобразия ничего нельзя видеть, почему нам с семействами и никак невозможно жить. По ночам часто бывают скандалы, крик, шум, кричат «караул» и

¹⁵ Впрочем, занавески не обязательно должны были быть красными — как следует ниже из официальных документов, борделям предписывались днем белые занавески, а по ночам — просто плотные шторы.

¹⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 38об., 35 об.

¹⁷ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 7-7об.

т.п.»¹⁸. В ответ на это, как уже упоминалось, казанская городская управа посочувствовала жителям, но закрыть публичные дома не сочла возможным. А полиция легко аргументировала законность нахождения питейных заведений и домов терпимости в 13 и 39 саженях от приходской Георгиевской школы казанского купца А. А. Аметевского тем, что ограничения касаются учебных заведений, помещенных в постоянных помещениях — казенных или собственных этих заведений. А школа Аметевского находилась в его частном доме. Трагикомизм ситуации усугублялся рапортом пристава 4-й части Казани Евдокимова в Казанское городское полицейское управление от 31 марта 1886 г., в котором, в частности, сообщалось, что «находя открытие Аметевским школы на Песках при существовании публичных и других заведений, неуместным, содержательницы тех заведений лично мне заявили, что в видах нравственности для учащейся молодежи, они готовы нанять на свой счет помещение под школу в другом месте, лишь бы не было ее на Песках»¹⁹! Только в 1896 г., когда для Георгиевской церковно-приходской школы было выстроено специальное здание, полиция, отмерив установленное законом расстояние в 150 метров, закрыла публичные дома, находившиеся ближе положенного расстояния. Впрочем, закрытые дома вскоре вновь заработали поблизости от привычного места²⁰.

Жаловались на беспокойное соседство борделей и жители Мокрой слободы. В 1893 г. прихожане Ильинской церкви при 1-й и 2-й Мокрых улицах обратились к губернатору с просьбой искоренить безобразия на 2-й Мокрой улице, где действовало множество домов терпимости и винных лавок, торговавших круглосуточно — «в будни и праздник день и ночь». Казанский полицмейстер и чиновник особых поручений специально и весьма внимательно занялись проверкой этой жалобы. Дело в том, что у жителей Мокрой слободы было преимущество перед несчастными обитателями Песков: расследование показало, что лишь один бордель в этой слободе — дом терпимости Башарина, — имел статус официально разрешенного. А остальные (например, дома Шпакштейн, Казановской и др.) квалифицировались, как менее «легитимные» «притоны

¹⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 2об.

¹⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6915. Л. 10.

²⁰ Свердлова Л. М. Указ. соч. С. 129.

тайного разврата»²¹. К тому же, Мокрая слобода была известна как место массового проживания проституток-одинок, снимавших здесь комнаты и углы и здесь же зарабатывавших свой кусок хлеба. Причем, «кусок хлеба» в буквальном смысле слова: многие из «одинок» были выброшены из публичных домов за «старостью» и «ненадобностью». Казанский врач Н. Н. Порошин называл их «самыми жалкими и несчастными — перебегающие из трактира в трактир, летом живущие на бакалдинских лугах, а зимою ночующие по ночлежным дешевкам, оборванные и большею частью уже удрученные годами»²². Их услуги были востребованы только представителями городского «дна» и обитателями ночлежек, расплачивавшимися с этими самыми дешевыми «девушками для радости» просто «шкаликом водки и луком на закуску»²³.

Дом терпимости Башарина был в результате расследования закрыт, проститутки выселены из квартир и домов. Однако после расследования все вернулось на круги своя — дома Мокрой слободы снова наполнились публичными женщинами. Как признавал казанский полицмейстер в рапорте губернатору,

«чтобы таковые совсем не появлялись в Мокрых улицах (...) сделать не представляется возможным, потому что проститутки все-таки приходят из других улиц в Мокрые, где имеются дешевые столовые, трактиры, баня и вблизи помещаются солдатские казармы»²⁴.

Проституток-одинок и ранее неоднократно пытались выселить из Мокрой слободы, в том числе в связи со строительством железной дороги. Однако они возвращались на привычное место работы и жительства. И даже обращались к властям с просьбой разрешить им жить в Мокрых улицах. Так, в феврале 1890 г. четыре ка-

²¹ Хотя «тайные притоны для распутства» были лишь одной из официальных категорий публичных домов. Обозначение «тайные» было весьма условным — полиция прекрасно знала об этих притонах и контролировала их. Недаром еще в 1861 г. наряду с «Правилами для содержательниц домов терпимости» вышли и «Правила для содержательниц тайных притонов для распутства». См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 34, 49об.

²² Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

²³ Свердлова Л. М. Указ. соч. С. 121.

²⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9117. Л. 13об.-14.

занские проститутки — Е. П. Боярскова, А. М. Семенова, П. М. Богданова, А. Демидова обратились к губернатору, обосновывая свое право жительства традицией:

«с давних пор, как мы, так еще и до нас, всегда проститутки, по дешевизне квартир, вообще проживали в Задне-Мокрой улице, а также и по самой обстановке этой улицы».

Женщины жаловались, что их выселяют, и им приходится ночевать на улицах, так как их выгоняет полиция из пивных и трактиров, а ночлежки и приюты переполнены. Переход в публичные дома на Пески был невозможен ввиду конкуренции:

«идти и поступить в публичные заведения на Пески тоже вовсе невысказано, так как там чересчур уже переполнено, причем, большая часть девушек живет там, вследствие безвыходного своего положения, даром, лишь из-за куса насущного хлеба»²⁵.

В жалобе прихожан Ильинской церкви весьма примечателен и интересен один момент — упоминание о «большом безобразии и столкновении татарского и русского народа» около домов терпимости и упоминание о «татарском доме терпимости» в доме Башарина. Речь шла об официально разрешенном доме терпимости, открытом содержательницей-татаркой, имевшей, по словам жителей Мокрой слободы, «своих два дома в Плетенях и Татарской (слободе — С. М.), но жителя ея татары ей там не позволяют открывать дома терпимости»²⁶.

Действительно, специальные татарские публичные дома с татарским персоналом и с содержательницами-татарками размещались до начала XX в. — ввиду противодействия татарской общины, — во 2-й, русской части города, в Мокрой слободе. Представители татарского населения отправлялись в русские части города в поисках развлекательных заведений, запрещенных в татарских слободах. Архивные документы свидетельствуют, что такие дома существовали здесь уже в 1850-х гг. Так, содержательница Гайни Раимова в 1855 г. держала в доме Гуткова четырех проституток-татарок, а в 1858 и 1859 гг. за ней числилось уже 10 «девушек»-татарок. Содержательница Бадига Зямал в 1858 г. командовала в

²⁵ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 7943. Л. 3-3об.

²⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 9117. Л. 1-2.

своим заведением тремя, а в следующем году — уже пятью проститутками-соплеменницами. В документах 1859 г. упоминается и имя содержательницы Фатимы²⁷. Возможно, «девушек» в их заведениях было и больше, ведь далеко не все проститутки являлись к освидетельствованию, а некоторые проститутки-татарки не указывали место жительства.

Развитие инфраструктуры города, борьба за улучшение качества досуговой инфраструктуры в конце XIX — начале XX вв. теснили публичные дома с их насиженных мест, они меняли локализацию, перебираясь с одной улицы на другую, «отступая» все дальше от центра города, «осваивая» запретные прежде национальные слободы. Так, как говорилось, «Мокринские притоны» с их обитателями — проститутками, сутенерами, жуликами и ворами — были потревожены в конце XIX в. строительством железной дороги, но уцелели, перебравшись с 1-й Мокрой улицы на 2-ую²⁸. В начале XX в. бордели с бывших Песков, а теперь т.н. «Дегтярки» (ул. Дегтярная) были выселены вглубь 4-й части, на берег озера Кабан²⁹.

Запреты религиозной общины не могли долго сдерживать и экспансию «злачных мест» в татарские слободы, тем более, что татарские бордели также были потеснены из Мокрой слободы в связи со строительством железной дороги. В начале XX в. собственные, татарские публичные дома с татарским персоналом появились и в татарских слободах. Татарский поэт Г. Тукай в начале XX в. в своих поэтических и публицистических произведениях с негодованием писал о мире татарских публичных домов за озером Кабан в татарской части Казани, упоминал в своих статьях и названия этих публичных домов — «Коза Маги», «Подвал Фатыма», «Хусни с собакой», «Девочки публичных домов»³⁰. Содержательниц публичных домов в своих стихах он изображал «колдуньями в заозерье

²⁷ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 129. Л. 3, 7, 10, 32; Д. 170. Л. 29, 29об., 30об., 31об, 32 об.; Д. 176. 2об.-3, 5, 7об., 10, 32, 43.

²⁸ См.: Казанский телеграф. 1893. 19 августа.

²⁹ Об этом в начале 1960-х гг. свидетельствовал в беседе с историком Б. Ф. Султанбековым бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

³⁰ См.: *Тукай Г.* Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. Казань, 1961. С. 224.

лесном», которые заставляют работать на себя бедных девушек, а затем убивают их и коптят на огне³¹. Судьбы татарских девушек, оказавшихся в этих заведениях «забавою» соплеменников, вызывали у него горячее сочувствие³².

Однако некоторые коррективы, которые вносило в локализацию публичных домов развитие города, его инфраструктуры, усилившийся контроль городского «общества» за состоянием досугового пространства (особенно центра Казани), попытки регламентировать поведение горожан хотя бы в местах проживания городской «аристократии», регламентация поведения самих проституток и ограничение их появления в публичном пространстве³³ — все это

³¹ «А на чердак загляни, говорят, висят их копченые туши,
Все мусульманки одни, говорят, нет ни единой Катюши (...)
Страшно подумать, что звезды любви так погибают позорно!».
(Из стихотворения «Казань и Закабанье». См.: *Тукай Г. Избранное*. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 223, 225).

³² Так, в стихотворении 1911 г. «На мотив хода поезда» он описал ночную сценку в публичном заведении некоей Демберихи:

«(...)В заведенье тишь да тьма –
Спит Дембериха сама.
Колоти в окно покрепче,
Пусть выходит Фатима!
Почему огонь погас,
Если только первый час?
По полдюжине портвейна
Нынче выпито у нас.
У сиротки с малых лет
Много горя, много бед,
И пришлось ей стать гулящей,
А теперь спасенья нет.
Еженощно кутежи,
Всем забавою служи,
Во хмелю форсит татарин,
Даже слова не скажи! (...)»

См.: *Тукай Г. Избранное*. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 186–187.

³³ Так, «Правилами для публичных женщин» и «Правилами для содержательниц домов терпимости» 1861 г. проституток обязывали вести себя скромно и благопристойно как в окрестностях борделей (не высовываться из окон, не зазывать прохожих, не ходить по улицам гурьбой), так и особенно в

не изживало самого явления домов терпимости. К тому же пальма первенства в предоставлении досуговых услуг такого рода принадлежала вовсе не официально разрешенным публичным домам, а тайным притонам и также незарегистрированным проституткам-одиночкам, все смелее преодолевавшим в поисках клиентов границы традиционно дифференцированного по социально-классовому и иным признакам городского пространства.

**Профессионалки и «арфистки»:
«ассортимент» рынка продажной «любви»**

Весьма разнообразны были не только казанские бордели, «тайные притоны» и прочие заведения этого рода. Крупный губернский город предлагал любителям продажной любви все более широкий «ассортимент» проституток-профессионалок и «любительниц».

В конце 1850-х гг. абсолютное большинство проституток в публичных домах Казани составляли крестьянки и мещанки, примерно одинаковое количество с представительницами двух упомянутых категорий составляли также солдатки и солдатские дочери. В одном из списков Казанской врачебной управы³⁴ 1859 г. фигурирует 79 мещанок и мещанских дочерей, 78 крестьянок (в т.ч. казенных, удельных, дворовых, отпущенниц), 73 солдатки и солдатские дочери, а также дочь священника, жена дьячка, купеческая дочь, цеховая, дочь лекарского ученика, а также «уволненная из воспитанниц Казанского Приказа»³⁵. Но к концу века, с усилением миграции сельских жителей в город, более половины всех представительниц древнейшей профессии были из крестьянок — в 1895 г. они составляли 78,4 % казанских проституток, живших в публичных домах, в то время как мещанки — лишь 21,68 %³⁶. В списках

общественных местах. А их появление в некоторых общественных местах было ограничено: так, проституткам запрещалось бывать в театрах в бельэтаже. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 34, 38об.

³⁴ Списки проституток, согласно «Положению» МВД, регулировавшему деятельность Врачебно-полицейских комитетов (июль 1844, дополнено в декабре 1845 г.), должны были храниться в губернских городах во Врачебной управе. См.: *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 42–43.

³⁵ См.: НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 176. Л. 1–15.

³⁶ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // *Врач.* СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

проституток конца 1850-х гг. превалируют русские (славянские) имена и фамилии, но встречаются также и татарские, польские, немецкие. В 1895 г. в числе проституток официально разрешенных казанских домов терпимости было 109 русских и 30 татарских «девушек», в следующем году среди вновь зарегистрировавшихся проституток было 58 русских, 11 татарок, одна турчанка и одна немка, в 1897 г. — 64 русских и 16 татарок, в 1898 г. — 29 русских, 25 татарок и одна полячка³⁷. Большинство этих женщин были неграмотными — так, в 1895 г. 76,3 % обитательниц казанских борделей не знали грамоты³⁸. Неграмотность, дезориентированность в жизни большого города, крайняя нужда вчерашних крестьянок способствовали снижению расценок на грешные утехы. «Доступные» объятия оказывались все более доступными.

Немалую роль в снижении расценок играла и конкуренция, ведь «предложение» на рынке этих «услуг» постоянно росло. Хотя лукавая статистика вполне может создать впечатление, что количество «жриц любви» в Казани к началу XX в. уменьшается. Если, по данным Казанской врачебной управы, в Казани в 1855 г. ежемесячно подлежали освидетельствованию от 237 до 672 проституток, то в 1858 г. — от 172 до 286 (хотя, судя по выданным свидетельствам — от 428 до 718), в 1859 г. — от 209 до 274 проституток, в 1860 г. к освидетельствованию являлось ежемесячно до 259 публичных женщин³⁹. По официальным данным, в 1889 г. в казанских публичных домах работали 134 проститутки, еще 189 числились проститутками-одиночками. В 1891 г. только проституток-одиночек было зарегистрировано 585, в 1892 г. — 541, в 1893 г. — 468, в 1894 г. — 373, в 1895 г. — 307, в 1896 г. — 192⁴⁰. Перепись населения 1897 г. зафик-

³⁷ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271; *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 708; *Он же*. Надзор за проституцией в г. Казани в 1897 и 1898 гг. // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1533.

³⁸ *Он же*. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 271.

³⁹ НАРТ. Ф. 376. Оп. 1. Д. 129. Л. 41об.-42; Д. 170. Л. 2об.-26, 35об.-59; Д. 171. Л. 183об.-184; Д. 176. Л. 16об.-33, 46об., 48; Д. 184. Л. 142. Более поздних документов освидетельствования казанских проституток не сохранилось.

⁴⁰ Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

сировала в числе лиц, занимавшихся проституцией (как «родом занятий»), лишь 180 проституток и 2 проститута⁴¹.

На самом деле, все обстояло наоборот: спрос на продажную любовь рос и, соответственно, росло и предложение. Просто все больше проституток не желало становиться на учет. Реально количество проституток было намного выше официальных данных, ведь помимо поддававшихся учету властей — «работавших» в домах терпимости обладательниц «желтых билетов» (вместо паспортов), а также т.н. «бланковых», то есть, проституток-одиночек, которые должны были носить при себе «бланк» (документ на право продажи своего тела)⁴², существовало еще огромное количество женщин, занимавшихся торговлей тела «незаконно», то есть, без разрешения властей⁴³. «Дома терпимости в Казани посещаются мало, — отмечал в 1896 г. казанский врач Н. Н. Порошин, — тайная же проституция растет»⁴⁴. Причем, неуклонно росло количество, так сказать, «сезонных» проституток-«любительниц», то есть женщин, не упускавших случая «подзаработать» своим телом от случая к случаю. Особенно это явление было распространено в сезоны ярмарок, базаров, в праздники, когда возрастал спрос на такого рода досуговые развлечения.

Именно эта категория проституток вызывала большую озабоченность властей, ведь они не поддавались никакому контролю или учету. Казанский губернский врачебный инспектор подчеркивал в 1884 г. в записке Казанскому губернатору, что именно эта категория «скрытных проституток города из прислуги и швей, либо женщины, являющиеся из соседних селений на базары и праздники» являются причиной распространения венерических заболеваний в

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 г.

⁴² В Казани дело с этими «удостоверениями» проституток обстояло не блестяще. Только в конце 1868 г. казанский губернский медицинский инспектор обратился к губернатору о необходимости ввести «книжки» для женщин, «промышляющих развратом», это ходатайство было одобрено губернатором. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1900. Л. 1–3. Впрочем, по свидетельству казанского врача Н. Н. Порошина, проститутки все время теряли свои документы.

⁴³ См.: *Ильюхов А. А.* Указ. соч. С. 30–31; *Лебина Н., Шкаровский М.* Деталь ночного пейзажа... С. 62.

⁴⁴ *Порошин Н. Н.* Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

городе⁴⁵. Инспектор верно подметил резкое увеличение количества скрытых проституток в городе накануне больших праздников. Так, он фиксировал во второй половине декабря 1883 г., «ввиду предстоящих праздников, скопление бродячих женщин и размещения их по трактирам и питейным заведениям для разврата»⁴⁶.

К концу XIX в. скрытая проституция процветала в досуговых учреждениях и заведениях, назначение которых не имело ничего общего с «задачами» публичных домов. Речь идет о трактирных заведениях, гостиницах и других заведениях с продажей спиртных напитков. Посещение трактирных заведений было прерогативой в основном мужского населения. Лишь в начале XX в. в российских столицах, а затем — и в провинции, постепенно распространяется обычное посещение ресторан семьями, отмечать в них праздники, отмечать Новый год⁴⁷. В последние же десятилетия XIX в. в большинстве казанских трактирных заведений, как и во многих подобных заведениях других провинциальных городов, дамы появлялись крайне редко. Эти заведения были переполнены женщинами весьма сомнительного поведения — как отмечал в октябре 1883 г. казанский городской голова, — «женщинами, хотя носящи-

⁴⁵ Впрочем, зарегистрированные проститутки усиленно вносили свою «лепту» в распространение венерических заболеваний, не уступая «любительницам». За четыре месяца 1884 г. в Казанский военный госпиталь и Казанскую земскую больницу поступило 178 солдат-новобранцев с венерическими заболеваниями, из них 112 случаев заражения приходилось на (зарегистрированных) публичных женщин, а остальные 66 заразились в результате контактов, произошедших в трактирах, на улицах, частных домах, кабаках, портерных, постоянных домах, банях. См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 2об. В 1898 г. из 283 поднадзорных проституток Казани 150 (т.е. 55 %) были заражены сифилисом, а в 1897 г. из 290 — 164 (или 56,5 %). См.: *Илюхов А. А.* Указ. соч. С. 273.

⁴⁶ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 7об., 9.

⁴⁷ *Хмелевская И. Б.* Столичный досуг в начале XX в.: Петербург и Москва: Дис. ...канд. ист. н., М., 2004. Л. 76, 77, 90. Впрочем, в некоторых казанских гостиницах встречали Новый год намного раньше. Так, Новый, 1869 г. встречали в Меркуловской гостинице, где «разный люд задыхался от жара и от невыносимой давки (...) трактир в этот вечер представлял собою казанское Эльдorado с жизнью нараспашку» (См.: Казанский биржевой листок. 1869. 5 января). В отличие от «разного люда», «приличное» казанское общество в тот год предпочло встречать Новый год в здании Городского театра, в Купеческом собрании, в здании университета.

ми различные названия: певиц, арфисток, приказчиц и т.д., но в сущности, торгующих собой. Женщины эти служат приманкой для молодых людей»⁴⁸. Он предложил городской думе запретить вообще «присутствие женщин во всех без исключения местностях продажи крепких напитков», что вызвало одобрение некоторых гласных думы, отмечавших, что «с точки зрения эстетики пение и музыка мало произведет впечатление на подгулявшего человека, а для других есть театр». Другие гласные возражали, указывая, что такое решение лишит заработка честных женщин. Возражали, разумеется, и обиженные владельцы «привилегированных ресторанов», просящие не смешивать их приличные заведения с разного рода «харчевнями»⁴⁹. Однако удалить «арфисток» и «женские хоры» из многочисленных трактирных заведений города — а таковыми дамами были наводнены даже самые низкопробные трактиры-«дешевки», — оказалось весьма сложно. Они успешно составляли сильную конкуренцию зарегистрированным проституткам-профессионалкам, превышая их, к тому же, численно.

«Спрос» и потребители услуг проституток

Бурный рост «предложения» услуг проституток во второй половине XIX — начале XX вв. свидетельствовал и о росте «спроса» на досуговые утехи подобного сорта. Росту спроса способствовало, с одной стороны, численное увеличение потенциальной клиентуры домов терпимости. Ведь уровень миграции в большие города в рассматриваемый период растет небывалыми прежде темпами. Так, население Казани с 1858 г. по 1897 г. увеличилось с 60 586 до 129 959 человек⁵⁰, причем, как отмечено было еще в 1890-е гг., в основном

⁴⁸ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1.

⁴⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 5497. Л. 1об.-5, 12-13. Содержатели и арендаторы таких «привилегированных ресторанов» (выражение документа) В. И. Ожегов, С. И. Лотов, В. Л. Майков писали в ходатайстве на имя губернатора, что в их ресторанах никогда не было ни разврата, ни скандалов, что они приглашают хоры по контракту на зимний сезон, они известны в Казани и репутация их безупречна. Казанская публика, — гордо заявляли содержатели ресторанов, — «удостаивала нас своим преимущественным посещением сравнительно с прочими гостиницами». (Там же. Л. 12об.).

⁵⁰ См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.

не за счет рождаемости (которая едва превышала смертность), а за счет миграции⁵¹ — из сельской местности⁵² и из других губерний. Среди мигрантов значительный процент составляли люди молодые и одинокие, холостые. «В Казани очень много бессемейного люда», — отмечал врач Н. Н. Порошин⁵³. С другой стороны, неудержимая коммерциализация рынка развлечений и досуговых предложений уже мало сдерживалась какими-либо ограничениями и запретами — в том числе моральными, конфессиональными и пр.

Разнообразие публичных домов — прежде всего, ценовое, — способствовало тому, что каждый «потребитель» мог выбрать дом терпимости на свой вкус и кошелек. Ведь публичные дома различались не только локализацией в городском пространстве, но и уровнем «заведения» и, соответственно, ценами за услуги. В январе 1885 г. Казанская губернская управа по докладу своей комиссии, изучавшей вопросы надзора за проституцией, постановила разделить «существующие в Казани дома терпимости, по их состоятельности» на 4 разряда: перворазрядные бордели взимали с клиентов за посещение от 2 до 3 рублей, второразрядные — от 1 до 2 рублей, третьеразрядные — от 50 коп. до 1 руб., и бордели четвертого разряда — от 20 до 30 копеек⁵⁴. Провести ночь в публичном доме стоило в дорогих заведениях 5 рублей, в дешевых — 50 копеек⁵⁵. Как это ни странно, но цены эти были сопоставимы с установленными той же городской управой ценами в городской театр, а позже — ценами на билеты в кинотеатры. Так, цены на билеты в городской театр в 1870-х гг. составляли 20-40 копеек (галерка или раек, «верхние места»), места «за креслами» — до 75 копеек, в

⁵¹ Приволжские города и селения в Казанской губернии, с картой р. Волги и рисунками. [Репринтное издание 1892 г.]. Казань, 2008. С. 164.

⁵² При росте количества жителей города в два раза, количество представителей крестьянского сословия в Казани за то же время увеличилось в шесть раз. См.: Первая всеобщая перепись населения. Т. 14. Казанская губерния. 1897 год.

⁵³ См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 273.

⁵⁴ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 64.

⁵⁵ Вишленкова Е., Малышева С., Сальникова А. Казанское жительство (XIX-XX века) // Эдвард Турнерелли. Казань и ее жители. Елена Вишленкова, Светлана Малышева, Алла Сальникова. Казанское жительство (XIX-XX века). Казань, 2005. С. 928–930.

кресла — от 1 рубля до 2 рублей 50 копеек, нелитерные ложи — 3-5 рублей и 7 рублей за литерную ложу⁵⁶, а в «электротеатрах» в 1915 г. цены на билеты дифференцировались от 10 копеек (3-й ряд) до 4 рублей — в ложу бельэтажа⁵⁷. Широкие ценовые «ножницы» — как в случае с театром, так и с публичными домами, — означали не только доступность той и другой формы досуга практически всем слоям населения, но и способствовали «сегрегации» посетителей по их социально-классовой принадлежности и имущественному положению. Для самых неимущих «клиентов» существовали многочисленные «незаконные» дома терпимости, тайные притоны, а также опустившиеся одиночные проститутки, услуги которых шли просто по бросовым ценам и были доступны самым нищим обитателям городского «дна», расплачивавшихся с ними, как уже говорилось, водкой и закуской.

Несмотря на официальное разрешение зарегистрированной проституции, такая специфически мужская досуговая форма, как утехы с продажными женщинами, была одной из социально неодобряемых в целом и даже табуированных форм. Этот способ проведения свободного времени, безусловно, не одобрялся, прежде всего, церковью и духовенством всех конфессий и общественной моралью. Однако внутри мужского сообщества — среди солдат, мастеровых, рабочих, студентов, даже офицеров и представителей т.н. «чистого общества», — посещение проституток было не только приемлемой, но одобряемой и даже предписываемой нормой поведения, своеобразным подтверждением маскулинности. Нередко посещение публичного дома воспринималось и как форма инициации молодого человека. Хотя в отношении несовершеннолетних юношей, воспитанников учебных заведений такой визит был табуирован дважды: не только нормами общественной морали, но и официальными нормами⁵⁸.

Посещение публичных домов и одиночных проституток было настолько распространенной формой досуга среди солдат гарнизо-

⁵⁶ НАРТ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 440. Л. 12об.

⁵⁷ НАРТ. Ф. 636. Оп. 1. Д. 1.

⁵⁸ Так, «Положение врачебно-полицейского комитета в Санкт-Петербурге» 1861 г. запрещало впускать в публичные дома «мужчин несовершеннолетних, равно кадет и воспитанников учебных заведений». См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 39.

на и фабрично-заводских рабочих, что в 1860-х-1880-х гг. Проституционный комитет в Казани предлагал и некоторое время даже пытался регулярно проводить медицинское освидетельствование солдат и рабочих на предмет наличия венерических заболеваний⁵⁹. Не только солдаты, но и многие офицеры были завсегдатаями казанских публичных домов. Так, офицеры Либавского полка дважды «отличились» только за 1867 г., устраивая драки и «буйства» в подобных заведениях — сначала «отдыхая» в ночь с 6 на 7 февраля в публичном доме содержательницы Берг во 2-й части, затем в ноябре в публичном доме Волковой в 4-й части Казани⁶⁰.

Не отставали от офицеров по громкости скандалов в публичных домах и казанские студенты. Для многих из них обычным делом было заканчивать студенческие вечеринки в многочисленных борделях на Песках. Характерно высказывание на сей счет казанского полицмейстера в конфиденциальном рапорте губернатору 24 ноября 1892 г. о ходе традиционного студенческого вечера в пользу Общества вспомоществования недостаточным студентам Казанского университета, состоявшегося в Дворянском собрании 22 ноября. Полицмейстер докладывал, что после окончания танцев, в 5 часов утра, человек 150 подвыпивших и трезвых студентов гуляли по центральной улице города — Воскресенской от *alma mater* до Кремля, громко распевая песни. Характерно, что полиция не вмешивалась, желая, как подчеркнул полицмейстер, «избежать столкновений, подобно тому, как было лет пять тому назад, когда городской Зиновьев за попытку предложить прекратить пение был втащен в толпу, и ею на руках унесен в крепость (в Казанский Кремль — *С. М.*), причем, на Зиновьеве оказалось платье разорванным». Казанский полицмейстер, видимо, считал шатание толп студентов и громкое пение в 5 утра на центральной улице города меньшим злом, так как удовлетворенно констатировал, что «если в нынешнем году студенты прошли по Воскресенской улице, то ни одного из них не было на Песках, где обыкновенно в день студенческих вечеров совершались ими крупные бесчинства»⁶¹. Очень редко публичные дома воспринимались студентами не как место

⁵⁹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 6265. Л. 4, 7об., и др.

⁶⁰ См.: НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1374 и Д. 1378.

⁶¹ НАРТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 8994. Л. 22–24.

досуговой гульбы, а как поле приложения их просветительских усилий: казанский врач Н. Н. Порошин описал случай 1897 г., когда два студента Ветеринарного института «по идейным соображениям» попытались «вытащить» из дома терпимости одну из проституток. Но и этот единичный случай закончился полным фиаско — через две недели девица вернулась в «заведение»⁶².

Клиентура борделей формировалась и из числа мастеровых. М. Горький, работавший в 1880-х гг. в Казани в крендельной пекарне, вспоминал о его товарищах:

«посещение публичных домов было обязательно каждый месяц в день получки заработка; об этом удовольствии мечтали вслух за неделю до счастливого дня, а прожив его — долго рассказывали друг другу об испытанных наслаждениях. В этих беседах цинически хвастались половой энергией, жестоко глумились над женищинами, говорили о них, брезгливо отплевываясь. Но — странно! — за всем этим я слышал — мне чудилось — печаль и стыд. Я видел, что в “домах утешения”, где за рубль можно было купить женищину на всю ночь, мои товарищи вели себя смущенно, виновато, — это казалось мне естественным. А некоторые из них держались слишком развязно, с удалством, в котором я чувствовал нарочитость и фальшь. (...) Смотрел я, как по грязному полу двигаются, лениво шаркая ногами, “девушки для радости”, как отвратительно трясутся их дряблые тела под назойливый визг гармоники или под раздражающий треск струн разбитого пианино (...)»⁶³.

Сам он, посещая с товарищами публичные дома, услугами проституток не пользовался, что вызывало злые насмешки, обиду и враждебное отношение как его товарищей, так и «девушек для радости». Занимая позицию стороннего наблюдателя, Горький испытывал чувство тревоги и брезгливости:

«Я видел, — писал он, — что в полутемные маленькие комнаты стекается, точно в ямы, вся грязь города, вскипает на чадном огне и, насыщенная враждою, злобой, снова изливается в город. Я наблюдал, как в этих щелях, куда инстинкт и скука жизни забывают людей, создаются из нелепых слов трога-

⁶² Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1897 и 1898 годах // Врач. СПб., 1899. Т. 20. № 52. С. 1536.

⁶³ Горький М. Мои университеты // Горький М. Собрание сочинений в 16 тт. Т. 9. М., 1979. С. 331–333.

тельные песни о тревогах и муках любви, как возникают уродливые легенды о жизни “образованных людей”, зарождается насмешливое и враждебное отношение к непонятному, и видел, что “дома утешения” являются университетами, откуда мои товарищи выносят знания весьма ядовитого характера»⁶⁴.

Однако потребление услуг продажной любви сдерживалось не только соображениями морального порядка или страхом заражения венерическими заболеваниями. В среде отдельных групп потребителей услуг проституток существовали и запреты, и ограничения, которые диктовали неписанные групповые «кодексы» или правила поведения. Так, немалый «отряд» мужчин-служащих публичных домов (вышибалы, охранники и пр.) не пользовались — это было не принято или не разрешалось владельцами заведений, — услугами «девочек» дома, в котором работали, отправляясь за этими услугами в свое свободное время в «конкурирующее» заведение. Надо сказать, что между некоторыми публичными домами существовало негласное соглашение о взаимном предоставлении услуг такого рода работникам конкурентов — своеобразный «бартер»⁶⁵.

Грешных утех в часы досуга были не чужды и татарские мужчины. Хожение в публичный дом обозначалось словосочетанием — «ходить к тетеньке в ряды»⁶⁶. Особенно отличалась здесь богатая татарская «золотая молодежь» из купеческой среды. Невзирая на конфессиональные и прочие запреты, она стремилась не отставать в широте разгула от русских купцов и купцов других национальностей, считая приключения в публичных домах частью «статусного поведения» состоятельного человека. Татарский поэт Габдулла Тукай в одной из своих статей упоминал «прогремевший» в 1911 г. случай на Макарьевской ярмарке, когда в сомнительном «аукционе», организованном содержательницей публичного дома среди купцов, «победил» сын татарского купца из Оренбурга Х. Хусаинова. Заплатив 800 рублей, он получил возможность на всю ночь остаться в доме терпимости единственным привилегированным клиентом⁶⁷.

⁶⁴ Там же. С. 333.

⁶⁵ Об этом в начале 1960-х гг. рассказывал историку Б. Ф. Султанбекову старик — бывший служащий одного из публичных домов в Песках.

⁶⁶ Напр., в поэме Тукая «Сенной Базар, или Новый Кисекбаш». См.: Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 1. Стихотворения и поэмы. Казань, 1960. С. 263.

⁶⁷ Тукай Г. Избранное. В 2-х тт. Т. 2. Публицистика, критика, фельетоны, автобиографические очерки и заметки, избранные письма. Казань, 1961. С. 156.

Таким образом, досуговое пространство провинциального города было заполнено публичными домами и притонами довольно неравномерно. Наряду со специально создававшимися или исторически сложившимися районами, где власти стремились компактно сосредоточить официально разрешенные дома терпимости, существовали намного более многочисленные тайные притоны. И хотя большинство их также сосредотачивались в тех же районах, были и такие, которые пересекали их границы. К концу рассматриваемого периода наблюдаются тенденции значительных изменений локализации публичных домов и притонов. С одной стороны, развитие городской инфраструктуры и другие факторы способствуют их вытеснению из привычных районов на окраины. С другой стороны, рост спроса и коммерциализация этой формы досуга способствуют активной «экспансии» как притонов, так и одиночной проституции в районы города, где их появление прежде не допускалось.

Такая гендерно специфическая форма досуга, как посещение публичных домов и проституток, была не чужда мужчинам всех городских слоев и групп. Однако качество этой формы досуга было дифференцировано по социально-классовому и имущественному, по национально-конфессиональному, возрастному и иным признакам. Услугами элитных борделей — «перворазрядных», а также недешевых тайных притонов, пользовались люди состоятельные, относившиеся к городской знати, женатые, отцы семейств. Их положение в городе, статус, семейное положение, необходимость хотя бы внешне следовать общепринятым канонам морали и нравственного поведения, побуждали не афишировать визиты в злчные места, а плата за пользование услугами элитных борделей подразумевала и сохранение анонимности. Ввиду необходимости соблюдения внешних приличий, такие люди охотно пользовались услугами продажных женщин, официально не являвшимися проститутками, а «работавших» в городских ресторанах, трактирах, гостиницах и городских, и загородных садах под видом «певиц», «арфисток», «приказчиц». Охотно посещали они также тайные притоны, каковыми в Казани нередко служили бани⁶⁸.

Представители низших, а отчасти и средних, небогатых городских слоев (ремесленники и мастеровые, рабочие, солдаты, мелкие чиновники), а также учащаяся молодежь (студенты), холостые моло-

⁶⁸ См.: Порошин Н. Н. Надзор за проституцией в Казани в 1895 г. // Врач. СПб., 1896. Т. 17. № 10. С. 272.

дые мужчины проводили такого рода «досуг» в расположенных в ремесленно-торговой части города многочисленных публичных домах низшего пошиба и притонах, предоставлявших услуги по дешевым ценам. Досуговые потребности этой клиентуры — а, соответственно, и задачи борделей, — отличались от вышеназванных. Посещения борделей — часто коллективные, — мастерами, студентами, солдатами и пр. — были частью корпоративной маскулинной досуговой культуры, одним из важных ее ритуалов, способствовавших формированию идентичностей — как мужской, так и членов данной группы. В соответствии с этим, такие посещения не только не исключали, но даже предполагали и предписывали демонстративное нарушение правил общепринятой морали, громкие скандалы, пьянки и иные формы символической репрезентации «мужской состоятельности» и включенности в соответствующее «мужское сообщество». Эти визиты являли собой яркий пример «демонстративного потребления». Бордели понимали и учитывали эти пожелания клиентов. К тому же, такое бурное и скандальное времяпрепровождение часто соответствовало привычкам самих обитательниц дешевых публичных домов.

«В “дешевках”, — писал казанский врач Порошин, — (...) живут и женщины цветущего возраста, но уже прошедшие огонь и воду, некоторые сжигали и в тюрьме; тут разгул не забвение, а потребность и необходимость. (...) Пьянство беспрерывное, драки без конца»⁶⁹.

Посещения публичных домов и проституток было весьма специфической формой мужского досуга — официально разрешенной, общественно табуированной, поощряемой и даже предписываемой отдельными городскими субкультурами. Эти посещения играли важную роль как в структуре досуга ряда мужских городских групп, так и в системе ритуалов этих групп, являясь одним из инструментов формирования их идентичностей.

*Мальшиева Светлана Юрьевна
доктор исторических наук, профессор
кафедры историографии и источниковедения.
Казанский государственный университет
Тел.: 7 (843)231-54-76, E-mail: Svetlana.Malycheva@ksu.ru*

⁶⁹ Он же. Надзор за проституцией в Казани в 1896 г. // Врач. СПб., 1897. Т. 18. № 25. С. 707.

С. В. АРИСТОВ

ЖЕНЩИНА В КОНЦЕНТРАЦИОННОМ ЛАГЕРЕ РАВЕНСБРЮК: НАСИЛИЕ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Ключевые слова: концентрационные лагеря; Равенсбрюк; гендерная история; история насилия

Аннотация: Статья посвящена изучению положения женщин в концентрационном лагере Равенсбрюк, способов физического и психологического воздействия на узниц, имевших целью, среди прочего, разрушение гендерной идентичности, а также имевшихся у узниц возможностей эту идентичность сохранить.

В отечественной исторической науке до сих пор нет комплексного исследования системы нацистских концентрационных лагерей. Как следствие, вне поля зрения ученых осталась и история женского концентрационного лагеря Равенсбрюк. Обращение к этой теме позволяет сделать акцент на гендерных аспектах осуществлявшегося в лагере насилия над заключенными, а также их противостоянии ему.

Концентрационный лагерь Равенсбрюк действовал с 1939 г. и являлся до 1942 г. единственным местом заключения для женщин¹. До апреля 1945 г. через Равенсбрюк прошли около 132 000 узниц, представительниц более 40 наций². Все женщины, по прибытии в лагерь, подвергались дезинфекции, включавшей холодный душ, который узницы принимали после сбривания волос на теле и голове, а также получение лагерной одежды³. Позже женщины могли, в

¹ Лишь с 1942 г. нацисты начали создавать женские отделения при концентрационных лагерях, сначала на оккупированных восточных территориях, а потом и на территории «рейха».

² *Strebel B. Ravensbrück — das zentrale Frauenkonzentrationslager // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager: Entwicklung und Struktur / Hrsg. U. Herbert, K. Orth, C. Dieckman. Göttingen, 1998. S. 215.*

³ Данной процедуре подвергались в основном еврейки, советские женщины, полячки и немки, арестованные за интимную связь с мужчинами —

качестве наказания за определенные «провинности», снова подвергнуться принудительной стрижке волос. Волосы традиционно воспринимались как один из основных элементов женской привлекательности и индивидуальности. Не случайно обезображенные бритьем головы узниц служили, по замыслу нацистов, деперсонализации узниц⁴. Женщины болезненно переживали это вторжение в пространство телесности. Свидетельством тому является обривание надзирательниц, как один из способов мести, к которым прибегали бывшие заключенные после освобождения. Травмировавшим женщин опытом, усугублявшим то, что они уже пережили по прибытии в лагерь, являлся гинекологический осмотр, производившийся в бане врачом-эсесовцем. Это медицинское освидетельствование к тому же грозило опасностью венерических заболеваний, ибо все поступающие, независимо от состояния их здоровья, осматривались с помощью одних и тех же инструментов⁵.

Важно отметить, что процедура поступления женщин в лагерь производилась в присутствии мужчин-эсесовцев, которые не только наблюдали за обнаженными женщинами, но и непристойно комментировали происходившее⁶. Это служило еще одним мощным способом психологического воздействия. В довольно патриархальных обществах довоенного времени скромность являлась одним из обязательных компонентов модели поведения женщин. Многие узницы никогда не видели обнаженными даже собственных матерей, не говоря уже о посторонних женщинах или, тем более, мужчинах. Ситуация, складывавшаяся по прибытии в Равенсбрюк, безусловно,

иностранцами, угнанными на принудительную работу в Германию. В основной массе женщины направлялись на принудительную стрижку волос, если у них обнаруживались вши или их внешний вид вызывал зависть надзирательниц.— См. подробнее: *Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Sexualisierte Gewalt. Weibliche Erfahrungen in NS-Konzentrationslagern. Wien, 2007. S. 78.*

⁴ Нельзя не отметить и экономический аспект стрижки волос в лагерях: с августа 1942 г. волосы заключенных использовались для переработки в промышленный войлок и пряжу.

⁵ Нюрнбергский процесс: сборник материалов в 7 тт. М., 1959. Т. 4. С. 413.

⁶ *Walz L. Erinnern an Ravensbrück. [S.l.]: Stiftung Brandenburgische Gedenkstätten, 1998. S. 77.*

была направлена на то, чтобы вызвать у них чувство стыда и унижения. Оказанное психологическое давление по-разному, но весьма негативно действовало на все группы узниц. Более стойко его переносили женщины, относившиеся к категории «асоциальных», в первую очередь проститутки, ибо они имели опыт принудительных медицинских проверок, даже в присутствии мужчин⁷.

В отличие от этих способов воздействия, лагерная униформа не являлась лишь фактором первоначальной деморализации узниц по прибытии в лагерь. Будучи символом лагеря, она постоянно воздействовала на заключенных, напоминая им об их принадлежности этому пространству и отделяя от внешнего мира. Одновременно униформа служила нивелированию индивидуальных различий во внешнем виде женщин⁸.

Методы воздействия, применявшиеся в лагерях, сказывались не только на психологическом состоянии женщин. Стресс, антисанитарные условия жизни, плохое питание, а также тяжелая физическая работа имели свое влияние и на организм узниц. Одним из последствий становилось исчезновение менструации. По свидетельствам бывших узниц, это могло также быть эффектом от приема специальных препаратов, которые либо подмешивались им в пищу, либо вводились в виде инъекций⁹. Подобное нарушение менструального цикла было характерно для основной массы заключенных. Исключением являлись лишь женщины, сотрудничавшие с лагерной администрацией и в силу этого имевшие сносные условия жизни. Сам факт наличия или исчезновения менструации мог по-разному восприниматься женщинами. С одной стороны, те узницы, у которых сохранялся менструальный цикл, не только испытывали дискомфорт от отсутствия элементарных гигиенических средств, но и наказывались надзирательницами из-за неспособности скрыть от окружающих естественную деятельность женского организма. С другой стороны, узницы, у которых менструация

⁷ Schikorra C. Kontinuitäten der Ausgrenzung. „Asoziale“ Häftlinge im Konzentrationslager Ravensbrück. Berlin, 2001. S. 138.

⁸ См. напр.: Макарова Л. М. Идеология нацизма. Сыктывкар, 2005. С. 136.

⁹ Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Op. cit. S. 95.

пропадала, хотя и имели некоторые преимущества в лагерном быту, переживали страх перед неспособностью родить ребенка после освобождения, надежда на которое давала женщинам силы жить.

К деструктивным психологическим и физическим факторам воздействия на заключенных в Равенсбрюке относился тяжелый физический труд. Работа, выполнявшаяся узницами, например, разгрузка песка, рубка деревьев, мощение улиц, зачастую была им не по силам. Возникавшие перегрузки являлись не только причиной исчезновения менструации или истощения, они приводили к тяжелым травмам, последствия которых сказывались на протяжении всей жизни.

Особое место в истории Равенсбрюка занимает тема работы узниц в нацистских борделях различного типа — для СС, вермахта, рабочих принудительного труда и узников мужских концентрационных лагерей. Публичные дома отличались не только разными условиями жизни в них женщин, что обуславливалось, прежде всего, контингентом посетителей, но и задачами, которые ставили перед ними нацисты. Так, на бордели для вермахта возлагалась функция борьбы с гомосексуализмом и венерическими заболеваниями в армии. Бордели для мужчин, принудительно угнанных на работу в Германию, должны были стимулировать повышение производительности труда и исключить половые связи иностранцев с немцами. Публичные дома для СС способствовали «отдыху» представителей «арийской» расы. И, наконец, бордели, появившиеся в 1942 г. при мужских концентрационных лагерях, должны были не только стимулировать работу узников на предприятиях, но и продолжить политику атомизации лагерного общества. Узники, получавшие возможность посещения публичных домов, вызывали зависть и ненависть у солагерников¹⁰.

Основной контингент женщин для работы в борделях формировался в Равенсбрюке. К этой деятельности привлекались не только бывшие проститутки, но и представительницы других лагерных категорий¹¹. Главными критериями для отбора в бордели служили как сексуальный опыт женщин, так и их здоровье, красота. Пред-

¹⁰ Васильченко А. В. Сексуальный миф III Рейха. М., 2008. С. 280–294.

¹¹ Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Op. cit. S. 125–129.

ставляется спорным вопрос о добровольном согласии узниц на работу в борделях¹². Лагерная администрация обманывала женщин, особенно на ранних этапах существования публичных домов, обещая узницам хорошую зарплату, жильё, еду, одежду и, что особенно важно, свободу после шести месяцев работы¹³. Пытаясь избежать суровой лагерной действительности, многие верили обещаниям администрации и соглашались, тем более, что нацисты обращались, прежде всего, к узницам, которые находились в наиболее бедственном положении — в штрафблоке¹⁴, бункере¹⁵, ревиере¹⁶, бараке «асоциальных», так называемой «палатке»¹⁷. Абсолютное большинство узниц, оказавшихся в борделях, было вынуждено терпеть издевательства эсэсовцев. Основная масса женщин, заразившись венерическими заболеваниями, возвращалась в Равенсбрюк¹⁸. Позже, когда информация о происходившем в борделях получила распространение, женщины старались любыми способами избежать направления в публичные дома.

Следует отметить, что физическое насилие, являвшееся основным и перманентным методом деперсонализации личности узниц, а также разрушения их гендерной идентичности, присутствовало на всех этапах лагерной жизни женщин. Ежедневные многочасовые переклички, направление в штрафблок и бункер, где помимо сокращения пайка с 1940 г. применялось наказание в виде ударов плетью¹⁹, регулярное изнасилование узниц эсэсовцами,

¹² Ibid. S. 115–122.

¹³ Васильченко А. В. Сексуальный миф III Рейха. С. 291.

¹⁴ Барак, куда узницы направлялись за нарушение лагерного порядка.

¹⁵ Блок, в котором по отношению к заключенным применялись наиболее жестокие меры наказания.

¹⁶ От нем. *das Revier* — медпункт.

¹⁷ В августе 1944 г. из-за нехватки помещений в лагере между 24 и 26 бараками была разбита палатка, выживание в которой было практически исключено.

¹⁸ См.: *Schulz C. Weibliche Häftlinge aus Ravensbruck in Bordellen der Männerkonzentrationslager // Die nationalsozialistischen Konzentrationslager — Entwicklung und Struktur. Berlin, 1998. S. 142.*

¹⁹ С 1942 г. оно было ужесточено, избивать женщин стали по обнаженному телу. См. подробнее: *Arndt I. Das Frauenkonzentrationslager Ravensbrück // Dachauer Hefte. 1993. № 3. S. 141.*

обычное в условиях демонстрации «абсолютной власти»²⁰ - были нацелены на унижение женщин и наносили серьезную травму их психическому и физическому здоровью²¹.

Особое место в истории Равенсбрюка занимали опыты по изучению роли сульфонамидов при лечении газовой гангрены и операции по стерилизации женщин²², проводившиеся К. Клаубергом²³ и Х. Шуманом²⁴ в начале 1945 г. Опыты К. Клауберга основывались на введении в живот инъекций сульфата бария и смеси формалина с новокаином. Они были признаны недостаточно «эффективными», ибо узницы после них долго болели и не могли работать на предприятиях²⁵. Х. Шуман же применял для стерилизации рентген, приводивший к сильному облучению заключенных²⁶. В течение 1945 г. в Равенсбрюке было стерилизовано от 70²⁷ до 140 узниц²⁸. В основном операциям подвергались цыганки. При этом женщинам приходилось писать заявление о добровольности согласия на стерилизацию, которая по обещаниям врачей могла обеспечить освобождение из лагеря. Тем не менее, и после операции узницы свободу не получали²⁹.

Обращение к вопросу о положении женщин в концентрационном лагере Равенсбрюк будет не полным без рассмотрения тех мето-

²⁰ Данный конструкт был предложен немецким социологом В. Софски для обозначения особого рода власти, возникающей в условиях концентрационного лагеря. См.: *Sofsky W. Die Ordnung des Terrors — Das Konzentrationslager*. Frankfurt, 1993.

²¹ См. например: *Saidel R. The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp*. Madison, 2004. P. 213.

²² Первые операции по стерилизации в Равенсбрюке были проведены над 15 душевнобольными женщинами.

²³ Карл Клауберг (1898–1957 гг.) — профессор гинекологии и акушерства, штандартенфюрер СС. В 1933 г. вступил в НСДАП, в 1940–1945 гг. директор и главный врач женской клиники в Уппере.

²⁴ Хорст Шуман (1906–1983 гг.) — штурмбанфюрер СС, доктор наук. В 1930 г. вступил в НСДАП. Участвовал в осуществлении программы по эвтаназии, непосредственно работая в центрах уничтожения людей.

²⁵ *Васильченко А. В. Сексуальный миф III Рейха*. С. 229.

²⁶ Там же. С. 230.

²⁷ Копия акта от 9 мая 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-7021. Оп. 115. Д. 12а. Л. 8.

²⁸ *Strebel B. Das KZ Ravensbrück*. Padeborn, 2003. S. 260.

²⁹ *Женщины Равенсбрюка* / Под ред. Э. Бухман. М., 1960. С. 70.

дов, с помощью которых узницы пытались сохранить свою гендерную идентичность³⁰. Некоторые из вновь прибывавших в Равенсбрюк заключенных обращались к различным методам психологической защиты уже во время денацификации. Так, бывшая узница А. Бруха вспоминала о том, как она заставляла себя представлять окружающую действительность театральной постановкой, в которой ей приходится принимать участие в качестве наблюдателя³¹. Другая заключенная вспоминала слова старой француженки, внушавшей им: «Дети, эсесовец — это не мужчина и не человек. Он для меня ящик». Это помогало женщинам абстрагироваться от постоянного присутствия мужчин-эсесовцев, воспринимая происходившее не столь негативно³². В некоторых случаях фактором, смягчавшим шок лагерной «инициации», становился юный возраст девушек, а значит и незавершенность процесса становления женской идентичности³³.

Узницы Равенсбрюка боролись за сохранение своей внешней женственности и индивидуальности. Все они с особой тщательностью заботились о своих волосах, используя редкую возможность помыть голову, расчесаться или даже создать подобие причесок³⁴. Узницы пытались также видоизменить униформу, например, повязав платок, или фартук несколько иначе, чем было положено, добавив внелагерные элементы к лагерной одежде, в частности — нижнее белье. Помимо этого, заключенные обменивали на хлеб такие редкие в концентрационном лагере вещи как помаду или румяна³⁵,

³⁰ По замечанию немецкого ученого Х. Эмбахер сохранение женской идентичности могло являться одной из целей для выстраивания стратегий выживания заключенных. См.: *Embacher H. Frauen in Konzentrations — und Vernichtungslagern — weibliche Überlebensstrategien in Extremsituationen // Strategie des Überlebens: Haftlinggesellschaften in KZ und Gulag. Wien.: Picus Verlag, 1996. S. 154.*

³¹ *Morrison G. Ravensbrück: everyday life in a women's concentration camp. Princeton, 2000. P. 34.*

³² *Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Op. cit. S. 84.*

³³ *Тимофеева Н. П., Аристов С. В. Опыт концентрационного лагеря Равенсбрюк в нарративно-биографическом интервью с Л. Ф. Чулановой: текст и комментарии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: гуманитарные науки. 2008. № 1. С. 181.*

³⁴ Они победили смерть. М., 1966. С. 158.

³⁵ *Embacher H. Frauen in Konzentrations — und Vernichtungslagern — weibliche Überlebensstrategien in Extremsituationen // Strategie des Überlebens.*

подчеркивая тем самым, хотя бы изредка, приоритет женственности над витальными потребностями в пище.

Отдельное внимание следует уделить тем видам труда, которые могли облегчить возможность реализации стратегии сохранения узницами собственной гендерной идентичности. В данном случае яркими примерами являлись немки — «свидетельницы Йеговы» и некоторые «политические». Если первые зачастую работали уборщицами, сиделками или нянечками в домах эсесовцев, то вторые могли трудиться в зданиях администрации. Постоянный контакт с лагерным руководством позволял данным группам узниц сохранять волосы, чисто одеваться, принимать душ, а также размещаться в специальных бараках³⁶. Подобные преимущества могли иметь и девушки, которые соглашались или принуждались к сексуальным контактам с эсесовцами и заключенными. Следует отметить, что другие узницы относились к ним отрицательно. Это объяснялось не завистью к их внешнему виду, а фактом согласия на подобное специфическое «сотрудничество» с врагом.

В соответствии с нацистской идеологией труд женщин на промышленных предприятиях характеризовался как низко квалифицированный и трудоемкий³⁷. Именно это позволило появившейся в Равенсбрюке в 1940 г.³⁸ эсесовской фирме «Текслед», занимавшейся ткацким производством, избежать внедрения сложных станков и ограничиться швейными машинами. В итоге, женщины не только осуществляли понятную и приемлемую для них работу, но и само «Общество с ограниченной ответственностью по использованию текстиля и кожи»³⁹ имело постоянную прибыль. Фирмы,

Häftlingengesellschaften im KZ und GULAG / Hrgb. R. Streibl, H. Schafranek. Wien, 1996, S. 156–157.

³⁶ Brandes U., Füllberg-Stolberg C., Kempe S. Arbeit im KZ Ravensbrück // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbrück. Bremen, 1994. S. 59.

³⁷ Allen M. The Business of Genocide. The SS, slave labor and the concentration camps. Chapel Hill; L., 2002. P. 72–78.

³⁸ Morrison. G. Ravensbrück: everyday life in a women's concentration camp. Princeton, 2000. P. 181.

³⁹ От нем. «Gesellschaft für Textil- und Lederwertung mbH» (Texled). Помимо него в лагере располагались цехи «Deutsche Ausrüstungswerke GmbH» (DAW) и «Deutsche Versuchsanstalt für Ernährung und Verpflegung GmbH» (DVA).

использовавшие труд мужчин-заключенных, были обязаны применять высокотехнологичное оборудование и, таким образом, зачастую обрекались на неудачу, ибо узники оказывались не в состоянии освоить подобную технику⁴⁰.

Восстановлению и поддержанию женской идентичности могли способствовать и контакты узниц с мужчинами — эсэсовцами, узниками или представителями гражданского населения. Опасность жестокого наказания за связь «арийцев» с «недочеловеками» не исключала интимных связей эсэсовцев и заключенных-женщин, при этом обе стороны были вынуждены держать подобные факты в строгом секрете. Со стороны узниц такая близость могла использоваться и как средство выживания. Кроме того, женщины пытались общаться с представителями мужского отделения, существовавшего в Равенсбрюке. Хотя подобные попытки жестоко пресекались надзирательницами⁴¹, тем не менее, некоторым узницам удавалось устанавливать переписку между двумя частями лагеря⁴². Недостаток мужского внимания способствовал тому, что немцы-мастера на фабриках при лагере, то есть представители государства — врага, проявлявшие к узницам симпатию, запоминались последними почти всегда весьма положительно⁴³.

Помимо того, женщины пытались сохранить в лагере те гендерные роли, которые имели в обществе до попадания в Равенсбрюк. Характерным примером роли домохозяйки являлось написание и обсуждение рецептов различных блюд, имевшее место вопреки опасности жестокого наказания и трудностей с приобретением бумаги и пишущих средств⁴⁴. Лагерные рецепты не только поддерживали чувство женственности и объединяли узниц, но и

⁴⁰ Allen M. The Business of Genocide. P. 72–78.

⁴¹ Они победили смерть. С. 147.

⁴² Buchmann E. Lange Jahre Häftling in Ravensbrück: Brief an eine Berliner Reporterin // Ravensbrücker Ballade oder Faschismusbewältigung in der DDR. Berlin, 1992. S. 33.

⁴³ Непобедимая сила слабых: концентрационный лагерь Равенсбрюк в памяти и судьбе бывших заключенных. Воронеж, 2008. С. 87.

⁴⁴ См., напр., Голоса. Воспоминания узниц гитлеровских лагерей. М., 1994. С. 53.

могли способствовать борьбе с голодом, а также конструированию представления о прошлом — «что готовилось до лагеря» — и о будущем — «что будет приготовлено после освобождения».

Умение организовать домашнее хозяйство, то есть сэкономить пищу, содержать одежду чистой, бороться с инфекционными заболеваниями, все это облегчало создание внутри лагерных категорий микрогрупп, которые у женщин, в отличие от мужчин-заключенных, были в большей степени похожи на «семьи»⁴⁵. Образование таких микрогрупп, основывавшиеся на различных принципах — кровном родстве, общей национальности, долагерной дружбе, политических взглядах, вере и т.д., являлось одним из основных способов выживания в концентрационном лагере, сохранения групповой идентичности и противостояния атомизации индивидов. Безусловно, отношения, возникавшие в лагерных «семьях», носили в основном платонический, дружеский или родственный характер, тем не менее, достаточно широко были распространены и лесбийские сексуальные контакты. Они имели место не только в среде «асоциальных» женщин, но и в других лагерных группах⁴⁶, а также между лагерной «элитой» и узницами⁴⁷. Как и интимные связи с эсесовцами, лесбийство могло не только в какой-то мере являться способом противостояния процессу разрушения женской идентичности, но и способом получения дополнительных материальных преимуществ — одежды, еды и т.д. Кроме того, оно было результатом отсутствия в течение многих лет психологической и физиологической любви со стороны мужчин⁴⁸.

Особое внимание следует уделить роли детей, которые рождались в Равенсбрюке, привозились в лагерь или оставались на свободе. До появления блока для новорожденных поступление беременных женщин в Равенсбрюк запрещалось. Если они все же

⁴⁵ Saidel R. The Jewish women of Ravensbrück Concentration camp. P. 208.

⁴⁶ Анонимное письмо // Архив мемориала «Равенсбрюк». Ф. Наследие А. А. Никифоровой.

⁴⁷ Письмо Пигнатти Т. В. от 3.09.1957 г. // Там же.

⁴⁸ Women in the Resistance and in the Holocaust. The voices of eyewitnesses. Westport, 1983. P. 24.

оказывались в лагере, их либо принуждали к абортам, либо убивали появившихся на свет детей⁴⁹. Лишь с сентября 1944 г. роды стали принимать в специально оборудованном бараке, где по апрель 1945 г. число родившихся составило 560 детей⁵⁰. При этом ни беременные, ни только что родившие узницы не освобождались от работы и многочасовой переклички, что являлось крайне тяжелой нагрузкой на ослабевших женщин. Еще более серьезным испытанием для них становилась скорая смерть появившегося ребенка. Подобному исходу способствовала антисанитарная обстановка в бараках, куда новорожденных отправляли вместе с матерями из блока рожениц, и недостаточное питание.

Помимо родившихся в самом лагере в Равенсбрюке были и дети, прибывавшие с различными «транспортом»⁵¹. Доставленные в Равенсбрюк дети могли оказаться там со своими матерями и родственниками или в одиночестве. В первом случае, находившиеся рядом узницы, лишь опекали их, во втором — брали на себя заботу об их воспитании, становясь так называемыми «лагерными матерями». Возможность исполнять традиционную женскую роль матери не только способствовала поддержанию гендерной идентичности, у заключённых появлялась цель жизни — спасение ребёнка, а значит, выстраивалась и соответствующая стратегия выживания. Этому не могли помешать никакие запреты и препятствия со стороны лагерного руководства, выражавшиеся, например, в отказе выдавать отдельный паек для детей.

Нельзя не отметить, что если у женщин вне лагеря оставались дети, то они также могли быть смыслом всех усилий, направленных на выживание в экстремальных условиях Равенсбрюка. В то же время, расставание с ребенком становилось иногда источником отчаяния и утраты надежды на будущую встречу. Более того, чем дольше была разлука с детьми, тем в меньшей сте-

⁴⁹ Pawelke B. Als Häftling geboren — Kinder in Ravensbrück // Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen, Ravensbruck. S. 158.

⁵⁰ Walz L. Erinnern an Ravensbrück. S. 83. Из них Равенсбрюк пережило около 100 детей. См.: Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Op. cit. S. 252.

⁵¹ Так среди заключённых назывался привозивший их поезд.

пени они могли служить смыслообразующей основой выживания⁵². В условиях лагеря женщины зачастую вообще могли концентрироваться только на себе, вытесняя из сознания наличие в их жизни ребенка⁵³.

Нацистские концентрационные лагеря являлись средством деформации ценностных установок личности, телесного насилия, разрушения идентичности, в том числе и гендерной. Давлению «абсолютной власти» лагерной администрации Равенсбрюка противостояло стремление узниц к сохранению своей гендерной идентичности. При этом механизмы выживания, которые выбирали женщины, находились в тесной взаимосвязи с долагерным прошлым заключенных — социальным классом, национальностью, политическими взглядами, верой, возрастом, здоровьем, а также с различными внутрилагерными факторами.

Вопросы о насилии, прежде всего сексуальном, над женщиной в концентрационном лагере Равенсбрюк, а также возможных путях противостояния ему стали исследоваться европейскими учеными лишь несколько десятилетий назад. В отечественной исторической науке они до сих пор не поднимались. Представленные в данной статье выводы требуют дальнейшего изучения, но они могут способствовать активизации научного поиска в рамках заявленной проблемы.

Аристов Станислав Васильевич
аспирант кафедры зарубежной истории
Воронежский государственный
педагогический университет
E-mail: asv@icmail.ru

⁵² Amesberger H., Auer K., Halbmayr B. Op. cit. S. 289.

⁵³ Ibid. S. 292.

ИСТОРИЯ СЕМЬИ

И. А. КРАСНОВА

ГОРОЖАНКИ ФЛОРЕНЦИИ МЕЖДУ СЕМЬЕЙ И МОНАСТЫРЕМ: ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ВЫБОР, БРАЧНЫЕ СТРАТЕГИИ И СОЦИАЛЬНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ

Ключевые слова: женская история; позднесредневековая Флоренция; брачные стратегии городской элиты

Аннотация: В статье анализируются возможности выбора жизненного пути женщинами из знатных семей позднесредневековой Флоренции. Внимание автора сосредоточено в равной степени как на вариантах вступления в брак, так и на альтернативных ситуациях.

В пределах одной статьи можно лишь наметить контуры определенных моделей женского поведения и образа жизни, затребованных городской средой или оказавшихся в фокусе ее внимания. Исследования, имеющиеся в зарубежной историографии, представляют большой интерес, но посвящаются, как правило, полярным позициям. Как правило, в них рассматривается положение женщин в городских семьях разного социального уровня¹. В последние десятилетия объектом изучения становятся женские монашеские общины, возникающие при конвентах «третьи ордена», и образы женской святости, персонифицированные в фигурах местных святых или блаженных². Крайняя скудость источниковой базы не дает осо-

¹ *Klapisch-Zuber C.* Women, family and ritual in Renaissance Italy. Chicago, London, 1985; *Eadem.* La maison et le nom: strategies et rituals dans l'Italie de la Renaissance. Paris, 1996; *Lenzi M. L.* Donne e madonne: L'educazione femminile nel primo Rinascimento. Torino, 1982; *Furlan F.* La donna, la famiglia e l'amore tra Medioevo e Rinascimento. Firenze, 2004.

² *Benvenuti A., Papi M. D.* La nuova religiosità e le eresie (XI–XIII) // La società comunale e il policentrismo. Milano, 1986. P. 191–235; *Benvenuti Papi A.* «In castro poenitentiae» Santità e società femminile nell'Italia medievale. Roma, 1990; *Barone G.* La religiosità femminile a Roma e Firenze nel basso Medio Evo: un con-

бой возможности выявить положение женщин, оказавшихся в пограничном состоянии: представители городской среды меньше всего уделяли внимания дочерям, сестрам и вдовам, которые не имели шансов вступить в престижный и перспективный для всей фамилии брак. Такие представительницы городских семей оставили о себе меньший след на страницах писем, семейных хроник, мемуаров, дневников и хозяйственных книг.

К началу XV в. в сфере ментальных представлений города на Арно отчетливо заметны две женских ипостаси, воплощающие насущные запросы и потребности повседневной жизни: они постулировались в образах хорошей жены и «истинной вдовы». Если в обыденном сознании складывался набор эталонных признаков, маркирующих определенные женские фигуры, то в более высоких и тонких культурных пластах происходило конструирование соответствующих идеальных моделей, в котором в равной степени были задействованы как светские авторы, так и представители церкви.

Самое традиционное представление о женщине, необходимой в семье, кристаллизовалось в образе достойной супруги, обладающей комплексом немногочисленных качеств — безусловной покорностью мужу, благочестием, способностью обеспечить фамилию потомством и владением трудным искусством женского «домостроя», то есть умением управлять той частью домохозяйства, которая исконно находилась в ведении хозяйки дома. Видный флорентийский горожанин Маттео Корсини, упоминая в сухих и лаконичных регистрациях своей домашней книги о женах, помимо суммы приданого, фиксировал их плодовитость. Его супруга Лоренца за 24 года брака произвела на свет 20 детей, а его невестка Сальваджа — «прекраснейшая женщина» — за 8 лет родила 6 детей³.

«Домашней хронике» Донато Веллутти, составленной в последние 3 года жизни автора, с 1367 по 1370 г., будет уделено особое внимание, поскольку ее материал широко охватывает городскую «фамилию», разветвленную и многочисленную семью-консортерию, позволяя проследить судьбы ее представителей на протяжении почти 100 лет. При описании примерно 120 женских

fronto // *La Toscane et les Toscans autour de la Renaissance. Cadres de vie, socialite, croyances.* Publications de l' Université de Provence, 1999.

³ *Il libro di ricordanze dei Corsini (1362–1457)* / A cura di A. Petrucci. Roma, 1965. P. 81–82.

персон самые пространные аннотации автор посвящал именно женам, разделяя их на хороших и плохих. Образцовыми фигурами первого плана являлись мать автора «Домашней хроники» монна Джованна и его первая супруга Биче ди Ковоне Ковони. Мать Донато полностью соответствовала стереотипной формуле женской привлекательности: «красивая, высокая, полнотелая».

«Монна Джованна, супруга указанного Берто, прозванного Ламберто (отец автора — И. К.), и моя мать, была мудрой и красивой женщиной, очень свежей и с румяным лицом, весьма крупной персоной; честной и очень добродетельной».

Далее демонстрируется безукоризненная супружеская верность женщины, вынужденной подолгу оставаться без мужа, который служил одним из управляющих в торгово-банковском доме Перуцци, в частности, долго руководил филиалом на севере Африки.

«Она много действовала и старалась, чтобы взрастить меня и моих братьев; взяв в расчет, что мы, можно сказать, не имели другого руководства, потому что очень долгое время наш отец находился за пределами города: по каковой причине ее очень хвалили. Одобряли ее за честный образ жизни при том, что она была очень красивой, а муж все время пребывал за пределами дома, хотя и питал к ней великую нежность из-за ее цвета лица и свежести».

Наконец, главное качество:

«Она являлась прекрасной хозяйкой; и имела нужду поступать так (экономить — И. К.), потому что наш отец мало получил, отделившись от братьев при наличии большой семьи».

Он отмечал также благочестие матери и ее достойную кончину, какая подобает истинной христианке⁴. Теми же чертами отличалась и Биче⁵, первая жена Донато, исключая внешность:

«Она являлась столь же милой, мудрой и очень доброй женщиной, сколь и некрасивой; ею я был очень доволен, и впоследствии от этого брака всякое благо, как и от родства, и я был очень счастлив в этом мире, пока она была жива»⁶.

⁴ *Velluti D.* La cronica domestica scritta tra il 1367 e il 1370 / A cura di I. Del Lungo e C. Volpi. Firenze, 1914. P. 119–120.

⁵ *Ibid.* P. 159–160.

⁶ *Ibid.* P. 160.

Вторично он упоминал о ней в более поздней записи:

«Она была маленькой и некрасивой; но мудрой, доброй, мягкой, любящей, хорошо воспитанной, преисполненной всяких добродетелей и совершенств, и она всегда стремилась любить и желать блага всякой персоне: и я очень ее почитал, ибо она любила меня и желала всем сердцем... Жила она со мной в добром согласии, способствовала возрастанию моей чести, славы и имущества... она совершала добрые и благородные поступки, была очень милосердна, молилась и посещала Церковь»⁷.

Заметен тот же набор стереотипных признаков: кроткая и послушная жена, хорошая хозяйка, приумножающая имущество, и благочестивая христианка. В обоих случаях просматривается определенный эталон, за рамками которого невозможно рассмотреть индивидуальность характеризуемых женщин. Через три четверти века Лука ди Тотто да Панцано примерно в тех же выражениях изъяснял чувства по поводу смерти первой жены:

«Я скорблю так, как будто это я сам умер... Великим даром обладала эта женщина, и о ней скорбел весь народ Флоренции, поскольку она была добра, нежна, прекрасно воспитана, побуждала хорошо думать о себе всех, кто ее знал. Умерла в покорности и умилении... и я уверен, что Господь по великому милосердию призовет ее в сонм ангелов»⁸.

Тот же образец жены, хотя и отличающийся некоторой спецификой, представил Джованни Морелли в портрете своей сестры Бартоломеи (Меа), «опытной в ведении домашних дел, экономной и очень ловкой в управлении семьей»⁹.

Ничем не отличались от вышеприведенных и другие «примерные супруги» под пером Веллутти. Сестра Биче Джиневра:

«Высокая, красивая, одна из самых виртуозно умудренных и дельных женщин, подобных которой я не видывал, и из тех, кои из милосердия, жалости и доброты стремятся желать блага любой персоне».

Добавляется лишь одна похвальная, на взгляд Донато, деталь:

⁷ Ibid. P. 290–291.

⁸ Luca di Totto da Panzano di Firidolfi. Ricordanze / Carnesecchi C. Un fiorentino del secolo XV e le sue ricordanze domestiche. Frammenti della cronaca di messer Luca di Totto da Panzano // Archivio storico italiano. Firenze, 1889. IV. P. 158–159.

⁹ Morelli G. Ricordi / A cura di V. Branca. Firenze, 1956. 46b. P. 180–181.

«она нещадно порола младшего сына Джано, потому что оказался он подлым и порочным», но исправить сына ей таким образом не удалось «и по сей день он пребывает в тюрьме»¹⁰.

С большим одобрением Донато отзывался о своей теще, матери второй жены:

«Она очень красивая и крупная женщина в возрасте 50 лет, очень мудрая, толковая, деловая, хорошая хозяйка и достойная, насколько женщина может быть достойной».

Здесь также добавляется одно примечание по поводу особых способностей тещи: «прекрасная сиделка», обладающая способностями к врачеванию, «подобно настоящему медику»¹¹.

Высшей похвалы, которую воздает образцовой супруге Донато Веллутти, устаивается способность благотворно воздействовать на мужчину в управлении семейными делами. Таких случаев отмечается всего два. Первый — Монна Бартоломеа, одна из дальних родственниц, которая «была красивой и честной женщиной», хотя и бездетной:

«И перенесла она на мужа любовь великую, но разумную, потому что он изменился к лучшему, поскольку она была доброй хозяйкой», а Якопо, ее муж, «жил до брака не слишком похвально, имея хорошее положение [в обществе]. но маленькое состояние»¹².

Та же сентенция, означающая верх женской доблести в браке, относится к уже упомянутой теще:

«Не удивительно, что такие [женщины] управляют мужьями, сыновьями, братьями и другими персонами»¹³.

По поводу этих идеализированных и по большей части стереотипных констатаций стоит внести два комментария. Во-первых, просматривается определенный ритуал, связанный с семейным обиходом и представлениями о браке: теплые и даже восторженные характеристики высказываются, как правило, по поводу первых жен, что дает основания подозревать в иерархии семейных ценностей более

¹⁰ Velluti D. Op. cit. P. 296.

¹¹ Ibid. P. 307.

¹² Velluti D. Op. cit. P. 48.

¹³ Ibid. P. 307.

высокое место первого брака по сравнению с последующими. Дона-то Веллутти никак не характеризовал свою вторую супругу, хотя, возможно, до нее просто не дошла очередь, но зато много внимания уделял тяжбе с ее родственниками по поводу причитающейся ей доли имущества. Во-вторых, явно заметна зрелая определенность и своего рода «законченность», четкая апробированность эталона образцовой жены: зажиточные деловые люди внутри городских стен довольно точно формулировали свои потребности.

Представители городской культуры улавливали эти импульсы и, отвечая на них, создавали модели идеальных жен и хозяек дома, конструируя их в абстрактно-обобщающем виде, или же используя реальные прототипы. В первом случае портреты «добрых супругов» часто вписывались в общую ткань морально-дидактических трактатов или произведений, посвященных теме «домостроя»¹⁴. Вторым путем использовали биографы. Веспасиано да Бистиччи восславил выдающихся женщин, образцовых жен и хозяек: Мариэтту Строцци, Алессандро де Барди Строцци, Франческу Тебальдуччи Аччайуоли, Катерину Строцци Ардингелли¹⁵.

Вторая женская ипостась, весьма положительно оцениваемая и соответствующая вновь возникающим запросам, — образ «истинной вдовы» — была вызвана к жизни особенностями демографической ситуации, складывающейся в итальянских городах: довольно поздний возраст вступления в брак для мужчин — 33 до 40 лет (нижняя возрастная грань — 18 лет); очень ранний возраст вступления в брак для женщин — от 13 до 17 лет (нижняя возрастная грань — 12 лет)¹⁶; значительный возрастной разрыв между супругами, предопределяющий более ранний уход из жизни мужчины.

По традиции вдова получала из имущества супруга возмещение суммы приданого, а также положенную ей по завещанию вдовью

¹⁴ См.: *Tattatto del governo della famiglia d' Agnolo Pandolfini / Da Basilio Puoti*. Napoli, 1839.

¹⁵ *Bisticci V. Vite degli uomini illustri del secolo XV*. Firenze, 1859. P. 272–273, 525–558. В этот сборник вошла полная биография Алесандры де Барди Строцци. Краткий вариант ее жизнеописания, как и биографий других выдающихся женщин, помещен в издании: *Frammenti di un trattato storico-morale. Notizie di alcune illustri donne del secolo XV, scritte da Vespasiano da Bisticci // Archivio storico italiano*. Firenze. 1843. T. IV.

¹⁶ См.: *Herlihy D. Vieillir à Florence au Quattrocento // Annales E. S. C.* 6. Paris, 1969. P. 1341–1342; *Herlihy D., Klapisch-Zuber C. Les Toscans et leurs familles. Une etude du «Catasto» florentin de 1427*. Paris, 1978.

часть, и возвращалась в свой линияж, а рожденные ею дети оставались в консортерии мужа, считаясь ее неотъемлемой частью. Выше говорилось о том, что Донато Веллутти представлял свою мать совершенным примером супруги и хозяйки. Но вряд ли образ идеальной матери своих детей можно считать типичным для этой среды: часто мать вообще не упоминалась в архивах флорентийских горожан, поскольку при ее уходе из рода мужа и повторном замужестве связи с детьми от первого брака полностью разрывались. Не напрасно Джованни Морелли в качестве идеального женского образа представлял старшую сестру, а не «жестокую мать», которая, оставив четверых малых детей, после ранней смерти супруга потребовала свою долю имущества, вернулась к братьям и сразу вновь вышла замуж. Детей воспитывали и опекали родственники отца, которые расхищали и присваивали их имущество: «выворачивали сирот наизнанку»¹⁷. Наиболее яркую и трагическую картину детства несчастных сирот создал Джованни Морелли¹⁸, но ее более бледные копии можно найти почти во всех памятниках купеческой литературы.

Проблемы вдовства и сиротства детей после смерти отца являлись, пожалуй, доминирующей темой, связанной с местом женщин в семье, которая привлекала внимание не только горожан — авторов домашних хроник и мемуаров, но и биографов, авторов новелл, проповедников и теологов, инкорпорированных в городскую среду. Оставшиеся при живой матери сиротами дети, плохо опекаемые родичами отца, часто терпели с детства различные притеснения и несправедливости. Но и возвращающаяся в свой род-консортерию вдова далеко не всегда могла рассчитывать на радушный прием: если она вышла из детородного возраста и не приносила с собой имущества, способного составить ее приданое, то ее семья не могла быть в ней заинтересована. Родственники, не имевшие в перспективе нового престижного родства, не желали обременять себя заботами, связанными с ее повторным замужеством или содержанием у себя в доме. Богатый купец и олигарх Маттео Корсини спешил «сбыть с рук» свою дочь Катерину, вернувшуюся к нему в дом после смерти первого мужа¹⁹. Лука ди Тотто да Пан-

¹⁷ *Morelli G. Ricordi*. 50b-51a. P. 202–203.

¹⁸ *Ibid.* 41a. P. 145–147.

¹⁹ *Il libro dei Corsini*. P. 66.

цано также не скрывал своего раздражения по поводу возвращения вскоре после свадьбы его дочери Гостанцы «в одной паре башмаков, без одежд и покрывал, подобающих вдове». Он также поспешил выдать ее замуж за первого попавшегося жениха²⁰.

Эти обстоятельства обуславливали появление образа «истинной вдовы», оставшейся с детьми от первого брака и отказавшейся от возможности нового замужества. Хотя в домашних книгах представителей городской среды проявляются колебания, вызванные резонными доводами, что не всякая женщина способна позаботиться о детях²¹, тем не менее, светские и религиозные авторы формировали идеальный тип вдовы, явно отвечающий насущным потребностям семейных отношений в городской среде²². Сложность заключалась в том, что на таких женщин возлагалась новая функция, несвойственная супругам, — ответственность за воспитание детей. Известные теологи и архиепископы посвящали вдовам, самостоятельно воспитывающим детей, специальные трактаты; не считаясь с затратами времени²³, вели с ними отдельную переписку, неустанно утешая и наставляя женщин, взваливающих на свои плечи груз нетрадиционных забот²⁴. И близкий к кругу гуманистов Веспасиано да Бистиччи, и богословы в одинаковой степени прославляли «истинных вдов» — «светских монахинь», отличающихся строго аскетическим и благочестивым образом жизни в семье со своими детьми. Вместе с тем, Антонин Флорентийский, как и известные

²⁰ Luca di Totto da Panzano di Firidolfi. Ricordanze. P. 159–160.

²¹ Morelli G. Op. cit. 53a. P. 216–218; Cecchi D. Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze, 1978. P. 190.

²² См: Веспасиано да Бистиччи. Алессандра де Барди / Пер., коммент. и вступ. статья И. А. Красновой // Адам и Ева. М., 2003. № 5. С. 209–244; Frammenti di un trattato storico-morale...

²³ В 1405 г. Джованни Доминичи составил трактат о воспитании детей, остающихся на попечении матери, по просьбе Бартоломеи дельи Альберти. См.: Dominici G. Regola del governo di cura familiari / A cura di D. Salvi. Firenze, 1860.

²⁴ Архиепископ Флоренции Антонин Флорентийский посвятил специальный трактат о добром образе жизни сестрам Торнабуони: *Santo Antonino. Opera a ben vivere / Per cura di M. Cellini. Firenze, 1858*. Он поддерживал переписку с вдовами — Джиневрой де Медичи, Анналеной д' Ангвилара, Диодатой дельи Адимари: *Santo Antonino. Lettere di sant' Antonino, arcivescovo di Firenze. Firenze, 1859*.

проповедники XIV–XV вв., удерживал вдов, имеющих на попечении детей, от вступления в монашескую общину, указывая на первоочередную необходимость исполнения мирских обязанностей по отношению к детям и родственникам²⁵. Именно в этом образе в первую очередь апробировалась не родительница, ибо вдова не могла выполнять эти функции, но мать, воспитывающая своих детей.

Вряд ли в городской среде можно говорить об образе идеальной дочери, ибо вместе с ней появлялось на свет большое количество докучливых забот для отцов и матерей. Если в хозяйственных книгах, семейных хрониках и мемуарах горожан почти всегда проявлялось эмоциональное начало по отношению к сыновьям, обнаруживались всплески искренней родительской печали по поводу их безвременной смерти²⁶, то на долю дочерей доставались лишь бесконечные сетования о разорительных суммах приданого, о трудностях поиска подходящего жениха, о порочащих слухах и позорящей молве, которые в замкнутом городском пространстве могли быть вызваны малейшим родительским недосмотром или неосторожным поступком самой девицы. Разумеется, главной проблемой являлся размер приданого, который постоянно возрастал в XIV–XV вв.²⁷. Вокруг его суммы велись долгие споры и многолетние судебные тяжбы, затягивающие помолвку на годы. В мемориях купцов XV в. и даже на страницах хроник часто можно встретить «крик души» главы семейства:

²⁵ См.: Краснова И. А., Пастельняк О. Г. Проповедник и его духовные дочери. Антонин Флорентийский. Письма // Диалог со временем. М., 2008. Вып. 12. С. 331–389.

²⁶ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 310–313. Донато Веллутти повествовал о мучительных операциях и тяжелой кончине своего сына Ламберто в возрасте 26-ти лет. Современные врачи по подробно описанным симптомам болезни определили, что Ламберто с младенчества страдал тяжелой формой бытового сифилиса. Известны ставшие хрестоматийными страницы, на которых Джованни Морелли излил чувства по поводу смерти своего сына Альберто: *Morelli G.* Ricordi. P. 505.

²⁷ Это хорошо прослеживается по домашним книгам, которые велись на протяжении поколений: Маттео Корсини, женившийся в 1362 г., считал свой брак очень удачным: невеста принесла 600 зол. флор., но через 20 лет за своей дочерью Маттео дал 900 флор., а его внучка в 1418 г. была выдана замуж с приданым, равным 1100 флоринов: *Il libro di ricordanze dei Corsini*. P. 65, 71–72, 81, 99, 107, 109–110. Этот же факт отмечал А. Петруччи во вводной статье к изданию книги Корсини: *Petrucchi A.* Corsini tra XIV e XV secoli. P. XIV–XV.

«Если 40 лет назад (то есть, в середине XV в. — И. К.) самые богатые давали 1400 флоринов между горожанами высокого ремесла (то есть, старших цехов — И. К.), то теперь дают 2500–3000 флор., иначе невозможно выдать замуж. Чтобы выдать четверых или пятерых дочерей, надо иметь 15000 флор., которые будут затрачены без всякого возмещения. И приходится выдавать дочерей на виллы за людей невежественных и стариков, или держать их дома взаперти. Это смерти подобно — так выдавать замуж»²⁸.

Трудности, испытываемые главами семейств уже после попытки решить проблему на государственном уровне, — в 1425 г. был учрежден «Банк приданных» (*Monte delle doti*) — свидетельствуют о недостаточной эффективности этого института, куда почти все флорентийские отцы из зажиточных кругов вкладывали определенную сумму при рождении дочери²⁹. К концу XV в. проблема настолько обострилась, что Джироламо Савонарола в проповедях неоднократно требовал строго ограничить суммы приданого³⁰. Таким образом, можно предположить, что для женщин внутри семьи существовала определенная иерархия оценок, фиксирующая уровень их значимости в деле жизнеобеспечения потомства и созидания домохозяйства, а также определяющая степень их признания главой семьи и мужчинами-родственниками.

Внутрисемейный статус супруги, матери семейства и хозяйки дома, столь определенно отпечатавшийся в культурно-ментальных формах городской среды, четко очерченный, ясно определяющий комплекс прав и обязанностей женщины в браке, предусматривал, на первый взгляд, условия стабильного и относительно почетного положения замужних женщин в социуме.

Однако такое утверждение будет справедливым лишь отчасти. Даже жены и дочери весьма знатных и влиятельных лиц могли подвергнуться насилию и произволу со стороны не только своих мужей, но и посторонних лиц. Тот же Донато Веллутти упоминал о «несча-

²⁸ Цитата из «Хроники» Джованни Камби, относящейся к концу XV в., приводится по изданию: *Mazzone U.* «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. P. 88.

²⁹ *Machiavelli B.* Il libro di ricordi / A cura di C. Olschki. Firenze, 1954. P. 42–43, 91.

³⁰ В одной из проповедей он предлагал ввести тяжелые наказания, чтобы никто не предлагал и не требовал больше установленного максимума: *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo / A cura di L. Firpo. Roma, 1965. P. 224.

стной Никколозе», «вышедшей замуж за... из дома Барди, каковой ранил ее и бросил умирающей», после чего ее из милости приютила одна из родственниц; о монне Гверрьере, «маленькой и сухощавой, которая много настрадалась замужем за Джованни, графом де Коллегарли, ... поэтому мало прожила с ним, и умерла, не имея детей, в возрасте около 30 лет»³¹. Во флорентийских хрониках нечасто, но все-таки фиксировались казусы подобного рода, связанные с громкими скандалами или судебными разбирательствами. Маттео Виллани рассказывал о судебном процессе в начале 50-х гг. XIV в. над членами семьи «новых людей»³², принадлежащих к судейскому сословию. Глава семьи женил сына, взяв колоссальную сумму приданого — 3500 флоринов, ставшую непреодолимым искушением для жениха и его отца, которые задумали отнять все имущество у невесты и ее матери путем мошенничества, «прибегнув к самым недостойным способам их искусства» с помощью подложных документов. В суде заметили обман, и члены этой семьи были сурово наказаны высокими штрафами и длительными сроками изгнания³³. Эти случаи свидетельствуют, что законный брак не всегда являлся для жен гарантией защиты от произвола и насилия со стороны мужей.

Случались бесчинства и преступления, в которых замужние женщины становились жертвами посторонних людей. Джованни Кавальканти отмечал, что в его время (точная датировка отсутствует), Вьери Гваданы при содействии своего родственника Маттео похитил супругу у Антонио Джанфильяцци. Важно отметить, что старые флорентийские фамилии Гваданы и Джанфильяцци в XV в. считались знатными и входили в состав городской элиты³⁴. Что же говорить о положении женщин из низших слоев? Можно привести в

³¹ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 93. Коллегалли из Валь д' Эзола — фамилия, владеющая крепостью и маленьким графством, которое в различные времена находилось то под юрисдикцией Пизы, то Лукки, то Флоренции. См.: *Del Lungo I., Volpi C.* Nota 1 // *Velluti D.* La cronica domestica. P. 93.

³² Так называли во Флоренции недавно переселившихся в город людей, не имеющих давних корней.

³³ *Cronica di Matteo Villani // Croniche storiche di Giovanni, Matteo e Filippo Villani a miglior lezione ridotte coll' aiuto del testi a penna corredate da una prefazione del professore M. Sartorio.* Vol. V. Milano, 1848. Libro II. Cap. LXXI. P. 196–197.

³⁴ *Cavalcanti G.* Trattato politico-morale // *Grendler M.* The «Trattato politico-morale» of Giovanni Cavalcanti. Geneve, 1973. P. 161.

качестве примера петицию в Синьорию жителя одного из флорентийских бургов Джованни ди Пьеро, выступающего от имени своей вдовой матери. Он свидетельствовал, что монна Джованна, его мать, вступила во владение наследством, полученным от ее отца согласно нотариально заверенному завещанию. Некий Африкелло ди мессер Аламанно де Медичи, «тиран и человек, который всегда жил нечестной жизнью посредством грабежа и обмана нищих и неимущих», ворвался в дом монны Джованны с целью принудить ее передать ему это имущество. Когда она отказалась, «он схватил ее за волосы и посредством шпоры в своей руке безжалостно изранил. Бедная женщина, с руками и ногами, израненными шпорами, убежала в дом своей родни и в короткое время умерла от ран и печали»³⁵. Итак, даже статус замужней женщины из элитарных слоев или почтенной, отнюдь не бедной вдовы, проживающей под покровительством своего сына, не всегда предохранял женщин от насилия и произвола.

В таком случае, следует предположить, что положение категорий женщин, имеющих более низкий статус внутри семьи, отличалось изначальной неустойчивостью. Перед угрозой маргинализации оказывались женщины разного возраста, пребывание которых в городских семьях считалось весьма нежелательным. Сюда следует отнести дочерей и сестер, лишенных шансов на замужество, проживание которых под родительским кровом создавало высокую степень риска для фамильной чести; уже упомянутых вдов, возвращающихся после смерти мужа к своему отцу или его консортам, незаконнорожденных дочерей и сирот, оставленных на попечение родственникам.

Крайне осложнялось положение для членов семей, испытывающих понижение социально-политического статуса в городском социуме из-за постоянной борьбы партий и фракций, особенно жен, дочерей и сестер политических изгнанников или мятежников³⁶. Же-

³⁵ Этот представитель фамилии Медичи был объявлен грандом и соответствующим образом наказан. Текст петиции из Флорентийского государственного архива, датированной 1377 г., опубликован: The Society of Renaissance Florence / Ed. by G. Brucker. New York, San Francisco, London, 1971. P. 120–121.

³⁶ О положении этих категорий женщин см.: *Краснова И. А.* Выдающиеся женщины Флоренции: жены политических изгнанников и вдовы // *De mulieribus illustribus: Судьбы и образы женщин средневековья.* СПб., 2001. С. 29–60; а также вступительную статью: *Веспасиано да Бистиччи.* Алессандра де Барди / Пер., коммент. и вступ. статья И. А. Красновой...

ны изгнанников продолжали состоять в браке и не могли особенно рассчитывать на поддержку собственной консортерии, представители которой часто стремились не только отмежеваться от ставшего нежелательным родства, но и воспользоваться бедственным положением женщин, не имеющих сноровки и опыта в ведении дел по управлению имуществом. Хрестоматийный пример такого рода содержится в письмах вдовы осужденного изгнанника Алессандры Мачинги Строцци, наполненных жалобами в адрес братьев, с которыми ей пришлось вступить в длительную судебную тяжбу, отстаивая интересы собственных сыновей³⁷. Для дочерей из приходящих в упадок семейств исчезали возможности вступления в престижный и почетный брак. Их потерю приходилось компенсировать, если имелась такая возможность, повышенными размерами приданого³⁸. Об этом свидетельствуют письма той же вдовы Строцци, которой приходилось пережить немало мытарств, выдавая замуж двух дочерей³⁹.

При этом сама монна Алессандра заняла столь же жесткую позицию, когда для нее наступил момент своеобразного реванша: в 1466 г. ее сыновья были амнистированы. Ожидая их возвращения во Флоренцию, мать спешно занялась поиском подходящих невест. Ее младший сын Лоренцо по сердечной склонности захотел жениться на Мариэтте ди Лоренцо Строцци, своей отдаленной родственнице, внучке умершего в изгнании Палла ди Ноффри Строцци. Мать и старший брат Филиппо решительно выступили против этого выбора, аргументируя несогласие узами кровного родства между Лоренцо и Мариэттой, а также возрастом девушки, которой уже исполнился 21 год, что давало им серьезный повод усомниться в том, что она сохранила девственность. При этом Монна Алессандра и Филиппо

³⁷ Lettera a Filippo Strozzi in Napoli 2/XI 1459 // *Macinghi Strozzi A. Lettere di una gentildonna fiorentina ai figliuoli esuli* / A cura di C. Guasti. Firenze, 1877. P. 204–205, 220.

³⁸ *Morelli G. Ricordi*. 46b. P. 180–181.

³⁹ Монна Алессандра сетовала, что брак старшей дочери с человеком достойным и знатным потребовал бы 1500 флор., тогда как в приданое за Катериной она могла дать лишь 1000–1200 флор., на долю младшей — Маргариты — приходилась меньшая сумма, поэтому пришлось согласиться на ее брак с человеком низкого социального статуса. См.: Lettera in Napoli 24/ VIII 1447 // *Macinghi Strozzi A. Op. cit.* P. 1–6. О тяжелых заботах отца, связанных с устройством брака дочерей, см.: *Morelli G. Ricordi*. 45b. P. 174–175.

признавали несомненную красоту Мариэтты и не могли привести никаких компрометирующих ее поведение фактов⁴⁰. Но главный довод состоял в том, что родство с деградирующей ветвью фамилии, идущей от Палла ди Ноффри, столь ненавистного членам правящего клана Медичи, неизбежно понизит статус братьев Строцци во Флоренции⁴¹. Мариэтту ее родственники были вынуждены выдать замуж за благородного человека из Феррары Теофило Кальканьини⁴². Брак за пределами Флоренции по традиции не считался достойным и престижным по сравнению с матримониальным союзом, заключенным внутри города, если судить по сходным ситуациям⁴³.

Для девушек и женщин из семей осужденных и изгнанных возрастала угроза стать жертвами насилия и беззаконий. Случай такого рода попал на страницы «Хроники» Маркьонне Стефани, который обличал преступления Капитана народа Обиццо дельи Алидози. Он указывал, что напротив палаццо Капитана находился дом, где обитала семья Риччардо де' Фильопетри, бедного человека, высланного из Флоренции. Две красивые дочери Фильопетри по причине отсутствия приданого и социально-политического упадка фамилии⁴⁴ не бы-

⁴⁰ Есть все основания полагать, что Мариэтта, кроме того, была хорошо воспитана и обладала изысканными манерами, то есть качествами, которых монна Алессандра требовала от кандидаток в невесты для своих сыновей, поскольку она являлась дочерью Алессандры де Барди Строцци, которую Веспасиано да Бистиччи прославил как образец женских достоинств. См.: *Веспасиано да Бистиччи*. Алессандра де Барди...

⁴¹ Lettera di Filippo Strozzi a Lorenzo Strozzi 27/ II 1469 // *Macinighi Strozzi A.* Op. cit. P. 594–595. Анализ планов матримониальной стратегии семьи Строцци в связи с этой ситуацией содержится: *Fabbri L.* Alleanza matrimoniale e patriziato nella Firenze del' 400. Studio sulla famiglia Strozzi. Firenze, 1991. P. 38, 45–46.

⁴² *Веспасиано да Бистиччи*. Алессандра де Барди. С. 243. Веспасиано называл Мариэтту «прекрасной дочерью» Алессандры де Барди.

⁴³ Во второй половине XIV в. флорентиец Сальвестро Веллутти просил пизанца Аньоло дельи Альи найти в Пизе жениха для своей племянницы, воспитывающейся в его доме во Флоренции, где девушка не имела возможностей вступить в брак по причине небольшого приданого (500 флоринов), но главное, из-за того, что ее отец был выслан по политическим мотивам. См.: Lettera in Pisa 10/X 1388 // Dall' archivio di Francesco Datini mercante pratese / A cura di G. Livi. Firenze, 1910. P. 48.

⁴⁴ Фильопетри или Фильипетри — очень древняя фамилия Флоренции, относящаяся к феодальной знати. Этот род пришел в упадок уже к XIII в.

ли выданы замуж. По городу распространились слухи, что Капитан народа влюбился в одну из них, увидев ее в окне. Он послал своего нотариуса и нескольких стражников в дом Фильопетри под предлогом проверки, не вернулся ли во Флоренцию самовольно изгнанник Риччардо. Они забрали девушку и привели в палаццо Капитана, где ее изнасиловали, а затем сын Обиццо, также участвующий в этом злодеянии, отвел ее к женщине, которая, по-видимому, содержала публичный дом. Вернувшийся домой брат девушки нашел сестру и в порыве ярости, желая наказать за позор, который она навлекла на семью, убил ее и спрятал тело. Капитан Алидози был осужден во Флоренции в 1382 г., но вовсе не за это преступление: «его обвинили в получении взяток, что было доказано»⁴⁵. Для хрониста Стефани эта история — не более чем заурядная иллюстрация, являющаяся еще одним доказательством порочности должностного лица: он не выражал никакой рефлексии по поводу 18-летней жертвы насилия и не высказывал осуждений в адрес ее брата. В свете этого казуса представляется вполне оправданным требование, предъявляемое к воспитанию дочерей в городской среде: им следовало запрещать выглядывать в окна, стоять в дверных проемах, выходить на улицу без сопровождения и с открытым лицом.

Понижение социального статуса фамилии, вследствие осуждения глав семьи или их изгнания по политическим мотивам, увеличивало риск маргинализации для женщин, попадающих в условия неблагоприятной конъюнктуры на брачном рынке, а часто вообще утрачивающих перспективы замужества. Именно для женщин, семейное положение которых оказывалось нестабильным, повышалась степень возможности и необходимости переступить ту грань, за которой они переставали быть женами, вдовами, дочерьми и сестрами, и перед ними открывался иной ряд социальных ролей: пинцокера, благочестивая монахиня, блаженная затворница и святая.

Разумеется, выходом из безнадежной ситуации для женщин являлся монастырь — «концептуальный синоним семьи», если употребить термин А. Бенвенути⁴⁶. Ситуация ухода членов семей из со-

⁴⁵ Cronaca fiorentina di Marchionne di Coppo Stefani / A cura di N. Rodolico // *Rerum italicarum scriptores*. Città di Castello. 1903–1913. T. XXX. Parte I. Rubr. 938.

⁴⁶ *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity // Women and Religion in Medieval and Renaissance Italy*. Chicago, 1996. P. 84–103.

стоятельных флорентийских кругов в монастырь оказывалась в фокусе внимания авторов домашних книг. Вряд ли стоит приводить в подробностях очень яркие дискурсы, посвященные этому событию⁴⁷, поскольку все они касаются мужчин. Выделим лишь общие признаки, свойственные такого рода описаниям: прежде всего, демонстрируется несогласие семьи флорентийских граждан с выбором монашеского поприща одним из ее членов⁴⁸. Монашеский удел явно не воспринимался, как естественная ситуация и жизненное призвание, подобающее выходцу из богатой городской семьи, поэтому всегда подчеркивались такие условия ухода в монастырь: слишком юный возраст, неопытность, отсутствие в критический момент старших родственников, обольщения со стороны монахов и проповедников, а также ненормальное психическое состояние вследствие чрезмерных постов и ночных молитвенных бдений.

Итак, в указанных дискурсах постулировалась нежелательность монашеского удела для сыновей, но ничего подобного не обнаруживается в отношении дочерей и сестер, что позволяет предполагать, что для них такой исход считался более приемлемым. Но признать этот тезис следует с некоторой осторожностью. К концу XIV и в XV вв. отцы семейств вряд ли считали монашеское поприще оптимальным жизненным вариантом для своих близких родственников — сестер и дочерей. В какой-то степени такой шаг свидетельствовал о некоторой несостоятельности или непредусмотрительности главы семьи. Идеальный вариант все-таки состоял в том, чтобы должным

⁴⁷ *Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. Firenze, 1892. P. 16–21.* Описан случай ухода в монастырь 14-летнего подростка Алессио Строцци в первой половине XIV в.

⁴⁸ В «Домашней хронике» Донато Веллутти это проявляется в двух описаниях попыток представителей фамилии стать монахами: *Velluti D. La cronica domestica. P. 41, 151–153.* В первом случае родственники отговаривают юношу от монастырского затворничества, и он возвращается к деятельности купца и банкира. Во втором — Лоттьери, младший брат Донато, отстаивает свой выбор и становится ученым монахом, которым гордится семья. В «Жизнеописаниях» дома Строцци повествуется об отчаянных попытках дяди и матери Алессио извлечь мальчика из доминиканской общины Санта Мария Новелла: они изобличали порочность общежития монахов, но не помогло даже обращение могущественного дяди к римскому понтифику. Алессио настоял на своем и стал в последствии выдающимся богословом: *Strozzi L. Le vite degli uomini illustri della casa Strozzi. P. 16–21.*

порядком пристроить всех женщин, находящихся под опекой хозяина дома. Вероятно, поэтому Лука да Панцано старался, может быть, несколько нарочито, продемонстрировать свое недовольство тем, что его дочь Лена, в одиннадцатилетнем возрасте вовлеченная в покайнное движение «Белых», пожелала уйти в монастырь. В течение полугода отец, по его собственному заявлению, пытался вызволить ее оттуда, упорно позиционируя при этом свою состоятельность и готовность обеспечить приданым всех пятерых своих дочерей. Возможно, что в этом случае его заверения не являлись до конца искренними, учитывая возраст дочери. Он изрядно сэкономил на приданом Лены, внося в обитель вклад в 300 флор., тогда как для обеспечения замужества других дочерей потребовались суммы до 1500 флор.⁴⁹ Этот казус еще раз убеждает в том, что наилучшей считалась тенденция к тому, чтобы избежать монастырского удела и для дочерей, хотя в реальности все выглядело иначе.

Семейные архивы флорентийских граждан отразили эту реальность. «Домашняя хроника» Веллутти, по которой можно воссоздать определенный ряд, содержит восемь аннотаций, свидетельствующих о помещении женщин в монастырь. Они очень лаконичны и бедны информацией, которая скудно проникала в семью из-за монастырских стен. Описывая потомство одного из отдаленных родственников, Донато указывал, что из четырех или пяти сестер его жены две стали монахинями⁵⁰; еще одна родственница в 1369 г. «вышла замуж за мессера Господа Бога», вступив в монастырь Сан Маттео Арчетри⁵¹; упомянуты также монна Джованна, жена Дино, каковая, овдовев, стала монахиней в Сан Донато да Рифреди; Росса, дочь Туччо, умершая до эпидемии 1340 г., которая стала монахиней в монастыре Санта Феличита; Маргарита, младшая дочь Филиппо, прозванная Тита, «вступила в монастырь Риполе делла Скала в этом году (1369)»⁵². Морелли упоминал, что две из трех дочерей Бартоломео⁵³ стали монахинями: одна в Сан Пьеро Маджори во Флоренции; вторая, «которая была нездорова, постриглась в монастырь Сан Фран-

⁴⁹ *Luca da Panzano Firidolfi*. Ricordanze. P. 160–161.

⁵⁰ *Velluti D.* La cronica domestica. P. 39.

⁵¹ *Ibid.* P. 50.

⁵² *Ibid.* P. 93, 135, 309.

⁵³ Деда автора.

ческо...»⁵⁴. Понятно лишь, что слабая здоровьем Лизабетта вряд ли могла рассчитывать на замужество.

Более пространные упоминания о родственницах-монахинях редки и касаются неординарных случаев. В хронике Донато Веллутти выделяются всего две таких аннотации. Относительно сестры жены Донато, «монахини Катерины, дочери мессера Ковоне (тесть автора), Веллутти счел нужным присовокупить мало о чем говорящую характеристику: «Она была прекрасной, мудрой и честной женщиной: умерла в феврале или, может быть, в марте 1350 г.»⁵⁵. Второй казус, начинающийся констатацией факта: «Еще до чумы 1348 г. Пиккарда была помещена своим отцом Маттео в монастырь Санто Маттео Арчетри», можно считать выдающимся. Донато подчеркивал волеизъявление отца, не объясняя его причин. Однако Пиккарда смогла реализовать себя в монашеской общине, и родственники гордились ею:

«Затем она долго там состояла и вела честную и добрую жизнь, оставаясь доброжелательной и умеренной; по ее благости и добродетелям, когда в этом монастыре находилось много монахинь во времена епископа Флоренции Филиппо дельи Антеллези (управлял флорентийской церковью с 1356 по 1361 гг.), она стала настоятельницей, и разросся при ней этот монастырь, который она вытянула из многих долгов, каковы у него имелись»⁵⁶.

В роду у Лапо ди Никколини Сиригатти, богатого шерстяника, активно участвующего в управлении государством, имелась монахиня Лена, сводная сестра Лапо по матери, упомянутая среди женщин семьи, которым они с братом должны были оказывать помощь, беря на себя письменные обязательства⁵⁷. Чуть позже о ней появилась новая запись:

«Господь призвал к себе Лену, монахиню, дочь Тано Агинетти, рожденную нашей матерью в 1396 г. И она составила завещание. Наследникам она оставила капеллу св. Николая, что в Сан Симоне, где изображены и выгравированы наши и ее гербы. И завещала она, чтобы я, Лапо, или мои родственники, или мои наследники, стали владельцами капеллы, и получили право выбирать священ-

⁵⁴ Morelli G. Ricordi. 43a. P. 160.

⁵⁵ Velluti D. La cronica domestica. P. 295–296.

⁵⁶ Ibid. P. 51.

⁵⁷ Niccolini de Sirigatti L. Il libro degli affair proprii di casa. P. 77–78.

ника, который отправлял бы должность в этой капелле, а также отписала она на содержание этой капеллы подере в Муджелло и виноградник в приходе Сан Донато, в Скопето»⁵⁸.

В честь благочестивой монахини Лапо назвал одну из дочерей Леной⁵⁹. И в этом случае слишком мало информации, чтобы судить, по каким причинам Лена, определенно имевшая собственное имущество, видимо, унаследованное от отца, стала монахиней. Можно лишь с некоторой долей вероятности предполагать семейное неблагополучие, поскольку Лена стала объектом забот своих сводных братьев, рожденных ее матерью во втором браке: довольно редкий случай в домашних книгах горожан. Вопрос о том, насколько женщины могли реализовать свои культурные потребности и властные амбиции в стенах монастыря в период позднего Средневековья, пока только находится в стадии научной разработки, хотя интерес к нему резко возрос в последние три десятилетия⁶⁰.

В XIII–XIV в., когда женских монастырей в городе и окрестных землях было еще мало, и они, очевидно, не могли вместить всех желающих, выход находился в таких религиозных формах, как затворничество и вступление в ряды терциарий (*terziaria, tertiaria, tertia*) или пинцокер (*pinzochera*), группирующихся вокруг монастырей, прежде всего, конвентов нищенствующих монахов.

Описания вступления женщин в общины терциарий или пинцокер, когда они облачались в соответствующее платье и обязыва-

⁵⁸ Ibid. P. 90.

⁵⁹ Ibid. P. 99–100.

⁶⁰ В 1961 г. Грегорио Пенко, видный исследователь истории монашества, констатировал практически полное отсутствие данных о женских монастырях и призвал ученых обратиться к этим проблемам: *Penco G. Storia del monachesimo in Italia dalle origini alla fine del medioevo*. Roma, 1961; Milano, 1983; Milano, 1995; В последние годы появился ряд основательных трудов: *Zarri G. Monasteri femminili e città (secoli XV-XVIII) // Storia d'Italia. Annali. 9*. Torino, 1986. P. 357–429; *Albuzzi A. Il monachesimo femminile nell'Italia medioevale // Dove va la storiografia monastica in Europa? Temi e metodi di ricerca per lo studio della vita monastica e regolare in età medievale alle soglie del terzo millennio. Atti del Convegno internazionale. Brescia-Rodengo, 2000 / A cura di Giancarlo Andenna. Milano, 2001 P. 133–137, 155–162. Аннализа Альбуцци, признавая определенные сдвиги в изучении женского монашества в Италии, указала на некоторую скудость сведений о тех возможностях и перспективах, которые открывались перед монахинями.*

лись исполнять устав определенного ордена, чаще всего оставаясь в своем доме, а иногда продолжая исполнять обязанности супруги и хозяйки, содержат у Веллутти больше информации, нежели сведения о монахинях, полностью порвавших связи с миром и замкнувшись в монастырских стенах. Всего упоминается 7 таких случаев. Некоторые невозможно комментировать, потому что они представляют сухую констатацию факта: дочь одного из представителей рода (ее имя не приводится) была пинцокерой Санто Спирито и умерла во время мора 1348 г.⁶¹ Второй казус представлен краткой историей о судьбе старой девы, которая по неизвестным причинам не смогла выйти замуж:

«Пьера, дочь указанного Герардо (дядя автора «Хроники» — И. К.), стала пинцокерой при братьях-отшельниках Санто Агустино. Жила она в Монтальбино с отцом, и там умерла от чумы 1348 г. на день раньше того, как умер ее отец, и вместе там же они были похоронены в церкви Сан Микеле. Было ей, когда она умерла, лет 35 или побольше»⁶².

Нужно отметить одну деталь: в одеяние монахов Св. Августина Пьера облеклась вместе со своим отцом, о котором сообщалось ранее, что в молодости он пытался примкнуть к отшельникам Сан Спирито, затем долгое время обитал вместе с епископом Флоренции, своим двоюродным братом. Возможно, Герардо мог оказать влияние на выбор дочери.

В третьем случае речь шла о персоне во всех отношениях нежелательной, незаконнорожденной племяннице Донато Веллутти.

«Аньола, дочь-бастарда указанного Пиччо (брат Донато Веллутти — И. К.), родилась в Трапани на Сицилии, и была дочерью одной булочницы, или, может быть, изготовительницы лазаньи».

Автор указывал на то, что бездетный Пиччо не желал принимать Аньолу, хотя был «достаточно побуждаем к этому мной и моей женой». После смерти Пиччо узнали, что мать девочки умерла, и по признанию автора «Домашней хроники», «вышло так, что я распорядился ее привезти». Собственное великодушие не принесло Донато удовлетворения:

⁶¹ Velluti D. La cronica domestica. P. 60.

⁶² Ibid. P. 106, 109.

«Все же я сомневался в том, что она была его дочерью, видя ее тупоумие и то, что она совсем не пошла в него; но поскольку в его завещании было сказано, чтобы оставить 50 флоринов для ее замужества, то она, наверное, все же была его дочерью. Но также я учитывал, что от всего нашего рода не осталось никого, кроме меня, брата Лоттьери (монах), моего сына Ламберто и Тессы ди Герардо, и чтобы она не ступила на дурной путь, а также из милосердия и любви к Богу, я приказал ее привезти».

Донатто удалось найти для Аньолы мужа, но к его досаде она скоро вернулась в его дом вдовой:

«Эта Аньола после смерти мужа долгое время оставалась со мной: я хотел вновь выдать ее замуж, но не представилось к этому случая, ибо она была вдова и бастарда: наконец, к моей чести, и потому, что имел в ней большую нужду (видимо, как в служанке — И. К.), брат Лоттьери заставил ее стать пинцокерой по их уставу, то есть отшельников Св. Августина, в декабре 1366, и туда последовала она с надеждой на Господа»⁶³.

Видимо, история Аньолы была характерной для незаконнорожденных дочерей, вынужденных довольствоваться милостью родственников. С почти циничной прямоотой, которая, как правило, не проявляется в отношении родных дочерей, автор хроники декларировал свое нежелание увеличить сумму приданого для племянницы-бастарды. Он не скрывал и прямого принуждения Аньолы со стороны членов семьи к вступлению в пинцокеры Св. Августина.

Последующие аннотации, в которых речь шла о пинцокерах, заключают в себе определенные особенности. Донатто повествовал о Джемме Пульчи, второй жене своего деда Филиппо, жившей прежде по соседству. Филиппо Веллутти женился на Джемме в весьма преклонном возрасте, и сам шутил по этому поводу: «Теперь понадобилось мне иметь жену, словно чирей меня одолевает», тем не менее, и в этом браке у него родилось двое сыновей, один из которых умер в детстве. Монна Джемма после гибели своего сына Алессандро в возрасте около 22 лет (разбился, свалившись с высокой гробницы во время ловли голубей — И. К.) «ушла обитать в Санта Кроче, став пинцокерой в ордене Св. Франциска». Она получала, пока жила, плату за сдачу в наем домов в количестве 500 флоринов [в год].

⁶³ Ibid. P. 147, 150.

Приказала соорудить капеллу у церкви Санта Кроче близ выхода из сакристии, известную под названием Сан Микеле...: «там написаны наши гербы с той стороны; и я приказал пристроить железную решетку после чумы 1348 г. Она умерла во время чумы 1340 г., почти уже впад в детство. Она была мудрой и честной женщиной, и хорошей хозяйкой»⁶⁴. Думается, на решение Джеммы, состоятельной вдовы, повлияло семейное положение: она осталась одинокой без близких родственников мужчин и, видимо, не хотела возвращаться в род Пульчи, не имея в силу возраста шансов на новое замужество.

Следующая история являлась яркой иллюстрацией того, как зависело положение женщины от ухудшения социально-политического статуса семьи ее мужа. Речь шла о тетке первой жены автора «Домашней хроники» монне Тиче Ковони, «сестре мессера Ковоне», «каковая сегодня пинцокера в Санта Мария Новелла (доминиканский монастырь во Флоренции)». Донато сообщал, что у этой «добрейшей, прекрасной и мудрой женщины были три мужа, но ни от одного не осталось ребенка». Третьим мужем Тиче стал Ченни (Бенчивенни) ди Нардо Оричеллаи (Ручеллаи), «затем брат Бенчивенни, затем мессер Бенчивенни»⁶⁵, «каковой в то время происходил из богатых и именитых горожан Флоренции». Ченни Ручеллаи был сыном Наддо ди Ченни Ручеллаи, комиссара флорентийских войск в Лукке (1341–1342), на которого герцог Афинский хотел свалить всю вину за проигранную войну. Сначала Готье де Бриенн не решился предать Наддо казни:

«по просьбе многих пополанов осужденному было оказано снисхождение и сохранена жизнь под залог 10000 зол. флоринов, а приговорен он был к ссылке в Перуджу».

Потом герцог присвоил залог, а Наддо казнил, привязав цепью за шею, чтобы тело нельзя было снять с виселицы⁶⁶. Хронисты и биографы свидетельствовали о двойственном отношении к Наддо и

⁶⁴ Ibid. P. 74, 106.

⁶⁵ Муж монны Тиче, чтобы спастись от расправы во времена герцога Афинского, постригся в монахи и стал братом Бенчивенни, укрывшись за стенами монастыря, затем, после изгнания герцога, вступил в Орден Веселящихся Братьев и принял рыцарское звание. См.: *Del Lungo I., Volpi C. Nota II. P. 295.*

⁶⁶ Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции. М., 1997 / Перевод, статья и примечания М. А. Юсима. XII. 2. С. 398–399; XII. 8. С. 406.

его отцу Ченни Ручеллаи, казначею коммун, которых упрекали за «дерзость» и «надменность», но отмечали мудрость и опытность этих «видных пополанов»⁶⁷. Чтобы спасти свою голову от виселицы Ченни ди Наддо постригся в монахи, а его жена стала пинцокерой:

«Надела указанная монна Тиче монашеское одеяние для спасения мужа во времена герцога Афинского, синьора и тирана Флоренции, когда муж ее сделался братом Ченни, поскольку подвергался многочисленным преследованиям со стороны герцога и его свиты. Эта монна Тиче в 1369 г. подхватила сильную лихорадку, от которой, как я думаю, судя по всему, она и умерла»⁶⁸.

Монна Тиче 27 лет оставалась пинцокерой, ступив на этот путь под давлением политических обстоятельств и решению супруга.

Наиболее интересной кажется история двух сестер из семейства Веллутти, которые очень хотели, но так и не смогли обзавестись мужьями. Они были младшими дочерьми Лапо ди Донато Веллутти, по отношению к которому, как и к его потомству, автор хроники демонстрировал некоторое пренебрежение, ибо они не преуспели в торговле и банковском деле. Об этом свидетельствуют эпитеты, которыми он щедро награждал мужчин этого рода: «строптивый», «грязный», «большой болтун, но не слишком умный»⁶⁹. На долю младших дочерей осталось меньше средств для обеспечения приданого, поэтому «Чилия и Герардина не вышли замуж», некоторое время проживая под опекой своих братьев на положении прислуги. Автор подчеркивал, что «они оставались долгое время старыми девами с надеждой на замужество, потом надежда покинула их из-за несостоятельности, и они сделались пинцокерами Санто Спирито». Вступление в терциарии Сан Спирито привело к несколько неожиданному результату, хорошо известному Веллутти, потому что он общался с этими тетюшками,

⁶⁷ Там же. XI. 140. С. 396; XII. 8. С. 406. Один из хронистов, как и Джованни Виллани, считал их «видными пополанами, пользующимися большим авторитетом, но слишком дерзкими»; «Наддо был человеком мудрым, очень опытным и столь ценным, что в то время в городе не имелось ему равных», но «он был отмечен особой дерзостью и самонадеянностью, за которые должен был понести тяжелое покаяние, ибо возгордился более, чем это принято в республике, за что особо достоин порицания» — *Cerretani B. Storia fiorentina*. A cura di G. Berti. Firenze, 1994. P. 122–126.

⁶⁸ *Velluti D. La cronica domestica*. P. 295–296.

⁶⁹ *Ibid.* P. 54–56.

которые его привечали, в детстве: «Они хорошо наживались и улучшили свою жизнь, перематывая шерсть, тогда как их братьям пришлось держать служанок. Были они очень любящими и ласковыми, но большими болтушками», унаследовав любовь к пересудам и пустым разговорам от их матери⁷⁰.

Об экономической деятельности терциариев, примыкавших для покаянной практики к тому или иному монастырю, известно не так много. А. Бенвенути Папи указывала на то, что монахи нищенствующих орденов часто привлекали кающихся мужчин, облачившихся в доминиканскую или францисканскую рясу, к исполнению обязанностей управляющих различными секторами хозяйства и статьями доходов, в изобилии притекающих к монастырю, ибо устав запрещал меникам иметь дело с собственностью и прибылями. Женщины, группирующиеся вокруг монашеских общин в XIII–XIV вв., помимо ухода за больными в монастырских госпиталях и управления некоторыми госпитальными службами, активно занимались различными видами текстильных ремесел, и их успешная деятельность привлекала многих флорентийцев к вступлению в пинцокеры⁷¹. С начала XV в. монахи и кающиеся мужчины старались отстранять женщин от этих форм экономической активности, вытесняя их также из госпиталей. Папство поддерживало эти усилия, стремясь взять под более жесткий контроль проявления женской религиозности и превратить по возможности анклав пинцокер в маленькие конвенты с обязанностью полного соблюдения монашеского устава.

Тем не менее, занятия пинцокер текстильными ремеслами отразились даже в житиях некоторых святых и блаженных XIII–XIV вв. Примером может послужить «Легенда» о Ванне (Джованне) ди Орвьето, составленная в 1323 г., спустя 17 лет после смерти святой, со слов очевидцев монахом-доминиканцем из Орвьето Джакомо Скальца. Ванна (1264–1306) родилась близ города Орвьето в Умбрии в незнатной семье. Оставшись сиротой в раннем детстве, она воспитывалась в доме родственников, научивших ее прядению, ткачеству и вышиванию. В ранней юности Ванна стала терциарией Покаяния святого Доминика и быстро овладела практикой мистических экстазов и пророчеств, которая подробно описана в «Легенде». Она вы-

⁷⁰ Ibid. P. 60.

⁷¹ *Benvenuti Papi A.* «In castro poenitentiae» Santità e società femminile nell'Italia medievale. Roma, 1990. P. 17–49.

ступала как моральный наставник своих современников в повседневных делах милосердия. Несомненный пророческий дар поставил ее в центр внимания гражданских властей. Исполнение гомилетической обязанности у Ванны превращалось в пантомиму, сопровождающую слово: телодвижениями и жестами она изображала эпизоды евангельской истории, имитируя страсти Христовы в момент распятия. Ранние утренние часы Ванна проводила в молитвенной созерцательности, уединившись в маленькую келейку на чердаке своего жилища. Летом и зимой она сбрасывала там одежды и облачалась в простой мешок, оставаясь застывшей и неподвижной несколько часов. Согласно «Легенде», даже в мороз пот в изобилии струился по ее телу, «столь интенсивен был жар божественной любви». Но образ святой из Орвьето интересен для нас по другой причине: под своим кровом Ванна собрала терциарий — женщин и девиц, которых обучала ремеслу вышивания. Их работа пользовалась спросом и, видимо, приносила большую прибыль, поскольку они производили предметы роскоши по заказу храмов, монастырей, но также богатых и знатных светских лиц, отделявая их одежду очень дорогими вышивками и золотым шитьем. Дошедшие сведения не раскрывают, каким образом был организован труд в мастерской, созданной и руководимой святой Ванной, известно лишь, что она продолжала свою деятельность до конца жизни. В «Легенде», насколько можно судить, не комментируется, казалось бы, очевидное противоречие: как сочеталась святость Ванны, ее мистические пророчества и молитвенные экстазы со своего рода «индустрией роскоши», изготовлением заведомо греховных предметов суетности и тщеславия, а также элементами предпринимательства, которые, несомненно, требовались для управления такого рода деятельностью. Скальца лишь указывал, что Ванна сама до вечера работала иглой вместе со своей «фамилией»: доминиканец явно пытался представить этот труд лишь как средство религиозной дисциплины⁷².

Итак, почти во всех выявленных случаях ухода женщин в монастырь или третьи ордена наблюдается их нестабильное положение в семье: перед нами предстает вереница вдов, оставшихся без близких родственников, дочерей и сестер, лишенных шансов на замужество,

⁷² *Tozzi I. L'esperienza femminile nell'ambito del terz' ordine della penitenza di San Domenico. Note biografiche: Vanna da Orvieto (1264–1306), Margherita da Città di Castello (1287–1320), Lucia da Narni (1476–1544) // Rassegna storica online n. NS (IV), 2003. Режим доступа: <http://www.medio-evo.org/misticaepolitica.htm>.*

нежеланных бастард, наконец, женщин из семей, испытывающих социально-политический упадок. Интересно, что судьба одной из самых почитаемых во Флоренции женщин, блаженной затворницы Умилианы де Черки, вполне вписывается в этот ряд.

Городская среда Флоренции дала немного примеров женского затворничества, которые более были свойственны для сельской местности, небольших городков и крепостей⁷³, а также изобиловали в Риме, что было связано с практикой юбилейных паломничеств, организуемых папским престолом⁷⁴. В истории блаженной Умилианы де Черки⁷⁵ проявился конфликт незаурядной личности с семейным кланом, в котором женщина упорно противостояла попыткам мужчин рода распорядиться ее судьбой.

Умилиана (1219–1246), происходившая из знаменитой фамилии Черки, в возрасте 15 лет была выдана замуж за богатого купца из рода Бонагвизи, промышленяющего также и ростовщичеством. Агиографы представляли Умилиану образцовой супругой, которая, тем не менее, осуждала порочность ростовщической деятельности мужа, неустанно молилась за него и пыталась искупить грех щедрой благотворительностью. В течение трех лет брака она раздаривала бедным и больным великолепные одежды, драгоценные камни, дорогие предметы домашнего обихода; собственноручно стряпала еду и шила для них в ночные часы в компании с Равенной, родственницей по мужу, на попечение которой Умилиана оставила двух своих маленьких детей после смерти супруга. Молодой и богатой вдовой она вернулась в отцовский дом, где немедленно подверглась принуждению к вступлению во второй брак, выгодный и престижный для ее рода, чему она решительно воспротивилась, потребовав у отца, Вьери де Черки, предоставления ей отдельного помещения для проживания, а также тех денег и имущества, включая немалую сумму своего приданого, с которыми она вернулась из дома мужа. Вьери присвоил не только ее приданое, но даже и вдовью долю, выделенную ей по завещанию супруга, из-за чего дочь преисполнилась отчуждения и враждебного отношения к отцу, также категорически запретившему ей уход в монастырь при церкви Сан Пьетро в Монтичелли.

⁷³ *Benvenuti A.* Firenze e santa Umiltà // Umiltà da Faenza. Sermones. Le lezione di una monaca. Firenze, 2005. P. 495–505.

⁷⁴ *Barone G.* Op. cit. P. 355–360.

⁷⁵ Умилиана провозглашена блаженной в 1694 г. папой Иннокентием XII.

Тогда Умилиана приняла францисканский устав и стала терциарией при монастыре Санта Кроче. Она своевольно захватила часть фамильного палаццо Черки, вступив в судебную тяжбу со своим кузеном, который хотел ее оттуда выдворить, уединилась от семьи в одной из башен и больше не выходила оттуда до смерти, ведя жизнь затворническую и созерцательную почти в нищете. Дни и ночи Умилианы, видимо, тяжело больной, были полностью посвящены молитвам и аскетическим практикам, прерываемым ужасными дьявольскими видениями, которые не могли поколебать ее веры. Ей наносили визиты многие знатные граждане и женщины, которые при жизни считали ее святой⁷⁶. В борьбе с представителями своей семьи Умилиана одержала своеобразную победу, прославившись при жизни, хотя ее поведение не соответствовало сложившимся стереотипам женской покорности и христианского смирения.

Все рассмотренные выше казусы едва ли возможно интерпретировать как результат самостоятельного решения женщин, следующих религиозному призванию в качестве основного побудительного мотива. Но было бы слишком категорично полностью отвергать индивидуальный выбор, продиктованный искренним и глубоким стремлением к жизни в аскезе и покаянии⁷⁷. Во Флоренции в этом отношении, пожалуй, показательна биография блаженной Вилланы делле Ботте (1332–1361)⁷⁸, дочери очень богатого купца, в 1351 г. выданной замуж за знатного флорентийца Россо ди Пьеро Бенинтеди. В житиях Вилланы утверждалось, что с детства она испытывала призвание к уединению и молитвенной созерцательности и даже пыталась бежать из дома в монастырь. Однако в замужестве Виллана прельстилась роскошью и светскими удовольствиями, которыми была окружена в семье супруга, до тех пор, пока, любуясь на себя в зеркало, не увидела, что в нем отражается чудовищный монстр, образ которого затем показывали ей все зеркала, в которые

⁷⁶ Авторы, исследующие женскую святость, наряду с латинским текстом используют перевод «Легенды» на *volgare*, опубликованный Доменико Морени: *Moreni D. Leggenda della beata Umiliana de' Cerchi*. Magheri, 1827. См.: *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity*. P. 87–88.

⁷⁷ А. Бенвенути Папи приводила примеры, которые можно толковать как индивидуальный выбор женщин: *Benvenuti Papi A. Mendicant Friars and Female Pinzochere in Tuscany: From Social Marginality to Models of Sanctity*. P. 86–87.

⁷⁸ Провозглашена блаженной в 1824 г. папой Львом XII.

она пыталась заглянуть. Под воздействием своего духовника-доминиканца, монаха Санта Мария Новелла, Виллана облачилась в платье пинцокер Покаяния Св. Доминика, оставаясь женой и хозяйкой дома, хотя и склонилась потом вступить в ряды терциариев мужа и отца. До конца дней она вела аскетический образ жизни и творила щедрую милостыню за счет средств от продажи богатого имущества своего супруга после его смерти, так что соседи осуждали ее за нерациональную с их точки зрения благотворительность. Тело Вилланы терзали жестокие приступы лихорадки и пронзающая боль, которые она воспринимала, как искупление своих прежних грехов, никогда не пытаясь облегчить страдания, но моля Господа о том, чтобы он удвоил муки. Ее посещали райские и дьявольские видения, описания которых скорее представляли топос, используемый почти во всех житиях святых женщин. После ее смерти тело не предавали земле 37 дней, потому что толпы людей шли поклониться останкам и помолиться у гроба блаженной Вилланы⁷⁹.

Ситуации, которые мы пытались анализировать, ограничены кругом семей, относящихся к полноправным, добропорядочным и обеспеченным слоям флорентийских граждан, в которых в меньшей степени были распространены такие маргинальные образы женской святости, как паломничество и странничество, связанные с нищенством. Эти облики святости более подобали крестьянкам, служанкам и другим представительницам социальных низов.

Исследуемый материал в целом подтверждает выводы Анны Бенвенути Папи, сделанные на основе исследования агиографий местных святых тосканских городов: основной причиной облачения в монашескую рясу или одеяния пинцокеры являлось нестабильное положение в семье довольно многих категорий женщин. Неустойчивость их статуса определялась целой серией факторов, к которой следует отнести, прежде всего, относительно высокие требования, предъявляемые к потенциальным невестам на брачном рынке, где фигурировали только представители узких городских слоев. Не менее важную роль играли специфика демографической ситуации и волны следующих одна за другой чумных эпидемий, предельно обостряющих болезненные для семьи и общества проблемы вдовства и сиротства. Значительное влияние оказывали и социально-политические реалии городского социума: экономиче-

⁷⁹ *Tozzi I. Op. cit. Cap. La sublimazione della sofferenza.*

ские банкротства семейных компаний, вендетты фамильных кланов, борьба различных партий и фракций, всегда оканчивающаяся серией осуждений, обвинений в мятежах и заговорах, конфискации и изгнаний, лишали шансов на замужество представительниц семей, испытывающих быстрый процесс социально-политической деградации. Городское сообщество сохраняло патриархальный характер, поэтому женщины в целом являлись более уязвимой и беззащитной его частью, даже если речь шла о знатных и богатых, состоящих в законном браке, горожанках. Все эти обстоятельства действовали как факторы семейного и социального принуждения.

Вместе с тем, можно предположить, что уход в монастыри и вступление в общины терциариев, позволяющие предотвратить крайние формы женской маргинализации, предоставляли некоторые гарантии, защищая от порочащих слухов и проявлений прямого насилия. Женщины получали морально-религиозную поддержку и утешение в среде единомышленниц, а также могли рассчитывать на постоянное пастырское наставление и духовную опеку со стороны монахов и представителей церкви. Определенные перспективы открывались вследствие участия в различных формах экономической деятельности, которой занимались терциарии в XIII–XIV вв. Ранги святых и блаженных являлись уделом лишь немногих, но, видимо, возможность вести эмоционально насыщенный образ жизни, практикуя различные формы благочестия, милосердия и благотворительности, становилась доступной для гораздо большего числа женщин. Нельзя исключать в очень редких случаях достижение чина канониссы, приоры или аббатисы, предоставляющего более высокий статус в монастырской иерархии, что позволяло полнее реализовать интеллектуально-культурные потенции и властные амбиции монахинь. Возможности, открываемые церковно-религиозными структурами, вероятно, в ряде случаев, оказывающиеся более предпочтительными, нежели зависимость от родственников, заставляют не отвергать предположение о стремлении самих женщин к иной иерархии социально-культурных ролей, в корне отличных от навязываемых семьей и обществом стереотипных образов.

*Краснова Ирина Александровна
доктор исторических наук, профессор, заведующая
кафедрой истории древнего мира и средних веков
Ставропольский государственный университет.
E-mail: gorward_e-mail.ru*

О. М. Морозова

ОН И ОНА У ПОРОГА ХАОСА НИКОЛАЙ II И АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ

Ключевые слова: Александра Федоровна; Николай II; переписка; гендерная история

Аннотация: В статье рассматривается переписка последней императорской четы и анализируется проявившаяся в них система взглядов, настроений и реакций императора и императрицы, связанных с ситуацией последних лет царствования.

Кому не знакомы со старых фотографий молодой человек почти всегда в военном мундире и красивая женщина с классическими чертами лица. Со временем мужчина приобрел столь любимые карикатуристами курносость и отечность лица, губы дамы стали уже, а безмятежный облик сменился нервно-недоброжелательным. Кто для русской истории последняя императорская чета — жертвы или виновники драмы?

Существование огромного массива частных писем и дневников императора и его жены дает надежду узнать облик этих людей, близкий к реальному. Столь яркие исторические свидетельства как романовские бумаги не могут не привлекать внимание исследователей. Влияние межличностных отношений царственной четы на общероссийскую историю нашло отражение в ряде крупных публикаций последних десятилетий¹. Не всегда их авторам удается подавить в себе чувство сострадания к своим персонажам, что не способствует усилению аналитической составляющей этих работ. Хотя очевидно, что такая задача не рассматривалась в качестве первоочередной. Переписка царской четы периода германской войны за 1914–1917 годы была переведена с английского языка и впервые опубликована в СССР в 1920-е годы² и практически переиздана О. А. Платоновым³ с добавлением комментариев монархического содержания.

¹ Иоффе Г. З. Революция и судьба Романовых. М., 1992; Масси Р. Николай и Александра. СПб., 1998; Мейлунас А. Николай и Александра: Любовь и жизнь. М., 1998.

² Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. М.-Пг.: Госиздат, 1923.; Т. IV. М.-Л.: Госиздат, 1925; Т. V. М.-Л.: Госиздат, 1926.

Предыстория публикации дневников Николая II в России и за границей, его переписки с императрицей Александрой Федоровной, а также других документов царской семьи нашла отражение в исследовании группы архивистов⁴. Авторы отметили, что публикации романовских бумаг в советской России вызвали интерес и за рубежом, причем сомнений в их подлинности высказано не было. Более того, берлинское издательство «Слово» осуществило переиздание этих документов.

Тексты писем и дневников и сделанные с них переводы признаны в качестве надежного источника не только их публикаторами и учеными — источникововедами и архивистами, но и монархистами⁵.

Причастный к первым публикациям романовских бумаг М. Н. Покровский отмечал, что переписка значительно интереснее дневников⁶. В письмах диалог, обмен мнениями и информацией, в дневниках же — распорядок дня, протокол, погода. Информативный потенциал царской переписки способен дать ответы на некоторые острые вопросы. Действительно ли влияние Александры Федоровны на государственные дела в тот период было столь сильным, как утверждали слухи, наводнившие империю? Откуда пошли в адрес молодой императрицы обвинения в шпионаже? Как цари подбирали свой «ближний круг»? Какие отношения связывали самый скандальный квартет в истории России — императорскую чету, Г. Распутина и А. Вырубову? Как реагировали царственные супруги на происходящее? Какова была картина мира двух людей, оказавшихся вместе со страной на развилке исторических путей, и, по-видимому, сделавших в этой ситуации не самые верные шаги? Додумывать и строить версии нет необходимости; по большей части авторы писем высказывались откровенно — ведь они обращались к близкому человеку. Чтобы не настаивать на соб-

³ Платонов О. А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. М., 1996; Он же. Николай Второй в секретной переписке. М., 2005.

⁴ Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Из истории публикации документов царской семьи в 1918–1920-е гг. // Отечественные архивы. 2007. № 1.

⁵ Напр. см.: Гурко В. И. Царь и царица. Париж: Книгоизд-во «Возрождение», 1927. Среди немногих отрицающих достоверность романовских бумаг П. Мультигули; основанием его сомнений видится то, что образы императора и императрицы, представленные в этих документах, недостаточно идеальны.

⁶ Цит. по: Додонов Б. Ф., Копылова О. Н., Мироненко С. В. Указ. соч. С. 5.

ственной интерпретации наиболее проблемных сюжетов, буду прибегать к цитированию⁷. Тем более, что жанр данной статьи неизбежно тяготеет к историко-психологическому портрету. А строгим сциентистским методам процесс создания психологического портрета исторического лица подчиняться не может. Он — результат слияния исторически установленных фактов с личными качествами и интуицией исследователя⁸. Приходится признавать неизбежность допущений и искажающее влияние отбора фактов на вырисовывающийся в итоге образ. Тексты, принадлежащие перу лица, чей портрет создается, могут стать наиболее полной и достоверной основой для понимания личности создавшего их человека, потому что важную роль в этом играет логика изложения.

Прежде чем давать оценку качественной стороне писем, необходимо отметить возможность изучения этого объемного источника количественными методами. В текстах писем выявлена серия устойчивых тем и стереотипов, что дает предпосылки для использования методов контент-анализа при изучении отмеченных пластов информации.

Содержание каждого послания в значительной мере зависело от времени написания. Интерес к определенным проблемам подчинялся ритму, связанному с внешними факторами, изменение же настроения происходило под общим влиянием индивидуальных психологических процессов, давления статусных контактных групп и реальных обстоятельств. Время мировой войны, разделенное на пять периодов-полугодий: август-декабрь 1914 г.; январь-июнь 1915 г., июль-декабрь 1915 г., январь-июнь 1916 г., июль-декабрь 1916 г.⁹, позволяет выявить не просто ритмику интереса авторов переписки, но на этой основе проследить особенности их реакции на происходящее, систему ценностей, доминирующие стереотипы.

⁷ Ссылки на письма Николая и Александры даны внутри текста по изданию: *Платонов О. А.* Николай Второй в секретной переписке. М., 2005; в скобках указана дата написания; принадлежащие царю обозначены буквой Н., письма царицы — буквами А. Ф.

⁸ *Миц С. С.* Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998. С. 154–155.

⁹ События января и февраля 1917 г. почти не отражены в письмах в связи с тем, что после убийства Г. Распутина император два месяца находился в Царском Селе и выехал в Ставку накануне февральских выступлений.

«Будь властелином!»

Обращает на себя внимание динамика призывов царицы к мужу показать себя истинным самодержцем. Начиная с широко известной записи в дневнике Николая: «Не позволяй другим быть первыми и обходить тебя. [...] Выяви свою личную волю, и не позволяй другим забыть, кто ты»¹⁰, датированной 1894 годом, она время от времени возвращалась к этой теме. Заклинания типа «Будь тверд, мой друг, [...] помни, что ты император» (А. Ф., 4 мая 1915 г.; с. 145) в первое военное полугодие отсутствуют. Но, появившись весной 1915 г. и усилившись после отступления из Галиции, они принесли свои плоды: армия получила нового главнокомандующего. Царь признавал роль жены в принятии этого важного решения (Н., 25 августа 1915 г.; с. 200). После этой реформы царица удовлетворенно вопрошала мужа, явно рассчитывая на положительный ответ: «Не чувствуешь ли ты спокойствие на душе, после того, как ты стал “уверенным в себе”?» (А. Ф., 23 августа 1915 г.; с. 192). После периода покоя реанимация этой темы происходит в середине 1916 г., когда царица вынуждена была бороться за право влиять на ключевые кадровые назначения в интересах Ники, Бэби и России.

В обнаруженных частотных показателях нет ничего неожиданного, все закономерно и вписывается в известные факты. Вывод П. Г. Курлова о том, что усиление вмешательства царицы в государственные дела связано с моментом «принятия на себя Государем Императором звания Верховного главнокомандующего и сопряженного с ним постоянного отсутствия из Петрограда»¹¹, то небольшое, с чем можно согласиться в этих апологетических мемуарах.

«Прости, что берусь не за свое дело...»

Главный упрек в адрес царицы касался ее вмешательства в дела управления государством. Правый депутат Думы В. М. Пуришкевич инкриминировал Александре Федоровне намерение встать не рядом с царем, а *вместо* царя. Причиной, которая первоначально побудила царицу поднимать вопросы руководства армией, стали адресованные ей жалобы дам о том, что их сыновей и мужей недооценивает командование, обходя в наградах и чинах. Царица с энтузиазмом способствовала восстановлению справедливости.

¹⁰ Цит. по: *Боханов А.* Император Николай II. М., 1997. С. 127.

¹¹ *Курлов П. Г.* Гибель Императорской России. М., 1992. С. 29.

Первое время царица делилась с супругом своими соображениями довольно робко: «Вот я надоедаю тебе вещами, которые меня не касаются...» (А. Ф., 24 сентября 1914 г.; с. 53). Так было до лета 1915 г. В дальнейшем ее тон сильно изменился: «Возьми клочок бумаги и запиши себе, о чем тебе нужно переговорить...» (А. Ф., 11 сентября 1915 г.; с. 245). Из-под ее пера вышло несколько весьма одиозных писем царю, которые представляли собой массивный инструктаж мужа (См.: А. Ф., 9 сентября 1915 г., с. 236–240; 11 сентября 1915 г., с. 243–246; 3 ноября 1915 г., с. 305; 27 сентября 1916 г.; с. 620–622). А в декабре 1916 г. напор царицы достиг своего апогея. Александра откровенно давила на мужа, стремясь добиться нужного решения:

«Затем поскорее отделийся от Макарова, не мешкай (прости меня). Мне лично хотелось бы, чтоб ты взял Добровольского [...] Но Калинина [т. е. А. Д. Протопопова – О. М.] – оставь его, дорогой мой! [...] Не уступай [...] — будь властелином, слушайся твоей стойкой женеушки и нашего Друга, доверься нам!» (А. Ф., 6 декабря 1916 г.; с. 670).

Постепенно Александра Федоровна, искренне не понимая всей противоестественности этого, начала высказывать свои соображения по поводу военных действий и внутренней жизни армии. Как единичные такие случаи появились в первой половине 1915 г.

«Думаю, что германские разведчики уже под Либавой. Я уверена, что они хотят высадить массы своих бездействующих моряков и другие войска, направить их вниз на Варшаву с тыла или вдоль побережья. [...] Это мне уже с осени все приходило в голову. Мое скромное мнение таково: почему бы не послать несколько казачьих полков вдоль побережья...» (А. Ф., 20 апреля 1915 г.; с. 144).

Первое время царь оставлял без ответа эти реплики. Но в дальнейшем, к лету 1915 г., он стал сообщать ей штабные новости — планы военных действий и новые назначения. После августа 1915 г. и особенно осенью 1916 г. обсуждение этих тем в письмах участилось. Она добилась своего! И с энтузиазмом обсуждала детали:

«Я рада, что на фронте сейчас затишье, я очень тревожилась; это движение слева самое разумное — около Брод колоссальные укрепления...» (А. Ф., 28 сентября 1916 г.; с. 623).

По стране гуляли слухи, увязывающие вмешательство царицы в дела управления страной с влиянием на нее Распутина. Они безосновательны, о чем свидетельствует содержание писем. Слой преданных трону оказался перед сложным выбором: молчать или осуждать. Тогда возникла концепция «двух Николаев», хорошо выраженная в следующей сентенции военного протопресвитера о. Г. Шавельского: «...Таков был наш Государь: добрый, деликатный, приветливый и смелый — без жены; безличный и безвольный — при жене»¹². В глазах общества Александра приобрела черты злого гения императора. Этот «развод» супругов был защитной реакцией консервативного общественного сознания, направленной на сохранение привычного образа мира. Но чем очевиднее были усилия в этом направлении, тем сильнее царица стремилась привязать к себе мужа, используя все доступные ей способы, о которых речь пойдет ниже.

Чем руководствовалась эта женщина, столь бесцеремонно вмешиваясь в государственные дела? Желанием играть активную роль в управлении страной можно видеть влияние фигуры ее бабушки, английской королевы Виктории. Кроме того, у Александры было средневековое феодальное сознание, — она органически была не способна разграничить семейные и государственные дела и отношения.

Как писал о. Г. Шавельский: «Императрица, как я уже заметил, доминировала в семье...»¹³. Священник наделил царицу и упрямством и железной волей. Она тоже отдавала себе отчет в том, что обладает ими, гордилась и культивировала эти качества. Она неоднократно писала мужу, что их общие враги имеют «странный страх» перед нею. И в то же время царица болезненно застенчива. Она страдала фобиями — боязнью больших пространств, скопления масс народа и страхом перед новыми людьми. По-видимому, последние годы на троне были годами борьбы не только с врагами, но и с собой: «Я больше уже ни капли не стесняюсь и не боюсь министров и говорю по-русски с быстротой водопада!», — хвалилась она мужу, когда одерживала маленькие победы над своими комплексами (А. Ф., 22 сентября 1916 г.; с. 609–610).

¹² Шавельский Г. И. Воспоминания последнего протопресвитера Русской армии и флота. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 222.

¹³ Там же. Т. 1. С. 55.

«Наши» у власти

В царской переписке часто употребляется слово «наши», обозначающее ближайший круг, прежде всего, Анну Вырубову и Распутина. Второй эшелон состоял из «ее» министров и доверенных офицеров, таких как морской офицер из экипажа яхты «Штандарт» Н. П. Саблин. Анне и Старцу дозволялось многое, вплоть до рекомендации кандидатов на министерские посты. Будущего министра внутренних дел А. Н. Хвостова «нашла» Вырубова, он произвел на нее «благоприятное, честное, лояльное, энергическое впечатление» (А. Ф. 31 августа 1915 г.; с. 212). Но больше всего рекомендаций исходило от Распутина: «Теперь, когда и Гр[игорий] советует взять Хвостова, я чувствую, что это правильно, и поэтому приму его» (А. Ф., 17 сентября 1915 г., с. 261). Всего через четыре месяца все царскосельские «наши» разочаровались в этой креатуре. Царица писала: «Я в отчаянии, что мы через Гр[игория] рекомендовали тебе Хв[остова]. [...] ты был против этого, а я сделала по их настоянию...» (2 марта 1916 г.; с. 410). Такие ошибки в кадровых вопросах оставались без последствий для «ближнего круга».

У царицы были свои специфические критерии отбора кандидатов: преданность трону и любовь к Распутину. П. В. Гурьев «любит нашего Друга», поэтому достоин быть назначенным управляющим канцелярией Синода. Кандидатуру столь печально известного в истории Протопопова Александра характеризовала следующим образом:

«Уже, по крайней мере, 4 года, как он знает и любит нашего Друга, а это многое говорит в пользу человека. [...] Я не знаю его, но верю в мудрость и руководство нашего Друга» (А. Ф., 7 сентября 1916 г., с. 586).

К осени 1916 г. ей удалось выстроить идеальную, по ее мнению, вертикаль власти: царь в Ставке со «славным Алексеевым» руководит православным воинством, она в столице вместе с послушным кабинетом управляет жизнью тыла. Сам император России благодарит ее за посильную помощь в деле управления огромной воюющей страной. Надо думать, осенью 1916 г. Александра Федоровна была некоторое, очень недолгое время все же счастлива, читая такие строки: «Ты такая сильная и выносливая — восхищаюсь тобою более, чем могу выразить» (Н., 4 декабря 1916 г.; с. 668).

Как она ни пыталась убедить себя и Николая, что созданная ею система дееспособна, и что лишь злонамеренные упрямы не видят этого, после того как «мальчик» (Н. П. Милюков) прокричал, что король голый, все покатило под откос. Недовольство и подозрительность, легализовавшись, стали набирать силу. Упорство царской администрации в отстаивании одиозных министров лишь усиливало ярость общества. Императрица дорожила не столько Штюмером и Протопоповым, сколько своим положением вершины пирамиды.

Картина мира царицы

Некоторые из авторов, желающих исторического оправдания царицы, утверждают, что она была скорее англичанкой, чем немкой. Осиротев, воспитывалась у бабки; основным языком для нее был английский, — на нем она вела переписку и говорила в семье. Александра хотела быть русской царицей и восприняла многие (причем не самые достойные) черты среднего российского обывателя.

Отношение к Германии у нее закономерно было двояким. Имея родственников по обе стороны фронта, она принимала близко к сердцу их утраты. Но, будучи русской царицей, ненавидела немцев как нацию, особенно пруссаков, наверное, как принцесса маленького Гессена, который подмяла под себя грозная Пруссия. Ее ненависть к кайзеру была усилена еще и тем, что война разрушила благополучие ее маленькой родины, которое так долго строили ее отец и брат Эрнст (А. Ф., 24 сентября 1914 г.; с. 50).

Если могут быть супермонархисты, то это Александра Федоровна. Для нее монархическая идея не имела ни границ, ни исключений. Она добивалась, чтобы пленным немцам разрешили праздновать день рождения кайзера Вильгельма¹⁴. Особа монарха священна и неприкосновенна, считала Александра. Немецкая бомбардировка виллы бельгийского короля Альберта кажется ей нару-

¹⁴ Ее намерения не могли найти понимание в военных кругах. В октябре 1916 г. из Главной военно-цензурной комиссии Главного управления Генерального штаба в местные военно-цензурные органы ушло такое распоряжение: «Прошу о задержании корреспонденции с изображением на почтовых карточках портретов государей враждебных нам держав и символическим изображением борьбы таковых с державами Согласия, а также с портретами командующих армий враждебных нам государств» (Государственный архив Ростовской области. Ф. 816. Оп. 1. Д. 13. Л. 84).

шением всех человеческих законов: «...Но я никогда не слыхала, чтобы кто-нибудь пытался убить государя только потому, что он враг во время войны!» (А. Ф., 22 октября 1914 г.; с. 58). Оккупацию Сербии считала наказанием за то, что сербы «убили своих короля и королеву» (А. Ф., 1 ноября 1915 г., с. 300).

Александра убеждена, что коронованные особы существа иной природы, нежели остальные люди, и когда они нисходят со своего Олимпа, это должно иметь колоссальное влияние на настроения подданных. Она регулярно призывала царя чаще *показываться* войскам, ведь они умирают за него, а не за Ставку и генералов: «Что же чувствуют те тысячи, которые видят тебя и Бэби вместе, таких простых и доступных?» (А. Ф., 4 ноября 1915 г., с. 306).

Воспитанная королевой Викторией она ненавидела конституционную монархию! В системе ее взглядов существование Думы было вынужденной и ошибочной уступкой. «Россия, слава Богу, не конституционная страна, хотя эти твари пытаются играть роль и вмешиваться в дела, которых не смеют касаться!»¹⁵, написала внучка королевы Виктории, и рука ее не дрогнула. Категория «вмешательство в дела, которые их (его, ее) не касаются» – важнейшее определение пределов компетенции для подавляющего числа ее подданных. Не имеют права вмешиваться в дела, которые их не касаются: думцы, земцы, офицеры и солдаты, журналисты и прочие обыватели государства Российского. Самодержавный стиль правления казался ей целесообразнее любого другого: «...Насколько это легче самодержавному монарху, чем тому, который присягал конституции!» (А. Ф., 14 декабря 1916 г., с. 686).

Александра, как и ее царственный супруг, считала монархию частным, семейным делом. Это — черта, свойственная Романовым. Как писал П. А. Кропоткин о «либеральном» Александре II: «Малейшие беспорядки подавлялись по его приказанию с беспощадной строгостью. Каждое такое возмущение он принимал за личное оскорбление»¹⁶. Но у Аликс для этого были и свои женские мотивы: ведь царствовал ее супруг, а трон наследовал ее сын. Поэтому в государственных делах она считает собственное мнение, как лица заинтересованного, определяющим. Царица рассматривала Россию как имущество, подлежащее передаче по наследству. Она видела свою

¹⁵ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 183.

¹⁶ Кропоткин П. А. Записки революционера. М., 1990. С. 143.

жизненную миссию в том, что сохранить абсолютную царскую власть и передать самодержавный трон сыну:

«А мы должны передать Бэби сильную страну и не смеем быть слабыми ради него, иначе ему будет еще труднее царствовать, исправляя наши ошибки и крепко натягивая вожжи, которые ты распускаешь», — писала она мужу. (А. Ф. 13 декабря 1916 г., с. 682).

По характеру Аликс не была способна ни на какие компромиссы. Она одобряла самые крайние действия царя: очень хорошо, что не принял Родзянко; отлично, что распустил Думу; не принял московскую депутацию — тем лучше. Всякие шаги навстречу обществу будут, по ее мнению, означать, что царь одобряет существование Думы, Земгора и других «непатриотических» организаций; царю нельзя делиться с ними силой своей сакральности!

Царица испытывала навязчивые состояния, сильно влиявшие на ее восприятие действительности. Она постоянно чувствовала себя в окружении врагов. Ее мир был полярным: с одной стороны «наши», с другой — сплоченная масса недоброжелателей: «они все заодно». Вследствие своей эмоциональности Аликс была крайне несдержанна в оценке людей, особенно думских деятелей. Родзянко был и мерзким, и гнусным (А. Ф., 25 июня 1915 г., с. 183; 23 июня 1916 г., с. 531), Щегловитов — тряпка и дурак (11 сентября 1915 г., с. 244; 17 сентября 1915 г., с. 264). Если хотя бы часть этих характеристик была озвучена в разговорах, то причины нелюбви к ней очевидны.

Она, выросшая в стране с многовековыми традициями парламентаризма, просто брызжет непарламентскими выражениями в адрес парламентариев: Гучков — «скотина», причем умная (А. Ф., 18 сентября 1915 г., с. 600; 21 сентября 1916 г., с. 606). О председателе Государственной думы: «Как я хотела бы, чтоб Родз[янко] повесили — ужасный человек и такой нахал!» (А. Ф., 17 сентября 1916 г., с. 599). Раздражавшим ее общественным деятелям грозила каторгой:

«Спокойно и с чистой совестью перед всей Россией я бы сослала Львова в Сибирь (так делалось и за гораздо менее важные проступки), отняла бы чин у Самарина (он подписал эту московскую бумагу). Милюкова, Гучкова и Поливанова — тоже в Сибирь. Теперь война, и в такое время внутренняя война есть высшая измена» (А. Ф., 14 декабря 1916 г., с. 686).

Гучкову досталось больше ругательств, чем кому-либо другому. «...Гучкову — место на высоком дереве» (А. Ф., 8 ноября

1916 г., с. 657). Александра как чувствовала его роль в будущих событиях: «Гучков очень болен; желаю ему отправиться на тот свет, ради блага твоего и всей России, — поэтому мое желание не греховно», написала она мужу (А. Ф., 4 января 1916 г., с. 361). Когда Гучков начал поправляться, она откровенно расстроена: увы! (А. Ф., 7 января 1916 г., с. 370).

Иерархия ее ценностей проявляется в ее поступках и руководит ими. Высшими являются сын и муж. Распутин при всем преклонении лишь инструмент служения им, хотя и критерий оценки вещей. Построение ее сумбурных писем этого периода хорошо демонстрирует логику мышления царицы. Протопопов, Штюрмер и другие министры, любящие «нашего Друга», нужны как буфер между Распутиным и всеми, кому не нравилось его присутствие вблизи трона. Ценность же Распутина виделась ей в том, что он, как титан, держит на себе весь колоссальный вес империи, отводя грозящие ей опасности. Происки против Распутина и верных министров она рассматривала как враждебные шаги по отношению к ней самой. «Все это снова направлено против твоей женушки», — разоблачала она суть интриг против Протопопова, Шаховского, Штюрмера. Навязчивой идеей стало подозрение, что ее хотят удалить от царя и заточить в монастырь.

Панически боясь расставания с семьей, она усиленно внушала царю, что она — его единственная опора, что борьба против нее — это борьба против него, без нее царь станет легкой добычей их общих врагов, враги хотят их одолеть по одиночке, но вместе — вдвоем и с помощью «Божьего человека» — они непобедимы. Она и царь сплетались ею в неразрывное целое: «Макаров [министр юстиции — О. М.] действительно враг (мой безусловно, а потому и твой)...» (А. Ф., 10 декабря 1916 г., с. 677). Она последовательно рассорила Николая со многими структурами власти, даже с Государственным советом — консервативным органом, состоявшим из отставных чиновников.

Она сознательно гиперболизировала вопрос о своей роли в делах империи до размеров вопроса о монархии, а это уже большая ошибка. Но, так или иначе, очевидно, судьба России в случае, если она перестает быть вотчинным владением ее мужа и сына, была ей не интересна. Если она не императрица, то тогда не важно, будет ли существовать трон вообще. Вот такой монарший максимализм.

Царица отличалась крайней субъективностью. Она немедленно отреагировала на просьбу Распутина освободить от призыва его единственного сына, но осуждала великих князей за нежелание находиться в действующей армии, в частности, упоминала «бедных Константиновичей», сыновей великого князя Константина Константиновича, которые «всегда больны», забыв о героической гибели одного из них — Олега.

В ее письмах встречается множество имен, и упоминания обычно сопровождаются оценкой. Генерал Ф. А. Келлер, искренний монархист, просил Вырубову передать царице, что он ее верный слуга, поэтому все, что он делает, та приветствует, даже его «импозантные и волнующие» выезды под стягом Спаса Нерукотворного в сопровождении сорока полных георгиевских кавалеров («иначе он не выезжает»). Попробовал бы кто-либо из нелюбимых ею генералов сделать что-то подобное, она б его разнесла в пух и прах!

Александра была известна религиозностью. Мне трудно судить в полной мере о каноническом соответствии ее мировоззрения христианству и православию, но есть очевидные факты, заставляющие говорить об его известном своеобразии. Царица, не замечая этого, святотатствовала, уподобляя Распутина Христу: оба были гонимы нечестивцами (см.: А. Ф., 5 апреля 1916 г., с. 454–455). Она позволяла себе такие выражения в адрес служителей церкви: «Питирим¹⁷ хочет, чтобы Никон¹⁸ (эта скотина) был послан в Сибирь...» (А. Ф. 7 января 1916 г., с. 369); Она верила в знамения и даже разбиралась в их толкованиях. Посещала известных старцев и стариц. Пророчествам Григория верила безоговорочно. Других за подобное суеверие осуждала, ведь Христос отвергал волхвов и гадателей.

После переворота и отречения вера стала ее основным утешением. Только мысль, что Бог не даст в обиду своего помазанника, спасет и восстановит в правах, помогала сохранить последние надежды: «Он — наше единственное упование [...] Все будет, все должно (*sic!* — О. М.) быть хорошо, я не колеблюсь в вере своей!» (А. Ф., 3 марта 1917 г., с. 710).

Многие мемуаристы и позднейшие исследователи пытались разобрататься в причинах единодушного чувства нелюбви к царице. Версии строились вокруг мысли о ее происхождении, что она так и не

¹⁷ Митрополит Петроградский и Ладужский, друг Распутина.

¹⁸ Архиепископ Вологодский и Тотемский, противник Распутина.

смогла стать своей на новой родине. Однако датчанка Дагмара, ее свекровь, таких чувств не вызывала. Кайзер Вильгельм сам был наполовину «англичанин» — внук королевы Виктории по материнской линии. Но ни немцы не обвиняли своего монарха в этом родстве, ни англичане — своего.

Действительно ли это было вызвано непохожестью царицы на русскую женщину? Это можно проверить, сравнив ее суждения и поступки с комплексом представлений, типичным для российского обывателя того времени. Для него были свойственны антигерманские настроения, недовольство чиновничьим аппаратом, болезненная реакция на всякие умаления справедливости, резкие высказывания по поводу тыловых служб, пренебрежение финансовыми вопросами. И что же у нее? Да то же самое! Та же ненависть к Вильгельму, та же вера в засилье немецких шпионов, которых готова ловить и выявлять чуть ли не сама (см.: А. Ф., 13 апреля 1915 г., с. 136); то же злословие по поводу тыловых служб; те же разговоры о несправедливости в распределении наград и чинов, которые вели в то время фронтовые офицеры; вопреки немецко-английской природе чисто по-русски: «...Моя голова, я уверена, никогда не разберется в денежных делах — я так их не люблю» (А. Ф., 13 ноября 1915 г., с. 322). Ей присуще распространенное тогда настроение — порицание столиц и восхваление провинции. Шпиономании у нее не меньше, чем у жены коллежского регистратора. Разговоры о шпионе в Ставке, поднятые как будто бы с подачи французского посла М. Палеолога, она передавала царю. Требовала от царя разобраться в информации, циркулирующей в столице, по которой следует, что остзейские бароны шпионят и сотрудничают с германской армией: «Везде такое множество шпионов, что это, может быть, и правда...» (А. Ф., 24 сентября 1914 г., с. 52). Она также как и большинство ее подданных возмущалась поведением жены военного министра В. А. Сухомлинова:

«Эта дура губит своего мужа и рискует собственной шеей [...] она сильно ему вредит, так как он ее бессловесный раб, это очевидно для всех. Мне так хотелось бы суметь его убедить насколько прибрать ее к рукам» (А. Ф., 28 ноября 1914 г., с. 84).

Она не узнавала себя ни в m-me Сухомлиновой, ни в М. Ф. Кшесинской, которых резко критиковала за выполнение независимой активной роли, по мнению общества неприличной для женщины. Да, мы забыли — она была женой Цезаря...

Альков и не только

Однако в чем царица Александра Федоровна была мудра, так это в семейной жизни. Тут она до поры до времени настоящая немка: *Kirche, Kinder, Küche*. Александра была корректна в отношении тех родственников мужа, которых он любил: матери, брата, сестры. Хотя известно, что отношения были не безоблачными, особенно после появления Распутина. Она позволяла себе делать им замечания только тогда, когда он первый выказывал недовольство. Ее женское чутье помогало ей стать необходимой своему мужу и со временем управлять его мнением. Она хорошо знала его, любила его и мечтала стать его опорой. Она знала, на какие струны стоит надавить, чтобы добиться своего. Одна из сфер, в которой царь чувствовал себя уверенно, это роль мужа.

Перед нами переписка супругов, поэтому она не может обойтись без выражения чувств. Николая и Александру связывали любовь и привязанность. В 1904 г., отправляясь на юг с инспекционной поездкой, царь записал в дневнике, как одинок без жены; через 10 лет в день двадцатилетия свадьбы, 14 ноября 1914 г., назвал свой брак благословлением свыше и великой милостью. Как настоящий солдат с фронта он писал жене в ответ на ее теплые слова: «Я тоже люблю тебя и очень много дал бы, чтобы угнездиться около тебя в нашей удобной старой постели; моя походная постель так жестка и тверда!» (Н., 7 сентября 1915 г., с. 233). Таких свидетельств пылких чувств множество.

Аликс не могла не вносить в переписку нотку чувственности, важную для сохранения ощущения супружеской близости и на расстоянии: «Посылаю тебе ландыши, я их целовала. Они наполняют благоуханием твое маленькое купе». В частоте появления на страницах писем слов интимного содержания прослеживается определенная хронологическая закономерность. Всплески сентиментальности и эротизма на страницах императорской переписки приходятся на зиму 1915–1916 г. и осень 1916 г., что совпадает с осложнением ситуации не на фронте, а в столице и Ставке. В августе 1915 г. после принятия Николаем на себя верховного главнокомандования обращение к сфере, где Николай успешен — семейной и интимной, должно было вселить в него дополнительную уверенность в себе. Показательно письмо царицы от 22 августа 1915 г.¹⁹ В

¹⁹ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 189–192.

нем соседствуют и несколько раз перемежаются фразы об объятиях, любви и ласке и призывы стать Государем и Самодержцем, которого все так ждут и без которого страна существовать не может. И Николай верно реагирует на это: ее любовь как мужчине ему льстит и укрепляет уверенность в своих силах.

Желая добиться нужного ей решения, Аликс перемежала деловые вопросы с «любовной лирикой». Например, пересказ мнения Распутина о генерале Н. И. Иванове как самом подходящем кандидате на пост военного министра завершается словами:

«Чувствуешь ли ты мои объятия и мои губы, прижатые к твоим горячим устам в горячей страсти? Бог да хранит тебя, мой единственный и мое все, мой Солнечный Свет!» (А. Ф., 14 марта 1916 г., с. 432).

Нотки интимной близости являлись тем ключом, которые открывали глубины подсознания ее венценосного супруга. В дальнейшем, по мере накопления проблем, царица все чаще эксплуатирует этот прием: «О, каково-то мне будет ночью одной!» (А. Ф., 28 января 1916 г., с. 387); «Скажи Мальчику, что дама сердца посылает ему свой любовный привет и нежные поцелуи и часто вспоминает о нем в одинокие бессонные ночи» (А. Ф., 1 февраля 1916 г., с. 391). Царь тоже скучает, и уже не только ее, но и его письма становятся эмоциональнее:

«Мое дорогое маленькое Солнышко! Я горю нетерпением поскорее увидеть тебя, слышать твой голос, смотреть в твои глаза и чувствовать себя в твоих объятиях! Я думаю, что разлука действительно делает любовь еще сильнее и взаимное влечение еще больше» (Н., 13 января 1916 г., с. 382).

В последующие месяцы Николай, открыв для себя жанр открытого письма, иногда с большим удовольствием пишет о самых интимных сторонах отношений с женой (см.: Н., 8 апреля 1916 г., с. 464; 16 июля 1916 г., с. 520 и др.). Весной 1916 г. в письмах императрицы эта тема становится менее явной. Меньше экзальтации в выражении чувств любви, отсутствует эротизм. Похоже, после назначения Штюрмера она немного успокоилась. Письма царицы наполнены рассказами о детях, о посетителях — друзьях и родственниках, о домашних занятиях семьи. Возврат к стилю сексуально окрашенных писем приходится на сентябрь того же года. Тогда обострилась обстановка вокруг кадровых назначений на министерские посты и борьба круга «молодой» императрицы с Думой.

Наперсница-соперница

Вырубова может показаться истеричной поклонницей и не более. Может быть. Элементы институтского обожания кумира в поведении фрейлины были: «Аня шлет тебе свой привет, целует твою руку и постоянно думает о тебе» (А. Ф., 24 августа 1915 г., с. 195). Но многие фразы из писем царицы указывают, что та как минимум желала иметь со стороны императора внимание как от мужчины.

Содержание писем императорской четы проливает свет на место Анны Вырубовой в истории этой семьи. Кроме того, что она была наперсницей Александры Федоровны и доверенным лицом Старца, Анна некоторое время была одной из вершин любовного треугольника, чуть было не разрушившего ее дружбу с царицей.

Обратимся к тексту письма царицы от 1 января 1916 г.:

«О, любовь моя, как много это письмо для меня значит, и как ужасно я по тебе скучаю! Я тоскую по твоим поцелуям и объятьям; застенчивая детка дарит мне их только впотьмах, а женушка лишь ими и живет. Я терпеть не могу выпрашивать их, подобно А...» (с. 357)²⁰.

То, что в других письмах есть указания на существования особых отношений между Вырубовой и Николаем, показывает, что мы имеем не со случайной двусмысленностью. Наиболее определенно об этом свидетельствует отрывок из письма Александры от 26 января 1915 г. Незадолго до этого Вырубова пострадала в железнодорожной катастрофе и на правах больной требовала к себе много внимания. Николай собирался в конце января вернуться в Царское Село, и царица просит его быть строже и холоднее с Вырубовой, иначе «у нас опять пойдут истории, любовные сцены и скандалы, как то было в Крыму». Анна надеется «вернуть былое»²¹.

Вероятно, начало отношений царя и Анны относится к 1906 г. С 1911 г. (и особенно, как отмечала царица, с осени 1913 г. по весну 1914 г.) происходили некие события, после которых она сильно охладела к Вырубовой. Александра упоминала «ее гнусное поведение», «ее грубые выходки и капризы», которые и вызвали перелом в отношениях (А. Ф., 27 января 1915 г., с. 99). Затем в Крыму между женщинами произошло некое объяснение, они стали, по словам царицы, вновь друзьями, «но что-то ушло [...] она уж больше ни-

²⁰ «А.» в письмах царицы, полагают комментаторы, это Анна Вырубова.

²¹ Там же. С. 96.

когда не будет мне так близка, как раньше» (А. Ф., 17 ноября 1914 г., с. 68). Царица в письмах мужу оставила нелестные отзывы о ее прожорливости и изъянах внешности: колоссальный живот и крайне неаппетитные ноги. Александра много злословила по ее поводу, осуждала афиширование ею особых отношений с царями.

Упоминаются личные письма фрейлины императору:

«Посылаю тебе очень толстое письмо от “коровы” [т. е. Вырубовой — О. М.]. Это влюбленное существо должно было вылить всю свою любовь [...] иначе лопнула бы!» (А. Ф., 6 октября 1915 г., с. 282).

Эти послания, должно быть, были не нейтрального содержания, а то бы Аликс не задала такой вопрос:

«Любовь моя, ведь ты сжигаешь ее [т. е. А. А. Вырубовой, уточняет комментатор — О. М.] письма, чтоб они никогда не попали в чужие руки?» (А. Ф., 6 января 1916 г., с. 368).

То, что Николай, глубоко любя жену, тем не менее, мог не соблюдать ей абсолютную верность, свидетельствует, в частности, история с некой m-me Солдатенко, относящуюся к сентябрю 1916 г. Да и не в традициях русского двора было пуританское поведение монарха. Как вспоминал П. А. Кропоткин, в юности воспитывавшийся в Пажеском корпусе и хорошо узнавший дворцовые нравы, императрица Мария Александровна, супруга Александра II, вызывала недоумение света тем, что слишком близко к сердцу принимала «шалости» мужа²².

Под влиянием Распутина потепление в отношениях царицы и Анны произошло в апреле 1915 г. В это время Распутин был в столице и неоднократно встречался с Вырубовой; возможно, именно он сумел объяснить ей всю опасность ее поведения для судьбы их общих отношений с императорской четой. Вероятно, он говорил и с царицей. По некоторым репликам Александры ясно, что характер Анны стал не на много лучше, но изменилось отношение царицы.

Аликс понимала, что их сблизил деятельность по защите Распутина, а потом и угрозы расправы, раздававшиеся в адрес Анны. Февраль 1917 г. сделал из них настоящих подруг: бывшая императрица слала из ссылки в Петроград голодающей Вырубовой макаронны, теплые вещи и очень переживала о ее судьбе и безопасности.

²² Кропоткин П. А. Указ. соч. С. 144.

Император

Переписка дает объемный портрет царицы, образ же царя за строками ответных более кратких писем проступает не так явно. Каков был этот человек, монарх огромной державы и муж женщины с сильным характером? Редкие эмоциональные вставки в письмах дают представление о том, что его волновало. Так, письмо из Ставки от 22 июня 1916 г.:

«У Барановичей атака развивается медленно — по той старой причине, что многие из наших командующих генералов — глупые идиоты, которые даже после двух лет войны не могут научиться первой и наипростейшей азбуке военного искусства. Не могу тебе выразить, как я на них сердит, но я добыю своего и узнаю правду!»²³.

Те же киты мировоззрения недовольного офицерства в период Великой войны, что и во многих фронтовых письмах того периода: бездарное руководство, обман; нет только намеков на предательство в верхах. Странно, что это писал царь, на счет которого все остальные офицеры империи относили вину за все эти безобразия.

Из дневников, которые вел Николай с 13 лет, очевидно, что для него характерен пассивный тип реакций: он не столько влияет на события, сколько реагирует на них. Односложные предложения говорят об интровертности: «Много читал. Обедали и вечером сидели вместе». Не дневник, а театр теней — тени событий и истинных чувств. Для Николая характерны фатализм и упование, все-таки он считал себя под покровительством Бога. Принимая важные решения, он приобретал особую уверенность, если считал, что так исполняется высшая воля.

Некоторые строки из переписки дают представление о способе мышления царя как политического деятеля и высшего чиновника империи. Во-первых, он недалководен и иногда излишне эмоционален. Например, он записал в дневнике: «Находился в бешеном настроении на немцев и турок из-за подлого их поведения [...] на Черном море!». Прогерманская ориентация Турции с начала века была секретом Полишинеля. Хотя в целом, царь не глуп. Он многое видит, но привык уступать мнению ближнего круга. Уже в начале июля 1916 г. он осознал инертность Штюрмера, неспособность Прото-

²³ Платонов О. А. Николай Второй в секретной переписке. С. 528.

попова к планомерной работе; но они продолжали оставаться министрами, потому что оба — честные и хорошие люди. С лета 1915 г. Николай, как Диоген, все искал человека, «умного и энергичного», с которым все наладилось без изменений в существующей системе. Ему хотелось, чтобы министры составляли единую команду. Но в действительности его отношения с думцами и чиновниками все ухудшались. Со временем и у него стали вырваться фразы о том, что не только Думу, но и Государственный совет следовало бы «прикрыть», как только появится перерыв в их заседаниях. Такие органы как Дума и Земгор рассматривались им как лишние и мешающие работать. Сам же он после августа 1915 г. просто задыхался от обилия дел. Гражданские чиновники для решения вопросов приезжали из столицы, долго ждали приема и потом надолго задерживали царя; как писал он: «...Я обыкновенно ложусь после 1 ч. 30 м., проводя время в вечной спешке с писанием, чтением и приемами!!! Прямо отчаяние!» (Н., 11 июня 1916 г., с. 514). Братся за все сразу царя заставляло невысокое мнение о высшем эшелоне своих слуг: хороших генералов мало, а «министры, как всегда, очень слабы» и их нужно заставлять (!) работать.

Часто, говоря о личных качествах последнего Романова, мы упускаем из виду его предшественников на троне. Прояснение вопроса затрудняет недостаточность объективных свидетельств от осведомленных лиц. Информативными в этом плане могут оказаться воспоминания князя-анархиста П. А. Кропоткина. Будущий анархист лично наблюдал Александра II и молодого Александра III. Он отмечал общее — полное отождествление себя и государства. Жизнь *вне* общества, *над* обществом, по собственным августейшим правилам и признание такой жизни священным *правом* Семьи являлись фамильными чертами династии. Бедой Николая II стало то, что в начале XX в. они стали анахронизмами.

«Наш Друг»

Все мемуаристы, от бывших думских лидеров и аристократов до простых обывателей связывали кризис монархии с Распутиным:

«...Присутствие при дворе в интимной его обстановке человека, столь опороченного, развратного и грязного, представляет из себя небывалое явление в истории русского царствования»²⁴.

²⁴ Родзянко М. В. За кулисами царской власти. М., 1991. С. 10.

Высшей власти пеняли то, что именно она первой начала нарушать древние традиции.

Выражение «наш Друг», которым именовала царица Г. Распутина, подчеркивает особую близость его к царской семье. Присутствие Распутина вблизи трона царица считала личным делом Семьи, но с другой стороны, она была уверена в том, что Распутин мистическим образом связан с Россией. Он — их заступник перед Богом, его молитвы лучше слышат на небесах, он живет для Государя и России и выносит все поношения ради него. Свою же миссию она видела в том, чтобы в качестве ответного дара защищать Григория: «Враги нашего Друга — наши враги...» (А. Ф., 16 июня 1915 г., с. 166).

Он — персонификация нации — в годы войны всем своим естественным был одним целым с русской армией. Даже ситуация на фронте отображалась в его самочувствии. Или: «А[ня] только что была у меня, она видела Гр[игория] сегодня утром. Он в первый раз после пяти ночей спал хорошо, и говорит, что на фронте стало немного лучше» (12 июня 1915 г., с. 160). Многие беды и удачи в жизни окружающих трактовались царицей как последствия хороших или плохих поступков в отношении Григория. Между отношением к Распутину и качествами людей Аликс видела связь: постичь святость Григория может лишь открытая и чистая душа, отзывчивая к его духовному влиянию.

Рекомендации, даваемые Распутиным, вписываются в народный образ царя, которому так хотел соответствовать Николай. Вот рецепт преодоления «мясного» кризиса в изложении царицы: «Наш Друг думает, что один из министров должен был бы призвать к себе нескольких главных купцов и объяснить им, что преступно в такое тяжелое время повышать цены, и устыдить их» (А. Ф., 10 апреля 1915 г., с. 122–123). Здесь она передает присущий Григорию крестьянский взгляд на управление: командуй построже, а холопы все исполнят.

Для царей он — и *voix dei*, и *voix populi* в одном лице. Послушание Распутину выходило далеко за рамки вопросов здоровья Алексея. Распутин, как бы с позиции простого народа, велел царице ездить по госпиталям в одежде сестры милосердия, и она слушалась. Григорий также высказывался по поводу выпуска снарядов; о мобилизации; о графике работы Государственной думы и о внешнеполитических делах; по вопросам военной стратегии: в телеграмме(!)

предупреждал царя, что наступление через Румынию сделает незащищенным тыл (А. Ф., 6 ноября 1915 г., с. 310). Григорий давал оценки военным планам, составленным Ставкой. Так в январе и сентябре 1916 г. он был недоволен начавшимся наступлением.

Аликс свято верила: «...Бог дал Ему больше предвиденья, мудрости и проницательности, нежели всем военным вместе...» (А. Ф., 7 сентября 1916 г., с. 586). Неоднократно Григорий предсказывал скорое окончание войны, но сроки проходили, а война продолжалась. В течение 1916 г. он часто повторял, что наступают лучшие времена. И даже за несколько дней до своей смерти Распутин, по словам царицы, был весел и считал, что теперь все пойдет хорошо.

Чем же объяснить столь магическое влияние Григория Распутина на царицу и на ее супруга кроме удивительной способности помогать наследнику в периоды обострения болезни? Царь упоминал в дневнике, что беседа с Распутиным успокаивала его, он так и называл это — «утешение беседы». Что говорил Григорий царю, известно. Он говорил то, что хотел услышать монарх: о любви народа к царю, о том, что народ не желает изменений и прочее. Как писала царица:

«Он [Григорий] много и прекрасно говорил, — что такое русский император: хотя и другие государи помазаны и коронованы, только русский император уже 300 лет является настоящим помазанником Божиим» (А. Ф., 14 июня 1915 г., с. 163)

Такие слова не могли не радовать монаршие уши.

У Александры был мощный комплекс: страх лишиться трона. Он был приобретен ею в своей Гессен-Дармштадтской семье, которая в каких-то пять лет потеряла суверенитет и из княжеской династии превратилась в одно из второстепенных аристократических семейств с небольшими земельными владениями и очень умеренными доходами, каких было много в Европе. Все это проделали над маленьким немецким княжеством кузен Гогенцоллерн и Отто фон Бисмарк. Сначала «железный канцлер» загнал их маленькое княжество в Северогерманский союз (1867), а потом им пришлось стать подданными германского императора Вильгельма I (1871). Все эти действия визировались, хотя и не без борьбы, рейхстагом. Не отсюда ли ненависть к парламентам, решающим судьбы монархий? Возможно ее война с Думой — отголосок войны ее отца с Бисмарком.

Распутин помогал рассеивать страхи, рожденные этим комплексом. Он неизменно говорил, что страна любит своих царей, что Россия немыслима без монархии, что на династии лежит благодать небес, которую он лично и наблюдает. Он помогал снять напряжение от давящих обстоятельств, обрести уверенность в будущем.

Случилась бы революция при другом царе? Вероятно, да. Сильный политически и человечески кайзер Вильгельм также лишился трона. Слабый, как и Николай, король Англии Георг V сохранил за собой престол. Быть или не быть революции решалось не в Царском селе.

Личность императрицы была лишь отягчающим ситуацию фактором. Даже если бы она была уважаема как ее свекровь Мария Федоровна, это не укрепило бы позиции престола.

Николай и Александра не могли остановить ход событий, они смогли лишь ускорить падение монархии. Парадоксальность ситуации в том, что они оба соответствовали среднестатистическому типу подданного Российской империи, отличались теми же стереотипами и заблуждениями, что и большинство их вассалов. Но, тем не менее, это большинство их отвергло. Должно быть, в глазах массы властитель должен быть существом *иного*, высшего порядка. Поэтому и мужик-советчик, и похабные разговоры о венценосцах, и большое количество несчастий, поразившее царскую семью, ускоряло десакрализацию власти в глазах подданных.

К началу 1917 г. Николай и Александра свою историческую роль сыграли до конца. Совесть их могла быть спокойна: они выполняли долг перед Богом, перед Россией, перед престолом предков, перед своим сыном так, как считали нужным. Все уральские события — это фрагменты личной трагедии семьи, которая для Большой истории была уже потеряна.

Морозова Ольга Михайловна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры Связи с общественностью
ДГТУ, Ростов-на-Дону
E-mail: leonolga@ctsnet.ru

М. Б. ИЛЬЧЕВА

ИЗМЕНЕНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О НЕСЧАСТЛИВОМ БРАКЕ, ЛЮБВИ И СЕКСУАЛЬНОЙ МОРАЛИ В БРИТАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ 1950–1980-х гг.

Ключевые слова: Великобритания второй половины XX века; представления о любви, семье и браке; сексуальная мораль

Аннотация: Статья посвящена изменениям в идеологии семьи, происходившим в послевоенной Великобритании. Автор исследует условия, причины и суть трансформаций представлений о браке и в первую очередь — браке неудачном.

После Второй мировой войны британское общество пережило целый ряд важнейших общественных изменений. Технологическая революция, процесс урбанизации, потеря статуса империи и перестройка внешней политики, создание «государства всеобщего благосостояния» — всё это привело к переменам в социальной структуре британского общества, в том числе к росту численности «среднего класса»; распространению образования, изменениям в положении женщины.

Особенно глубоким оказалось воздействие на всю социальную структуру страны демографических последствий социально-экономического развития Великобритании во второй половине XX века. Связано это с серьезными сдвигами в структуре населения — увеличением доли пожилых, падением рождаемости, ростом числа одиноких. Встал вопрос о новых явлениях в семье — институте, казавшемся незыблемым на протяжении столетий. Усложнение межличностных отношений в браке, влияние на семейную жизнь меняющегося положения женщины в обществе, «неблагополучная» семья как массовое явление складывались в общую картину нестабильности семейной жизни и вызывали тревогу в обществе.

Изменения в институте брака и семейной жизни британцев отразились и в эволюции их представлений, установок, стереотипов сознания, касающихся этих сфер жизни, — то есть их отношения к любви, сексуальности, семье. Не проследив, как изменялась идео-

логия семьи, вряд ли можно с достаточным основанием судить о развитии этого важнейшего общественного института — за демографическими данными могут скрываться различные процессы. В этой связи весьма интересным представляется изучение того, как изменились представления о несчастливом браке в 1950–1980-х годах, когда сложилась и работала британская модель «государства всеобщего благосостояния».

Видение недостатков партнера в браке за послевоенные 40 лет подверглось гораздо меньшим изменениям, чем представления об идеальных супругах. В этом вопросе скорее торжествуют традиционные нормы и взгляды, которые хорошо обрисовал Дж. Горер:

«Несколько упрощая картину, можно сказать, что в английском браке характер составляет счастье женщины и несчастье мужчины, а бытовые навыки и поведение в семейной жизни служат источником одобрения мужа для женщин и недовольства и упреков жен — для мужчин»¹.

Сдвиги в этой области, начавшиеся в конце 1960-х гг., связывались больше с отходом от традиционных ролей, особенно женских. Как важные недостатки отмечаются небрежность, неумение обращаться с деньгами, небережливость, беспечность. Очень выросли жалобы на некомпетентность жен в роли домашних хозяек: они не справляются с организацией домашней экономики, плохо готовят. Однако самое значительное отличие от представлений 20-летней давности — критика стремления женщин к независимости и доминированию в семейной жизни, — эту сторону отмечают 41% всех опрошенных мужчин по сравнению с 18% в 1950 г.².

Для женщин основным недостатком в мужьях являлся эгоизм, многие другие отрицательные черты лишь расшифровывали эту — главную. Отмечали лень, нежелание помогать по дому, вечно плохое настроение, самодовольство и тщеславие, авторитарность, стремление подчинить и тут же — беспомощность, детскую беспечность, лживость и безответственность.

На протяжении всего периода 1950–1980-х гг. такое видение недостатков друг друга в целом сохраняется. Мужчину середины 1980-х гг. все так же раздражает и расстраивает, когда жена ему

¹ Gorer G. Sex and Marriage in England Today. L., 1971. P. 129.

² Ibid. P. 101–102.

противоречит, спорит с ним. Женщины 1980-х гг. обращают такое же внимание, как и их предшественницы, на поведение в семье, бытовые привычки, манеры. Они так же жаждут знаков внимания и проявлений любви³. Однако интересно, что при таком постоянстве в представлениях о недостатках брачных партнеров очень изменилось понимание причин нестабильности брака и факторов, ведущих к его разрушению.

В первые послевоенные десятилетия эти факторы определялись и распределялись по степени важности следующим образом⁴:

- Недостаток доверия;
- Эгоизм, нежелание идти на уступки;
- Отсутствие собственного дома;
- Плохой характер;
- Сексуальная несовместимость, дисгармония;
- Нужда;
- Пренебрежение;
- Неверность;
- Пьянство;
- Несовместимость характеров;
- Разногласия из-за денег;
- Отсутствие общих интересов, своя жизнь у каждого супруга;
- Недостаток любви и привязанности;
- Бездетность;
- Плохое ведение домашнего хозяйства.

В этом списке довольно значительное место принадлежит негативным экономическим условиям жизни семьи: отсутствию жилья, нехватке денег и общей материальной стесненности. Причем большее значение эти факторы имеют для мужчин, в то время как женщины сосредоточены на конфликтах из-за психологической несовместимости и отчужденности. Для женщин важнее оказываются характер и духовные, психологические параметры семейной жизни, для мужчин же — конкретные обстоятельства жизни.

К 1970-м гг. акценты сместились⁵. Гораздо меньшую роль стали играть материальные факторы: отсутствие собственного дома и

³ British social attitudes. The annual report. L., 1984–1987; Heald G., Wybrow R. J. The Gallup Survey of Britain. L., 1986; Wybrow R. J. Britain Speaks Out, 1937–87: A Social History as Seen Through the Gallup Data. L., 1989.

⁴ Gorer G. Exploring English Character. N.Y., 1955. P. 133.

необходимость жить с родными, денежные проблемы, в том числе расточительность, а также сексуальная несовместимость. Значимость этих сторон брака снизилась в общей сложности в два раза.

Однако больше всего семьи 1970-х гг. беспокоил не недостаток доверия и ложь в отношениях супругов, а неумение наладить контакт и общение: на это жаловались 30-31% респондентов, 33% женщин и 26% мужчин. В 1950-х гг. это число было вдвое меньше (15%). Второе место среди «подводных камней», угрожавших семейному счастью, респонденты конца 1960-х гг. отвели неверности и ревности — 25% ответов по сравнению с 14% ранее. Особенно эта проблема беспокоила мужчин (29% в 1970 г. и 14% в 1950 г.).

Наконец, третий фактор нестабильности связан также с межличностными отношениями: несовпадение характеров, отсутствие общих интересов. Это отметили 11-12% состоящих в браке (в 1950 г. — 8%).

Обращает на себя внимание, что респонденты Дж. Горера отводили неверности весьма незначительную роль в списке причин, могущих привести к распаду брака: 14% в 1950 г. и 25% в 1969 г., хотя верность среди важнейших в семейной жизни качеств партнера занимала почетное место. Каково же их отношение к измене? Что предполагали предпринять? Типично английской реакцией на эту ситуацию считалась сдержанность и благоразумие, стремление проанализировать проблему и найти пути к примирению. В целом можно отметить, что в массовом сознании Великобритании господствовало мнение о том, что супружеская измена, реальная или предполагаемая, не должна вести к разрушению брака, если этого возможно избежать. Такое широко распространенное мнение подтверждало высокую значимость брака и относительно низкую ценность любви, а также секса. Брак же в представлении среднего британца ассоциировался с совместной жизнью, домом, воспитанием детей.

Многие исследования на протяжении всего послевоенного периода показывают, что британцы были вполне терпимы к случайным — но единичным, не систематическим — изменам супруга или супруги, но очень опасались глубоких эмоциональных связей, несущих угрозу браку и стабильной семейной жизни⁶. Таким обра-

⁵ *Idem.* Sex and Marriage... P. 83-85.

⁶ British social attitudes...; Busfield J., Paddon M. Thinking about children: So-

зом, традиционно высоко ценился сам институт брака и семьи. Это подкреплялось и мнением о том, что неверность, склонность к изменам вообще не в характере англичанина, — больше внимания привлекал вопрос о внебрачных связях мужчин, так как для женщины царящие в общественном сознании стереотипы такой возможности не допускали. Эта черта, как отмечала Н. Эптон на основе проведенных интервью, объясняется некоторыми особенностями национального характера:

«...Несмотря на все разговоры и хвастовство, он (англичанин) в действительности не заинтересован в сексе как в гармонии, то есть культивируемом искусстве. Секс для него — удовлетворение потребности и не рассматривается им как высшая форма наслаждения и отдыха... Другая причина незаинтересованности в глубоких эмоциональных внебрачных связях — в безыскусственности среднего англичанина. Он не желает никаких забот и проблем, он избегает всего, что грозит какими-либо осложнениями и требует душевных усилий, он уклоняется от интриг. Другими словами, он слишком прямолинеен. В глубине души он считает любое чувство вне брачных отношений пустой тратой времени и энергии»⁷.

Материалы исследований и опросов общественного мнения в 1950–1960-х гг. утверждают во мнении, что любовь в сознании британцев была подчинена браку, семье, а сексуальной жизни отводилось основное место также именно в рамках этих институтов⁸. При этом в английской женщине жила жажда романтической любви, даже если она уже годы была замужем. Она не меньше мужчины была осторожна в чувствах, «слишком рассудительна». Любовь для нее связывалась прежде всего с брачными отношениями, и английская женщина не очень была склонна экспериментировать, она предпочитала классическую модель семейной жизни.

ciology and fertility in post-war England. Cambridge, 1977; *Deverson J., Lindsay K. Voices from the middle classes: A study of families in two London suburbs.* L., 1975; *Gorer G. Exploring English Character; Idem. Sex and Marriage in England...*; *Heald G., Wybrow R. J.* Op. cit.; *Schofield M. The Sexual Behaviour of Young people.* L., 1965 etc.

⁷ *Epton N. Love and the English.* N.Y., 1963. P. 450–460.

⁸ *Ibid; Gorer G. Sex and Marriage in England Today.* L., 1971; *Wybrow R. J. Britain Speaks Out...*; *Harding S., Phillips D. Contrasting Values in Western Europe: Unity, Diversity and Change.* L., 1986.

Соответствует ли этот психологический портрет действительности? С конца 1960-х гг. нарастала волна разводов, и не последней причиной распада многих семей была супружеская неверность. В 1980-х гг. измены выдвинулись, по данным опросов общественного мнения, на первое место в списке факторов разрушения брака⁹. Верность же стала, соответственно, главным условием счастливой семейной жизни. Общие демографические тенденции 1970–1980-х гг. были связаны со сдвигами в общественном сознании в сторону большей терпимости и вседозволенности, что проявилось и в установках, связанных с восприятием секса и представлениями о любви и ее месте в общей системе ценностей.

В начале 1950-х гг. большинство придерживалось мнения, что до брака нельзя вступать в сексуальные контакты (2/3 женщин и более 50% мужчин). Тех, кто одобрял их или, по крайней мере, не осуждал, было меньшинство: 1/3 считала это позволительным для мужчин, чуть меньше, 1/4 опрошенных — для женщин¹⁰. Если к добрачным связям общественное мнение было терпимо, то внебрачные большинство мужчин и женщин однозначно осуждали.

Десятилетие спустя «пробные браки» все еще вызвали бурю негодования¹¹. Однако со второй половины 1960-х гг. начался процесс либерализации общественного сознания в отношении сексуальной морали. К концу 1960-х гг. 64% мужчин и 40% женщин одобряли добрачную половую жизнь, молодежь — больше, чем старшие возрастные группы¹². При этом большинство связывало добрачный секс с любовью. Главное изменение во взглядах на активную сексуальную жизнь до брака выразилось и в более широком распространении мнения, что сексуальный опыт полезен для становления характера человека, делает личность более зрелой и сформировавшейся.

Таким образом, к началу 1970-х гг. сексуальный опыт до брака рассматривался как полезный и приятный сам по себе, без учета его воздействия на будущий брак.

⁹ British social attitudes...; *Heald G., Wybrow R. J.* Op. cit.

¹⁰ *Gorer G.* Exploring English Character. N.Y., 1955. P. 94.

¹¹ *Epton N.* Op. cit. P. 453.

¹² *Gorer G.* Sex and Marriage... P. 34.

С этого же времени изменилось общее представление о женской сексуальности: на смену традиционному мифу о пассивной женщине, лишь уступающей мужчине в его «праве», пришел другой миф — о женщине исступленно-чувственной, экзальтированной, требующей от мужчины постоянного подтверждения его сексуальных возможностей, постоянного «соответствия». Однако по данным опросов, как отмечали Р. Честер и К. Уокер, «современным нравам не удалось разрушить традиционную для женского сознания связь секса с любовью и привязанностью»¹³. В обследовании, проведенном в 1976–1977 гг. на базе читательской аудитории самого популярного в стране женского журнала «Woman's Own» (которая составляла примерно 6 млн.), респондентки постоянно отмечали необходимость словесного и физического выражения любви как части сексуальных отношений. Недостаток таких знаков любви со стороны мужчины, по их мнению, приводил к появлению у женщины чувства неуверенности в себе; она начинала воспринимать себя как «вещь», которую «используют», отношения с партнером обесценивались и обесмысливались, если они не были одухотворены.

Сексуальная революция, принеся женщинам большую свободу в этой сфере (что выразилось в большей терпимости в отношении добрых связей и незарегистрированных союзов), оставила нетронутой основу женского сексуального сознания — понимание любви, брака и секса и их взаимосвязи. «Романтическая любовь» все так же оставалась идеалом британских женщин и все меньше ценилась мужчинами.

По оценкам Института Гэллапа 1985 г., отношение к переменам, вызванным сексуальной революцией, у населения Великобритании было далеко не однозначным. Несмотря на большую терпимость в вопросах секса, большинство (72%) считало, что у «сексуальной революции» много отрицательных последствий¹⁴.

В целом к началу 1980-х гг. было ясно, что брак оставался в Великобритании важным общественным институтом, хотя и не рассматривался больше многими как исходная точка для начала сексу-

¹³ Changing patterns of childbearing; and childrearing: Proc. of the Seventeenth annual symp. of the Eugenics soc., London, 1980 / Ed. by P. Chester et al. L., 1981. P. 80.

¹⁴ Heald G., Wybrow R. J. Op. cit. P. 274.

альных отношений. Однако для вступивших в брак эти отношения в рамках семейной жизни становились единственно допустимыми, внебрачные сексуальные связи общественным мнением осуждались. Такова была общая концепция взаимосвязи сексуальной жизни и брака в представлениях британцев. Измены воспринимались как одинаково недопустимые и для мужчин, и для женщин.

В 1980-е годы в общественном сознании произошел сдвиг в сторону большей строгости нравов, что проявилось в изменении настроений в отношении к внебрачным связям и гомосексуальности, распространению порнографии и доступности контрацептивных средств для подростков.

В ужесточении общественной морали сыграл свою роль общий поворот к консерватизму, произошедший в период нахождения у власти правительства М. Тэтчер. Идеологический арсенал традиционализма, в том числе возврат к «викторианским ценностям», особенно семейным, активно пропагандировался в это десятилетие и неоднократно обыгрывался в средствах массовой информации и выступлениях политиков. Значение, придаваемое людьми такому качеству, как верность, при постоянном росте числа разводов, показывало не только большую требовательность, которую предъявляли теперь к партнеру, но и возросшее значение психологической функции брака и семейной жизни. Если не складываются отношения между мужем и женой, за последние десятилетия ставшие центром мира семьи, брак разрушается — такое мнение все сильнее проявляло себя в общественном сознании Великобритании. Это подтверждается и эволюцией отношения к разводу на протяжении всего изучаемого периода.

По данным Института Гэллага, в 1952 г. большинство населения Великобритании считало, что, если в семье есть дети, от развода должно отказаться. 54% придерживались мнения, что дети автоматически должны оставаться с невиновной в разводе стороной¹⁵. В 1968 г., при обсуждении проекта нового Закона о разводе, 48% опрошенных одобрили главный принцип законопроекта, согласно которому единственным основанием для развода могло быть «необратимое разрушение брака». Насколько изменилось общественное отношение к разводу, говорит тот факт, что 8 из 10 опрошен-

¹⁵ *Wybrow R. J. Britain Speaks Out...* P. 34.

ных считали, что ребенку лучше жить с одним из разведенных родителей, чем в сохранившейся, но несчастливой семье¹⁶. К 1986 г. мнение, что даже ради детей не стоит сохранять распавшийся брак, стало ведущим (57%). Эта точка зрения завоевала признание большинства женатых пар (59%)¹⁷.

Примечательно, что в 1980-х гг. в числе важнейших факторов оказались личностные (утрата любви, несовпадение характеров), которые раньше не рассматривались как повод для развода. Это говорит об изменении самой концепции брака, когда в центр семейных отношений выдвигаются не экономические, а межличностные отношения, внимание переносится с сохранения жизнеспособности и стабильности самой семьи на полноценное развитие и счастье ее членов как индивидуальностей, ради чего и необходимо сохранить семью.

С распространившейся в британском обществе терпимостью к разводам уживалось и сохранившееся представление о том, что бремя брачных уз следует нести при любых обстоятельствах, насколько тяжелыми ни были бы эти отношения для супругов. Это мнение было особенно характерно для семейной идеологии средних классов, причем в эпоху 1970-х гг., в период наибольшего взлета сексуальной революции, оно укрепилось. Терпение в браке составляло для этих слоев населения одну из важнейших добродетелей. Развод пары, «не выдержавшей» бремени брака, рассматривался окружением чаще всего как поступок, характеризующий супругов как людей незрелых и аморальных. Обычный в таких случаях комментарий — «Это плохо для детей». Неспособность выдержать образ «традиционной» семьи в кругах среднего класса расценивается как слабость, как жизненная неудача¹⁸.

Анализ восприятия британским обществом неудачного брака подтверждает общий сдвиг в системе ценностей супругов с материальных факторов на психологические. По мере укрепления эконо-

¹⁶ Ibid. P. 85–86.

¹⁷ Heald G., Wybrow R. J. Op. cit. P. 269.

¹⁸ Deverson J., Lindsay K. Op. cit.; Edgell S. *Middle-Class Couples*. L., 1980; Pahl J. W., Pahl R. E. *Managers and their wives: A study of career and family relationships in the middle class*. Harmondsworth, 1972; Young M., Willmott P. *The Symmetrical Family*. L., 1973.

номического благополучия возрастало значение навыков общения в семье. Наименее счастливыми с конца 1960-х гг. считались браки эмоционально холодные, в которых супругов объединяло лишь выполнение определенных ролей. В 1970–1980-х гг. для мужчин приобрело значение сохранение за женщиной в браке традиционной роли, отход от которой вызывал у мужей раздражение, иногда неосознанное. Таким образом, широкое включение замужних женщин в работу вне дома, особенно распространившееся в 1970–1980-х гг., привносило в брак дополнительный риск, ослабляя его. Лишь там, где муж положительно оценивал работу жены и с пониманием относился к ней, брак приобретал определенную стабильность.

Наибольшей трансформации подверглась сфера сексуальной морали, причем темпы изменений нарастали с конца 1960-х гг. Широко распространилось признание права на добрачную сексуальную жизнь, что имело особое значение для женщин. Перестали осуждаться свободные, незарегистрированные союзы. Смещение акцента в браке с материальных к психологическим факторам повлекло за собой переоценку места любви в общей системе ценностей и ее роли в брачных отношениях. Признание права личности на счастье, в том числе и в любви, привело к относительному снижению значимости понятия долга. Брак, в 1950-х годах представлявший собой в общественном понимании неоспоримую ценность, в последующие десятилетия все чаще связывался с понятием любви. Новое восприятие развода как освобождения, а не как наказания подтвердило общую тенденцию развития общественного сознания в сторону большей терпимости.

Ильичева Мария Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Мурманский государственный педагогический университет
Тел.: 7 (8152) 45–10–52
E-mail: maria_ilicheva@mail.ru

ГЕНДЕРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

А. Ю. СЕРЕГИНА

РЕЛИГИОЗНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ МИРЯН–КАТОЛИКОВ

В АНГЛИИ КОНЦА XVI в.:
КАТЕХИЗИС ВИКОНТА МОНТЕГЮ (1597 г.)¹.

Ключевые слова: католицизм в Англии; Реформация; Католическая Реформа; религиозное образование; история семьи

Аннотация: В статье исследуется английский католический катехизис, составленный в 1597 г. виконтом Монтегю для своей дочери. Анализируются особенности композиции и жанра текста (сочетание катехизиса и руководства по полемическому богословию), отражающие важную роль мирян и в особенности женщин в религиозном образовании английских католиков.

Религиозная реформа XVI столетия в обоих своих вариантах, протестантском и католическом, имела своей целью глубокое усвоение истин христианского вероучения и норм морали прихожанами. Первым шагом к повсеместному достижению этой цели должны были стать наставления в основах вероучения — регулярные и охватывающие всех мирян. Еще Латеранский собор 1215 г. обязал приходских священников разъяснять своей пастве Символ веры, Десять заповедей и семь смертных грехов во время Великого поста, во время подготовки к ежегодному покаянию и причастию, на праздники, и по воскресеньям, однако практика варьировалась от одной церковной провинции к другой.

Католическая Реформа сделала наставления в вере постоянной частью жизни мирян — детей и взрослых. На протяжении XVI столетия сначала в Италии, а затем и в других католических

¹ Исследование выполнено по проекту «Гендерное измерение социальных конфликтов: от Средневековья к Новому времени» в рамках Программы фундаментальных исследований Отделения историко-филологических наук РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

странах наставления в вере (катехизация) в рамках проводившихся по воскресеньям занятий стали распространенным явлением, хотя далеко не сразу и не во всех диоцезах. Занятия проводились, как правило, клириками, или же мирянами — например, членами братства Христианского обучения — но все же под руководством представителей духовенства.

Естественное доминирование духовенства в сфере религиозного образования никогда не исключало полностью инициативу мирян. Главы семейств и их супруги могли давать элементарные наставления членам семьи и домочадцам. Эта сфера была, по сути, женской — ведь именно от матери дети слышали первые молитвы. Кроме того, религиозные наставления могли быть адресованы школьными учителями — клириками или мирянами — ученикам.

В протестантских странах, в частности, в Англии, распространение религиозных наставлений шло параллельным путем. Эдвардианское, а затем и елизаветинское религиозное законодательство предписывало приходским священникам по воскресеньям и праздникам, перед вечерней службой, давать наставления детям своих прихожан. Впрочем, как и в других странах Европы, потребовалось довольно много времени для того, чтобы эти занятия стали проводиться так часто, как это предписывалось. Даже в конце XVI в. многие приходы все еще придерживались старой, до-реформационной традиции проводить подобные «уроки» только во время Великого поста. Классы катехизиса могли иметь место и в школах. В целом, элементарные религиозные наставления в Англии были нацелены на возрастную группу от семи до приблизительно семнадцати-восемнадцати лет².

При этом, как и в католических странах, не исключалась и активная роль наставников-мирян. Особенно важной она была для тех англичан, которые в силу своих религиозных взглядов оказывались словно бы вне приходов. Прежде всего, это касается католиков. Согласно парламентскому статуту 1559 г., все англичане обязаны были посещать воскресную службу в приходской церкви, или же платить крупные штрафы. Католическое богослужение в стране находилось вне закона (даже если службы проводились в частных домах), а свя-

² *Green I. The Christian's ABC: Catechisms and Catechising in England c. 1530–1740. Oxford, 1996.*

щенники объявлялись изменниками. Ни о какой параллельной системе католических приходов не было и речи. Таким образом, приходское духовенство не могло стать для детей католиков источником наставлений в делах веры. Влиятельные католические семьи могли иметь капелланов–католиков (обычно маскировавшихся как секретари или управляющие поместий); эти священники выступали в качестве наставников как для детей своих патронов, так и для местных католиков. Однако в условиях преследований, особенно жестоких в годы англо–испанской войны 1585–1603 гг., когда католики в Англии рассматривались как своего рода «пятая колонна», священники далеко не всегда оказывались доступными для своей пасты, в частности для беднейших католиков.

В Англии система элементарного религиозного образования католиков видоизменилась, адаптировав принципы пост-Тридентского католицизма и его подходы к наставлениям мирян к практике «подпольного существования». Поэтому и роль мирян в ней была значительно выше: именно родители и школьные учителя–католики выполняли те функции, которые в континентальных католических странах возлагались на приходское духовенство, членов монашеских орденов и/или религиозные братства.

Руководство английской католической миссии осознавало важную роль мирян в образовательной сфере, косвенным свидетельством чего являются англоязычные катехизисы, изданные миссионерами в качестве руководств для мирян, наставлявших своих детей или домочадцев. Старшему поколению католиков были доступны катехизисы, изданные в правление Марии I Тюдор³. Кроме того, уже в 1575 г. для их пользования был издан «*Katechizis*» священника–миссионера Лоренса Вокса⁴; позднее были переведены катехизисы Петра Канизия, и другого иезуита, испанца Диего де Ледесмы⁵. Примечательно, что английский перевод Римского

³ *Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion in England, 1400–1580. New Haven, 1992. P. 533–535.

⁴ *Vaux L.* A Catechisme, or a Christian doctrine, necessarie for chyl dren and the ignorant people. 1575.

⁵ *Canisius P.* Certayne necessarie principles of religion [London], 1579, transl. by I.I.; *P. Canisius*, A Summe of Christian Doctrine [London], 1592; *Le-disma J.* The Christian Doctrine in manner of a dialogue [London], 1597. transl. by Henry Garnet, S. J. См. *Allison A. F., Rogers D. M.* The Contemporary Printed

катехизиса появился значительно позже, в конце XVII в. Вероятно, с этим текстом предпочитали работать не миряне, а священники-миссионеры, в переводах с латыни не нуждавшиеся.

Тиражи католических катехизисов контрабандой ввозились с континента (из Франции и Испанских Нидерландов). Однако потребность в подобных текстах восполнялась не только печатных изданиях, подготовка и распространение которых финансировалось и контролировалось руководством миссии, но и благодаря рукописным копиям, изготавливавшимся писцами в Лондоне и других английских городах. Рукописные катехизисы заказывались — а порой и составлялись мирянами, поэтому они отражают не только приоритеты политики миссии, но и степень их усвоения, то есть, успехи Католической Реформы.

Одним из таких катехизисов стало *«Наставление моей дочери Мэри Браун касательно основных положений учения католической церкви»*, составленное в 1597 г. виконтом Монтегю и получившее одобрение главы английских секулярных священников, Джорджа Блэкуэлла, в 1598 г.

Энтони Мария Браун (1574–1629) унаследовал титул после деда, Энтони Брауна, виконта Монтегю, так как его отец скончался на месяц раньше отца. По рождению он принадлежал к кругу английской католической аристократии. Семья отца возвысилась при Тюдорах; ее члены были придворными, дипломатами, военными и членами Тайного Совета. Однако после восшествия на престол королевы-протестантки Елизаветы I католических пэров постепенно вытесняли из сферы управления. Первый виконт Монтегю постепенно утратил свой пост в Тайном Совете, а потом — и позицию лорда-лейтенанта графства Сассекс. Однако он, благодаря семейным связям, сохранял влияние на юге Англии и был в состоянии оказывать покровительство единоверцам, а его поместья в Сассексе и Сарри были центрами притяжения для нелегально прибывавших в страну католических священников.

Мать второго виконта, Мэри Дормер, также принадлежала к известному на юге Англии католическому семейству, связи которого простирались далеко за пределы страны: ее старшая сестра, Джейн Дормер — любимая фрейлина королевы Марии I Тюдор —

в 1558 г. вышла замуж за испанского посланника, герцога Феррию. Оказавшись в Испании, герцогиня и ее сын — кузен виконта Монтегю — оказывали покровительство английским эмигрантам при дворе, а также и отправлявшимся в Англию миссионерам.

Будучи католиком, виконт Монтегю в конце XVI столетия был практически исключен из политической жизни. Королева Елизавета дважды — в 1597 и 1601 гг. — отдавала ему приказ воздержаться от присутствия на заседании Палаты Лордов. Основанием для такого приказа послужили сомнения Елизаветы в лояльности виконта, или, по крайней мере, в том, что он ценит верность правительнице выше требований собственной совести. У королевы были причины для недоверия: если дед на протяжении всей жизни был «церковным папистом»⁶, то его внук между 1594 и 1597 гг. перестал посещать англиканские службы (что, помимо прочего, было знаком признания власти Елизаветы). В 1594 г. виконт был в первый (но отнюдь не в последний) раз арестован — за то, что сам совершил обряд крещения над своей дочерью Мэри — той самой, которой был адресован рассматриваемый здесь катехизис, — чтобы воспрепятствовать ее крещению по англиканскому обряду.

Приход к власти в Англии довольно терпимого к католикам (особенно на первых порах) Якова I Стюарта, казалось, дал новый шанс незадавшейся политической карьере виконта. Однако «большим надеждам» английских католиков быстро пришел конец: первый парламент нового царствования, собравшийся в 1604 г., подтвердил все принятые при Елизавете антикатолические статуты. 23 июня 1604 г. виконт Монтегю произнес речь, стоившую ему карьеры (после этого он практически не присутствовал в парламенте) и нового ареста.

Позднее второй виконт Монтегю не играл существенной роли в политических делах графства или в Палате Лордов, так как по приказу короля появлялся лишь на церемониях открытия и закрытия парламента. На протяжении царствования Якова I виконт еще дважды подвергался аресту — в 1605 г. — в связи с Пороховым заговором и в 1614 г. из-за отказа принести сформулированную в статуте 1606 г. присягу на верность Якову I: ведь в ее тексте со-

⁶ То есть, соблюдал требования закона и порой присутствовал по воскресеньям на литургии в приходской церкви.

держалось положение, отвергавшее право папы смещать государей с престола и объявлявшее это учение ересью, а тех пап, которые его придерживались — еретиками⁷.

Все амбиции виконта ушли в политические интриги внутри католического сообщества в Англии. И здесь он добился своего, став, пожалуй, самым влиятельным английским католиком (что признавалось и в Риме). Виконт финансировал деятельность католических семинарий на континенте (в Дуэ); оказывалась поддержка и английским конвентам на континенте (прежде всего, женским — клариссинкам — именно в этот орден вступят дочери второго виконта).

Виконт Монтегю с первых лет царствования короля Якова I активно поддерживал их усилия по восстановлению католического епископата. Его поддержка оказалась немаловажным фактором, внесшим свой вклад в восстановление католического епископата в 1624–1634 гг., и тем самым повлиявшим на историю всего английского католического сообщества⁸.

Мэри Браун, к которой были обращены «Наставления» виконта — его старшая дочь и второй ребенок⁹. Обстоятельства ее появления на свет и крещения озаменовались судебным разбирательством. Потеряв первенца — младенца-сына — виконт уверился, что причиной несчастья стала его слабость: данное им разрешение кре-

⁷ О присяге на верность см. Серегина А. Ю. Политическая мысль английских католиков второй половины XVI — начала XVII вв. СПб., 2006. С. 54–58 и 130–154.

⁸ О семье Монтегю и о втором виконте см. *Questier M. C. Catholicism and Community in Early Modern England: Politics, Aristocratic Patronage and Religion*, с. 1550–1640. Cambridge, 2006. P. 233–287, 341–386; Серегина А. Ю. Политическая и конфессиональная идентификация католической знати в Англии второй половины XVI — начала XVII веков // Социальная идентичность средневекового человека / Под ред. А. А. Сванидзе и П. Ю. Уварова. М., 2007. С. 213–225; *Она же*. Католическая знать в протестантской Англии: виконты Монтегю (вторая половина XVI — начало XVII веков) // Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян / Под ред. О. В. Дмитриевой. СПб., 2007. С. 328–351; *Она же*. Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.) // Средние века. Вып. 68 (2). М., 2007. С. 5–32; *Она же*. Католическое гостеприимство: визит королевы Елизаветы I в Каудрей (1591 г.) // Мир Клио. Сборник статей в честь Л. П. Репиной. Т. 1. М., 2007. С. 357–373; *Она же*. Католик или политик? (с приложением транскрипции и перевода парламентской речи виконта Монтегю (1604)) // Диалог со временем. Вып. 25 (2). М., 2008. С. 342–372.

⁹ Но первый из доживших до совершеннолетия.

стить сына в приходской протестантской церкви. Дав себе клятву, что подобного больше не произойдет, виконт сам крестил новорожденную дочь в мае 1594 г., чем навлек на себя королевский гнев. Его арестовали, и подвергли допросам¹⁰. Позднее, в середине 1590-х гг. (но до составления катехизиса 1597 г.) виконт отказался от практиковавшегося его семьей «церковного папизма» и стал рекузантом¹¹. Это спровоцировало новое разбирательство, в ходе которого правительство пыталось принудить его хотя бы формально признать закон страны и вернуться к «церковному папизму». Виконт не подчинился давлению; в это время он, опасаясь нового ареста и длительного тюремного заключения, и написал «*Наставления*» для дочери¹².

Опасения, впрочем, оказались беспочвенными, и виконт сам руководил воспитанием Мэри Браун и остальных своих детей. Мэри впоследствии вступила в брак с Уильямом Сент-Джоном, наследником маркиза Винчестера, а после его смерти породнилась с еще одним католическим семейством, став женой Уильяма Эренделла, лорда Уордур.

Рукопись «*Наставления*» представляет собой небольшую книгу формата 8vo, в кожаном переплете. Написанная мелким, но четким курсивом, она явно представляет собой работу профессионального писца. Сейчас рукопись хранится в библиотеке бенедиктинского монастыря Св. Григория Великого (Аббатство Даунсайд) в Страттоне-он-Фосс близ Бата. Эта бенедиктинская община была изначально основана в Дуэ, а ее первый приор, Св. Джон Робертс, ранее был членом английской конгрегации, существовавшей в Вальядолиде, и пользовался покровительством виконта Монтегю (возможно, благодаря посредничеству его испанских родственников). Эта связь может объяснить, каким образом «*Наставления*» могли оказаться в аббатстве. Вероятно, кто-то из членов семьи Монтегю (например, одна из младших дочерей, ставших монахинями), вывезли ее на континент и/или завещали ее монахам.

¹⁰ Подробнее о крещении Мэри Браун см. *Серегина А. Ю.* Верность королеве и долг католика: крещение Мэри Браун (1594 г.).

¹¹ То есть, отказывался выполнять требование закона о присутствии на воскресной литургии, за что подвергался регулярным штрафам.

¹² Instruction to my daughter Marie Browne, in the principall groundes and on the Ecclesiastic pointes of the Catholique faith Downside Abbey, Gillow Library MS, P. 2–3.

* * *

«Наставление» принадлежит к жанру катехизисов, однако типичным его представителем это сочинение назвать трудно. Собственно катехизисом является только первая часть текста (50 из 150 страниц). Здесь виконт, следуя традиционной схеме, кратко излагает для дочери основы вероучения, следуя Символу веры. Сам его текст, переведенный с латыни виконтом, приведен в приложении. Он советовал дочери «прочитать один из одобренных католических катехизисов, или же стремиться к тому, чтобы получить устное наставление людей ученых, и наделенных властью в церкви Господней»¹³. Тем не менее, он и сам предоставил дочери наставления, видимо, считая себя в достаточной степени ученым. Он объяснял ей, что она должна верить в Бога-Творца всего сущего, Иисуса Христа, обладавшего божественной и человеческой природами, говорил ей о таинстве Воплощения, об Адаме и Еве, первородном грехе и его последствиях для всего человечества, о ветхозаветных пророчествах о пришествии Христа, о земной жизни Спасителя, об установлении Им таинства мессы (с пресуществлением хлеба и вина в Тело и кровь Христовы), о Страстях Христовых, схождении Христа в лимб и Его воскресении; о пребывании Христа на земле после воскресения, о Его вознесении, сопровождая рассказ ссылками на соответствующие места Писания (на полях). Далее следовал рассказ о Св. Духе, и нисхождении Св. Духа на апостолов, о католической церкви, вне которой нет спасения. Потом виконт упоминал таинства крещения и покаяния (оставления грехов) и закончил изложение содержания Символа веры рассуждениями о Страшном суде¹⁴.

Более обширный раздел рассказывал о таинствах. Виконт перечислил все таинства католической церкви: крещение, конфирмация, причастие (ему посвящен самый большой раздел, в котором подробно рассматривалось учение о пресуществлении), покаяние (с исповедью), миропомазание, рукоположение и брак¹⁵. В адресованном женщине-мирянке «наставлении» о рукоположении, есте-

¹³ Instruction to my daughter, p. 7: 'to reade some approved Catholique Catechismes, and otherwise to endeavor to get instruction by worde of mouthe from those that are learned and of auctoritie in the Church of God'.

¹⁴ Ibid. P. 7–20.

¹⁵ Ibid. P. 22–40.

ственно, было сказано немного. Кроме того, виконт оговорил, что таинства конфирмации и брака не являются необходимыми для спасения души. Говоря о конфирмации, он подчеркивает: «Человек может прийти ко всем другим таинствам без него»¹⁶. Для английских католиков такая оговорка была существенна: в обстановке преследований и отсутствия «нормальной» католической иерархии шансы юных мирян встретить католического епископа, не выезжая из страны, были равны нулю. Кроме того, виконт Монтегю подчеркивал, что и брак не является необходимым для спасения, а «девственность более совершенна»¹⁷.

Следующие разделы посвящены объяснению десяти заповедей¹⁸, пяти принципов христианской жизни, заключающихся в соблюдении праздничных дней (то есть, в отказе от работы), регулярном присутствии на мессе, соблюдении постов, исповеди и причащении по крайней мере раз в год, на Пасху (а лучше — как можно чаще)¹⁹, запрете вступать в брак в запрещенные дни и уплате десятины²⁰. Наконец, последний раздел данной части посвящен семи смертным грехам²¹. Раздела, посвященного христианским добродетелям, присутствующего во многих катехизисах, в «*Наставлениях*» нет.

Остальной текст сочинения — то есть, две его трети — посвящен тому, что должна знать мирянка для «понимания [своей веры] против всех ересей нашего времени»²². В этой части виконт кратко суммировал то, что, как правило, не входило в состав катехизисов, но относилось к курсу полемического богословия, изучавшегося будущими священниками в семинариях и университетах. Монтегю, правда, воздерживается от подробного рассмотрения вопроса о власти Римского престола над церковью, отговариваясь недостаточными знаниями²³. Однако дело тут отнюдь не в невежественности виконта. Обоснование власти Римского престола и ду-

¹⁶ Ibid. P. 27: 'one can receive all other sacraments without it'.

¹⁷ Ibid. P. 40: 'Virginity is more perfect'.

¹⁸ Ibid. P. 43–45.

¹⁹ Ibid. P. 33.

²⁰ Ibid. P. 46.

²¹ Ibid. P. 47–49.

²² Ibid. P. 50: 'understanding against all heresies of this tyme'.

²³ Ibid.

ховной власти папы для англичанина в конце XVI столетия было бы поистине самоубийственным. Это противоречило бы законам страны (статуту 1559 г.) и неминуемо привело бы виконта в тюрьму (в лучшем случае), так как означало отрицание прерогативы королевы, а значит, было посягательством на ее власть. По этой причине виконт на всем протяжении *«Наставления»* избегает говорить о папе и вообще упоминать главу Католической церкви; он предпочитает говорить о церкви в целом.

Начинается раздел с упоминаний о Страшном суде и телесном воскресении мертвых, а также о непорочной Деве Марии, единственной из людей вознесенной на небеса телесно²⁴. Виконт Монтегю разделял представления многих католиков своего времени о непорочном зачатии Девы Марии, а построенная в его поместье Каудрей (Сассекс) в 1625 г. капелла была посвящена именно Непорочному Зачатию (первая в Англии). Однако в *«Наставлении»* о непорочном зачатии не говорится.

Далее виконт вновь возвращается к таинству мессы²⁵. В данном месте упомянута месса довольно кратко, однако в первой части — в катехизисе — мессе посвящены большие разделы, и часть приведенного там материала носит отчетливо выраженный полемический характер. Так, в разделе о таинствах, Монтегю говорит о католическом учении о мессе и о пресуществлении хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы, когда субстанции меняют свой характер, а формы (хлеб и вино) остаются прежними (транссубстанциация)²⁶. Там же виконт касается и другого вопроса, дискутировавшегося между католиками и протестантами. Он подчеркивает, что причащаясь под одним видом, католики-миряне тем не менее приобщаются и Телу, и Крови Христовой²⁷.

Затем виконт Монтегю говорит о существовании чистилища и об индульгенциях (приобретение которых представляет собой пожертвование на доброе дело, необходимое для спасения)²⁸.

Далее речь идет о почитании святых, их икон и мощей²⁹, причем Монтегю рассказывает дочери о различиях между почитанием

²⁴ Ibid. P. 51–52.

²⁵ Ibid. P. 53.

²⁶ Ibid. P. 28–29.

²⁷ Ibid. P. 31.

²⁸ Ibid. P. 54–55.

²⁹ Ibid. P. 56–61.

и поклонением³⁰ (в чем обвиняли католиков протестанты). Еще один раздел посвящен добрым делам и необходимости их совершения ради спасения³¹. Монтегю подчеркивает: «все люди имеют полную власть и свободную волю, чтобы либо принять благодать Господню, в изобилии даруемую всем, и с ее помощью через добрые дела обрести заслуги, либо же отказаться от нее, закоснев в грехах»³², подтверждая тем самым католическое учение о свободе воли и отвергая учение Кальвина о предопределении, распространенное в англиканской церкви того времени.

Наконец, завершает этот раздел рассуждение об истинности католической церкви, «святой и непорочной»³³. Монтегю подчеркивает достоинство католической традиции и указывает, что в делах веры «вся церковь (в Святом Духе) не может ошибаться»³⁴. А Англия некогда получила ту самую веру, что исповедуют в Риме. Ведь можно проследить апостольское преемство от Св. Петра до папы Элевтерия, который во II веке отправил в Британию миссионеров Фугация и Дамиана, и до папы Григория Великого, пославшего в Англию св. Августина, первого архиепископа Кентерберийского³⁵.

³⁰ Ibid. P. 57–58.

³¹ Ibid. P. 62.

³² Ibid. P. 63: ‘all men have full power and coise (freewill) either to take houlde of Gods grace sufficiently offered unto all, and by helpe thereof through good workes to worke meritte unto themselves or else obstinately to forsake it’.

³³ Ibid. P. 67–80; p. 78: ‘holie and immaculate’

³⁴ Ibid. P. 80: ‘all Church (in holy spirit) cannot erre’.

³⁵ Ibid. P. 107. Здесь виконт Монтегю ссылается на имевшую большой резонанс полемику относительно обстоятельств крещения Англии. Средневековые английские хроники сообщали о том, что Англия была крещена несколько раз — Св. Иосифом Аримафейским в I в. н. э. миссионерами Фаганом и Дувианом, посланными папой Элевтером к королю бриттов Луцию во II в., и, наконец, Св. Августином, посланным папой Григорием I в конце VI в. В 1598–1604 гг. Вопрос о том, кем и когда была крещена Англия, обсуждался в полемических сочинениях протестантов Фрэнсиса Хастингса (*A Watchword to all religious and true herated English-men*, 1598; *An Apologie or Defence of the Watch-word*, 1600), Мэтью Сатклифа (*A Briefe Replie*, 1600; *A New Challenge*, 1600), и их католических оппонентов Томаса Фицгерберта (*A Defene of the Catholyke Cause*, 1602) и Роберта Парсонса (*A Temperate Ward-word*, 1599; *The Warn-word to Sir Francis Hastings’ Wast-word*, 1602; *A Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion*, 3 vols, 1603–1604). Протестантские богословы настаивали на том, что Англия впервые приняла хри-

В «*Наставлении*» виконт указывает дочери и на важность созерцательного элемента в духовной жизни, рекомендуя ей прочесть английский перевод трактата «*О презрении к миру*» испанского францисканца Диего де Эстеллы. Говорит он и об идеале христианской жизни для нее — это благочестивые христианки первых веков, матери отцов церкви³⁶. Исследовавший текст «*Наставления*» Майкл Кестье считает, что указание на подобные идеалы свидетельствовало о желании отца видеть свою дочь монахиней³⁷. Однако это явное преувеличение. Образ первых христианок — например, Св. Моники, матери Св. Августина — был едва ли не общим местом в «благочестивых биографиях» английских католичек XVI — начала XVII вв. и предназначался он для женщин-мирянок, жен и матерей, которым надлежало строить жизнь в доме в соответствии с требованиями веры и воспитывать детей в католическом духе³⁸.

Начиналось это воспитание с развития способности отстоять основы веры от нападков «еретиков». Поэтому виконт и счел необходимым преподать дочери краткий курс полемического богословия. Он, впрочем, этим не ограничился, но привел в «*Наставлениях*» и наиболее распространенные «уловки» протестантских проповедников, стремившихся обратить католиков в свою веру. Монтегю утверждал, что протестантские проповедники начнут указывать на сходство между их учением и учением католиков и преуменьшать различия, стараясь тем самым подтолкнуть ее к обращению³⁹. Сам виконт с гордостью заявлял:

стианское учение не из Рима, а с Востока, поэтому они предпочитали использовать легенду о Св. Иосифе Аримафейском. Католические авторы, напротив, подчеркивали связь английской церкви с Римом и говорили о мифической миссии Фагана и Дувиана, а также, естественно, о Св. Августине. Виконт Монтегю явно следует их примеру. Подробнее о полемике см. Серегина А. Ю. Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI в. // Диалог со временем. Вып. 12. М., 2004. С. 144–155; Она же. Мифы об обращении Англии в христианство и национальная/конфессиональная идентичность в XVI — начале XVII веков // Диалог со временем. Вып. 21. М., 2007. С. 389–411.

³⁶ Ibid. P. 127–129.

³⁷ Questier M. Op. cit. P. 333.

³⁸ См. Серегина А. Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения в английском католическом сообществе XVI — начала XVII вв. // Адам & Ева. Вып. 12. М., 2006. С. 118–144; Она же. Религиозная полемика и модели женского поведения в Англии XVI–XVII веков // Адам & Ева. Вып. 15. М., 2008. С. 53–99.

³⁹ Instruction to my daughter. P. 81–96.

«Я сам (Божьей милостью) пока был в состоянии защитить основные положения (от которых зависит вся моя вера — та же, что и у всей Католической церкви)»⁴⁰.

Последний раздел четко указывает на обстоятельства и цели создания *«Наставлений»*. Объяснение заключается в практике английских церковных судов. Они обладали правом вызвать любого совершеннолетнего католика, мужчину или женщину, и потребовать от них участия в диспуте с протестантским священником. Поэтому представление о догматических различиях между концессиями, а также об основах полемического богословия было немаловажным и для мирян⁴¹. Самому виконту Монтегю пришлось вступить в диспут с протестантскими проповедниками в середине 1590-х гг., о чем он сам говорит на страницах *«Наставлений»*⁴². Таким образом, данная часть текста опиралась на личный опыт автора.

Уже указывалось, что превращение виконта Монтегю в бескомпромиссного католика-рекузанта в 1590-х гг. сопровождалось давлением властей. Виконт опасался ареста и тюремного заключения и не был уверен, что его детей воспитают в католическом духе. Поэтому он, написав *«Наставления»*, возложил ответственность за религиозное образование детей на старшую дочь⁴³. При этом Мэри Браун указывали на пример некоей христианки, обратившей в истинную веру своих детей⁴⁴. Однако на момент написания *«Наставлений»* Мэри было всего четыре года, а ее сестрам-погодкам Кэтрин, Энн и Люси, которых ей надлежало наставлять, и того меньше. Да и в примере, приведенном самим виконтом, речь шла все-таки не о сестре, а о матери.

Однако семейные обстоятельства не позволяли виконту полностью доверить религиозное образование дочерей жене. Виконтесса Монтегю — урожденная Джейн Сэквил — происходила из протес-

⁴⁰ Ibid. P. 96–7: ‘I am (by Gods grace) soe farre foorth able to defende certaine principall axioms (whereupon all the rest of my faith, being the same with the whole Catholque Church, dependeth)’.

⁴¹ См. *Questier M. C. Conversion, Politics and Religion in England, 1580–1625. Cambridge, 1996. P. 154–156.*

⁴² Instruction to my daughter. P. 95–96.

⁴³ Ibid. P. 144.

⁴⁴ Ibid. P. 148.

тантской семьи. Существуют свидетельства о том, что она обратилась в католичество перед свадьбой, или вскоре после нее⁴⁵. Ревностной католичкой виконтесса, по всей видимости, так и не стала. Существовало и еще одно немаловажное обстоятельство: в случае ареста и/или казни отца несовершеннолетние дети неминуемо оказывались под опекой короны. На практике это означало приобретение права опеки кем-либо из придворных. В лучшем случае опекунами девочек стал бы их дед по матери, лорд Бакхёрст — человек терпимый, но придерживавшийся протестантских взглядов. В худшем — они, как и двоюродный брат самого виконта, юный граф Саутхэмптон, могли оказаться под опекой ревностного протестанта — например, лорда Бёрли — и быть воспитанными в протестантском духе. На родственников, таким образом, рассчитывать не приходилось, и виконт, рассматривая худший сценарий, вынужден был обращать свои *«Наставления»* к четырехлетней девочке, в надежде, что она со временем сможет ими воспользоваться. Возможно также, что виконт руководствовался примером своего деда, который в свое время тоже составил наставления в вопросах веры для своих детей. Судя по комментариям внука, в наставлениях деда также присутствовал элемент полемики с «еретиками»⁴⁶.

Анализ текста *«Наставлений»* позволяет сделать ряд заключений об особенностях религиозного образования католиков–мирян в Англии конца XVI в. Оно было крайне гибким и принимало формы, максимально адаптированные к нуждам данного католического сообщества. В условиях религиозных преследований и постоянного давления с целью заставить католиков отречься от своей веры простого наставления в основах вероучения оказывалось недостаточно. Необходимо было адаптировать полемическое богословие для нужд мирян. Руководство миссии отозвалось на это изданием переводов руководств по полемическому богословию, адаптированных

⁴⁵ Согласно сообщению некоего Нэммонда, адресованному лорду Бёрли (ноябрь 1591 г.), «дочь лорда Бакхерста полностью поверилась наставлениям сына Энтони Брауна [будущего виконта] в делах веры» ('the Lo: Buck: daughter whollie committed to the direc[i]on of Mr Anthonie Browns sonne for matters of conscience', British Library, Lansdowne MS, 99, 163), что, возможно свидетельствует о том, что Джейн Сэквил обратилась в католичество (но прямых подтверждений этому нет).

⁴⁶ Instruction to my daughter P. 130–131.

для восприятия мирян⁴⁷. Как свидетельствует «*Наставление*» виконта Монтегю, эти книги были востребованы, усваивались и адаптировались для своих нужд.

Появление «*Наставления*» отражает важную роль мирян и в особенности женщин в религиозном образовании католиков и даже в практике обращений (что также требовало знакомства с полемическим богословием). Неполноправные в глазах закона женщины-католички оказывались защищенными самим этим неполноправием от преследований. Именно поэтому они не только занимались религиозным образованием детей, но стремились привести к обращению родственников, слуг и соседей⁴⁸. Поэтому обращенная к женщинам наставительная литература должна была учитывать эти особенности и включать изрядную долю полемического материала, необходимого для их «миссионерской деятельности».

Текст «*Наставления*» свидетельствует и об успехах Тридентской программы религиозного образования для мирян, адаптированной к английским условиям уже на ранних ее этапах, то есть, в конце XVI века. Призывая дочь к частому причащению, концентрируя ее внимание на таинствах покаяния и причастия, указывая ей на необходимость строить духовную жизнь в соответствии с созерцательной моделью, предложенной мистиками XVI века, виконт демонстрирует усвоение принципов и приоритетов Тридентской реформы, а также готовность распространять их вместе, а порой и вместо клириков.

Серегина Анна Юрьевна
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра гендерной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 8 (495) 938-53-91, E-mail: genderhistory@gmail.com

⁴⁷ См. Серегина А. Ю. Переводы католической литературы в Англии XVI — начала XVII веков (в печати).

⁴⁸ Серегина А. Ю. «Смирение и покорность»: модели женского поведения... С. 137–138.

Т. Л. ЛАБУТИНА

ЕКАТЕРИНА II И ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

Ключевые слова: Россия при Екатерине II; женское образование в XVIII в.; иностранное влияние на отечественное образование

Аннотация: В статье рассматривается образовательная система в России в XVIII в. и специфика женского образования в частности. Особое внимание уделяется вкладу в развитие российского образования Екатерины II.

Важное место в идеологии просветительского движения занимала образовательная система. Все просветители были единомышленны в том, что в деле реформирования общества «старого порядка» первоочередным должно стать повышение образовательного и культурного уровня граждан. Лепту в решение поставленной задачи вносили как сами просветители, так и «просвещенные» монархи. К числу последних, как известно, принадлежала российская императрица Екатерина II. О том, как Екатерина относилась к образованию подрастающего поколения вообще, и женского, в частности, и пойдет речь.

Надо заметить, что определенный интерес к образовательной системе в России со стороны монархов проявился еще до начала Век Просвещения. К примеру, сводный брат Петра I Федор Алексеевич Романов, вступивший на престол в пятнадцатилетнем возрасте и управлявший страной всего шесть лет, стал одним из инициаторов создания первого высшего образовательного учреждения в нашей стране — Славяно-греко-латинской академии, открытой уже после его смерти, в 1685 г. В последние годы правления царь составил проект высшего училища или академии, который отличался демократичностью, поскольку предусматривал не только всесословное обучение российских граждан, но и их учебу «за казенный счет»¹.

¹ Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Т. 13. М., 1991. С. 246. Спустя несколько лет, в Англии со своим проектом образовательных академий выступил известный журналист и беллетрист Даниель Дефо, однако его «проект» явно уступал по степени демократичности аналогичному предложению русского царя. См.: An Essay upon Projects by Daniel Defoe. L., 1887. P. 151–152.

При Петре I в России были открыты Навигацкая и Пушкарская школы, гимназия Глюка, медицинское, артиллерийское, инженерное училища. Предпринимались попытки создания начальной народной школы. Наконец, появились первые проекты (Ф. Салтыков, В. Татищев) женских образовательных учреждений².

Екатерина II продолжила традицию своих предшественников³. Западноевропейская образовательная система оказала определенное влияние на российские дидактические программы⁴. Примечательно, что в современной литературе не утихают дискуссии о том, какая из стран больше повлияла на российскую культуру в правление Екатерины: Франция или Великобритания? На этот вопрос ученые отвечают по-разному. К примеру, британский ученый Д. Хорн приписывал Екатерине II англофильство, основываясь на том, что императрица любила читать переведенные на французский или немецкий язык труды британских ученых, философов и экономистов, восхищалась историческими работами Д. Юма и У. Робертсона. Екатерина сама перевела с французского или немецкого на русский язык несколько пьес У. Шекспира и способствовала постановке английскими актерами в театре Санкт-Петербурга в начале 1770-х гг. ряда пьес знаменитого драматурга, в том числе «Отелло»⁵. На взгляд А. Б. Соколова, императрица по своим интеллектуальным интересам была англomanкой⁶. Э. Кросс убежден, что не только сама императрица, но и все высшее российское общество при ней отличались не

² См.: Россия при Петре Великом, по рукописному известию И. Г. Фоккеродта и О. Плейера. М., 1874. С. 101–102; Юровская Э. П. Утопические черты организации Императорского воспитательного общества благородных девиц // Екатерина Великая. Эпоха российской истории. СПб., 1996. С. 108.

³ Подобно Петру I, императрица приветствовала обучение российской молодежи в европейских университетах. В одной только Великобритании постоянно обучалось до сорока молодых людей. См.: Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 1996. С. 197.

⁴ Подробнее о европейской системе образования в раннее Новое время см.: Лабутина Т. Л. Воспитание и образование англичанки в XVII веке СПб., 2001.

⁵ Horn D. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967. P. 213.

⁶ Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. Ярославль, 1992. С. 258.

просто «широко распространенной англomanией, но англофильством»⁷. Иначе оценивал пристрастие Екатерины II к западноевропейской культуре В. О. Ключевский. Он характеризовал императрицу как «немку по рождению, француженку по любимому языку и воспитанию»⁸. Н. А. Ерофеев был уверен, что «русское общество, подобно другим в Европе, испытало в XVIII в. влияние французской культуры. В среде дворянства возникла галломания – тенденция к некритическому восприятию всего французского от литературы до светской моды»⁹. Так кто же из ученых прав?

Первыми учителями Екатерины II были французы-гугеноты, наводнившие Германию после отмены Людовиком XIV в 1685 г. Нантского эдикта. Именно от этих учителей будущая российская императрица научилась языку, который полюбила больше родного. Она с теплотой вспоминала свою гувернантку – француженку Бабетту Кардель, которая, кроме разных наук, знала, как свои пять пальцев, всякие комедии и трагедии, цитатами из которых так и сыпала. Не мудрено, что басни Ж. Лафонтена Фике знала не хуже, чем Библию¹⁰. Став супругой цесаревича Петра III и переехав в Россию, Екатерина увлеклась чтением французской литературы. Поначалу это были романы, но очень скоро их сменили более серьезные произведения, в том числе «Дух законов» Ш. Монтескье. За свою жизнь Екатерина прочитала, как она сама вспоминала, «необъятное количество книг». Кроме того, став императрицей, она пристрастилась к литературному творчеству, и чаще всего писала по-французски (порусски много реже, возможно, потому что была не в ладах с орфографией). Более того, Екатерина превосходно усвоила «стиль и манеру своих образцов, современных французских писателей, особенно их изящное и остроумное балагурство»¹¹.

О многогранных связях Екатерины с французскими просветителями хорошо известно. На протяжении 1763–1778 гг. российская императрица переписывалась с Вольтером. С его книгами она впер-

⁷ Кросс Э. Указ. соч. С. 299.

⁸ Ключевский В. О. Соч. в 9 т. М., 1989. Т. V. С. 29.

⁹ Ерофеев Н. А. Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825–1853 гг. М., 1982. С. 52–53.

¹⁰ Анисимов Е. Женщины на российском престоле. СПб., 1997. С. 283–284.

¹¹ Ключевский В. О. Соч. Т. V. С. 29.

вые познакомилась по приезду в Россию. И с тех пор «не хотела читать ничего, что не было бы так же хорошо написано и из чего нельзя было бы извлечь столько же пользы»¹². После смерти великого философа Екатерина выкупила у его наследников 20 ящиков книг Вольтера. Узнав о стесненном материальном положении другого известного просветителя Франции Д. Дидро, императрица приобрела у него собрание книг за 150 тыс. франков, а самому философу назначила жалованье хранителя этой библиотеки. Осенью 1773 г. Дидро, по приглашению императрицы, гостил в Петербурге и не менее 60-ти раз беседовал с ней. Как правило, их беседы длились от полутора до двух часов. Екатерина переписывалась также с Д'Аламбером. В одном из писем к нему императрица заметила, что книга Монтескье «Дух законов» служит для нее «молитвенником»¹³.

О влиянии трудов Монтескье и Вольтера на формирование идейно-политических взглядов молодой Екатерины писали многие исследователи¹⁴. Иначе относилась Екатерина к трудам Ж. Ж. Руссо. Ознакомившись с его «Эмилем», императрица запретила распространение книги, причислив ее к таковым, которые «развращали нравы»¹⁵. В то же время российская императрица, что называется, «задала тон» в пропаганде французской литературы в своем «Наказе». И вскоре произведения французских авторов стали широко распространяться по России. Книги Руссо, Монтескье и Вольтера можно было встретить в личных библиотеках дворян в Оренбурге,

¹² *Он же*. Западное влияние в России после Петра // *Он же*. Неопубликованные произведения. М., 1983. С. 46.

¹³ Сборник императорского русского исторического общества (Далее — СИРИО). СПб., 1883. Т. 10. С. 31.

¹⁴ По утверждению Е. Анисимова, эти ученые «дали мощный толчок интеллектуальному росту будущей императрицы как государственного деятеля, законодателя» (Анисимов Е. Указ. соч. С. 302). По мнению Ключевского, «Дух законов» Монтескье послужил одним из главных источников «Наказа», написанного императрицей в 1765–1767 гг. Из 527 его статей более 250 были заимствованы у Монтескье (Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра. Указ. соч. С. 55).

¹⁵ «Особенно не люблю я эмилевского воспитания», — писала Екатерина. См.: Кобеко Д. Ф. Екатерина I и Жан Жак Руссо. Исторический вестник. М., 1883. Т. 20. С. 603, 610–611.

Казани, Симбирске. В знатных домах по-прежнему сохранял «педагогическую монополию» французский гувернер. Для воспитания своего внука — великого князя Александра Екатерина пригласила месье Лагарпа, который открыто исповедовал свои республиканские убеждения. Графа П. А. Строганова обучал «истый республиканец» француз Ромм, а детей графа Н. И. Салтыкова — брат знаменитого революционера Ж. П. Марата.

Итак, как можно убедиться, влияние французской культуры в России при Екатерине II заметно усилилось, в частности, закрепилось господство французской культуры и французского языка в высшем свете России. Но означало ли это, что британцы были потеснены и перестали оказывать прежнее воздействие на политическую элиту России, как то бывало в эпоху Петра I? Отнюдь, нет. Хотя англичане, по замечанию французского министра Вержени, и «теряли в Петербурге прежнее влияние»¹⁶, однако их позиции при дворе, да и в высших слоях российского общества оставались по-прежнему достаточно прочными. Оставались они таковыми и в образовательной системе России. Во всяком случае, большинство ученых признают влияние локковской системы в российских дидактических программах. Профессор колумбийского университета Марк Раеф утверждал, что этико-педагогическая ориентация в России находилась в связи с европейскими образовательными теориями и практикой, ведущими свое происхождение от Локка¹⁷. Трактакт Джона Локка «Мысли о воспитании» в переводе был издан в России в 1760 г., второе издание появилось в 1788 г. О популярности данного труда у российской элиты свидетельствовали частые ссылки на него в трудах самой императрицы. Как отмечал американский ученый Э. Симмонс, Екатерина не симпатизировала французской системе образования, доминировавшей в России с середины XVIII в., зато в своих инструкциях по поводу воспитания внуков она заимствовала целые страницы из сочинения Локка. Будущий император Александр I был воспитан, по мнению Симмонса, «по английскому пла-

¹⁶ Сегюр Л. Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 342.

¹⁷ Raeff M. On the Heterogeneity of the Eighteenth Century in Russia // Russia and the World of the Eighteenth Century. Columbus, 1988. P. 671.

ну», что означало «свежий воздух, либеральные идеи и наставления в области морали и поведения»¹⁸.

Определенное британское влияние прослеживается и в проектах создания образовательных учреждений для девушек. В работе «Очерк о проектах» (1693 г.) Д. Дефо предложил устроить образовательные «академии» с целью обучения в них девушек-аристократок. Это были пансионы закрытого типа, в которых ученицы могли получить светское образование, познать грамоту, иностранные языки, обучиться музыке и танцам. В конце XVII — начале XVIII вв. частные пансионы для девушек из высших и средних слоев сделали обычным явлением для Англии. В России первое женское образовательное учреждение подобного типа – Императорское воспитательное общество благородных девиц (Смольный институт) было открыто в 1764 г. по инициативе самой Екатерины. Еще годом раньше императрица потребовала от своих дипломатических представителей в Вене, Копенгагене, Гааге, Берлине, Гамбурге, Стокгольме без промедления достать «подробные описания всем или лучшим таким учреждениям в тех государствах, где они находились на службе»¹⁹.

По мнению Е. Ф. Петиновой, «ничего особенно ценного из-за границы почерпнуть не удалось», и потому Устав Воспитательного общества составляли по собственному разумению. Однако, на наш взгляд, без западных заимствований (в т.ч. британских) здесь все-таки не обошлось. Аналогичного мнения придерживался ученый П. М. Майков, хотя он считал, что образцом для подражания при учреждении в России Общества благородных девиц послужило женское учебное заведение во Франции. В 1686 г. госпожа Ментерон основала в Сен-Сире первое образовательное учреждение (Институт для дам Св. Людовика), в которое принимали «девиц благородного происхождения» в возрасте от 7 до 12 лет. Они обучались за казенный счет и находились в учебном заведении до двадцатилетнего возраста. Родители могли навещать своих дочерей в определенные дни. Воспитанницы делились по возрастным группам, которые различались цветом платьев (коричневый, зеленый, желтый,

¹⁸ *Simmons E. J.* English Literature and Culture in Russia (1553–1840). Cambridge, 1935. P. 91–92.

¹⁹ Цит. по: *Петинова Е. Ф.* «Во дни Екатерины...» СПб., 2002. С. 48.

голубой). Как отмечал П. М. Майков, «все занятия были направлены к тому, чтобы развить в девицах вкус ко всему благородному, прекрасному, изящному, их знакомили с отечественными писателями, учили писать изысканным слогом, приучали беседовать между собой о возвышенных предметах. При этом обращалось большое внимание на обхождение, изысканность в костюме, на светский лоск, манеры и т.д.» Воспитанницы декламировали сцены из комедий Расина, а также ставили пьесы, на которых нередко присутствовал сам Людовик XIV. Учебное заведение в Сен-Сире, по утверждению ученого, получило широкую известность за пределами Франции. Его брали за пример во многих европейских государствах. Нам представляется вполне возможным, что с данным заведением был знаком и Дефо, посетивший Францию незадолго до написания своего трактата о «женских академиях». Бывали в Сен-Сире и Петр I (во время своего визита в Париж в 1717 г.), и один из сподвижников Екатерины II в деле образования И. И. Бецкой, и сама императрица, в бытность свою немецкой княжной. Майков уверял, что устав Смольного монастыря являлся «сколком» с устава Сен-Сира²⁰.

Как бы то ни было, но совершенно очевидно, что Смольный институт был основан по примеру западноевропейских женских образовательных учреждений. В этом легко убедиться при сравнении устройства подобных учреждений, форм и методов преподавания, а также содержания образовательных программ в них на примере российской и британской модели. Посетившая в 1781 г. Смольный институт английская баронесса Димсдейл отмечала в своем дневнике: из 700 воспитанниц 300 принадлежали к аристократическим семьям, остальные — к буржуазным. Девочек обучали истории, географии, русскому, французскому, немецкому и итальянскому языкам (английский язык в образовательной программе отсутствовал — Т. Л.), а также музыке, танцам и рисованию. Большое внимание уделялось религиозному воспитанию. Представительниц средних слоев обучали еще и урокам домоводства: выпекать хлеб, сбивать масло и т.п. К

²⁰ Майков П. М. Иван Иванович Бецкой. Опыт его биографии. СПб., 1904. С. 250–252, 265.

слову сказать, специальное учебное заведение для девушек из мещан (Александровский институт) был также открыт Екатериной в 1765 г.

В Смольном Институте имелся даже собственный театр. Императрица по праву гордилась своим «детищем». В одном из писем к Вольтеру она рассказывала о театральных представлениях, которые устраивали воспитанницы Смольного, и делилась своими соображениями по поводу того, каким должно быть воспитание юных дам. «Мы очень далеки от мысли образовать из них монашек, — писала Екатерина. — Мы воспитываем их напротив так, чтобы они могли украсить семейства, в которые вступят; мы не хотим их сделать ни жеманными, ни кокетками, но любезными и способными воспитывать собственных детей и иметь попечение о своем доме»²¹.

Как видно, по своим целям и задачам, а также по форме обучения и образовательным программам женская образовательная система в России во многом напоминала британскую модель. Единственное отличие наблюдалось в способах финансирования женских пансионов. И если в Англии все расходы по содержанию учениц брали на себя их родители, то в России счета практически всех смолянок оплачивала сама императрица, а точнее — государство. Как бы то ни было, но своей деятельностью на ниве образования подрастающего поколения Екатерина II внесла посильный вклад в развитие общекультурного уровня развития Российского государства.

Лабутина Татьяна Леонидовна
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
Центра проблем исторического познания
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938–58–69

²¹ СИРИО. СПб., 1874. Т. 13. С. 226.

Я. Б. РУДНЕВА

ЖЕНСКИЕ САМОРЕПРЕЗЕНТАЦИИ В ДЕЛОВОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НАЧАЛА XX В.

Ключевые слова: совместное высшее образование; прошение; источник личного происхождения; персональный текст; женское письмо; гендерная идентичность; саморепрезентация.

Аннотация: Становление в начале XX в. совместного высшего образования в России явилось одним из важнейших этапов трансформации гендерно-дифференцированной системы российского высшего образования. Статья посвящена исследованию женских саморепрезентаций в одном из наиболее распространенных документов в делопроизводстве высших учебных заведений — прошении. Новые познавательные возможности гендерного анализа позволяют исследовать атмосферу университетского пространства начала XX в. и место женщин в нем.

В начале XX века гендерно-дифференцированная система российского высшего образования, покоящаяся на безусловном принципе «раздельности учебных заведений женских и мужских»¹, оказалась неспособной противостоять женщинам, претендовавшим на право обучаться в высших учебных заведениях наравне с мужчинами. Десятилетняя история полулегального пребывания женщин в «наших»², по выражению противников совместного обучения, учебных заведениях началась с появления в 1905 г. в российских университетах вольнослушательниц. Некоторым из них удалось не только получить высшее образование в условиях полного отсутствия прав и государственных гарантий, но и привлечь внимание к собственным проблемам, пожалуй, самого консервативного противника совместного высшего образования — официальной власти. В итоге социально вынужденная инициатива самых обычных женщин, которые не принадлежали ни к феминисткам радикального толка, ни к активным участницам других общественно-политических организаций и движений, вызвала коренные изменения системы высшего образования. В истории российской высшей школы этот период, с точ-

¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 139.

² Там же. Л. 107.

ки зрения «ломки» устойчивых гендерных стереотипов, является не только уникальным, но и беспрецедентным.

Современная историография на сегодняшний день представлена внушительным количеством работ по истории становления и развития российской высшей школы, охватывающим самый широкий круг проблем: эволюцию институциональных форм высшего образования, историю повседневности, гендерную специфику. Однако практически отсутствуют исследования, которые реконструируют адаптацию женщин к «мужской» высшей школе на основе анализа представлений, взглядов, мотивов самих женщин, рефлексии собственного внутреннего состояния и самооощущение. Подобный анализ позволил бы не только проследить эволюцию гендерной идентичности, определить, какова степень свободы личности и социальной регламентированности в этом процессе, но и понять «те образцы маскулинности и феминности, что задаются обществом, а также механизмы их формирования и передачи»³.

Трудность познания рассматриваемой исторической ситуации начала XX века, в которой «жили и творили, радовались и страдали, мыслили и действовали»⁴ российские женщины, прежде всего связана с недостатком или отсутствием персональных текстов (писем, дневников, мемуаров, автобиографий), включающих как прямые высказывания личного характера, так и косвенные свидетельства. В поиске необходимой информации для исследования был выбран один из наиболее распространенных документов в делопроизводстве высших учебных заведений — прошение.

Во-первых, в начале XX века в прошениях, используемых в делопроизводстве высших учебных заведений, наряду с соблюдением формальных и обязательных текстовых норм и реквизитов содержания, нередко наблюдались значительные отступления не только от стилистики, но и от структуры типового образца делового документа. Это было вызвано тем, что, с одной стороны, формуляр (схема) прошения имел гибкую структуру: последовательность реквизитов и произвольное пространственное расположение. С другой — свобод-

³ Суприянович А. Г. По страницам «Адама и Евы»: ретроспектива альманаха гендерной истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://srednieveka.ru/journal/cat/113>.

⁴ Репина Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 345.

ная форма организации текста прошения позволяла адресантам не только обратиться к должностному лицу с конкретной просьбой, но и обосновать собственные мотивы. Кроме того, в тексте могли использоваться элементы автобиографического рассказа, а также свободные рассуждения, фиксирующие точку зрения просителя на какое-то важное общественно-политическое или связанное с ним лично событие. Так, инициатор прошения переставал быть пассивным участником деловой переписки, как того требовали нормы делопроизводственной документации, а становился автором полноценного персонального текста, в котором оказывался «запечатленным индивидуальным опытом и тот или иной уровень его осмысления»⁵.

Во-вторых, для большинства женщин участие в деловой переписке стало своеобразным «путем трансляции в письменную форму самосознания и самоосознания (то есть женской идентичности)»⁶. Не имея возможности «писать себя» в мемуарах, автобиографиях и художественных текстах, женщины использовали эту вынужденную необходимость как способ рефлексировать собственное внутреннее состояние. Как писала одна из просительниц: «да услышат меня и откроют предо мною то, к чему я стремлюсь, чем живу и на что надеюсь...»⁷.

Таким образом, прошения рассматривались как *ego*-документ, включающий «женское письмо» (*l'écriture féminine*), — саморепрезентации по так называемому «женскому типу». Гендерный подход, в рамках которого осуществлялось исследование, позволил с одной стороны открыть новые познавательные возможности при анализе источника, который традиционно относился к делопроизводственной документации, с другой — проследить эволюцию женской идентичности в определенный исторический период, а также исследовать изменение границ университетского пространства начала XX века в связи с появлением в нем женщин.

Аналізу были подвергнуты около пятисот прошений, как индивидуальных, так и коллективных, относящихся к периоду 1905–1908 гг. и отложившихся в фондах Российского государственного

⁵ Там же.

⁶ Пушкарева Н. Л. «Пишите себя!» (гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории: Человек. Память. Текст: Цикл лекций. Казань, 2001. С. 253.

⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 240.

исторического архива и Национального архива Республики Татарстан. Большинство из них впервые вводятся в научный оборот. В фонде 733 РГИА отложились прошения, подававшиеся на имя министра народного просвещения, председателя совета министров, императора, императрицы и цесаревича. В фонде 977 НАРТ — прошения, подававшиеся ректору Казанского императорского университета, которые представляют интерес не только с точки зрения региональной специфики рассматриваемой исторической ситуации, но и повседневной истории провинциального университета.

Как правило, прошения о допуске в качестве вольнослушателя или студента к слушанию лекций подавались ректору высшего учебного заведения. В 1905 г., когда вопрос о совместном университетском, а значит, государственном образовании, обеспечивающем перспективу карьерного роста и сословных привилегий, активно обсуждался Советами российских университетов, прессой, видными общественными и политическими деятелями, женщины могли только надеяться на доступ к получению такого образования. На волне общественного подъема, вызванного первой российской революцией, и на фоне самых невероятных слухов «о зачислении в действительные студенты окончивших курс женской гимназии»⁸, возможность стала восприниматься как реальность, а подача прошений от женщин в российские университеты приобрела массовый характер. Самые активные уже осенью 1905 г., не дождавшись законодательного урегулирования вопроса, начали посещать лекции. Другие, получив официальный отказ от администрации высших учебных заведений, подавали прошения (иногда в виде телеграмм) на имя императора, императрицы и цесаревича. Например, в сентябре–октябре 1905 г. на имя Александры Федоровны было подано 9 прошений, десять телеграмм и одна телеграмма на имя наследника цесаревича Алексея⁹.

Особый интерес представлял анализ женских саморепрезентаций в деловой документации с точки зрения их соответствия нормативной модели поведения, заданной культурной традицией. Необходимо отметить, что в рассматриваемой исторической ситуации

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 85.

⁹ Там же. Л. 62.

начала XX века сама вероятность совместного обучения уже выходила за рамки общепринятых норм. Неслучайно, в именных императорских дозволениях относительно женщин, обучавшихся в высших учебных заведениях совместно с мужчинами, традиционно использовалась фраза «не в пример прочим»¹⁰.

В первую очередь, саморепрезентация женщинами своего «я» выражалась в стремлении обосновать мотивы обучения и выбор профессиональной деятельности. Особенно это характерно для прошений, адресованных членам императорской фамилии и должностным лицам российского правительства, статус которых обязывал мотивировать просьбу серьезными основаниями. В подобных прошениях женщины, претендуя на равный с мужчинами доступ к высшему образованию, чаще всего демонстрировали готовность учиться и работать «на благо родины»¹¹, «на пользу страждущему человечеству»¹², чтобы не дать «повода упрекнуть современную русскую женщину в ее легкомыслии, неразумном и жестоко неблагодарном поведении по отношению к своему дорогому отечеству — России...»¹³.

Однако стремление служить отечеству отражало ценностную ориентацию, характерную для «маскулинности», а потому не вписывалось в нормативную модель женского поведения, сложившуюся на рубеже XIX–XX вв. в результате дискуссий о влиянии высшего образования на женскую эмансипацию. Согласно этой модели, женщина должна была быть образованна, так как от нее зависело воспитание и образование нового поколения граждан, однако научное знание, получение высшего образования не должны быть целью женщины, так как это убило бы в ней «истинную женственность»¹⁴.

Выйти за границы предписанной «истинной женственности» женщины пытались путем презентации собственной исключительности. С одной стороны это выражалось в стремлении представить себя в качестве «пионерок женского университетского образова-

¹⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 43973. Л. 20.

¹¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 45.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 240.

¹³ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 26.

¹⁴ Кузьмина Е. Ф., Крылов С. А. Высшее женское образование в Сибири в начале XX века // Вопросы образования. № 3. 2006. С. 122.

ния»¹⁵, «сильных, просвещенных работниц жизни, творцов, а не разрушительниц ее...»¹⁶. С другой — в демонстрации собственных «сверх-способностей», заключающихся в готовности «порвать со своим прошлым»¹⁷, потерять «духовную связь с семьей»¹⁸, «довести свои потребности до минимума и терпеть лишения в настоящем, надеясь на лучшее будущее»¹⁹.

Кроме указанных причин, побудивших женщин активно добиваться права на совместное с мужчинами высшее образование, в прошениях доминировали следующие: необходимость продолжить образование, ввиду «полной неподготовленности и крайнего недостатка знаний»²⁰; желание специализироваться в определенной профессиональной области, продолжив семейную традицию²¹ (в 1906 году 22% вольнослушательниц от общего количества поступивших на медицинский факультет Казанского университета составляли представительницы семей, связанных с медициной); стремление «достичь в будущем, при помощи высшего образования, более определенного и независимого положения»²² и «служить своим трудом подспорьем родителям на старости лет»²³, возможность инвестировать денежные средства в высшее образование²⁴.

Перспектива выбора профессиональной деятельности, которую давало совместное высшее образование, являлась еще одним веским основанием «померяться с мужчиной, исполнять его обязанности и пользоваться равными правами»²⁵, наперекор сложившимся представлениям о социальном предназначении полов. Дело в том, что «продуктивная деятельность для государства и общества»²⁶ ог-

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 125.

¹⁶ Там же. Л. 127.

¹⁷ Там же.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

¹⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 109.

²⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 43973. Л. 26.

²¹ Там же.

²² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 109.

²³ Там же. Л. 224.

²⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44080. Л. 2.

²⁵ Цит. по: *Веремко В. А.* Женщины в русских университетах (вторая половина XIX — начало XX вв.) Санкт-Петербург, 2004. С. 13.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 195.

раничивались для российских женщин в начале XX века в основном педагогикой, которая не соответствовала «ни наклонностям, ни способностям» большинства из них²⁷.

В одном из прошений, которое можно классифицировать как свободное размышление (эссе) о деятельности по призванию и по принуждению, просительница отмечала, что есть педагоги «по натуре», обладающие особым «педагогическим складом психики и инстинктами» и «педагоги-ремесленники», работающие по необходимости, не получающие удовлетворения от своей деятельности, а потому «растрачивающие собственные силы впустую». В силу того, что «женщинам нет больше выхода, как вести сложное дело учительства», автор пришла к заключению, что большинство из них относятся к «педагогам-ремесленникам», от наплыва которых страдает «самое педагогическое дело»²⁸.

В начале XX века в группе интеллигентных профессий на особом месте, как для мужчин, так и для женщин, стояла врачебная деятельность. Но подготовку дипломированных женщин-врачей осуществлял единственный Медицинский женский институт, принятый в 1904 году на государственный бюджет. В 1905 году «из 1400 прошений, поданных в Женский Медицинский институт, более 1200 получили отказ за неимением вакансий»²⁹. На медицинских отделениях Высших женских курсов, несмотря на то, что выпускницы не допускались в испытательные комиссии и не имели права на получение диплома³⁰, также наблюдалось «несоответствие между приливом желающих поступить и недостатком мест»³¹.

Женщины устремились в российские университеты в надежде на медицинское образование, гарантировавшее не только независимое положение в будущем, но и возможность получения стипендии:

«Будучи земской стипендиаткой, я уже четыре года пытаюсь поступить в Петербургский женский медицинский ин-

²⁷ Там же. Л. 130.

²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

²⁹ Там же. Л. 79.

³⁰ В 1912 г. это право подтвердил специальный закон, согласно которому выпускницы Высших женских курсов получили право держать экзамен в государственных испытательных комиссиях для получения диплома о высшем образовании.

³¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 33.

ститут, но мои усилия остаются тщетными. По условию стипендии, я должна быть слушательницей только медицинского факультета, потеряв возможность и в нынешнем году поступить в институт, или в университет, на медицинский факультет, я лишаюсь стипендии (которая числится за мною уже пять лет) и возможности поступить на какой-либо другой факультет, так как не имею средств...»³².

Университеты оказались не в состоянии принять всех желающих вольнослушателей и вольнослушательниц, так как имевшиеся вакансии были уже заполнены действительными студентами, которые из-за популярности медицинского факультета торговали местами между собой, вывешивая «объявления об обмене места за разную сумму и даже за 500 р.»³³. Анализ прошений, фиксировавший не только мотивы, но и намерения, позволил оценить масштабы востребования медицинского образования среди российских женщин. Так, в Казанском университете осенью 1906 года из 127 просительниц 53 заявили о своем желании обучаться на медицинском факультете. В создавшейся ситуации ректор вынужден был рекомендовать девушкам, не прошедшим по конкурсу на этот факультет, начать обучение на естественном отделении физико-математического факультета. В соответствии «с постановлением Совета профессоров медицинского факультета»³⁴ в следующем учебном году им гарантировалось зачисление на первый курс вне конкурса.

Осенью 1907 г. в связи с отсутствием свободных вакансий на медицинском факультете Казанского университета и переполненностью первого курса естественного отделения было принято решение зачислять вольнослушательниц сразу на второй³⁵ с последующим переводом. Но эта мера лишь отчасти решила проблему. В итоге были составлены списки кандидаток физико-математического факультета, временно распределенных на юридический и историко-филологический факультеты³⁶. Одна из претенденток, не прошедшая

³² НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44718. Л. 4.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 95. Л. 156.

³⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 365. Л. 117.

³⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44386. Л. 10.

³⁶ Там же. Ед. хр. 44707. Л. 7.

по конкурсу на первый курс естественного отделения физико-математического факультета, в течение одного дня была вынуждена трижды переписать прошение: сначала о зачислении на юридический факультет, затем на историко-филологический и, наконец, на второй курс физико-математического³⁷.

В Томском университете желавших поступить на медицинский факультет зачисляли на юридический:

«означенная категория вольнослушательниц лишь номинально числилась юристками, а на самом деле занималась изучением медицины. Некоторые из них ухитрялись даже слушать лекции и участвовать в практических занятиях на медицинском факультете. Почти все они вставали в подобное положение крипто-медичек и вместе с тем псевдо-юристок лишь в надежде на переход в настоящие медички, когда явится к тому возможность»³⁸.

Интересно, что в прошениях, которые подавались непосредственно ректору Казанского императорского университета, ссылки на желание непременно «служить отечеству» практически отсутствуют. Объясняется это тем, что, во-первых, обращение к ректору являлось необходимым условием для поступления в университет, тогда как к членам императорской фамилии и министрам обращались по личной инициативе, связанной с конкретной ситуацией. Во-вторых, ректор воспринимался как должностное лицо, более достигаемое и доступное для общения.

Ракия Кутлубаева, «казанская татарка медичка II курса Санкт-Петербургского Женского Медицинского института», подавала прошения в июне 1905 г. министру народного просвещения и в сентябре 1906 г. ректору Казанского университета с просьбой о переводе на медицинский факультет Казанского университета. В первом случае Р. Кутлубаева писала:

«я, будучи студенткой Казанского университета, и, занимаясь в местных клиниках, могла бы, как единоверка и посредница между больными татарками и врачами принести громадную неоценимую пользу в деле лечения, и тем самым приучить мусульманок обращаться к врачебной помощи, к которой в данной время они обращаются в крайне редких исключительно тяжелых обстоятельствах»³⁹.

³⁷ Там же. Ед. хр. 44692. Л. 2–4.

³⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 130.

³⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 101.

И уже обратившись непосредственно к ректору университета:

«Главные причины, вследствие которых я принуждена покинуть Петербург и продолжить свое образование в Казани, следующие: во-первых, я местная уроженка-татарка; во-вторых, мой муж врач и живет в Казани; имею маленького ребенка, которому, конечно, необходимо присутствие матери; наконец, не имею и средств, чтобы жить в Петербурге отдельно от семьи»⁴⁰.

Итак, в прошении министру народного просвещения Р. Кутлубаева сделала акцент на возможность использования ее способностей на благо общества и государства, к ректору — на сугубо личных обстоятельствах.

Особое внимание, с точки зрения соответствия заданному культурной традицией стереотипу поведения, заслуживает стилистика женских прошений. Использование большого количества эмоциональных оценок, сравнений, гипербол, а также переключение на не связанную с ситуацией тематику вызвано попыткой женщин сократить личностную дистанцию между собой и должностным лицом. Более того, имперское сознание большинства российских женщин покоилось на образе Николая II как «ВЕЛИКОГО ОТЦА ЗЕМЛИ РУССКОЙ», для которого «не существует детей, судьба которых не была бы близка его любвеобильному сердцу»⁴¹. И этот образ сознательно проецировался на других представителей власти. Например, в одном из прошений на имя министра народного просвещения А. Н. Шварца, указывалось:

«Теперь я приехала за несколько тысяч верст к Вам, Ваше Превосходительство, просить помощи и совета как к родному отцу: “Что я должна сделать”»⁴².

Очевидно просительницы воспринимали ректора или же министра не как должностное лицо, а как носителя более привычной нормативной модели, чаще всего, отца, которому можно было рассказать о том, насколько сильно «хочется поступить» в университет, какое это имеет «громадное значение для всей последующей жизни»⁴³, и как страшно остаться в этой жизни «за бортом». И в том, и в

⁴⁰ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44100. Л. 11.

⁴¹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 208.

⁴² Там же. Л. 241.

⁴³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44085. Л. 12.

другом случае женщины имели дело с мужчиной, наделенным определенными властными полномочиями, но вторая модель общения в рамках интимного поля «отец-дочь» являлась для них более привычной, соответствовавшей устоявшимся стереотипам поведения.

Так, в деловом документе женщины старались репрезентировать себя с точки зрения социально одобряемых намерений, имеющихся и предполагаемых навыков, наконец, соответствия определенной нормативной модели поведения. Проблема заключалась лишь в том, что сам факт присутствия женщин в «мужской» высшей школе в качестве вольнослушательниц выходил не только за пределы этой модели, но и за границы существующего законодательства.

Нормативные утверждения, регулирующие правовой статус женщин в высших учебных заведениях, также являлись предметом специальной рефлексии в женских прошениях. Так, в сентябре 1905 года, в период активного обсуждения Советами российских университетов не только возможности, но и необходимости совместного высшего образования как условия восстановления справедливости «по отношению к русской женщине, доказавшей уже стократ свою способность к восприятию научных истин и к приложению этих истин на удовлетворение народных нужд»⁴⁴, ощущение значительности происходящих событий и собственной значимости давало просительницам уверенность в положительном и скорейшем решении вопроса.

Этим объясняется наличие в содержании прошений «аргументированных» оснований для зачисления женщин в высшие учебные заведения: «ходатайство гг. профессоров и постановление общестуденческой сходки»⁴⁵; не приспособленная «к назревающим потребностям жизни» система российского высшего образования; изживший себя университетский устав, «всеми осужденный и требующий скорого и коренного исключения»⁴⁶. Аргументы в защиту права на высшее образование подкреплялись критикой существующей системы и уверенностью в том, что если закон осужден общественностью, то он потерял юридическую силу. Наконец, женщины настаивали на своем зачислении в высшие учебные заведения исключительно на правах «действительных студентов».

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 153. Ед. хр. 34. Л. 56.

⁴⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44034. Л. 7.

⁴⁶ Там же. Ед. хр. 43982. Л. 8.

В октябре 1905 года ситуация изменилась: решение вопроса о правовом статусе женщин откладывалось на неопределенный срок. Требование в прошениях уступило место компромиссу:

«если окажется невозможным зачислить меня действительной студенткой, прошу дать мне возможность слушать лекции на юридическом факультете вольнослушательницей...»⁴⁷; «в прошении, посланном мною, кажется, вкралась ошибка. Там написано: “прошу зачислить меня действительной студенткой”. Действительными студентками женщины, кажется, быть не могут, а потому прошу Вас зачислить меня вольнослушательницей по тому же факультету»⁴⁸.

Как отмечал ректор Санкт-Петербургского университета И. И. Боргман, несмотря на отсутствие законодательных норм, регулирующих правовое положение женщин в совместной высшей школе: «никаких возражений по поводу допущения женщин в университет ни со стороны попечителя, ни со стороны министра народного просвещения сделано не было». Более того, «дочь министра народного просвещения, графиня Д. И. Толстая, подала прошение о зачислении ее вольнослушательницей. Точно также, в следующем году, письменно заявила желание быть вольнослушательницей дочь Председателя Совета министра, Петра Аркадьевича Столыпина. Фактически однако допущение женщин в университет осенью 1905 г. не состоялось в виду последовавшего закрытия университета»⁴⁹.

Осенью 1906 года, с возобновлением занятий, в университетских аудиториях появились и вольнослушательницы, которые в прошениях на имя ректора или попечителя учебным округом неоднократно отмечали атмосферу напряженности и неразберихи, царившую в университетской среде в этот период. И дело было не только в появлении нового, непривычного для университетской корпорации, контингента слушателей. Университеты находились в атмосфере жесткого противостояния с властью, в связи с попытками урезать провозглашенную в 1905 году частичную университетскую автономию. «Женский вопрос» оказался одной из составляющих конфликта. Как указал в докладной записке попечителю учебного округа ректор Казанского университета Н. П. Загоскин:

⁴⁷ Там же. Ед. хр. 43982. Л. 8.

⁴⁸ Там же. Ед. хр. 44377. Л. 12.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 95. Л. 165.

«Не может, конечно, подлежать никакому сомнению, что прием в университеты вольнослушательниц начался и продолжался на почве факта, а не права, если не принимать в расчет быть может слишком распространенного толкования закона 27 августа 1905 года (Высочайший указ о временных правилах по управлению университетами — Я.Р.)»⁵⁰.

О двусмысленности собственного правового положения свидетельствовали и женщины, которым «иногда напоминали со стороны учебной администрации», что они допущены к учебным занятиям в университете «только по снисхождению», что формально они «не имеют права учиться в университете»⁵¹. Как отмечала одна из вольнослушательниц Юрьевского университета,

«при поступлении было трижды заявлено, что “прав Вы не получите и их не будет”, но я хотела только знаний и мне с радостью все возразили: “Да, знания мы Вам дадим”, и открыли двери»⁵².

Несмотря на отсутствие законодательно закрепленных прав, «смелые, вдохновленные и исполненные оптимизма в момент вступления в университет» женщины «глубоко верили в гарантии самого государства», которое «сумеет защитить» их и гарантирует «свободное пребывание в университете, до момента окончания»⁵³.

Университетская корпорация отнеслась к появлению вольнослушательниц в целом благожелательно, давая не только «беспристрастную справедливую оценку» их трудолюбию⁵⁴, но и саму «возможность показать, что и женщина может учиться»⁵⁵. Профессура, несмотря на запреты со стороны министерства народного просвещения и администрации университетов, проводила проверочные испытания вольнослушательниц «частным образом», подтверждая, что «подготовка, с которой большинство из них явилось в университет, сравнительно выше подготовки среднего студента»⁵⁶. Советы университетов не отказывали в приеме и тем женщи-

⁵⁰ Там же. Л. 67.

⁵¹ Там же. Л. 195.

⁵² Там же. Л. 158.

⁵³ Там же. Л. 125.

⁵⁴ Там же. Л. 127.

⁵⁵ Там же. Л. 126.

⁵⁶ Там же. Л. 127.

нам, чье образование не соответствовало вступительным требованиям, разрешая в течение года сдавать «латынь за 8 классов мужских гимназий» или «экзамен на аттестат зрелости».

К сожалению, в прошениях не фиксировались ситуации, характеризующие отношения между вольнослушательницами и студентами, кроме факта замужества⁵⁷. Но есть свидетельства о жесткой конкурентной борьбе за места на факультетах между самими женщинами, которые не только точно знали, когда и сколько освободилось мест⁵⁸, но и имели необходимые сведения о предполагаемых претендентках.

«Вместо меня была принята одна из вольнослушательниц естественного факультета Порфирьева, — в третий раз обращаясь к ректору Казанского университета, писала М. Г. Войдинова, — которая не подавала прошение на медицинский факультет в августе 1906 года и аттестат которой со средним выводом 4, т.е. меньше, чем средний вывод моего аттестата. Я ничего не имею против того, чтобы Порфирьева была слушательницей медицинского факультета, но я хочу, чтобы и со мной поступили справедливо, что вполне естественно, так как где же еще искать справедливости, как не в университете»⁵⁹.

Подаявая очередное прошение, женщины отстаивали право на обучение в университете не только на основании соответствия формальным требованиям. Понятие «справедливости» включало также возможность нарушения этих правил за счет признания исключительности личных обстоятельств просительницы:

«Надеюсь, что Совет профессоров войдет в мое положение и отдаст мне предпочтение перед другими, даже в случае, если в моем аттестате будет на 0,2 средний вывод меньше, чем у других. Как люди, господа профессора должны понять, что 4,1 экстерном окончившей гимназии, да еще такой, которая в то же время должна была работать в аптеке, чтобы заработать на жизнь, должна цениться выше 5 окончившей гимназию при нормальных условиях»⁶⁰.

⁵⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44031. Л. 6.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 44145. Л. 6.

⁵⁹ Там же. Ед. хр. 44013. Л. 9.

⁶⁰ Там же. Ед. хр. 44264. Л. 4.

Ситуация в отношении вольнослушательниц коренным образом изменилась 16 мая 1908 г., когда за подписью министра народного просвещения А. Н. Шварца, был издан циркуляр, по которому среди прочих мер, направленных на сокращение автономии, из высшей школы полностью изгонялись обучавшиеся в течение двух лет женщины.

«Придя в университет вместе с автономией, они должны были покинуть его, когда автономия превратилась практически в ничто»⁶¹.

Летом и осенью 1908 года прошения, в том числе коллективные или за подписью «уполномоченных вольнослушательниц»⁶², в основном подавались на имя министра народного просвещения, который, как полагали многие, нес персональную ответственность за появление циркуляра. Наряду с пассивной констатацией существующего положения, допускающей, «что можно быть против обучения женщин в университете»⁶³, наиболее употребляемыми в женских прошениях становятся выражения «страшное отчаяние», «крайне безвыходное положение», «разбитые надежды и стремления»⁶⁴, передающие состояние человека, выброшенного «за борт» или «стоящего на краю пропасти»⁶⁵. Действительно, пребывание в университетах стоило женщинам больших материальных и моральных затрат и теперь «циркуляром» вольнослушательницы выбрасывались «из городов, в которых они прожили в течение двух лет, кое-как запасшись грошовыми уроками и не имея, может быть, даже средств на дорогу в другой город»⁶⁶.

Надеясь отыскать веские основания, дающие возможность продолжить образование, и убедительные доводы для тех, кто мог предоставить такую возможность, девушки взывали «к высшей справедливости и гуманности, которые сильнее всякого закона»⁶⁷, уповали на снисхождение монарха, способного устранить «проти-

⁶¹ Верменко В. А. Указ. соч. С. 13.

⁶² РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 124.

⁶³ Там же. Л. 125.

⁶⁴ Там же. Л. 127.

⁶⁵ Там же. Л. 240.

⁶⁶ Там же. Л. 125.

⁶⁷ Там же. Л. 125.

воречие между формальными нормами закона с одной стороны и с требованием справедливости по существу дела с другой стороны»⁶⁸, наконец, предлагали вполне конкретные варианты урегулирования ситуации с точки зрения вероятного прецедента. Например, «я была принята должностным лицом, ректором университета, действия которого не были опротестованы своевременно высшей властью», «я была принята до издания циркуляра, воспрещающего зачислять в вольнослушательницы женщин», «обладаю тем образовательным цензом, который требуется от лиц мужского пола для зачисления в действительные студенты университета», «я удовлетворяю статье 116 (516) университетского устава»⁶⁹. Акцентировалось внимание и на том, что действия Советов университетов, «неправильно толковавших закон об автономии»⁷⁰, и фактическое бездействие министерства народного просвещения сделали женщин «без вины виноватыми»⁷¹:

«Мы не виновны в том, что взгляд министерства народного просвещения изменился за два года, точно также как и в том, что профессора, принимая нас в университет, не подумали о закреплении нашего пребывания в нем законом»⁷².

Отчасти под нажимом самих вольнослушательниц, отчасти под давлением общественного мнения, 29 октября 1908 года Высочайшим повелением им было разрешено окончить курс образования наравне с посторонними слушателями. Однако к тому времени большинство вольнослушательниц уже покинули университеты, уверенные в том, что «вследствие циркуляра от министра народного просвещения пребывание в университете не имеет решительно никакого смысла»⁷³, кроме того, они по-прежнему не могли пользоваться «никакими правами по образованию и были «лишены возможности держать переходные экзамены»⁷⁴.

⁶⁸ Там же. Л. 195.

⁶⁹ Там же. Л. 130, 139, 189.

⁷⁰ Там же. Л. 199.

⁷¹ Там же. Л. 210.

⁷² Там же. Л. 126.

⁷³ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44419. Л. 8.

⁷⁴ Там же. Ед. хр. 44477. Л. 5.

Структура прошения вольнослушателя включала реквизит, который обязывал просителя обозначать приобретенный социальный статус. Речь идет о реквизите «адресант» или «шапке» прошения, который для посторонних слушателей-мужчин требовал указания «определенного общественного положения и занятия», что являлось необходимым условием для зачисления в университет. Однако, как свидетельствовал в рапорте по расследованию о вольнослушательницах Санкт-Петербургского университета член Совета министерства народного просвещения Н. Г. Дебольский:

«Закон указывает для вольнослушателей, как единственное условие их приема, «определенное общественное положение или занятие», не выясняя, однако, в точности истинного смысла этого условия. Как можно предполагать, намерение законодателя состояло, в данном случае, в том, чтобы вольнослушателем мог быть не всякий желающий, но только такое лицо, которое по кругу своих занятий нуждается в пополнении своего образования, не имея возможности или права сделаться студентом. Неясность этого закона привела к тому, что и университеты и управление министерства народного просвещения затрудняются в его единообразном применении»⁷⁵.

В 1905–1907 гг. прошения, ввиду неопределенности правового статуса и формальных требований к приему женщин в университет, неоднократно переписывались. Характерно, что переписывалась и «шапка», это свидетельствовало о колебаниях женщин по вопросу, какой статус окажет решающее воздействие при их зачислении в университет: образование, семейное положение, сословная принадлежность. Женщинам приходилось самостоятельно решать эту проблему, так как Советами университетов «вопрос об их общественном положении, вообще говоря, и не поднимался»⁷⁶.

Интересно, что просительницы незнатного происхождения из крестьян или мещан южных и юго-западных губерний Российской империи, наряду с имевшимся образованием, практически всегда указывали собственную сословную принадлежность, а уроженки восточных губернских центров, например Казани или Екатеринбург, предпочитали ссылаться только на образование. Работавшие женщины, как и посторонние слушатели-мужчины, обозначали род профессиональной деятельности: «учительница Мензе-

⁷⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 154. Ед. хр. 94. Л. 324.

⁷⁶ Там же. Л. 324.

линской женской гимназии»⁷⁷; «зубной врач»⁷⁸; «аптекарский помощник»⁷⁹; «женщина чиновник II разряда Казанской центральной телеграфной конторы»⁸⁰.

По-прежнему собственное социальное положение большинством женщин определялось в соответствии со статусом отца или мужа. Незамужние девицы, как правило, обозначали сословную принадлежность или род занятий отца: «дочь умершего доктора медицины»⁸¹; «купецкая дочь»⁸²; «дочь капитана»⁸³; «дочь общественного раввина»⁸⁴. Отмечен единственный случай, когда просительница указала «общественное» положение матери: «дочь девицы Корочневой»⁸⁵. Обязательно фиксировалось замужество или вдовство с указанием рода деятельности мужа, особенно женщинами возрастной группы от 25 до 45 лет. Если девушка недавно окончила образовательное учреждение и вышла замуж, отмечалось сразу несколько приобретенных статусов, например, «окончившая восемь классов Пензенской гимназии, жена студента Казанского университета»⁸⁶. Характерно, что положение «дочери» или «жены» акцентировалось в прошениях и во время обучения в университете.

Анализ «шапки» прошений одной из вольнослушательниц Казанского университета позволил проследить, как она определяла собственный статус в период обучения с 1907 по 1909 год. 18 июля 1907 года Владимирова Екатерина Андреевна, как «дочь статского советника», «желая изучать естественные науки и не имея возможности вследствие домашних обстоятельств выехать в Петербург для продолжения занятий на курсах П. Ф. Лесгафта»⁸⁷, подала на имя ректора Казанского университета свое первое прошение о зачислении на естественное отделение физико-математического факультета. Прошение не было удовлетворено, так как осенью 1907

⁷⁷ НАРТ. Ф. 977. Оп. Личные дела студентов за 1907–1916 гг. Ед. хр. 44349. Л. 4.

⁷⁸ Там же. Ед. хр. 44362. Л. 3.

⁷⁹ Там же. Ед. хр. 44400. Л. 3.

⁸⁰ Там же. Ед. хр. 44183. Л. 1.

⁸¹ Там же. Ед. хр. 44522. Л. 4.

⁸² Там же. Ед. хр. 44523. Л. 3.

⁸³ Там же. Ед. хр. 44397. Л. 3.

⁸⁴ Там же. Ед. хр. 44378. Л. 2.

⁸⁵ Там же. Ед. хр. 44801. Л. 1.

⁸⁶ Там же. Ед. хр. 44531. Л. 3.

⁸⁷ Там же. Ед. хр. 44340. Л. 5.

года на это отделение был конкурс и свободные вакансии отсутствовали. Стремясь любыми путями попасть в университет, 13 сентября 1907 года Владимирова подала прошение о зачислении на историко-филологический факультет, не пользовавшийся особой популярностью, но имевший вакансии. Статус в «шапке» остался прежним⁸⁸. 19 сентября 1907 года, узнав о наличии освободившихся мест на физико-математическом факультете, Владимирова снова переписала прошение, но уже от имени «бывшей слушательницы III курса профессора Лесгафта»⁸⁹.

В декабре 1907 г. как полноправная «вольнотрушательница III семестра физико-математического факультета (естественное отделение) Екатерина Андреевна Владимирова»⁹⁰ подала прошение о временной выдаче подлинника метрического свидетельства в связи с предстоящим замужеством. В ноябре 1908 г., несмотря на Высочайшее повеление, легитимировавшее пребывание женщин в высших учебных заведениях, она в «шапке» очередного прошения обозначила только семейное положение как «жена студента»⁹¹, демонстративно пренебрегая правилами оформления документа. Очевидно, что ей в этот период положение замужней женщины казалось более устойчивым и надежным, чем вольнотрушательницы. Этот вывод косвенно подтверждается тем, что в январе 1909 г. снова было подано прошение, но уже соответствующей формы от имени «вольнотрушательницы Катерины Андреевны Пинкевич»⁹². Заслуживает внимание и тот факт, что после замужества Владимирова поменяла полную форму написания имени, выбрав вариант, используемый в просторечье.

В данном случае один из реквизитов прошения зафиксировал не только эволюцию идентичности от «дочери» через «вольнотрушательницу» к «жене» и снова к «вольнотрушательнице», но и свидетельство осознанного выбора женщиной определенного социального статуса в зависимости от конкретных обстоятельств.

Безусловно, такой внутренний служебный документ как прошение, предназначенный для доведения до сведения должностного лица информации узкой направленности в небольшом объеме, и по

⁸⁸ Там же. Л. 4.

⁸⁹ Там же. Л. 3.

⁹⁰ Там же. Л. 6.

⁹¹ Там же. Л. 7.

⁹² Там же. Л. 9.

форме, и по содержанию предоставлял женщинам ограниченные возможности для самовыражения. Кроме того, рассматриваемая ситуация с «характерной комбинацией социальной и гендерной иерархий»⁹³ диктовала необходимость репрезентировать себя с точки зрения готовности выполнять предписания общества и следовать социально одобряемым нормам поведения.

В то же время предметом специальной рефлексии в женских прошениях являлись не только причины, побудившие их добиваться права на совместное с мужчинами высшее образование и мотивы выбора профессиональной деятельности, но и нормативные утверждения, регулирующие правовое положение женщин, а также способы адаптации в условиях «мужской» высшей школы. При этом стилистическими и содержательными особенностями прошений являлись грамотная и аргументированная письменная речь, изложение деталей собственной биографии и эмоциональность.

Автобиографичность женских прошений в данном случае может рассматриваться как одна из форм саморепрезентации, дававшая возможность подчеркнуть собственную исключительность, а эмоциональность как способ воздействия на должностное лицо, позволявшая добиться желаемого результата. В итоге общение переводилось в привычное для взаимоотношений мужчины и женщины интимное пространство, более гибкое по сравнению с официальным, что позволяло вызвать ответную положительную реакцию со стороны предполагаемого собеседника в виде уважения, понимания, наконец, сочувствия.

Таким образом, анализ текста женских прошений, связанных с появлением вольнослушательниц в российских высших учебных заведениях в начале XX века, позволил понять, как женщины воспринимали окружающую их действительность, проследить, какие стратегии и тактики ими использовались в стремлении достичь цели, наконец, получить информацию об университетской повседневной жизни от непосредственных участниц событий.

Руднева Яна Борисовна
кандидат исторических наук, доцент
Набережночелнинский торгово-технологический институт
Тел.: 7 (8552) 58–70–79, E-mail: ya.rudneva@rambler.ru

⁹³ Ретина Л. П. Указ. соч. С. 346.

ЖЕНЩИНЫ В ИСТОРИОГРАФИИ

И. Е. Рудковская

ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ

В ТРАКТОВКЕ В. РОБЕРТСОНА
И Н. М. КАРАМЗИНА

Ключевые слова: отечественная и английская историография XVIII в.; В. Робертсон; Н.М. Карамзин; репрезентация власти; женщины в политике

Аннотация: В статье предпринят опыт компаративного анализа представленных Робертсоном и Карамзиным портретных характеристик женщин-правительниц, в которых отразилось отношение историков позднего Просвещения в проблеме легитимности женского правления.

То внимание «к распространению и бытованию идей, а не только к их рождению»¹, которое характерно для современной науки, настраивает на выявление волн влияния, расходившихся от крупнейших исторических произведений, пересекавших государственные границы и создававших интеллектуальную атмосферу эпохи. К числу таких произведений, без сомнения, принадлежит «История государства Российского» Н. М. Карамзина, как и труды его европейских предшественников, виднейших представителей англо-шотландской историографической школы второй половины XVIII в., Д. Юма, В. Робертсона и Э. Гиббона. Произведения этих историков, известных как «Исторический триумвират Британии», являлись для Карамзина значимым образцом². В основе данного исследования — тексты исторических работ Вильяма Робертсона

¹ *Ретина Л. П.* Интеллектуальная история в человеческом измерении // Человек второго плана в истории. Вып. 3. Ростов-на-Дону, 2006. С. 12.

² *Карамзин Н. М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 252–254; *Рудковская И. Е.* Н. М. Карамзин и англо-шотландская историографическая традиция второй половины XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. № 281. Серия «История. Краеведение. Этнология. Археология». Март 2004 г. С. 142–148.

(1721–1793), и Н. М. Карамзина. «История Шотландии в царствование королевы Марии и короля Якова VI» Робертсона³ и «История государства Российского» Карамзина оказались поистине событиями для читателей, открывавших по ним для себя отечественную историю. Труд Робертсона, ставший первым крупным историческим произведением по истории Шотландии, был его первым историческим исследованием и увидел свет в начале февраля 1759 г. Он был встречен публикой, по свидетельству его биографов, с таким безграничным одобрением, что уже в конце того же месяца пришлось начать работу по подготовке второго издания⁴. А из-за выхода первых восьми томов «Истории государства Российского», как известно, Невский проспект опустел: все бросились читать Карамзина.

Для просвещенных современников В. Робертсона, родившегося спустя шесть лет после смерти королевы Анны, женские правления были отдаленным прошлым: короли Георги из Ганноверской династии надолго заняли королевский престол, символически представляя эпоху не только при отцах, но и при внуках и правнуках первых читателей «Истории Шотландии». Напротив, половина жизни Н. М. Карамзина пришлась на правление Екатерины II: его читатели хранили в памяти либо личные воспоминания, либо семейные предания о длительной эпохе женских правлений в России предшествующего столетия. В данной работе предпринят опыт компаративного анализа представленных Робертсоном и Карамзиным портретных характеристик женщин–правительниц, в которых отразилось отношение историков позднего Просвещения в проблеме легитимности женского правления.

Успех «Истории Шотландии» у читателей позволяет судить о востребованности детально прорисованных Робертсоном образов женщин–правительниц, главных героинь его повествования, Марии Стюарт и Елизаветы Тюдор. Они, бесспорно, являются «каноническими фигурами» на фоне огромного количества лиц (включая и Якова VI), которых правомерно отнести к персонажам «второго и третьего плана»⁵. Взаимообусловленность судеб Марии и Елизаве-

³ Robertson W. The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volumes. V. I – III. Edinburgh-London, 1819.

⁴ The life of Dr. Robertson // Robertson W. The works of W. Robertson. V. I. P. XXXVII–XXXVIII.

⁵ Репина Л. П. Указ. соч. С. 12.

ты подтверждается структурой работы: их пути пересекаются в пяти из восьми книг «Истории Шотландии»⁶. Очевидно, было бы преувеличением утверждать, что успехом своего первого исторического сочинения Робертсон обязан лишь образам английской и шотландской королев. Значимой была сама систематизация сведений по шотландской истории, ярким было воспроизведение внутривластной борьбы, раскручиваемой политической элитой в контакте с элитами других европейских государств, интересен был акцент на балансе сил в Европе, часто нарушаемом, но подлежащем восстановлению. Тем не менее, центральной сюжетной линией было противостояние, соперничество и взаимозависимость двух женщин-властительниц. С точки зрения современных исследователей, они оказались на политическом Олимпе в эпоху ранней модернизации, которой свойственно изменение кодов гендерного сознания⁷. И сила, и слабость Елизаветы и Марии едва ли не в равной степени предопределили конкретику совершавшегося политического процесса. По иронии судьбы, сын одной из них по воле другой уже в начале следующего, XVII столетия, встанет во главе Англии и Шотландии, объединенных монаршей властью.

На страницах «Истории Шотландии» нельзя не видеть сложного взаимодействия трех временных пластов:

- ранней истории Шотландии (с древнейших времен до середины XVI столетия), заложившей те стереотипы поведения и ценности, которые определяли поведение главных героинь и их современников;
- второй половины XVI столетия (до 1603 г.), когда разворачивались события основной части книги⁸;
- середины XVIII столетия — времени создания книги.

Как отмечает Л. П. Репина, «историческая ситуация и события XVI века, и в том числе появление в результате династических инцидентов во многих странах Европы государей женского пола и регентствующих матерей при несовершеннолетних монархах (Изабелла в Кастилии, Мария и Елизавета Тюдор — в Англии, Ма-

⁶ Robertson W. The history of Scotland. B. III–VII.

⁷ Зайцева Т. М. Королева Клод и герцогиня Сабина: к вопросу о гендерной идентичности европейской правящей элиты в эпоху ранней модернизации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008. Вып. 23. С. 227.

⁸ Robertson W. The history of Scotland. V. II–III. B. III–VIII.

рия Стюарт — в Шотландии, Екатерина Медичи и Анна Австрийская — во Франции и др.) оставили яркий след в политической мысли этого времени». Резко негативному восприятию женского правления английскими пуританами и шотландскими кальвинистами противостояла позиция придворных авторов елизаветинского времени, предлагавших различать королеву как персону и как воплощение власти (своеобразная концепция «расщепленной идентичности» Джона Эйлмера)⁹.

Елизавета раньше Марии Стюарт появляется на страницах исследования Робертсона и позже покидает его, будучи политическим долгожителем и, бесспорно, центральной фигурой европейской политики своего времени. Сочетание осторожности и решительности, тщательного продумывания и быстрого, энергичного исполнения наложенных резолюций сделало правление Елизаветы, по словам Робертсона, замечательным¹⁰.

Правление Марии Стюарт не было первым женским правлением в Шотландии в XVI в.: ему предшествовало правление ее матери, Марии Гиз, Queen Regent, в период малолетства («minority») Марии Стюарт (1542–1560). Подводя итоги этому периоду, Робертсон признает Марию Гиз, умершую в разгар осады Эдинбурга французскими войсками, скорее инструментом, нежели причиной тех бедствий, которые обрушились на Шотландию в те годы. Ни одна принцесса, отметил историк, не обладала когда-либо достоинствами, более способными сделать ее управление знаменитым, а королевство счастливым¹¹. Это замечание можно рассматривать как признание правомерности, возможной эффективности и даже ординарности женских правлений. Наделенная пронизательностью, тактом, неустрашимая и равно благоразумная, мягкая и гуманная, но без слабости, усердная в вере без фанатизма, поклонница справедливости, но без суровости, Мария Гиз, руководствуясь интересами родной ей Франции, пришла к печальному финалу: ее правление оказалось несчастным, а имя — ненавистным¹².

⁹ Репина Л. П. От «домашних дел» к «делам государства»: гендер и власть в историческом контексте // Диалог со временем. М., 2007. Вып. 19. С. 21–23.

¹⁰ Robertson W. The history of Scotland. V. I. B. III. P. 14.

¹¹ Ibid. P. 20–21.

¹² Ibid. P. 21.

Наследница шотландского престола, Мария Стюарт, являлась на тот момент французской королевой, женой ставшего в 1559 г. королем Франциска II, человека «слабого телосложения и посредственного разума», над которым, благодаря обаянию своей красоты, Мария Стюарт приобрела полную власть. Это привело к чрезмерному вмешательству Франции в шотландские дела. Политика в целом определялась родственниками жены, а не монаршей волей, поэтому известие о смерти правителя было воспринято шотландцами с неподдающимися описанию выражениями радости¹³. В данном случае, власть слабого короля, представлена Робертсоном как непривлекательная альтернатива власти сильной женщины, которая в 1561 г. вступила на шотландский престол, покинув французское королевство, которое, по словам историка, «было единственной сценой в ее жизни, где ей улыбалась фортуна»¹⁴. С этого момента Мария Стюарт, ранее лишь изредка упоминавшаяся, преимущественно наряду с королем («King and Qween», «Francis and Mary») ¹⁵, становится центральной фигурой повествования.

Именно в связи с событиями этого переломного в судьбе Марии года Робертсон дал сравнительную характеристику личных достоинств Елизаветы и Марии, в противостоянии которых, по его мнению, не последнюю роль играла ревнивая неприязнь Елизаветы. Отмечая экстраординарные достоинства Елизаветы, Робертсон рассматривал как явные слабости ее внимание к одежде, заботливость в плане выставления напоказ своих чар, ее любовь к лести. Отсюда ощущение у Елизаветы уязвимости своей позиции, возникающее с появлением на политическом горизонте Марии: заметно уступая Марии в красоте и изяществе, хотя и значительно превосходя ее в политических способностях и в искусстве управления, она не могла не понимать, насколько Мария выигрывала от сравнения с нею, а потому завидовала ей и ненавидела как затмившую ее соперницу¹⁶. Мария же, с его точки зрения, была самой привлекательной женщиной столетия, к тому же молва о ее способностях соединялась «с благоприятным обстоятельством обладания уже одним королевством и перспективой достижения трона другого»¹⁷.

¹³ Ibid. P. 37, 39.

¹⁴ Ibid. P. 56.

¹⁵ Ibid. P. 25–26, 34–36.

¹⁶ Ibid. P. 54.

¹⁷ Ibid. P. 8.

Это позволило Робертсону не без иронии заметить, что не было в этот век события, сильнее возбуждавшего политические опасения и ревность, дававшего рост более противоречивым интригам, нежели замужество шотландской королевы¹⁸. Историк, проанализировав рассматривавшиеся Елизаветой различные варианты решения судьбы Марии, выделил личное влияние, красоту, манеры, страдания последней, вызывавшие восхищение и сочувствие, в качестве тех факторов, которые, помимо происхождения от их общего предка, Генриха VII, могли, как опасалась Елизавета, склонить англичан поддержать претензии Марии на английский престол¹⁹. Легитимация, таким образом, могла иметь место при наличии признаков традиционной легитимности, дополняемой харизмой претендентки. Позднее, подводя итог ее жизненному пути, Робертсон снова акцентировал внимание читателей на незаурядной красоте Марии Стюарт, подробно описав ее внешность, музыкальность, умение танцевать и т. д.²⁰, что, вероятно, должно было сделать его исторический труд более привлекательным для читающей аудитории.

Внешне в политической практике Елизаветы меньше проявлений стереотипов женского поведения. Властные полномочия, возложенные судьбой на ту и другую героиню, вынуждали их выстраивать сложную роль, основанную на непростом сочетании начал, которые воспринимались в обществе как мужские и женские, что особенно заметно в критических ситуациях, неожиданно трансформировавших привычные линии поведения. Ряд жестких решений твердо державшей бразды правления Елизаветы (арест, заточение, казнь Марии Стюарт) определялись, по Робертсону, скорее ее женской природой, а претензии шотландской королевы на английский престол использовались как повод для устранения соперницы. В этом его позиция расходилась с трактовкой Д. Юма, который в своей «Истории Англии» отметил, говоря о событиях еще только 1559 г., что, будучи информирована о претензиях мужа Марии Франциска II на английский престол, Елизавета начала рассматривать и его, и королеву как своих смертельных врагов²¹.

¹⁸ Ibid. P. 89.

¹⁹ Ibid. B. V., P. 260–262.

²⁰ Ibid. V. III, B. VII, P. 68–69.

²¹ *Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. V. I–VIII. L., 1862. P. 309.

Более женственная Мария Стюарт, в которой Робертсон предлагал видеть «приятную женщину скорее, нежели королеву»²², проявляла в то же время в экстремальных ситуациях поистине мужское самообладание, утрачивая его в периоды относительного спокойствия. Робертсон ярко обрисовал обстоятельства последних дней, часов жизни обеих королев, отчетливо расставляя смысловые акценты. Сполна вкусившая власть, Елизавета умирала, как слабая женщина, мучительно вспоминая казненного за два года до ее смерти графа Эссекса²³. Нельзя не отметить, что особенности предсмертного поведения Елизаветы могли трактоваться и иначе: Д. Юм, например, видел в этом преимущественно следствие болезни и старости²⁴.

Смерть же Марии Стюарт, в трактовке Робертсона, была смертью королевы, всем своим поведением подчеркивавшей несправедливость лишения ее престола. Утрата власти оттеснила на второй план личные привязанности, что нашло отражение в ее последних словах, адресованных сыну, в пользу которого ее вынудили отречься. По просьбе Марии А. Мелвилл, направлявшийся в Шотландию, должен был передать Якову VI, что она не сделала ничего во вред его королевству, его чести или его правам, и что Бог простит всех тех, кто жаждал, без причины, ее крови²⁵.

Презумпция равноценности мужского и женского правления в труде Робертсона подтверждалась и анализом уходящей в глубь веков истории прецедентов, свидетельствовавших о постоянных проблемах с обретением власти, характерных и для представителей сильного пола. Подтверждением тому служили, в частности, периоды регентства при малолетних принцах, которым затем не всегда удавалось добиться усиления королевской власти (см., напр., описание «minority» Давида II, Якова II, Якова V)²⁶. В первом томе «Истории Шотландии» Робертсон акцентировал внимание читателей на том, что «из шести наследных принцев от Роберта III до Якова VI ни один не умер естественной смертью и minority в течение этого времени были дольше и чаще, нежели когда-либо случались в любом другом королевстве»²⁷. Речь в данном случае шла о

²² Robertson W. The history of Scotland. B. VII. P. 67.

²³ Ibid. B. VIII, P. 180–182.

²⁴ Hume D. The history of England. P. 352.

²⁵ Robertson W. The history of Scotland... B. VII. P. 62–66.

²⁶ Ibid. V. I. B. I. P. 35–38.

²⁷ Ibid. P. 33–34.

периоде с 1390 по 1542 гг. Таким образом, даже информация о периодах, представленных исключительно правителями-мужчинами, способствовала закреплению в общественном сознании возможно-го гендерного равенства в политической сфере.

О толерантности позиции В. Робертсона свидетельствует и то обстоятельство, что он не воспользовался в «Истории Шотландии» слабостями той и другой героини для формулирования вывода о преимуществах мужского правления, хотя, наступившая в Соединенном Королевстве после смерти в 1714 г. слабой королевы Анны эпоха мужских правлений, казалось бы, давала повод для подобных рассуждений. Возможно, это отчасти объяснялось политической индифферентностью королей Ганноверской династии. Подход историка — не только отражение сложившейся в Европе XVI в. практики престолонаследия, расходившейся с преобладавшими негативистскими теориями относительно женского правления, но и позиция, предопределенная системой ценностей человека эпохи Просвещения.

Вывод о том, что для Робертсона участие женщин в политике не представлялось экстраординарным, подтверждает и анализ текста наиболее известного его труда «История государственного императора Карла V». Воссоздавая обстоятельства примирения главного героя с Франциском I и отметив, не без иронии, что «две женщины вознамерились доставить Европе вождеденное для нея благо», Робертсон тем не менее подчеркнул, что выступившие миротворцами Луиза Савойская и Маргарита Австрийская «обладали глубокими познаниями в делах государственных, совершенно знали тайны своих Дворов»²⁸.

Участие женщин в делах управления не было явлением исключительным и для Карамзина: выросший, сформировавшийся как личность в эпоху Екатерины II, ориентированный на достижения исследователей англо-шотландской исторической школы, трудами Робертсона показавшей возможный блеск и величие женского правления, историк в данном отношении также следовал духу и букве века Просвещения²⁹.

²⁸ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. I. М., 1839. С. 22–23.

²⁹ Рудковская И. Е. Политический мир Древней Руси в главном труде Н. М. Карамзина // Диалог со временем М., 2006. С. 12–54.

Поскольку авторский вариант структурирования текста позволяет представить общий контур приоритетов исследователей, компаративный анализ работ В. Робертсона и Н. М. Карамзина следует начать с вариантов гендерного дискурса, выведенных на уровень оглавлений. Сопоставление получаемых таким путем данных с информацией из основного текста позволит выявить то общее и особенное, что присуще их подходам к проблеме. В данном случае представляется более корректным сопоставить структуру *главных* трудов историков, где, в отличие от «Истории Шотландии», доминируют мужские правления.

Таблицы позволяют говорить о большем внимании Карамзина к фактам рождения и, особенно в силу практики престолонаследия, смерти представительниц политической элиты. Рубрики, фиксирующие рождение или кончину в «Истории» Карамзина, характерны в основном для томов, посвященных Московскому царству с его единственной династией, в отличие от томов по удельному периоду. Вероятно, дробность политического пространства, обуславливая множественность образов женщин, принадлежавших к политически активному слою древнерусского общества, не позволила Карамзину выделить после княгини Ольги и вплоть до Софьи Палеолог тех, чья кончина воспринималась бы как социально значимое явление, достойное особой рубрики в истории государства. Робертсон же, воссоздавая изобиловавшую династиями общеевропейскую историю, считал уместным привлечь внимание лишь к тем фактам рождения и смерти, которые влияли на складывавшийся баланс сил в Европе, и которые, как в случае смерти Изабеллы, были связаны с завещанием, с проблемой наследования престола, что также нашло отражение на уровне оглавления³⁰.

Не подлежит сомнению преимущественное внимание и шотландского, и российского историков к проблеме брачных союзов. В оглавлении труда В. Робертсона один из браков (императора Максимилиана и наследницы Бургундского дома) выделен в числе трех важнейших происшествий, обусловивших «умножение связей между Европейскими народами», наряду с вторжением Карла VIII в Италию и Камбрейским союзом³¹. Что касается «Истории» Карамзина, в трех ее томах, наряду с фиксацией конкретных браков, были даже

³⁰ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. II. Кн I.

³¹ Там же. Т. I. С. XVIII.

введены обобщающие рубрики («Брачные союзы», «Браки», «Союзы и браки»), как некий итог за определенный период³². Предопределенный спецификой удельного периода рекорд был установлен в III главе III тома: здесь дважды фигурировали «Браки» и упомянут единственный брак («Княжна Евфимия за Греческим Царевичем»).

Помимо вариантов, внесенных в таблицу 2, в оглавлениях «Истории» Карамзина встречаем и единичные рубрики: «Брачное целомудрие», «Жены и дети», «Женолюбие»³³, «Древнейшее описание Княжеской свадьбы»³⁴, «Великокняжеская свадьба»³⁵. Непосредственно в тексте «Истории государства Российского» Карамзин приводил данные, знакомившие читателей с географическими приоритетами династических браков Руси. Максимум упоминаний о них (34) приходится на второй том, причем они абсолютно преобладают над браками внутри рода Рюриковичей (5).

Как следует из таблицы 3, приоритеты по нисходящей выстраивались так: Польша — 7, Венгрия — 6, Византия — 5, Германия — 4, Швеция, Норвегия, Половецкая земля — по 2, Англия, Франция, Дания, Моравия, Абхазия, Вендская держава — по 1.

Что касается брачных союзов государей с их подданными, то Карамзин отчетливо сформулировал отношение к ним, отметив, в связи с женитьбой Василия III на Соломонии, что политика такие браки осуждает, причем «особенно в Правлениях Самодержавных», так как «свойственники требуют отличия без достоинств, милостей без заслуг»³⁶. Рассуждая о причинах и последствиях первого брака Василия III, Карамзин выделил и благие намерения, побуждавшие к его заключению, и его негативное отложенное влияние на судьбу России. Он предполагал, что, возможно, Иоанн III, заключая этот брак, «лучше хотел вступить в свойство с простым Дворянином, нежели с Князем или с Боярином», с их претензиями и амбициями. Но в отдаленной перспективе произошло то, чего «мудрый Иоанн не предвидел»: «сей брак, приблизив Годуновых, ее родственников, ко трону, будет виною ужасных для России бедствий и гибели Царского Дома!»³⁷.

³² Карамзин Н. М. История государства Российского. М., Т. II. Гл. II, VI, X, XVI; Т. III. Гл. III; Т. IV. Гл. VI, X.

³³ Там же. Т. I. Гл. III, IX.

³⁴ Там же. Т. VI. Гл. VII.

³⁵ Там же. Т. VII. Гл. IV.

³⁶ Там же. Т. VI. М., 1998. С. 204.

³⁷ Там же. С. 205.

Таблица 1. Женщины в политике
(по оглавлению главного труда В. Робертсона)

История государства императора Карла V	Т. 1 Отд. I - III	Т. 2 Кн. I - IV	Т. 3 Кн. V – IX	Т. 4 Кн. X – XII
рождение / кончина		/1		/1
браки	1	3		2
качества личности		3		
дипломатическая миссия		3		1
правление	1	2		1

Таблица 2. Женщины в политике
(по оглавлению главного труда Н.М. Карамзина)

История государства Российского	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XI I
рождение / кончина	/1					/2	/1	/2	/2	1/1		
браки	3	7	3	5	1	5	2	1	7		1	1
качества личности	1		1		2			1	1	1		2
дипломат. миссия							1		2			
правление	1											

Из текстов двух «Историй» очевидно, что, при несомненном интересе, отношении к проблеме брачных союзов у Робертсона и Карамзина заметно отличалось. Для Робертсона браки были значимы прежде всего как фактор, способствующий складыванию системы международных отношений. Карамзин же, признавая значимость таких союзов, отнюдь не считал их политическую мотивацию соответствующей этическим нормам: под 1094 годом, в рубрике «Брак Святополков», он писал, что этот князь, не имея «счастья воинского», «надеялся иным способом обезоружить Половцев, и женился на дочери их Князя Тугоркана», отметив далее, что «сей родственный союз... мог быть оправдан одною государственною пользою»³⁸.

³⁸ Там же. Т. II–III. М. 1991. С. 68.

**Таблица 3. Династические браки Руси XI — сер. XII вв.
(по материалам II-го тома «Истории государства Российского»)**

Данные о женихе / невесте из рода Рюриковичей	Данные о женихе / невесте из иноземцев
Святополк	дочь польского короля Болеслава
Ярослав	Ингигерда (Анна), дочь шведского короля Олафа
Мария (Доброгнева), дочь Владимира	Польский король Казимир
Елисавета, дочь Ярослава	Норвежский принц Гаральд
Анна, дочь Ярослава	Французский король Генрик I
Анастасия, дочь Ярослава	Венгерский король Андрей I
Владимир Мономах	Гида, дочь английского короля Гаральда
Изяслав, сын Ярослава	сестра польского короля Казимира
сестра Ярослава	польский король Казимир
Всеволод, сын Ярослава	Византийская (греческая) царица
Вячеслав, сын Ярослава	Ода, дочь Леопольда, графа Штадского (Германия)
Игорь, сын Ярослава	Кунигунда, Орламиндская графиня (Германия)
княжна российская	польский король Болеслав II
Агнесса (Адельгейда), дочь Всеволода	маркграф Штаденский (Германия)
Она же	Генрик IV, германский император
Евпраксия, дочь Изяслава	Сын польского короля Болеслава II
Святополк	дочь половецкого князя Тугоркана
Сбыслава, дочь Святополка	польский король Болеслав Кривоустый
Передслава, вторая дочь Святополка	сын венгерского короля Коломана, (Ладислав или Николай)
дочь Володаря, племянница Василька	византийский царевич (Андроник или Исаакий)
Евфимия, дочь Мономаха	венгерский король Коломан
Мария, дочь Мономаха	византийский царевич Леон
Андрей, сын Мономаха	внучка половецкого князя Тугоркана
Мстислав, сын Мономаха и Гиды	Христина, дочь шведского короля Инга Стенкильсона
Мальфрида, дочь Мстислава	норвежский король Сигурд
она же	датский король Эрик Эдмунд
Ингеборг, дочь Мстислава	король ободритов Канут Святой
третья дочь Мстислава	византийский царевич Алексей
Борис, сын Евфимии, дочери Мономаха	родственница византийского императора Мануила
князь новгородский Святополк	родственница богемского короля
Евфросиния, сестра вел. князя Изяслава	венгерский король Гейза
Владимир, сын Мстислава	дочь Бана, родственника венгерского короля Гейзы
великий князь Изяслав	княжна абазинская (Абхазия)
дочь Ярослава, князя галицкого	венгерский король Стефан III

Стоит отметить также внимание того и другого историка к несостоявшимся бракам, тем более что интерес к ним, как к самостоятельной проблеме, недавно обозначился в гендерных исследованиях³⁹. Для Робертсона значимость несостоявшихся браков, даже когда «оба Государя никогда и не помышляли об них за-правду», определялась тем, что сватовство «подало повод ко многим взаимным изъявлениям доброжелательства»⁴⁰. Как значимый элемент государственной политики, и международной, и династической, рассматривал их и Карамзин. Он вводил в достаточно пространственный нарратив, посвященный этим событиям, собственную этическую оценку происходящего, причем не только с точки зрения сиюминутной дипломатической игры, но и с позиции сложившейся практики династических браков в России и в Европе. Характеризуя намерение Ивана Грозного «еще более укрепить дружественную связь с Елизаветою» женитьбой на знатной невесте из Англии, Карамзин оставил интересные замечания, позволяющие судить о том, что для Карамзина был вполне сопоставим аморализм российского правителя и английской королевы, по крайней мере, в области матримониальных проектов. Именно об этом свидетельствует, думается, его тезис, обращенный к читателям «Истории государства Российского»:

«Дочь Генрика VIII, мужа шести жен, не дивилась, что царь, имея супругу, ищет другой; но хотела заблаговременно, торжественным договором, утвердить права будущей царицы и детей ее»⁴¹.

Иоанн же не оставил свой замысел даже в связи с рождением царевича Дмитрия, «столь несчастного для себя и России, невинного виновника долговременных злодейств и бедствий»⁴².

Если в матримониальных планах Ивана IV, согласно тексту Карамзина, преобладали виды укрепления международных связей, то в намерении Бориса Годунова «доставить счастье Ксении и выгоды государству супружеством с герцогом Иоанном» историк усматривал, прежде всего, стремление укрепить династию, «таким союзом

³⁹ Лабутина Т. Л. «Несостоявшийся брак». Матримониальные прожекты русских царей в XVI–XVII веках // Диалог со временем. Вып. 23. С. 266–281.

⁴⁰ Робертсон В. История государственного императора Карла V. Т. III. М., 1839. С. 129–130.

⁴¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. IX. СПб., 1831. С. 489.

⁴² Там же.

возвысить блеск своему Дому в глазах бояр и князей российских, которые еще недавно видели Годуновых ниже себя»⁴³. В то же время, Карамзин настойчиво повторял, что царь хотел и счастья Ксении⁴⁴, что, вероятно, следует рассматривать как признание большего, с его точки зрения, соответствия планов Бориса этическим нормам, в связи с убежденностью историка в том, что перспектива женского счастья в браке есть необходимое условие его заключения.

Акцент на этическом аспекте истории обусловил и внимание Карамзина к личностным качествам представительниц политической элиты, чье поведение, в силу особого положения в обществе, формировало модели нравственного либо безнравственного поведения. В связи с этим в оглавление вынесены свойства женщин, принадлежавших к правящей династии: «Мудрость Ольгина», «Добродетель супруги Донского», «Добродетели Анастасии», «Злонравие супруги Иоанновой»⁴⁵. В оглавлении труда Робертсона тоже встречаются определения, внешне сходные с теми, что дает Карамзин, но они, как правило, фиксируют некий процесс: «Заботливость Изабеллы о своей дочери», «Умственное расстройство Изабеллы увеличивается», «Жена Падиллы мужественно защищает Толедо»⁴⁶.

Отмеченные в структуре труда Карамзина события из области «женской» дипломатии определялись деятельностью исключительно зарубежных современниц российских княгинь и цариц — жены крымского хана Менгли-Гирея Нурсултан⁴⁷, королевы Елизаветы⁴⁸. Дипломатия последней фигурировала и в оглавлении труда В. Робертсона: историк выделил и то обстоятельство, что дружества Елизаветы ищут короли Генрих и Филипп, и «Виды Елизаветы», и то, что она «уполномочивает своих посланников вести мирные переговоры»⁴⁹.

Европейский масштаб труда Робертсона предопределил возможность включения в оглавление и совместных усилий Изабеллы и Фердинанда по распространению власти Испанских Королей, и мер Марии, направленных на то, чтобы «ниспровергнуть Протес-

⁴³ Там же. Т. XI. СПб., 1831. С. 46.

⁴⁴ Там же. С. 46, 56, 57.

⁴⁵ Там же. Т. I. Гл. VII; Т. V. Гл. II; Т. VIII. Гл. III; Т. IX. Гл. I.

⁴⁶ Робертсон В. История государствования... Т. II. Кн. I, III.

⁴⁷ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII. Гл. II.

⁴⁸ Там же. Т. IX. Гл. III, VII.

⁴⁹ Робертсон В. История государствования... Т. IV. Кн. XII.

тантскую Веру в Англии»⁵⁰, тогда как Карамзин обозначил в оглавлении как собственно правление только княжение Ольги⁵¹. Правда, его значимость, точнее, сам факт его существования ставился под вопрос в начальных строках восьмого тома. Карамзин, не считая нужным ввести в оглавление рубрику, посвященную правлению Елены Глинской, тем не менее подчеркнул здесь исключительность правления «юной жены и чужеземки, литовского ненавистного рода». Историк позволил себе в данном случае допустить возможность изъятия первого женского правления из отечественной истории, говоря: «если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу»⁵². Текст «Истории» свидетельствует, тем не менее, о том, что полуполюгендарное правление той, которую он буквально через несколько строк назвал «бессмертной супругою Игоря»⁵³, оценивалось им выше, чем все предшествовавшие мужские правления, ибо «Великие Князья до времен Ольгиных воевали: она правила Государством»⁵⁴ и «мудрым правлением доказала, что слабая жена может иногда равняться с великими мужами»⁵⁵.

Говоря «может иногда», историк признавал, скорее, проблематичность закрепления феномена женских правлений на Руси в силу специфики положения женщины в традиционном славянском обществе, где жены считались «совершенными рабами»⁵⁶, а не экстраординарность женских правлений вообще. Уже текст первого крупного исторического произведения Карамзина — «Исторического похвального слова Екатерине II» — содержал свидетельства убежденности Карамзина в возможности для женщин-правительниц попасть в число тех «любимцев Неба», которые «решат судьбу человечества»⁵⁷. В «Истории государства Российского», подводя итоги кровавому царствованию Ивана Грозного, историк поставил Екатерину II, вместе с Петром Великим и подразумевав-

⁵⁰ Там же. Т. I. Отд. III; Т. IV. Кн. XI.

⁵¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. I. Гл. VII.

⁵² Там же. Т. VIII. СПб., 1831. С. 2. Вероятно, Карамзин неявно использовал здесь аргументацию представителей скептической школы для расширения пространства диалога с читателем в тексте «Истории».

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. Т. I. М., 1989. С. 129.

⁵⁵ Там же. С. 102, 120.

⁵⁶ Там же. С. 129, 102, 120, 65.

⁵⁷ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. СПб., 1848. С. 275.

шимся, так как «История не любит именовать живых», Александром I, в ряд тех правителей, которых выстрадала Россия в эпоху царя-мучителя, тех, кто явился «в лучшие времена»⁵⁸.

Общий итог правления Ольги, подведенный Карамзиным, звучал афористично: «Предание нарекло Ольгу *Хитрою*, Церковь *Святою*, История *Мудрою*»⁵⁹. В ее правлении и деятельности Карамзин выделил два периода, судя по контексту, одинаково ценные для истории: период утверждения внутреннего порядка государства; и эпоху славы ее в нашей Церковной Истории»⁶⁰.

Высота первого периода, по Карамзину, определялась тем, что, учреждая «порядок в Государстве обширном и новом», Ольга «умела соблюсти тишину в стране своей и мир с чуждыми до совершенного возраста Святослава»⁶¹. В связи с «мстостью неумолимой», открывшей период княжения Ольги, Карамзин сформулировал один из своих наиболее значимых принципов, касавшихся проблемы личности в истории: «мы должны судить о Героях Истории по обычаям и нравам их времени»⁶². Самой, пожалуй, важной особенностью ее правления Карамзин считал то, что она «не писала, может быть, законов, но давала уставы, самые простые и самые нужнейшие для людей в юности гражданских обществ»⁶³. Здесь, по сути, сформулирован еще один важнейший принцип, без учета которого, по Карамзину, нельзя адекватно подвести итоги тому или иному правлению, оценить реформаторскую деятельность Героев истории: принцип соответствия реформ в законодательной, управленческой сфере уровню правового, гражданского развития общества. Значимым, полагал историк, было и то, что при Ольге Россия «стала известною и в самых отдаленных странах Европы»⁶⁴.

Второй период у Карамзина оставлен хронологически открытым, поскольку, «сделавшись ревностною Христианкою», Ольга служила «убедительным примером для Владимира и предуготовила торжество истинной Веры в нашем отечестве»⁶⁵. Историк тщательно

⁵⁸ *Он же*. История государства Российского. Т. IX. С. 503–504.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же. С. 123.

⁶¹ Там же. Т. I. С. 129.

⁶² Там же. С. 122.

⁶³ Там же. С. 129.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С. 130.

сопоставил в примечаниях свидетельства источников о ее крещении, о нетленности ее мощей⁶⁶, он регулярно обращался к образу княгини Ольги на протяжении всего текста «Истории». «Век Ольгин» выступал в роли некой точки отсчета⁶⁷, «послы Ольгины» оказывались актуальны в связи с ростом международного престижа государства Российского⁶⁸, гроб Ольгин упоминался как утраченный, священный для Россиян памятник⁶⁹. Особенно важными представлялись историческому событию на псковской земле, описанные «летописцем Ольгиной родины»⁷⁰: «знаменитая отчизна Святой Ольги»⁷¹, «Ольгин град»⁷² выступали в тексте «Истории государства Российского» поистине как место памяти, как символическая репрезентация исторического прошлого⁷³. Ее образ, наряду с образом Екатерины II, должен был способствовать закреплению в сознании читателей «Истории государства Российского» представления, как минимум, о возможности позитивного взгляда на проблему женских правлений.

Неоднократно упоминались в оглавлениях Софья Палеолог⁷⁴, Елена Глинская⁷⁵, Царица Ирина⁷⁶, царица–инокиня Марфа, мать царевича Дмитрия⁷⁷. Несколько раз выходили на уровень оглавлений имена представительниц политической элиты в связи с пострижением⁷⁸, есть упоминания об их заключении⁷⁹, ссылке⁸⁰ или прощении⁸¹.

Абсолютное лидерство по числу упоминаний в оглавлении принадлежит Марине Мнишек: «Путешествие воеводы Сендомирского с Мариною», «Въезд Марины в столицу», «щадят Марину»,

⁶⁶ Там же. С. 270–272, 294.

⁶⁷ Там же. Т. VI. С. 119.

⁶⁸ Там же. 128.

⁶⁹ Там же. Т. IV. М., 1992. С. 12.

⁷⁰ Там же. Т. VII. С. 45.

⁷¹ Там же. С. 20; Т. V. М., 1993. С. 193; Т. XI. С. 143.

⁷² Там же. Т. IX. С. 403.

⁷³ Репина Л. П. Память и историописание // История и память. Историческая культура Европы до начала Нового времени. М., 2006. С. 23.

⁷⁴ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VI. Гл. II, VI, VII.

⁷⁵ Там же. Т. VIII. Гл. I.

⁷⁶ Там же. Т. X. Гл. II, III.

⁷⁷ Там же. Т. T. XI. Гл. IV.

⁷⁸ Там же. Т. VII. Гл. III; Т. IX. Гл. I; Т. X. Гл. III; Т. XI. Гл. IV.

⁷⁹ Там же. Т. VI. Гл. VI.

⁸⁰ Там же. Т. X. Гл. I.

⁸¹ Там же. Т. VIII. Гл. II.

«Гордость Марины», «Марина и Мнишек у Самозванца», «Высокомерие Марины», «Бегство Марины», «Марина в Калуге», «Умысел Заруцкого и Марины»⁸². Учитывая резко негативную оценку, данную ей Карамзиным в тексте «Истории», можно рассматривать посвященные ей строки как своего рода этический эпицентр гендерного дискурса. Величавшаяся «саном театральной царицы», «срамная вдова двух обманщиков», которая «хотела жить или умереть царицею», в отчаянии не теряя ни ума, ни властолюбия, «бесстыдная Марина с своею поруганною красотою»⁸³ противопоставлена Карамзиным царицам, названным им истинно благоверными и добродетельными. Историк явно разделял резко негативное отношение современников происходивших в Московском царстве событий к тому, что Марина, «Польская Шляхетка», была удостоена еще до брака с Лжедмитрием царского венчания, «величия неслыханного и не доступного для самих цариц, для Анастасии, Ирины и Марии Годуновой»⁸⁴.

Анализ основного текста главного труда Карамзина, соотнесенный с его структурой, как видим, дает возможность приблизиться к пониманию смысловых акцентов, расставлявшихся историком. Основные варианты гендерного дискурса непосредственно в тексте «Истории государства Российского» систематизированы в предлагаемой таблице. Как следует из таблицы, в «Истории государства Российского» упоминания о тех или иных представительницах прекрасного пола абсолютно преобладали над сколько-нибудь развернутыми их характеристиками. Принадлежность к политической элите определяла лишь частоту упоминаний. Как правило, эти упоминания не бы ли связаны с какой-либо политической миссией, еще реже женщинам удавалось влиять на принимаемые решения.

Значимой политической миссией представлена Карамзиным деятельность матерей малолетних князей по отстаиванию их права на княжение. Карамзин отметил переговоры, которые вела мать Даниила Галицкого с Государем Венгерским, Королем Галиции Андреем, позитивно оценил ее решение удалиться «от света в тишину монастырскую» только после того, как она увидела его «уже способного править землею, обуздывать вельмож, смирать неприятелей»⁸⁵.

⁸² Там же. Т. XI. Гл. IV; Т. XII. Гл. I, II, III, V.

⁸³ Там же. Т. XII. СПб., 1831. С. 150, 315–316, 219.

⁸⁴ Там же. Т. XI. С. 308.

⁸⁵ Там же. Т. II–III. С. 417, 419, 457.

Заметным представлялся ему и вклад в становление государства Софьи Палеолог, чей ум «в самых важных делах государственных» и полезные советы имели особый вес для Ивана III⁸⁶. Царица Ирина, утвердившая «союз между царем, неспособным властвовать, и подданным, достойным власти»⁸⁷, «злым властолюбцем, коему она указала путь к престолу»⁸⁸, получила, по словам историка, после смерти царя Федора статус «дотоле беспримерный», ведь «мать Иоаннова, Елена, властвовала только именем сына-младенца: Ирине же отдавали скипетр Мономахов со всеми правами самобытной, неограниченной власти»⁸⁹. Именно она, признанная историком первой державной царицей России, «настояла решительно», «вторично велела» Борису Годунову исполнить волю народа⁹⁰.

Таблица 4. Женщины в политике в «Истории государства Российского»

Варианты гендерного дискурса в основном тексте «Истории»	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Общие характеристики положения женщин в семье	1		1			1	1			1		
Упоминания женщин в связи с династическими браками (в том числе не состоявшимися)	4	34	10	22	10	21	5	4	8		7	
Упоминания женщин в связи с браками внутри рода Рюриковичей		5	10	13	10	4	3	3		2	1	1
Упоминания (не связанные с браками) представительниц отечественных / иноземных знатных родов (династий)		29	42	32	40 /9	55 /1 9	24 /1 3	27/ 12	39/ 4	31/ 3	30/ 12	17/ 14
Упоминания о женщинах, не имевших отношения к княжеским		3	14	11	7	17	6	4	11	9	11	1

⁸⁶ Там же. Т. VI. С. 199.

⁸⁷ Там же. Т. X. СПб., 1831. С. 9.

⁸⁸ Там же. Т. XI. С. 133.

⁸⁹ Там же. Т. X. С. 241.

⁹⁰ Там же. С. 260; Т. XI. С. 6.

семьям													
Упоминания о женщинах в анализируемых средневековых текстах / как авторов текстов	0 / -	2 13/1	1/-	6/-	10 /-	8	2			2	1	6/1	
Упоминания о женщинах как жертвах убийств/ вынужденных самоубийств	0		1/ 2		1/-	1		1	9		1		
Упоминания женщин в связи с выполнением отдельной политической миссии		4		2		1				5	2	4	
Характеристики в связи с влиянием женщин на принимаемые решения			4			2				1	1		
Характеристики / упоминания в связи с самостоятельной ролью женщин в политике	1		1/ 1	1		1/ 6		2	3/3	2/8	1/6	1	

Намечена Карамзиным, в связи с рождением Феодосии, дочери Федора Иоанновича, и проблема наследования престола по женской линии. Отметив, что перспективы престолонаследия стали предметом оживленных обсуждений, в ходе которых «любопытные спрашивали», должна ли Феодосия наследовать, ведь «Россия никогда не имела жен венценосных по наследию», Карамзин воспроизводит важнейшую дилемму: «не лучше ли уставить новый закон, чем осиротеть престолу»⁹¹. Однако, хотя эти «вопросы затруднительные беспокоили, как вероятно, и Годунова», прецедент был исчерпан со смертью младенца⁹², и историк предоставил читателю возможность самостоятельно размышлять над возможными решениями споров конца XVI-го столетия.

Но попытки представительниц, не имевших отношения к княжескому слою, т. е. не поставленных в ситуацию, где вмешательство в дела политические обосновывалось социальным статусом, оценивались историком иначе. Наиболее заметно это в его отзывах

⁹¹ Там же. Т. X. С. 177.

⁹² Там же.

о Марфе Борецкой, которая, «вопреки древним обыкновениям и нравам Славянским, которые удаляли женский пол от всякого участия в делах гражданства, жена гордая, честолюбивая», «предпри- яла решить судьбу отечества»⁹³. Делавшая с друзьями своими «что хотела в Новгороде», она воспринималась народом как главная виновница «сей бедственной войны»⁹⁴. Ее политическая актив- ность, по Карамзину, не соответствовала политическим нормам, традициям эпохи, другими словами, не была легитимной.

С несомненной симпатией Карамзин характеризовал зарубеж- ных правительниц, которых считал действительно достойными вла- сти. Позитивно оценил историк независимость политики героини «Истории Шотландии» английской королевы Елизаветы, подчерки- вая, что «напрасно короли польский и шведский» убеждали ее «не способствовать выгодами торговли могуществу опасной России»⁹⁵. Упомянув о ее кончине, Карамзин признавал королеву «столь зна- менитой в летописях британских, достопамятной и в нашей истории долговременною приятною к России»⁹⁶. О «славной Тамари», гру- зинской царице, знаменитой супруге Георгия Андреевича Боголюб- ского⁹⁷, он писал:

«Сия Тамарь славилась победами, одержанными ею над Пер- сиянами и Турками; завоевала разные города и земли; любила Науки, Историю, стихотворство, и время ее считалось зла- тым веком Грузинской Словесности»⁹⁸.

Труды В. Робертсона и Н. М. Карамзина, как видим, объеди- няет серьезный интерес к проблеме женских правлений, введение гендерного дискурса в структуру исследований, отсутствие следов гендерной дифференциации в трактовке специфики европейского престолонаследия, позитивное отношение к перспективам участия женщин в политике. «История Шотландии», как и «История госу- дарствования императора Карла V», помогала читателям осмыс- лить проблему родственных связей представителей европейских династий в качестве неисчерпаемого источника внешних и внут- ренних конфликтов, независящих от личных достоинств или недос-

⁹³ Там же. Т. VI. С. 18.

⁹⁴ Там же. С. 23, 29.

⁹⁵ Там же. Т. IX. С. 154.

⁹⁶ Там же. Т. XI. С. 82.

⁹⁷ Там же. С. 71.

⁹⁸ Там же. Т. VI. С. 431.

татков отдельных их представителей или представительниц. Эту линию, опираясь на другой корпус фактов, продолжил и Карамзин.

Конечно же, как пресвитерианский священник, Робертсон не мог не видеть большей значимости проблемы религиозного противоборства по сравнению с проблемой предпочтительности наследования по мужской или женской линии. Противостояние Елизаветы как сторонницы реформированной церкви и ревностной католички Марии воссоздавалось им на фоне тех побед и отступлений, которые привнесла в жизнь шотландцев Реформация. Для Н. М. Карамзина гендерный дискурс конечно тоже не мог быть самоцелью, он — всегда в контексте трансформации отечественной государственности, и те или иные оценки причастных к политике женщин опосредованы перспективами происходивших перемен.

Отмеченные выше расхождения в подходах двух историков, представляется, были обусловлены как спецификой европейской и российской политической культуры, так и влиянием на становление Карамзина-историка этики И. Канта⁹⁹, усиленным в «Истории государства Российского» реакцией на гуманитарную катастрофу периода Французской революции, о которой он писал в «Историческом похвальном слове Екатерине II», подчеркивая, что «неописанные нещастия были жребием Франции»¹⁰⁰.

Несмотря на то, что XIX в. и в Великобритании, и в России, отмечены признанной маскулинизацией публичной сферы, «прививка» эпохи Просвещения не могла не оставить следа. Через произведения других историков, исследовавших иные политические реалии, позитивный гендерный дискурс исподволь менял систему ценностей все расширявшегося образованного общества, способствуя восприятию читателями женских правлений как нормы, как приемлемой альтернативы абсолютному преобладанию мужчин в качестве homo politicus.

*Рудковская Ирина Евгеньевна
Кандидат исторических наук,
доцент кафедры философии и социальных наук
Томский государственный педагогический университет
Тел.: 7 (3822) 52–84–04, E-mail: iri-rudkovskaya@sibmail.com*

⁹⁹ Рудковская И. Е. Идеи И. Канта в историческом творчестве Н. М. Карамзина // Историческая наука на рубеже веков. Т. I. Томск, 1999. С. 73–79.

¹⁰⁰ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 1. С. 312.

А. Г. СУПРИЯНОВИЧ

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ МАРДЖЕРИ КЕМП, ИЛИ КАК АВТОР СТАЛ ГЕРОЕМ¹

Ключевые слова: историография, Марджери Кемп, гендерная история, женская средневековая мистика

Аннотация: В статье рассматриваются интерпретации «Книги» позднесредневековой английской визионерки Марджери Кемп, возникшие в рамках различных историографических направлений XX — начала XXI веков. Автор исследует, как и почему радикальным образом менялось восприятие «Книги», ее автора и главной героини.

Личность Марджери Кемп (1373 — после 1438)², визионерки и паломницы, сумевшей соединить следование путем Христовым с замужним положением, автора «Книги», в которой была запечатлена ее бурная жизнь, вызывала далеко неоднозначное отношение уже у ее современников. Одни считали ее чуть ли не святой, во всяком случае, не сомневались в ее избранности и искренности, другие наоборот — испытывали в них большие сомнения и даже прямо называли ее лживой лицемеркой. Соответственно, также полярно интерпретировалось и ее поведение: у одних оно вызывало восхищение и уважение, другие считали его неприличным, третьи

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Гендерное измерение социальных трансформаций: от Средневековья к Новому времени» по программе ОИФН РАН «Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов».

² Подробнее биографию и библиографию см. *Atkinson C. Mystic and Pilgrim: The Book and the World of Margery Kempe. Ithaca: Cornell University Press, 1983. Библиогр. — P. 221–233; Lochrie K. Margery Kempe and Translations of the Flesh. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991. P. 237–248; Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. State College: Pennsylvania University Press, 1994. P. 201–216; Godman A. Margery Kempe and her World. Longman, 2002; McAvoy L. H. Authority and the Female Body in the Writings of Julian of Norwich and Margery Kempe. Cambridge, 2004. P. 238–261; Суприянович А. Г. Женская идентичность и средневековая мистика: опыт гендерного анализа. М.: ИВИ РАН, 2008, а также на посвященных визионерке сайтах <http://www.luminarium.org/medlit/margery.htm>, <http://www.holycross.edu/departments/visarts/projects/kempe>*

испытывали к ней жалость, считая ее, мягко говоря, нездоровой. В значительной степени такой широкий спектр оценок был вызван поведением самой Марджери, демонстрировавшей большое разнообразие поведенческих тактик.

Еще более широкий спектр интерпретаций поведения Марджери предложила современная историческая наука. Различные историографические направления XX — начала XXI веков внесли свою лепту в способы прочтения и понимания ее «Книги».

Будучи обнаружен в 30–х гг. прошлого столетия³, текст получил не особо лестную оценку ведущих исследователей средневековой мистики, зато стал благодатной почвой для психоанализа. Его автору, причисленному к второплановым мистикам, был поставлен диагноз «истерия»⁴, впрочем, небезосновательно⁵, а потому и до сих пор он нередко всплывает в историографии.

³ «Книга» Марджери была известна специалистам по сокращенным версиям, сохранившимся в изданиях XVI века. Из них была извлечена часть информации, в первую очередь биографического характера, так что о самом авторе было известно немного. Еще в начале XX века ее считали затворницей, как об этом сообщалось в издании 1521 г., подобно ее старшей современнице из Нориджа, с которой ее сравнивали и традиционно продолжают это делать. Полная версия текста была обнаружена в 1934 г. в Ланкашире, вскоре издана и затем многократно переиздана как на языке оригинала, так и в переводах на современный английский язык. Сам манускрипт датируют 40–ми годами XV в. Как полагают исследователи, это копия, сделанная с несохранившегося оригинала, находившаяся в картузианском аббатстве в Йоркшире, где текст активно читался. По ранней истории издания «Книги» см. *Foster A. A Shorte Treatyse of Contemplacyon: The Book of Margery Kempe // A companion to the Book of Margery Kempe / Eds. J. Arnold, K. Lewis. Cambridge, 2004. P. 95–112.*

⁴ См., напр. *Knowles D. The English mystical tradition. L., 1961. P. 146; Stone R. K. Middle English Prose Style: Margery Kempe and Julian of Norwich. Mouton, 1970. P. 155–156; A book of showings to the anchoress Julian of Norwich / Eds. E. Colledge, J. Walsh. Toronto, 1978. [Studies and texts, 35]. Part 1. P. 53; Provost W. The English religious enthusiast Margery Kempe // Medieval women writers / Ed. K. M. Wilson. Manchester, 1984. P. 298.*

⁵ Марджери бурно репрезентировала на публику посещавшие ее видения, нередко сопровождавшиеся плачем и рыданиями, поэтому уже некоторые современники склонны были видеть в этом признаки душевного заболевания. Упрочению этого мнения немало способствовал факт действительно перенесенной психической болезни (Book 1). И уж если такие сомнения высказывались в эпоху, когда видения если и не были обычным делом, то также

Развитие женской истории, инициированное в первую очередь феминистками, характерные для его адептов поиски выдающихся женщин способствовали значительному повышению интереса к «Книге» с 80-х гг. XX века. Марджери была провозглашена средневековой феминисткой и борцом за права женщин. Соответственно обвинения в истерии были отнесены на счет шовинизма исследователей мужчин, а оценка жизни и деятельности женщины сменила знак на противоположный. Исследовательницы увидели в Марджери борца с женским неравенством, особу «глубоко неудовлетворенную традиционно предписанным статусом жены и матери и не желавшую признавать конвенционально санкционированные... ограничения в ее области деятельности...»⁶.

Увлекаясь пафосом борьбы, феминистки нередко впадали в крайности, допуская серьезные погрешности в анализе. Их с удовольствием «ловили за руку» и не только идеологические и профессиональные противники⁷. Свойственные некоторым работам эссенциализм и модернизация фактически превращали исследования, задуманные и исполненные как научные, в популяризаторские

и не считались невозможными, то вполне естественно, что в эру распространения неверия и психоанализа диагноз «истерия» был практически неизбежен. Тем более, когда это явление стало рассматриваться не только с медицинской, но и с социальной точки зрения. «Истерия» как специфически женский способ протестного говорения совершенно логично объяснял поведение женщины, демонстрировавшей полный набор признаков заболевания — театральность поведения, демонстративную «игру на публику», склонность к фантазированию и внушаемость, неуравновешенные эмоциональные состояния, плач с рыданиями. Ее видения, сопровождавшиеся театральным разыгрыванием, вполне подпадают под описание сумеречных состояний и т. п.

⁶ Szell T. From Woe to Weal and weal to Woe: notes on the structure of the Book of Margery Kempe // Margery Kempe. A Book of Essays. New-York-London, 1992. P. 74.

⁷ См., напр. Powell R. Margery Kempe: An Exemplar of Late Medieval English Piety // The Catholic Historical Review. Vol. 89 (2003). Iss. 1 (January). Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.0catch.com/lit-opera/kempe.html>. По утверждению Р. Пауэла, Марджери не только не была феминисткой, но даже яркой индивидуальностью, не то, что эксцентриком. Более того, она была абсолютно конвенциональна, и может рассматриваться в качестве образца английской позднесредневековой религиозности, поскольку отражает многие религиозные направления ее времени.

и пропагандистские. В случае с Марджери Кемп наиболее уязвимым оказался ее «феминизм». Слишком очевидными были ее убежденность в своем избранничестве и особой миссии, борьба за персонально лидерство и отсутствие в ее время чего-либо, напоминавшего женское движение за равноправие полов⁸.

Тем не менее, исследования феминисток способствовали значительному усилению интереса к «Книге», ставшей после развернувшейся дискуссии чрезвычайно популярным объектом анализа историков различных направлений. Как одно из ранних сочинений, вышедших если не из под пера, то хотя бы из уст женщины-автора, ее текст из «второстепенных» сочинений английских мистиков превратился в выдающееся произведение эпохи. Последующие споры о первостепенных и второплановых текстах и авторах, о женщинах-авторах, женских текстах и т. п. еще более подогревали к нему интерес. Феминистские авторы артикулировали проблему амбивалентности письменного слова для женщин, с одной стороны способствующего авторитаризации их слов, с другой, — в условиях маскулинной книжной культуры являющегося элементом угнетения женщин⁹. И «Книга» Марджери, рассказывающая в том числе о сложностях, с которыми столкнулась женщина, пытаясь письменно изложить и опубликовать свои воспоминания, послужила хорошим примером иллюстрации этого явления.

Проблема женских текстов и женского говорения под влиянием работ Люси Иригарэ, Элен Сиксу и Юлии Кристевой¹⁰ была переведена в ракурс дискурса тела и телесного. Взаимосвязь телесных и вербальных репрезентаций с гендером, обоснованная в их работах, фактически дала исследователям новую методологию ана-

⁸ Современные исследовательницы феминистки, не отказываясь от образа Марджери-борца с патриархальным режимом, предпочитают говорить о ее «префеминизме». См., напр. *Bradford C. Mother, Maiden, Child. Gender as Performance in the Book of Margery Kempe // Feminist poetics of the sacred: Creative suspicions / Eds. F. Devlin-Glass, L. McCredden. Oxford, 2001. P. 179.*

⁹ См. Об этом *Le Saux F. 'Hir Not Lettryd': Margery Kempe and Writing // Writing and Culture / Ed. B. Engler. Tübingen, 1992. P. 53-68.*

¹⁰ Наиболее важными для развития темы стали работы «Пол, который не единичен» и «Размышления о другой женщине» Люси Иригарэ, «Хохот медузы» Элен Сиксу и «Желание в языке: Семиотический подход к литературе и искусству» Юлии Кристевой.

лиза женских, в том числе средневековых мистических текстов. А после знаменитого исследования Каролин Байнум¹¹, рассмотревшей роль телесного и женского тела в первую очередь в средневековой женской мистике, появились работы, посвященные в том числе и персонально Марджери Кемп¹².

Одним из интереснейших примеров феминистского анализа «Книги» в этом ключе, оказавшим большое влияние на последующие исследования темы, является работа американской исследовательницы Кармы Локри «Марджери Кемп и трансляция плоти»¹³. Отправным пунктом ее размышлений стали высказывавшиеся ранее в историографии аргументы о значимости в позднесредневековой мистике телесных практик на пути подражания Христу и о большей ассоциации женского тела с плотью, нежели мужского¹⁴. Акцентируя различие в отношении к мужской и женской телесности, отражавшее гендерную идеологию плоти, Карма Локри утверждает необходимость анализа телесного дискурса для понимания позднесредневековых женских мистических текстов, и в частности «Книги» Марджери Кемп. Заявляя в качестве одной из основных целей книги описание «репрессирования женского тела в контексте средневековой культуры»¹⁵, исследовательница подчеркивает, что это репрессирование осуществлялось в средние века в иных формах, нежели в современной культуре, и в том числе происходило и

¹¹ *Bynum C. W. Holy Feast and Holy Fast. The religious significance of food to medieval women. University of California Press, 1987.*

¹² См., напр.: *Harding W. Body into Text: The Book of Margery Kempe // Feminist Approaches to the Body in Medieval Literature / Eds. L. Lomperis, S. Stanbury. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1993. P. 168–187; Fredell J. Margery Kempe: Spectacle and Spiritual Governance // Philological Quarterly. Vol. 75. (1996) N. 2 (spr.) (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.0catch.com/lit-opera/kempe.html>); *Visconsi E. 'She Represents the Person of Our Lord': The Performance of Mysticism in the Vita of Elisabeth of Spalbeek and The Book of Margery Kemp // Comitatus: A Journal of Medieval and Renaissance Studies. 28, 1997. P. 76–89; McAvoy L. H. Authority and the Female Body in the Writings of Julian of Norwich and Margery Kempe. Cambridge, 2004.**

¹³ *Lochrie K. Margery Kempe and Translations of the Flesh. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1991.*

¹⁴ Напр., см. *Bynum C. W. Op. cit. P. 296.*

¹⁵ *Ibid. P. 2.*

в языке. Она предложила свое прочтение «Книги» Марджери, основанное на феминистском тезисе о взаимосвязи тела и говорения и на поиске протестных форм женского говорения, позволявших выйти за границы культурного табуирования, таких как смех или истерический плач, выразивший религиозное желание.

Другой авторитетной работой этого направления, в которой анализировалась «Книга» Марджери в контексте гендерной идеологии, стало исследование Сары Беквиз «Тело Христова: идентичность, культура и общество в позднесредневековых текстах»¹⁶. Исследовательница интерпретировала поведение Марджери с точки зрения фукианского анализа политик тела и теории габитуса П. Бурдьё. Отмечая ограниченный доступ женщин к религиозной власти в средневековом обществе, она рассмотрела, каким образом, используя язык символов и «заместив свое тело иконой Христа»¹⁷, Марджери добивалась признания и поклонения. При том, что Марджери эффективно использовала «символический капитал тела Христова»¹⁸ и превращала свой символический капитал в экономический и наоборот, она, по мнению исследовательницы, постоянно находилась в ситуации внутреннего и внешнего конфликта. Трудности, возникшие у визионерки на пути подражанию Христу, объясняются исследовательницей как культурной ситуацией, характеризовавшейся непростыми взаимоотношениями между клерикальным и бюргерским миром, так и сложным механизмом мобилизации символов для доступа к власти, их многозначностью и конфликтным характером.

Развенчиванию врачебного диагноза способствовало и более глубокое изучение характера видений Марджери в контексте позднесредневековой мистики и сравнения английской и континентальной традиций. Изучение медитативных практик, а также биографий и текстов известных континентальных женщин–мистиков (в первую очередь св. Бригитты и Марии из Уаньи, с которыми в тексте Марджери есть очевидные параллели) позволило исследователям прийти к выводу о том, что поведение Марджери во время видений

¹⁶ Beckwith S. Christ's body: identity, culture and society in late medieval writings. Routledge, 1996 (1-st ed. 1993).

¹⁷ Ibid. P. 107.

¹⁸ Ibid. P. 110–113.

не было таким уж спонтанным и скорее выглядит как результат продуманной стратегии, поскольку подражает или известным образам, или корреспондируется с медитативной литературой¹⁹. В этих исследованиях также поднимался вопрос об ортодоксальности женщины, подозревавшейся в ереси еще современниками. Встраивание ее как в историческую, так и текстуальную традицию далее способствовало разрушению как образа экстравагантной истерички, так и малограмотной еретички. По удачному выражению Кэролайн Кулсон, медитации и мистицизм Марджери не выходили за рамки «Медитаций на Житие Христа», хотя и приближалась к их границам²⁰.

Историческая психология могла не только дискредитировать диагнозом, но и предложить свой инструментарий для создания позитивного образа визионерки и более того — способствовать ее включению в исторический контекст, что убедительно показало исследование Джона Хёша «Откровения Марджери Кемп: парамистические практики в позднесредневековой Англии»²¹. Отвергая обвинение в идеосинкразии, ученый подчеркивал, что Марджери была если и не типичным (поскольку смогла как минимум вербализовать свой опыт духовной жизни), но все же продуктом эпохи, впитавшим и отразившим религиозные практики, бытовавшие вокруг нее. Причем включающие не только (и возможно не столько) литературную традицию, сколько устное знание, историческую память и личный опыт²². Дж. Хёш объяснил происхождение и ха-

¹⁹ Atkinson C. *Mystic and Pilgrim: The Book and the World of Margery Kempe*. Ithaca: Cornell University Press, 1983; Windeatt B. introduction // *The Book of Margery Kempe*. London, 1994 (1-st ed. 1985); Powell R. Op. cit.; esp. Hirsh J. *The Revelations of Margery Kempe: Paramystical Practices in Late Medieval England*. Leiden–New–York, 1989 etc.

²⁰ Coulson C. *Mysticism, Meditation, and Identification in the The Book of Margery Kempe* // *Essays in Medieval Studies*. V. 12, 1995. Эл. доступ — <http://www.illinoismedieval.org/ems/emsv12.html>.

²¹ Hirsh J. C. Op. cit.

²² «Религия живет в людях, а не в книгах», подчеркивал ученый. Ibid. P. 110. В последующем наблюдения Дж. Хёша о различных источниках видений Марджери разрабатывались как историками, так и филологами. См. в частности интересное исследование Лилианы Сикорской об устных и письменных типах наррации в «Книге»: Sikorska L. *Hir not lettyrd: The use of inter-*

рактик видений женщины, заговорившей от имени Христа, сопоставляя видения визионерки с современными американскими медитативными техниками. Сочетая методы социальной истории и психологии религии, он пришел к выводу, что религиозные практики Марджери были скорее парамистического, чем мистического характера, т. е. имели не столько божественное, сколько земное, социальное происхождение и базировались скорее не на мистическом, а медитативном опыте.

Естественно, что обсуждение проблем нормального и исключительного, принятого и поволяющего и напротив предосудительного и девиантного поведения наиболее активно велось в русле социальной истории, для которой «Книга» Марджери представляла богатый материал²³. «Переходный» характер эпохи, отраженный на страницах книги, имел следствием то причисление визионерки к представителям «старого мира» и приписыванием ей защиты религиозных ценностей от наступления буржуазной прагматичности, то наоборот репрезентации ее как носителя нового буржуазного мировоззрения²⁴. Наряду с разработкой традиционной проблематики, такой как изучение идеологии, жизни и быта городской буржуазии, исследователи «Книги» активно включали в свои исследования и новые темы, касающиеся идентичности, мест памяти, истории се-

sections, pragmatic markers and when-clauses in *The Book of Margery Kempe* // *Placing Middle English in context* / Ed. I. Taavitsainen. Berlin, 2000. P. 391–410. Невербальные источники видений Марджери стали предметом отдельного исследования ученых. См., напр. *Sponsler C. Drama and Piety: Margery Kempe* // *A companion to the Book of Margery Kempe*. P. 129–144.

²³ Специальный обзор литературы на этот предмет см. *Lane J. Explaining Margery Kempe: A Review of Literature* (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20050411073627/fac.cgu.edu/~torjesek/matristics/kempereview.html>).

²⁴ Так, одни исследователи подчеркивали разрыв между Марджери и ее городским окружением, другие напротив указывали на то, что в своих действиях она руководствовалась именно городской этикой, разделяя многие понятия своих соседей, третьи акцентировали стоящую перед визионеркой проблему совмещения религиозных идеалов с городской этикой. См. *Aers D. Community, Gender and Individual Identity: English Writing 1360–1430*. London: Routledge, 1988; *Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions*. State College: Pennsylvania University Press, 1994; *Ashley K. Historicizing Margery: The Book of Margery Kempe as Social Text* // *Journal of Medieval and Early Modern Studies*. 1998. (28). (Об этом также см. *Beckwith S. Op. cit.* P. 107 и сл.)

мы и т. п. Обогащение традиционных исследований по социальной истории гендерной проблематикой способствовало расширению представлений как о позднесредневековом обществе в целом, так и о конкретных людях, вроде Марджери Кемп²⁵. Как заметила по этому поводу Кларисса Аткинсон:

«Вне зависимости от того, является ли набожность “феминной” или “маскулинной”, образ жизни определено диктовал гендер»²⁶.

Проблематизация специфически женского в набравших силу в последние десятилетия XX в. гендерных исследованиях в свою очередь вызвала новые вопросы к этому тексту. В центре внимания оказались материнство, девство, вдовство не только как социальные, статусные характеристики, но как способ существования, осмысления и даже описания мира женщинами. Марджери Кемп, побывавшая во всех этих ролях и опробовавшая на себе все предоставляемые ими возможности и налагаемые ограничения, а также подробно все это описавшая, опять же оказалась весьма востребованной фигурой.

Историки увидели в тексте Марджери замечательное свидетельство «по истории гендера, субъективности и английской культуры», позволяющее понять, как формировалась женская идентичность в определенной общности и классе²⁷. Негативно настроенные в отношении Марджери исследователи были приравнены собственными коллегами к средневековому монаху, обвинившему ее в ереси²⁸. Проблемы Марджери, ее обвинения и попытки заключения были связаны с ее борьбой за автономию и страхом мужчин перед ее примером.

«Марджери стимулировала специфически мужское беспокойство о потенциальной возможности женской автономии, потенциальной свободы выбора жизненного проекта, в котором служение мужчинам не стояло на повестке дня... Респектабельному мирянину Марджери репрезентировала образ

²⁵ Atkinson C. Op. cit.; Aers D. Op. cit.; Ashley K. Op. cit.; Godman A. Op. cit.

²⁶ Atkinson C. Op. cit. P. 159.

²⁷ Aers D. Op. cit. P. 74.

²⁸ Напр., Ibid. P. 74–75.

жизни, который мог отделить женщину от патриархальной семьи...»²⁹

Хотя «маскулинное стремление к тотальному контролю над женщинами» никогда реально не осуществлялось, о чем свидетельствует пример Отелло, не без юмора заметил известный историк³⁰, эти фантазии санкционировались законодательством, политикой и религией и доставляли женщинам немало проблем. Ситуация Марджери, по его мнению, осложнялась тем, что хотя она и принадлежала к необделенной властью городской элите, женщины этого круга были более зависимы от мужчин, чем горожанки из низших социальных слоев, поскольку в их работе не было необходимости³¹. Соответственно, в борьбе за автономию Марджери должна была найти путь, позволявший ей преодолеть патриархальный контроль, каковым стало отвержение двух ее земных семей (отца и мужа), выбор божественной семьи с «отсутствующим отцом» и акцентированием в ней отношений матери и сына³².

Наряду с изучением личности Марджери и ее окружения, не меньшее внимание исследователей занимал сам текст, его форма, жанровые особенности и как ни парадоксально даже авторство. Всплеск внимания историков к биографиям и особенно автобиографиям способствовал присвоению «Книге» Марджери «звания» первой англоязычной женской автобиографии³³, которое она достойно несла, пока споры о жанре вообще и этого текста в частности, а также о проблемах авторства и особенно женского авторства не поставили это утверждение под сомнение. В первую очередь критике подверглось определение жанра как «автобиографического» в виду его модернизации. По мнению скептиков, говорить о

²⁹ Ibid. P. 100–101.

³⁰ Ibid. P. 89.

³¹ Ibid. P. 87.

³² Ibid. P. 103–104.

³³ См., напр., *Atkinson C.* Op. cit. P. 3–4, 18, esp. 21–37; *Provost W.* Op. cit. P. 297, *Windeatt B.* Op. cit. P. 9 и др. Феминистские исследовательницы даже склонны были видеть в процессе создания «Книги» осознанный шаг выдающейся женщины: «Для того, чтобы рассказать свою историю, она изобрела первую автобиографию на английском языке...», — писала Элизабет Петрофф. (*Medieval Women's Visionary Literature* / Ed. E. A. Petroff. Oxford, 1986. P. 301).

таком жанре как автобиография до эпохи романтизма, с характерным для нее углубленным интересом к человеческой личности, было антиисторично. Они были склонны видеть в этом тексте скорее произведение духовной литературы агиографического или исповедального характера³⁴. Но и в эти рамки уложить «Книгу», содержащую немало автобиографического материала, было довольно сложно, так что текст стали рассматривать как некий симбиоз жанров — «протоавтобиографию» или даже «неудавшуюся агиографию»³⁵. В ходе дискуссии вокруг жанра вопрос «что», перерос в «зачем». Так появилась трактовка «Книги» как текста, созданного с целью beatизации или канонизации Марджери³⁶. Другие исследователи, особенно историки литературы, предпочитали решать вопрос «каким образом», анализируя текст как попытку перевода теологии на язык, доступный мирянам³⁷.

Своего рода камнем преткновения на пути определения жанра текста стала проблема авторства. Постмодернистские споры об авторе и авторстве не могли не затронуть такой области как женские мистические тексты хотя бы потому, что редкие женщины писали их сами. Немногие из них были вообще образованы, что ввело в дискуссии о женских текстах новую проблемную фигуру, а именно «писца», в котором одни исследователи увидели чуть ли не соавтора, а другие — стилистический троп, призванный повысить степень читательского доверия к автору³⁸.

Своеобразным «венцом» на пути жанрового определения «Книги» стало нашумевшее исследование Линн Стейли Джонсон,

³⁴ См., напр. *Long T. L.* The Book of Margery Kempe and the Pre-Tridentine Documentation of Sanctity: Paper for International Congress on Medieval Studies, Western Michigan University, May 8, 1999. (Эл. доступ <http://web.archive.org/web/20070317050217/http://artfuljesus.Ocatch.com/lit-opera/kempe.html>)

³⁵ *Ashley K.* Op. cit.

³⁶ *Long T. L.* Op. cit.

³⁷ *Schirmer E. K.* Orthodoxy, Textuality, and the “Tretys” of Margery Kempe // *Journal X. A biannual journal in culture and criticism*. Vol. 1. № 1, Autumn 1996 (эл. доступ http://web.archive.org/web/20050830042859/www.olemiss.edu/depts/english/pubs/jx/1_1/schirmer.html).

³⁸ *Johnson L. Staley.* The Trope of the Scribe and the Question of Literary Authority in the Works of Julian of Norwich and Margery Kempe”, *Speculum* 66 (1991). P. 820–838.

окончательно текстуализировавшей и саму фигуру Марджери Кемп³⁹. Изучение маргиналий навело исследовательницу на мысль об использовании книги в качестве *exempla*, распространенного жанра литературы, которую с современной точки зрения можно было бы назвать художественной. Поучительные примеры из жизни святых и наставляли, и развлекали читателя. Но исследовательница пошла дальше, поставив «Книгу» Марджери в один ряд с сочинениями известных английских авторов Дж. Чосера и У. Ленгленда. По ее мнению, автор «Книги» Марджери использовала тот же трюк, что и два названных классика, вводя одноименный автору образ в качестве главной героини повествования. По мнению исследовательницы, эта уловка понадобилась автору для того, чтобы обезопасить себя. «Книга» анализируется Линн Стейли не просто как художественная, но как произведение, наполненное социальной критикой, что было также свойственно текстам вышеупомянутых предшественников Марджери. Образ горожанки Марджери, чей духовный и личностный рост составляют канву повествования, на самом деле, как полагает исследовательница, служит для обнажения противоречий и конфликтов эпохи Генриха V. Описание путешествий героини позволяет перемещать ее в разных социальных слоях, вскрывая то противоречия в городе, то злоупотребления и алчность властей и духовенства. Таким образом, предостерегая читателя от модернизации и использования феминистских стратегий чтения «Книги» с одной стороны, с другой — Линн Стейли открывает первую новеллистку, искусного автора — женщину, способную не только осмыслить социальные, религиозные и политические проблемы ее времени, но и искусно закамouflировать их в «безобидное» повествование, создав тем самым выдающийся текст эпохи. Однако вызывает большое сомнение уже отправная посылка исследовательницы. Во-первых, потому, что текст сохранялся и переписывался в монастыре, что на первое место все же выносит его значение духовного чтения. Во-вторых, то, что современники могли использовать этот текст как «художественную» литературу не доказывает, что он был написан в качестве

³⁹ *Staley L. Margery Kempe's Dissenting Fictions. State College: Pennsylvania University Press, 1994.*

таковой. Наконец, если предположить реальное существование столь талантливой писательницы, остается удивляться тому, что современники не оценили гения этой женщины и не оставили о ней каких-либо свидетельств⁴⁰.

Конечно, на исследовании Линн Стейли историография «Книги» вовсе не остановилась. Продолжается изучение ее жанровых особенностей и источников, способов наррации и многих других поставленных ранее тем, как собственно и проблемы авторства. Вместо того, чтобы спорить о том, была ли «та самая» Марджери автором и в какой степени, ученые переключились на исследование особенностей средневекового авторства как явления. Фактически в результате этих исследований, подчеркивающих специфичность и нетождественность современному пониманию этого явления, вопрос о Марджери Кемп как авторе трансформировался в изучение степени ее участия в «авторской деятельности»⁴¹. Однако с точки зрения новых способов прочтения «Книги» и предъявления к ней новых вопросов историография текста на протяжении XX века фактически совершила цикл, пройдя путь от рассмотрения его, как казалось в начале столетия, «по прямому назначению» — как нравоучительного трактата, написанного малограмотной горожанкой-визионеркой, через почти «феминистский манифест» из серии «пишите себя» и признания за автором изобретения нового литературного жанра, до присвоения ему статуса «художественной литературы», т. е. практически возвращения к первоначальному назначению, но «на новом уровне». Изучение «Книги» в рамках различных историографических направлений значительно обогатило наше знание об эпохе Марджери в целом и о возможностях женщины из городской элиты в частности. Но для самого автора текста в итоге обернулось его фактическим уничтожением. Во всяком случае, вопрос «А был ли мальчик?» оказался для части профессионалов несущественным. Как кажется, эта ситуация явилась логичным следствием развития историографии «Книги».

⁴⁰ Критики находят в этой теории и другие слабые места. См. в частности *Bradford C. Op. cit.* P. 166.

⁴¹ См. об этом *Summit J. Women and authorship // The Cambridge companion to medieval women's writing / Eds. C. Dinshaw, D. Wallace. Cambridge, 2003. P. 91–108.*

Первая негативная оценка автора и ее «Книги», последовавшая за ее открытием и обнародованием и доминировавшая несколько десятилетий, вызвала бурную протестную реакцию, отразившуюся в историографии книги в 80–е годы, особенно со стороны феминистских авторов. Печать этой реакции сохранилась на всем последующем пути развития историографии «Книги» — даже в различных исследовательских направлениях доминировали общие параллельные и взаимосвязанные тенденции очеловечивания и «реабилитации» Марджери, доказательство если не ее исключительности, то хотя бы относительной нормальности и адекватности. Трактовка ее книги, как созданной с целью beatизации или канонизации вполне может объяснять не только — а, возможно, и не столько — намерения ее создателей, сколько отражать историографическую тенденцию по облагораживанию облика главной героини, а то и уподобление ее жертве патриархатного режима.

Это стремление к «реабилитации», как кажется, может быть объяснено в первую очередь с точки зрения логики развития исторической науки в XX столетии. Характерный для нее интерес к человеческой личности, внимание с одной стороны к повседневной, казуальной истории, с другой — к психологическим аспектам, изучению специфики сознания людей других эпох, мотивации их действий очевидно отразились на исследовании «Книги» Марджери Кемп. Желание понять и логично объяснить действия женщины через контекстуализацию, углубленное изучение реалий эпохи или особенности сознания и побудительных причин имело обратной стороной априорное признание «нормальности» ее поведения для ее времени. В противном случае сами исследования не имели бы смысла. Даже девиантное поведение рассматривалось через норму, т. е. через создание «матриц» девиантности, характерных для изучаемой эпохи, логично объяснимых через уже имеющееся у историков знание об изучаемом времени. Совершенно естественно, что в рамках бинарной логики женщина оказывалась или «ретроградом», защищавшим старую систему ценностей, или проводником новых, еще не устоявшихся.

Еще более «гуманизации» Марджери способствовало влияние на историю феминистских идей и появление «женской истории» и гендерных исследований. Кроме всего прочего, влияние феминиз-

ма выразилось в приходе в историческую науку в большом количестве женщин–исследовательниц. Это имело принципиальное значение в связи с введением в историческое знание новых исследовательских полей, изучающих «специфически» женское, сферу женского опыта, как бытового, поведенческого, так и «ментального». Женщины–исследовательницы откровенно заговорили не только об образовании Марджери, но и о ранее табуированных темах, например сексуальности, менопаузе и других вещах, имеющих важное значение как для анализа поведения самой Марджери, так и окружающих ее людей. И кто мог это понять лучше самих женщин?

Об активной роли историка заговорили давно, еще со школы Анналов, но анналистский историк — это все же историк мужчина или профессионально маскулинизированная женщина, исповедующие мужской опыт, мужские ценности, способ осмысления и отношение к объекту анализа. И этот шаблон до сих пор существует и успешно работает⁴². Именно поэтому нередко исследовательницы женщины, позволяющие себе быть женщинами в профессии, т. е. привносящие в нее свое видение, ценности и интерпретации скептически воспринимаются частью историков–традиционалистов, все еще, часто даже не подозревая того, проповедующих «мужскую историю». С приходом в историческую науку женщин была проведена переоценка поведения Марджери, вызванная и потребностью защитить «свою» историю, что вполне вписывается в феминистскую этику «сестринства», но и, что конечно важнее, пониманием ее проблем в рамках гендерной истории более глубоким, чем это могли бы предложить исследователи–мужчины.

Однако при очеловечивании образ Марджери оказался не слишком красивым. Акцентирование ее нестигаемой воли и энергии не могло скрасить очевидную вздорность характера и эгоизм, которые было трудно затушевать даже эксцентричностью мистика и героизмом борца. А углубленное изучение религиозных, литературных и социальных практик эпохи способствовало все большему

⁴² Влияние гендера на историческую профессию, а точнее ее маскулинный характер, уже давно стал предметом критики женщин–историков, в частности известного ученого Бонни Смит. См. *Smith B. The Gender of History: men, women, and Historical Practice. Harvard University Press, 2000 (1–th ed. 1998), esp. P. 3–4, 185.*

ее укоренению в них и даже некоторой «обыденнизации». Инаковость эпохи и ее обычаев также не делала женщину, регулярно вступающую в открытые распри с современниками, приятнее. Исследователи оказались в ситуации конфликта между необходимостью любить объект своего изучения, особенно если он(а) репрезентируется как носитель(ница) передовых ценностей (например, борец с патриархальным режимом) и ее не особо приятными человеческими качествами, остающимися таковыми как с точки зрения средневековой, так и современной этики. Даже понимание того факта, что за этим восприятием стоит гендерная этика, предписывающая женщине, что во времена Марджери, что сегодня, иные поведенческие нормы, не делает ее эмоционально привлекательнее. Как представляется, разделение Марджери–автора и Марджери–героя замечательно решало именно эту проблему — негативные черты относились на долю героя, а неизвестный автор даже повышал свой литературный статус, как впрочем и текст, превращаясь из (почти) безыскусного рассказа в искусную социальную критику. Это решение не только способствовало душевному комфорту исследователя, примиряя его с исследуемым (а фактически создаваемым им) героем, но позволяло, преодолев погрешности ранних феминистских авторов, тем не менее записать Марджери Кемп в значительных авторов эпохи и поддержать феминистскую традицию поиска великих женщин. Правда, при этом автор превращался в «вещь в себе», ведь других источников, способных пролить свет на личность женщины, помимо ее книги, не сохранилось.

Как ни парадоксально, но попытка, отправлявшаяся от восстановления назначения текста, в результате обернулась своей противоположностью: если автор и героиня Марджери видели цель своей книги в передаче читателю ее «чувств» и «откровений», то отделение автора от героя именно их и превратило в «фикшн», доводя до логического завершения фактически всю историографическую традицию отделения текста от его назначения. Как для многих современников, так и потомков именно «чувства» и «откровения» визионерки оказались маловажными. Текст Марджери стал свидетельством эпохи для социальных историков, шагом в развитии английской литературы для специалистов в этой области, манифестом женского сопротивления репрессивному маскулинному режиму

для женской истории, и большинство при этом твердо верило, что пытаются «вернуть» женщине ее собственный голос. На фоне этих исследований специалисты по истории религии, обосновывавшие место визионерки, заметим, не самое выдающееся, в контексте религиозной жизни ее времени, выглядели приличными консерваторами — собственно с критики их текстов и началось становление историографии «Книги» Марджери. В последующем к их исследованиям периодически прислушивались, не забывая при случае бросить в них камень, но гораздо большую известность приобретали труды, укоренявшие «Книгу» Марджери в современность и ее проблемы. В этом ряду несомненно самым заметным и ярким было исследование Линн Стейли, соединившее высокий профессиональный уровень с запросами современной культуры.

Анализ историографии «Книги» Марджери Кемп неизбежно приводит к в общем далеко не новому вопросу о том, зачем мы изучаем тексты других эпох, что нужно от них современному читателю и историку, и фактически о роли истории и историка в современном обществе. Хотя романтические представления о значимости прошлого для понимания современности давно были отягощены грузом постмодернистских сомнений, тем не менее, вне их история как наука по-прежнему не имеет смысла и будущего, во всяком случае, в своем современном виде. Уход ряда специалистов в текст и непризнание ничего кроме него делает сам этот текст социально бесполезным, как и его интерпретатора. По-видимому, до тех пор, пока историки будут искать в прошлом если не ответы, то хотя бы уроки, историография «Книги» будет продолжать обогащаться новыми интерпретациями, как и ее автор, возрождаться все в новых обликах.

*Суприянович Александра Геннадьевна
кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник, руководитель Центра
гендерной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-53-91, E-mail: genderhistory@gmail.com*

А. В. СТОГОВА

РОЯЛИСТКА ИЛИ ЛЕСБИЯНКА?

КОНФЛИКТ ИНТЕРПРЕТАЦИЙ ТВОРЧЕСТВА КЭТРИН ФИЛИПС

Ключевые слова: историография, Кэтрин Филипс, гендерная история, история лесбиянства, роялистская поэтика

Аннотация: В статье рассматриваются интерпретации творчества английской поэтессы Кэтрин Филипс, возникшие в рамках двух историографических направлений конца XX — начала XXI веков. Автор исследует суть конфликта этих интерпретаций и перспективы его преодоления.

Противоречащее логике противопоставление, заявленное в названии, знакомо многим исследователям по их собственному материалу. В историографии нередка ситуация игнорирования историками других направлений, даже если исследования ведутся на том же самом материале. Во многом это обусловлено обилием работ, которые необходимо прочитывать исследователю.

Очень часто такое игнорирование затрагивает гендерную историю, которая порой расценивается как изучение частных случаев, не выходящее на серьезные социальные, политические, или ментальные проблемы. Отношение это парадоксально, постольку гендерная история собственно и есть ракурс рассмотрения этих самых «больших» проблем. С другой стороны, сама гендерная история изначально носила протестный характер. Она была тесно связана с феминистским движением, и одной из ее задач было написание «другой истории», не просто той, что раньше игнорировалась, но, вероятнее всего, вовсе не совпадающей с традиционной мужской версией.

Сказанное можно отнести к состоянию историографии в отношении английской поэтессы XVII века Кэтрин Филипс. В ее случае ситуация усугубляется тем, что гендерная история представлена в своей «крайней форме» — гей-лесбийских исследованиях, одно название которых вызывает у большинства исследователей активное нежелание иметь с ними что-либо общее. В итоге подобные исследования существуют сами по себе, работая на определенную субкультуру, и эта линия историографии, кстати сказать, очень

активно развивающаяся и одна из наиболее «передовых» в плане соотнесения с трудами современных философов, оказывается в полном вакууме.

Безусловно, на сложившуюся ситуацию уже обращалось внимание. Кэтрин Грей в 2002 году отмечала, что лесбийская интерпретация творчества Филипс тяготеет к его полной деполитизации, что, по ее мнению, грозит опасностью анахроничного использования модели разделенных сфер (частной и публичной)¹. Хотя игнорирование самой лесбийской интерпретации не кажется ей противоестественным или чреватым какими-либо искажениями.

Очевидно, что роялистская интерпретация существует в течение более длительного времени. Революционные события середины XVII века являются ключевыми для рассмотрения любого аспекта истории и культуры этого столетия, история литературы также традиционно связывалась с английской революцией. Исследователи давно отметили тот факт, что художественная литература играла одну из ключевых ролей в политической культуре, особенно в поддержке и распространении роялистских взглядов во время английской революции².

В последнее время особое внимание авторы уделяют проблеме роялистской поэтики и роялистской идентичности: каким образом литературные жанры, обычно лишь в небольшой степени задействующие политический дискурс, оказываются одними из основных

¹ Gray C. Katherine Philips and the Post-Courtly Coterie // *English Literary Renaissance*. 2002. V. 32. № 3. P. 428.

² Вот только несколько последних работ на эту тему: *Chalmers H. Royalist Women Writers, 1650–1689*. Oxford, 2004; *Corns T. N. Uncloistered Virtue. English Political Literature, 1640–1660*. Oxford, 1992; *The English Civil Wars in the Literary Imagination* / Ed. by C. J. Summers and T. L. Peabworth. Columbia, 1999; *Groot J. de. Royalist Identities*. Basingstoke, 2004; *Literature and the English Civil War* / Ed. by T. Healy and J. Sawday. Cambridge, 1990; *Loxley J. Royalism and Poetry in the English Civil Wars*. Basingstoke, 1997; *MacLean G. M. Time's Witness. Historical Representation in English Poetry, 1603–1660*. Wisconsin, 1990; *Politics of discourse: The Literature and History of Seventeenth-Century England* / Ed. by K. Sharpe and S. N. Zwicker. Berkley, Los Angeles, 1987; *Potter L. Secret Rites and Secret Writings. Royalist Literature, 1641–1660*. Cambridge, 1989; *Wilcher R. The Writing Royalism, 1628–1660*. Cambridge, 2001; *Wiseman S. Drama and Politics in the English Civil War*. Cambridge, 1998.

среди форм выражения лояльности свергнутому режиму; какие дискурсы актуализируются, чтобы служить выражением политических пристрастий. Именно в такого рода исследованиях в 1990–2000-х годах большое внимание стало уделяться Кэтрин Филипс. Творчество этой молоденькой³ поэтессы из пуританской семьи, вышедшей замуж за сторонника Кромвеля, но симпатизировавшей роялистам, позволяет исследователям выискивать политический дискурс не только в стихах, посвященных королевской семье, но и в, казалось бы, не имеющих никакого отношения к политике воспеваниях женской дружбы.

Связано это с тем, что среди прочих исследователи выделяют дружеский дискурс, активно использовавшийся авторами-роялистами для выражения своей лояльности. В роялистской литературе был актуализирован прежде всего этический статус дружеских отношений.

Среди авторов, затрагивавших этот аспект, следует назвать Э. Хобби, К. Лилли, Дж. Локсли, К. Бараш, Р. Эванса и др.⁴ Элейн Хобби, изучавшая женское творчество второй половины XVII века, отмечает, что Оринда (таков был литературный и салонный псевдоним К. Филипс) активно использует тему разлуки и уединения, популярную среди поэтов-роялистов⁵. Роберт Эванс также анализирует поэзию Оринды, отмечая не только ее эмоциональные

³ Кэтрин Филипс родилась в 1632 году и в 1664 умерла от оспы в возрасте 32 лет.

⁴ *Barash C.* English Women's Poetry, 1649–1714: Politics, Community, Linguistic Authority. Oxford, 1996; *Chalmers H.* Royalist Women Writers, 1650–1689. Oxford, 2004; *Evans R. C.* Paradox and Politics: Katherine Philips in the Interregnum // *The English Civil Wars in the Literary Imagination* / Ed. by C. J. Summers and T. L. Peabworth. Columbia, 1999. P. 174–185; *Hobby E.* Virtue of Necessity: English Women's Writing 1649–1688. L., 1988; *Lilley K.* 'Dear Object': Katherine Philips's Love Elegies and their Readers' // *Women Writings, 1550–1750* / Ed. by J. Wallwork and P. Salzman. A special issue of *Meridian, the La Trobe University English Review*. 2001. V. 18. № 1. P. 163–178; *Loxley J.* Unfettered Organs: the Polemical Voices of Katherine Philips // *This Double Voice: Gendered Writings in Early Modern England* / Ed. by D. Clarke and E. Klarke. Basingstoke, 2000. P. 230–248; *Idem.* Royalism and Poetry in the English Civil Wars. Basingstoke, 1997; *Wilcher R.* The Writing Royalism, 1628–1660. Cambridge, 2001.

⁵ *Hobby E.* Virtue of Necessity. P. 134–135.

отклики на события гражданской войны, но и то, что сопутствующий им очень активный воинственный дискурс задействован и в ее дружеской лирике⁶. В то же время он подчеркивает неоднозначность ее взглядов, поскольку многие из ее фраз выглядят довольно странно с точки зрения роялистов⁷.

Наиболее обстоятельная работа принадлежит Хиро Чалмерсу⁸. Он отмечает, что обе ближайшие подруги Оринды — Мэри Обри (Розания) и Анна Оуэн (Люкасия) были роялистками, что все члены «Общества дружбы»⁹, созданного Кэтрин Филипс, также были исключительно роялистами. Кроме того, Чалмерс прослеживает в лирике К. Филипс все основные дискурсивные особенности роялистской среды того времени: использование понятия «друзья» для обозначения сообщества роялистов, риторика разлуки (вызванной гонениями и гражданской войной) и текстуальное воссоединение «друзей», необходимость сохранения секретов и т. п. Схожую стратегию объединять разлученных людей в единое сообщество при помощи поэзии отмечает М. Эзелл, говоря о творчестве леди Элизабет Бреккли и леди Джейн Кавендиш¹⁰. Друзья означают в этом случае прежде всего политических единомышленников, а «дружба оказывается чем-то очень близким к лояльности королевскому делу...»¹¹.

Активное изучение творчества Кэтрин Филипс связано и с феминистской историографией и гей-лесбийскими исследованиями, основной интенцией которых было написание истории гомосексуализма, замалчиваемой прежде в силу предрассудков. Пафосом первых исследований был критический анализ текстов

⁶ *Evans R. C. Paradox and Politics. P. 178.*

⁷ *Ibid. P. 179.*

⁸ *Chalmers H. Royalist Women Writers.*

⁹ «Общество дружбы» — своеобразное объединение друзей Оринды в Лондоне и Уэльсе, члены которого имели прециозные псевдонимы. В основе создания этого общества лежали неоплатонические идеалы дружеских отношений К. Филипс. Из-за скудности информации, трактовка «Общества» в историографии сильно варьируется.

¹⁰ *Ezell M. J. M. "To be Your Daughter in Your Pen": The Social Functions of Literature in the Writings of Lady Elizabeth Brackley and Lady Jane Cavendish // Huntington Library Quarterly. № 51. 1988. P. 287.*

¹¹ *Chalmers H. Royalist Women Writers. P. 61.*

различных авторов с целью обнаружения гомосексуального и гомоэротического подтекста, скрытого под маской традиционных дискурсов. Это позволяло установить историческую традицию квир-идентичностей.

Дружеский дискурс в поэзии одним из первых подвергся переинтерпретации, а Кэтрин Филипс, которую уже вскоре после смерти стали именовать «английской Сапфо», превратилась в одну из ключевых фигур конструируемой истории лесбиянства. Первые из посвященных ей исследований, которые были написаны в этом ключе, главным образом обосновывали возможность написания истории лесбиянства и, в частности, возможность интерпретации сочинений Оринды как лесбийских¹². Именно авторы этих трудов обратили внимание на тот факт, что в своей дружеской лирике, посвященной отношениям между женщинами, Филипс заимствует мужской дружеский дискурс, а также мужской дискурс гетеросексуальной любви. В частности, Харриет Андреадис в одной из первых своих работ пишет:

«именно использование Филипс традиций мужского поэтического дискурса, в особенности метафизического и роялистского, и ее отражение литературной традиции мужской дружбы легализовывало ее нетрадиционную тематику. Поскольку ее дискурс был привычен, то и ее тематика была приемлема»¹³.

Однако такой подход подразумевал существование единой на протяжении истории лесбийской идентичности, основанной на понимании неизменного соотношения нормальной/анормальной, естественной/запретной сексуальности, а также устойчивой корреляции эротического и сексуального.

Дальнейшее развитие феминистской теории, особенно работы Джудит Батлер, проблематизировали основные концепты феминистской теории — прежде всего сам концепт «женщины». Стало

¹² См., например: *Andreadis H. The Sapphic–Platonics of Katherine Philips // Signs. 1989. V. 15. № 1. P. 34–60; Faderman L. Surpassing the Love of Men: Romantic Friendship and Love between Women from the Renaissance to the Present. N. Y., 1981; Libertin M. Female Friendship in women's verse; toward a new Theory of female Poetics // Women's studies. 1982. V. 9. № 3. P. 291–308.*

¹³ *Andreadis H. The Sapphic–Platonics of Katherine Philips. P. 55.*

очевидно, что концепт «лесбиянки» также является продуктом мысли конца XIX — начала XX века и применять его таким, как его сформулировал Зигмунд Фрейд, к более отдаленным эпохам следует по меньшей мере с оговорками. В силу этого, в исследованиях конца 1990-х — начала 2000-х гг. акцент ставится на инаковости и изменчивости самого женского опыта гомоэротических (а не гомосексуальных) отношений предыдущих эпох. Термин «лесбиянство» по отношению к периоду раннего Нового времени заключается в кавычки, чтобы подчеркнуть его культурно-исторические отличия или вовсе заменяется на другие — «женщин-любящих-женщин», «однополую эротику» и т. п. Исследования Элизабет Валь, Харриет Андриадис, Валери Трауб демонстрируют, что в XVII веке постепенно происходило осознание телесных контактов между женщинами как запретных. Эта трансформация связывается исследовательницами с популяризацией медицинских (в том числе и сексуальных) знаний и наплывом эротической и порнографической литературы, касавшейся и отношений между женщинами, из Франции во время английской Реставрации. Все это приводило к постепенному осознанию «сомнительности» как многих форм телесного выражения привязанности между людьми одного пола, так и репрезентаций однополый интимности. Валери Трауб также подчеркивает, что эротизированные мужские отношения имели определенную социальную значимость и пользу, и это в какой-то мере их легитимировало. Женский же публичный дружеский дискурс был малоразвит и лишен этой ценности для общества. И потому он был еще более сомнителен.

Все исследователи рассматривают творчество К. Филипс как ключевой момент в выражении этой трансформации, но по-разному оценивают ее собственное отношение к проблеме телесности. Э. Валь была одной из первых исследовательниц, отметивших, что «для современных критиков сложно охарактеризовать Филипс в рамках пост-фрейдистского понимания сексуальности, которое склоняется к идентификации мужчин и женщин как либо гетеросексуальных, либо гомосексуальных»¹⁴. По ее мнению, отли-

¹⁴ *Wahl E. S. Representations of Female Intimacy in the Age of Enlightenment. Stanford, 1999. P. 130.*

чие ренессансной традиции репрезентации женской интимности заключается в том, что последняя рассматривалась как уступающая брачным узам и обязанностям (и потому относилась преимущественно к юности и статусу девственности). Филипс же конструирует образ женской дружбы, продолжающейся и после замужества и как будто не вступающей в противоречие с семейными обязанностями¹⁵. Она отмечает дискурсивную противоречивость Филипс. Например, Оринда признает телесность и социальность этого мира следствием его несовершенности, которую в идеале должен преодолеть союз двух душ. Но при этом включает определенные телесные удовольствия в прославление этого союза и использует дискурс «завоевания», исключая эгалитаристские мотивы. По мнению Валь, сама конструкция дружеских отношений, создаваемая Филипс, порождает неразрешимые в ее рамках проблемы. Связаны они были не столько с проблематизацией отношений между женщинами, сколько с их превалированием над брачными узам и обязанностями и публичным выражением их интимности, порождающим психологические и сексуальные проблемы.

Харриет Андреадис относит Оринду к числу «респектабельных дам», которые хотели выразить свои эмоции по отношению к друг другу, но не желали быть заподозренными в запретных практиках. По мнению Андреадис именно Кэтрин Филипс «создала дискурсивную конструкцию и оформила дискурсивную стратегию, которые прекрасно служили целям [таких] женщин–писательниц»¹⁶. Андреадис стремится представить используемые Филипс приемы как вполне осознанную попытку легитимировать отношения, понимаемые как запретные:

«...Ее уникальные манипуляции с традициями мужского поэтического дискурса, с аргументативной структурой Джона Донна, с языком кавалеров и традиции платонической любви становятся средствами, при помощи которых она выражала однополюсные аффективные импульсы в приемлемой форме. Вклад Филипс состоял в присвоении кавалерских традиций платони-

¹⁵ Ibid. P. 141.

¹⁶ *Andreadis H. Sappho in Early Modern England: Female same-sex Literary Erotics, 1550–1714. Chicago; L., 2001. P. 98.*

ческой гетеросексуальной любви, с их изначально платонической и мужской гомоэротической чувственностью, и в использовании этих традиций и этого дискурса для описания своих отношений с женщинами»¹⁷.

При этом исследовательница делает упор на заимствовании Филипс любовного, а не дружеского дискурса, и в частности подчеркивает:

«поэзия Филипс скорее развивалась параллельно, нежели копировала большую часть поэзии мужской дружеской традиции. Она отличалась от поэзии своих современников своей личной энергией и метафизическим платонизмом, который она использовала, чтобы обращаться к женской дружбе»¹⁸.

Х. Андриадис утверждает, что политическая составляющая творчества Оринды стала подчеркиваться уже после ее смерти издателями ее сочинений, в первую очередь Чарльзом Коттерелом¹⁹. Исследовательница упоминает и нарочито лесбийские репрезентации женской интимности в творчестве М. Кавендиш, А. Бен и Д. Мэнли, но никак не связывает эту их «провокационность» с другой — активным занятием политикой.

Еще одна исследовательница, Валери Трауб, полагает, что осознание проблемности женских отношений пришло уже после Оринды, и именно ее творчество стимулировало этот процесс. Описывая изменения в отношении к женской любви, она отмечает, что в средние века такая любовь считалась от природы невозможной, поскольку тело не отвечало необходимым социальным функциям. Любовь оказывалась возможной, лишь если тело чудесным образом обрело это соответствие, то есть становилось мужским²⁰.

Что касается К. Филипс, то В. Трауб отмечает, что она переформулирует невозможность женской любви, уходя от оплакивания «неподходящей» телесности и неутолимого желания к печальному обсуждению отсутствия друга и выбирая стратегию легитимизации.

¹⁷ Ibid. P. 57.

¹⁸ Ibid. P. 76.

¹⁹ Ibid. P. 82. Сэр Чарльз Коттерел — один из друзей Оринды и издатель первого посмертного собрания ее произведений.

²⁰ Traub V. The Renaissance of Lesbianism in Early Modern England. Cambridge, 2002. P. 288.

При этом Трауб подчеркивает, что не следует рассматривать поэзию Филипс как самовыражение. Лирика начинает четко ассоциироваться с репрезентацией авторских эмоций лишь в эпоху романтизма. Уместней разделять Филипс как автора и «Филипс» как лирический голос и говорить об эффекте субъективности, хотя сам образ Филипс–Оринды активно противится такому разделению. Это связано с представлением об «изобретении поэтической субъективности» в ренессансной литературе и о появлении «эффекта субъективности» в конструируемых лирических образах²¹.

По мнению В. Трауб, настойчивые утверждения «невинности» любви Филипс расценивались исследователями как попытка возвысить лесбийские отношения в очень высокие духовные сферы платонической дружбы, как доказательство, что она не желала телесной близости с друзьями, или как паническое отрицание того, что она на самом деле желала их, или же как стратегическое прикрытие для лесбиянства. Но исследовательница полагает, что ни одна из этих интерпретаций не отражает адекватно присвоения Филипс «невинности» как термина, подходящего для описания женской страсти друг к другу. Она считает, что настойчивое утверждение невинности женских отношений, при очевидной эротической нагруженности стихов, не следует расценивать как «маскировку», сокрытие эротических чувствований или стремление их побороть. Филипс лишь заимствует понятие интимности из предыдущей традиции описания женской любви. Разница же заключается в том, что она его применяет не к девушкам–подросткам, а к зрелым, даже замужним женщинам. К тому же в ее репрезентации отсутствует мир мужчин — мир конфликтов, в ее интерпретации. В. Трауб, приходит к выводу, что творчество Оринды обозначает разрыв между дискурсом чистой, невинной незначительности эпохи Возрождения с одной стороны и усиливающейся публичностью дискурса запретного желания с другой. Во второй половине XVII–XVIII вв. экзальтированная женская дружба все чаще осмысливалась как угроза социальному порядку, ибо она отвлекала женщин от общения с мужчинами. Анализируя различные факторы, В. Трауб приходит к выводу о кризисе гендерной структуры обще-

²¹ Подробно об этом см.: *Fineman J. The Subjectivity Effect in Western Literary Tradition. Cambridge, 1991.*

ства в конце XVII — начале XVIII вв., который обычно считают завершённым уже к 1700 г.²² По мнению исследовательницы, переформулирование Филиппа категории природы в применении к женской дружбе, стало свидетельством поворота, который постепенно привел к делигитимизации женской дружбы.

Все эти исследования касаются изменчивости представлений о норме и отклонении, которые предстают как две подвижные, но противопоставленные категории. Между тем, напрашивается вывод не только об изменении границы между нормальным и аномальным, но и о том, что четкое противопоставление если и существовало, то лишь как «универсалия». На деле же можно говорить о взаимоперетекаемости нормального в аномальное и обратно, когда каждое конкретное воплощение может расцениваться по-разному в зависимости от обстоятельств и контекстов, а также точки зрения наблюдателя. Не случайно комедии этого времени полны различными ситуациями неадекватного понимания, кажимости, когда воспринимаемое в определенных категориях явление могло обернуться своей полной противоположностью. И даже поведение, репрезентируемое как запретное, на уровне действительных практик могло быть более приемлемым. К тому же разными институтами «аномальное» поведение расценивалось по-разному: официальная церковь всегда была строже к содомитам, нежели государство²³. В этом смысле любой аспект гендерной идентичности мог быть проблематизирован, делая условным само реальное воплощение «нормального поведения»²⁴.

Касается это не только соотношения между нормой и аномалией или признанного для раннего Нового времени сложного соот-

²² Traub V. The Renaissance of Lesbianism. P. 322.

²³ Этот тезис подтверждает, в частности, исследование У. Нэфи о содомии: Naphy W. Sodomy in Early Modern Geneva: Various Definitions, Diverse Verdicts // Sodomy in Early Modern Europe / Ed. by T. Betteridge. Manchester, 2002. P. 94–111.

²⁴ В качестве примера можно привести исследование Валерии Венуччи о маскулинности в ренессансной Италии, в котором демонстрируется, что даже внешне гипермаскулинное сексуальное поведение могло в определенных аспектах рассматриваться как феминизированное. См.: Finucci V. The Manly Masquerade: Masculinity, Paternity, and Castration in the Italian Renaissance. Durham, 2003.

ношения частной и публичной сфер, не менее условной можно считать и границу между отдельными (для современного исследователя) понятиями.

Очевидно, что существует явное расхождение между двумя интерпретациями поэзии Филипс. Одна акцентирует чрезвычайную интимность и эротичность ее дружеских стихотворений, и этот акцент заставляет авторов игнорировать очень сильные политические мотивы в ее лирике. С другой стороны авторы, пытающиеся анализировать ее политические взгляды, неизбежно приходят к выводу о том, что дружба понималась ею скорее как политические связи, объединение единомышленников.

Это противоречие становится еще более очевидным, когда речь заходит не о вопросах репрезентации, а о практическом воплощении дружеских отношений — «Обществе дружбы». И если в области поэзии эти две интерпретации могут рассматриваться как взаимодополняющие, то «Общество» делает их противоречащими одну другой. Сторонники «политической» версии уделяют ему достаточно большое внимание, находят основные аргументы в анализе политических симпатий его членов, поскольку все они были роялистами. Напротив, сторонники «лесбийской» историографии предпочитают по возможности абстрагироваться от этого вопроса, обосновывая свою позицию невозможностью реконструировать действительные эротические и сексуальные практики, что с неизбежностью ограничивает предмет рассмотрения в их исследованиях литературными репрезентациями.

Обособленность «лесбийской» и «роялистской» интерпретаций творчества Оринды, как представляется, помимо прочего, отражает современное четкое разделение и противопоставление дружбы как эмоциональной, аффективной привязанности и дружбы как социальной идеи, а также дружбы и любви. Начиная с романтизма дружеские отношения четко ассоциируются исключительно с аффективной привязанностью, несмотря на то, что различного рода «инструментальные дружбы» отнюдь не исчезают. Мотив «интереса» еще задолго до этого стал активно подавляться в эстетике дружеских отношений. Пожалуй, только книги Ж. Деррида реанимируют политическое и социальное понимание дружбы.

Лесбийские исследования к тому же еще и пытаются провести границу между любовью и дружбой, выбирая в качестве критерия различения эротичность, что тоже кажется мне довольно сомнительной идеей. Применительно к XVII веку сложно говорить о такой четкой разграниченности, никакого противоречия между любовью и дружбой, аффективной привязанностью и политической лояльностью не существовало. При всей эмоциональности и интимности отношений дружба никогда не переставала быть социальным явлением, лежащим, или по крайней мере долженствующим лежать, в основе человеческого сообщества. С другой стороны политическая лояльность не была заведомо отлична от дружеских отношений, основанных исключительно на эмоциональной привязанности. Кстати говоря, Эрл Минер, который собственно заложил традицию изучения роялизма в художественной литературе, отметил сложность соотнесения любви и дружбы, ибо, согласно представлениям того времени, «наилучшей формой любви является дружба, а дружба включает эотику как один из подвидов»²⁵.

Мы здесь видим, что и в той, и в другой интерпретации игнорируются те аспекты, которые не укладываются в конструируемые логики, в которых эта оппозиция довольно легко прослеживается. Одновременно очевидна и оппозиция двух направлений исследований, двух концепций, которую нельзя свести только к различению эмоциональной и инструментальной дружбы, частного и публичного, т. е. к осознанию разности предметов исследования, при том, что объектом исследования являются одни и те же стихи и даже один и тот же концепт дружбы. Несмотря на то, что все исследования, о которых идет речь, относятся к последним двум десятилетиям, когда тема междисциплинарности, диалога между различными направлениями исследований уже стала общим местом, между этими двумя традициями не существовало никакого диалога, в текстах 90-х годов мы вообще не найдем каких либо отсылок в этих исследованиях, которые хоть как-то обозначали бы существование параллельной традиции интерпретации.

Возможно, свою роль в этом сыграл и тот факт, что гей-лесбийские исследования являются достаточно новым направлением

²⁵ *Miner E.* The Cavalier Mode from Johnson to Cotton. Princeton, 1971. P. 250.

ем, чьими изначальными интенциями были инаковость предмета исследования и конструирование истории, принципиально не совпадающей с традиционной, то есть маскулинной, и даже с женской историей. С другой стороны все это было уж слишком инаковым для традиционных историков. И в условиях, когда уже стало очевидным, что научное исследование не является строго объективным, что в нем всегда присутствуют намерения автора, это стало для авторов одним из удобных доводов, позволяющих игнорировать такого рода шокирующие направления исследований, поскольку они манифестируют, и это действительно так, определенные ценности и стремления, не совпадающие с их собственными. Так или иначе, на историографическом уровне все это вместе взятое как раз послужило формированию той курьезной ситуации, когда в зависимости от того, какое исследование вы возьмете в руки, вы увидите образ поэтессы либо роялистки, либо лесбиянки, хотя никаких логических препятствий для того, чтобы совместить одно с другим, нет.

По сути дела, обращение к дискурсам устраняло логическую непротиворечивость и создавало поле для дискуссии между двумя направлениями исследований ее творчества. Поскольку авторы и того, и другого направления говорят о том, что Кэтрин Филипс заимствует мужской дружеский дискурс, то можно полемизировать о том, служил ли он способом выражения ее политических симпатий или любовных. И действительно появлялись работы авторов, которые пытались как-то устранить ограниченность каждой из интерпретаций. Но на деле, именно осознание противоречивости, того, что в рамках рассмотрения дискурсов Оринды действительно может быть или лесбиянкой, или роялисткой, позволяло сохранять дистанцию²⁶.

Основа всех противоречий в интерпретации поэзии К. Филипс заключается в том, что подавляющее большинство ее стихов посвящены женской дружбе. Кэрол Бараш, например, отметила, что «Общество дружбы», созданное Ориндой, куда входили только сторонники монархии можно считать символической поддержкой идеалов роялистов²⁷. Некоторые прозвища, данные Ориндой членам общества, она также связывает с политическим мотивами. В

²⁶ Barash C. English Women's Poetry P. 90–93.

²⁷ Ibid. P. 62.

частности «Люкасию», как называли Анну Оуэн, она связывает с принцессой «Люкастой» Ловеласа, что, по мнению исследовательницы, среди прочего выражает и поддержку идеи возвращения монархии²⁸. Анализируя дружескую поэзию К. Филипс, она приходит к выводу, что Люкасия, репрезентируемая в стихах Филипс как «монарх сердца» Оринды, являла в период междуцарствия своеобразный мистический и политический символ. Король представлял собой отсутствующего третьего, который придавал гетеросексуальность их отношению. Однако это было возможно лишь в отсутствие истинного монарха. С наступлением Реставрации женская дружба становится более проблематичной. Без короля, как отсутствующего третьего, отношения Оринды и Люкасии, как символ, теряли свой мистический потенциал, а также невинную гетеросексуальность. И тогда Оринда начинает активно переносить гомосоциальный идеал мужской дружбы на женские отношения.

Другая исследовательница, Силия Истон, подчеркивает необходимость разделения поэтического и личного «Я» писательницы:

«Стихотворения показывают, что какое бы ни было почтение к исторической (дословно — биографической, А.С.) Филипс со стороны ее мужа и знакомых мужчин, поэтесса Оринда ощущала необходимость защищать женскую дружбу как альтернативную, равную и превосходящую мужскую»²⁹.

С этим доводом сложно не согласиться, поскольку доминировавшие представления о женщинах и о дружбе, когда авторы-мужчины в лучшем случае считали необходимым объяснить, почему можно считать, что женщины способны на дружеские отношения, делает ее акцент на женской дружбе вполне оправданным сам по себе. Не столько на какой-то особенной женской дружбе, противопоставленной мужской, сколько на том, как именно женщины вообще способны на дружбу. Это простое объяснение позволяет снять многие противоречия относительно причин, по которым Оринда включала в свое «Общество дружбы» не только женщин. «Дружба», пишет Истон, переинтерпретируя слова самой Фи-

²⁸ Ibid. P. 71–75.

²⁹ Easton C. A. Excusing the Breach of Nature's Laws: The Discourse of Denial and Disguise in Katherine Philips Friendship Poetry // Early Women Writers / Ed. by A. Pacheco. L., N. Y., 1998. P. 92.

липс, — «гендерно нейтральна»³⁰, в силу того, что это союз душ, которые не имеют пола. Но Истон пытается разрешить противоречие между политическими и эротическими пристрастиями Филипс в рамках различия между дискурсом и реальностью, разделяя Филипс и Оринду. Только в отличие от первых феминистских авторов, которые настаивали на том, что все политическое в стихах Филипс это только дискурс, она делает противоположный вывод: лесбиянство тоже только дискурс. Истон объясняет это тем, что существовавший язык дружбы и язык симпатии к женщине был языком мужским. Оринда заимствует этот язык, приспособляя его к своей ситуации³¹. Навязанный мужской дискурс и попытка отказаться от мужского символизма уводит ее в мир «сапфический». Истон отвергает «феминистскую» и «лесбийскую» интерпретацию этого дискурса, в силу того, что феминизм и лесбиянство для этого времени можно считать анахронизмом. Они могут быть лишь дискурсивными особенностями ее поэтического «Я». Политический дискурс в этой ситуации оказывается в более выгодном положении, поскольку может быть соотнесен с некоторой реальностью, хотя бы с Обществом дружбы.

То же самое мы можем увидеть и в другой интерпретации. Кэтрин Грей, отмечавшая уязвимость позиции Кэтрин Филипс среди пророялистских авторов, связанную с ее происхождением и браком, а также статусом женщины, высказывает версию, что гомоэротизм, тоже как дискурс, позволял Филипс уйти от роли сексуального объекта любви, уготованного женщине в гомосоциальном мире, а также от идеи брака как центральной ценности для женщины³². Кроме этого она отмечает, что стихи Филипс, обращенные к мужчинам, создают идеализированный образ роялиста. Каждый конкретный адресат ее письма предстает центром роялистского сообщества, и эта постоянная смена центров создает сообщество равных и идеализированных сторонников монархии (не короля, как властителя над всеми, а именно монархии как идеи, уравнивающей всех ее сторонников). При этом женская дружеская лирика, с ее аффектацией единства и слияния, по ее мнению, также создает образ идеализиро-

³⁰ Ibid. P. 102.

³¹ Ibid. P. 93–94.

³² Gray C. Katherine Philips and the Post-Courtly. P. 446–447.

ванного гомогенизированного сообщества. Т. е., хотя это прямо и не говорится, проблема опять сводится к заимствованию лесбийского дискурса как удобного и полезного по тем или иным причинам. За кадром исследований остается «проблемность» этого дискурса. Почему женщины предпочитали репрезентировать не свою политическую активность, а гомоэротические отношения, хотя такая репрезентация отнюдь не была менее рискованной?

Последняя на сегодняшний момент интерпретация, примиряющая политический и лесбийский дискурсы в творчестве Оринды, и наиболее интересная на мой взгляд, представлена Лорной Хатсон³³. Ее рассуждения вызваны книгой Алана Брея «Друг»³⁴, в которой рассматриваются изменения в отношении к мужской интимности и ее телесных проявлений в течении XVII столетия. Именно работы Брея стали толчком для аналогичных исследований в области женской истории. Отсутствие рассуждений о Кэтрин Филипс в книге Брея Хатсон связывает с более общей проблемой женских исследований: насколько женская история может быть вписана в существующие дискурсы культурной истории, или же она противостоит не только самым ортодоксальным нарративам и периодизациям, но и таким «оппозиционным» по отношению к ним, каковым является книга Брея? Ее вопрос заключается в том, что если практически не существовало женского дружеского дискурса, в отличие от мужского, то релевантна ли теория Брея истории женской интимности? Ибо если, согласно Брею, тело друга присутствовало как знак формального и объективного характера дружбы, а женские отношения не имели такого характера, как и публично признанного этического статуса или же семейной или родственной полезности, то и женские телесные контакты лишь в исключительных случаях могли расцениваться как социально убедительный «дар» одного друга другому. По мнению Брея именно это служило причиной того, что женская интимность не воспринималась как дружба³⁵.

³³ *Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer: Katherine Philips's Absence from Alan Bray's The Friend (2003) // Women's Writings. V. 4. № 2. 2007. P. 156–214.*

³⁴ *Bray A. The Friend. Chicago, 2003.*

³⁵ «Телу друга» в книге Брея посвящена специальная глава. См.: *Bray A. The Friend. P. 140–176.*

Однако Лорна Хатсон отмечает, что сочинения К. Филипс с самого начала носили несколько скандальный оттенок. И эта скандальность была связана не с новой сомнительностью телесной интимности в рамках традиционной этически понимаемой дружбы, а скорее с самим присвоением женщиной этического дискурса дружбы³⁶. Хатсон связывает свои размышления с выводами Виктории Кун в ее исследовании кризиса системы политических обязательств в период революции и реставрации³⁷.

Кун говорит о том, что ситуация, порожденная английской революцией и для роялистов, и для сторонников парламента, привела к осознанию того, что политические связи не являются естественными и заданными, фиксированными, и равным образом не являются рациональным выбором, а скорее выбором эмоциональным, вопросом заинтересованности. И это вызвало множество рассуждений о мотивации человеческих поступков, о том, что заставляет людей держаться вместе, что гарантирует сохранение верности обязательствам — страх или любовь и т. п. Эти вопросы в свою очередь находили разрешение в различных рассуждениях о страстях.

Хатсон обращает внимание на то, что в поэзии К. Филипс мужская традиция этической дружбы была присвоена женщиной и для роялистских целей, и кроме того — способами, которые обращались к страстям и интересам как к способным осуществить эротическое и политическое подчинение одной женщины другой.

«Это предполагает, — говорит Хатсон, — что для Филипс как для женщины-писателя трудность состояла не в том, чтобы отличить этически допустимые телесные жесты от запретных, но в самой претензии на то, что сочинения о женской дружбе могут иметь этическое и политическое значение»³⁸.

Рассуждения Лорны Хатсон, хотя напомним, что это не исследование, а только постановка проблемы, очень сближает «политическое» и «лесбийское» в творчестве Филипс, но и для нее речь не идет о сосуществовании двух равноправных дискурсов, а о том, что принятие этого нового эмоционального дискурса основополагающих

³⁶ Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer. P. 207.

³⁷ Kuhn V. Wayward Contacts: the Crisis of Political Obligation in England, 1640–1674. Princeton, 2004.

³⁸ Hutson L. The Body of the Friend and the Woman Writer. P. 210.

принципов человеческих взаимоотношений, сделало из нее лесбиянку. Отчасти это коренится в самом представлении о характере поэзии Оринды, поскольку занятие литературным творчеством само по себе считалось делом публичным, тем более для женщины. В данном случае многие стихи К. Филипс, адресованные влиятельным персонам, еще более подчеркивают публичный характер ее творчества. Но при этом, как я уже сказала, по мнению Хатсон проблемными были не сами ассоциации с гомоэротическими отношениями, а претензии на этический и политический статус, то есть на сферу публичного и одновременно на сферу мужского.

Здесь пока мне видится больше вопросов, нежели ответов. Например, если проблемность, скандальность заключается в том, о чем говорит Лорна Хатсон, то тогда почему многие современники Филипс, в частности издатель ее стихов (Коттерел) готовы были принять ее политическую значимость и активно репрезентировали ее именно как роялистку, но не активность в любовной сфере, хотя именно она была одной из немногих «признанных» способов для женщин принимать участие в политике?

Дружба для Филипс превыше всех остальных отношений, поскольку это единственные отношения, где женщина сама может контролировать выбор и быть активной стороной. Оринда говорит о том, что женщины имеют превосходство в дружбе, т. к. мужчины слишком заняты завоеваниями. Это возвращает нас к общественной ценности дружбы, дружба — основа благополучного общества. Женщина традиционно рассматривалась как миротворец с одной стороны, и как существо, находящееся преимущественно под влиянием эмоций, а не разума — с другой. Здесь все сходится вместе. И мне кажется, что те изменения в восприятии социально значимых общественных связей, о которых рассуждает Виктория Кун, действительно дают Филипс возможность одновременно репрезентировать свои отношения с подругами и как очень страстные, и как политически значимые. Лорна Хатсон также писала, что возможно изменения в понимании тела друга как дара могут иметь не столь важное значение для женской дружеской поэзии, как революционный подъем, который сделал возможным употребление материалистических дискурсов страсти и интересов для выражения определенной экономии страстных обязательств между женщинами.

Возможно даже, что в этой ситуации политическая и социальная значимость напрямую коррелировала как раз со степенью эмоциональности, причем эта корреляция оказывалась значимой именно для женщин пытающихся вмешиваться в мужскую сферу политики. То есть, дело не в том, что новые представления о политических связях как побочное действие имело возникновение эффекта однополого эротизма в творчестве женщин–писательниц, которые стремились утвердить свое право на участие в сфере политического. Мне кажется, что скорее и то, и другое было значимым для женщин как способ репрезентации собственной активности и способности к активности, которая в XVII веке считалась отличительным свойством мужского организма и характера.

Это делало дружеский дискурс, причем социальный и эмоциональный одновременно, привлекательным для женщин, особенно стремившихся репрезентировать свою активность. Конечно, было бы не вполне верно снимать все противоречия. Возможно именно активность женщин, при одновременном подчеркивании эмоциональности нагружало репрезентацию отношений между ними сексуальными коннотациями и делало сочинения Филипс столь неоднозначными. Эмоциональность сферы политического, политических связей, делала ее более женской, что неизбежно должно было привести к определенным трансформациям. Но попытка женщин воспользоваться этой ситуацией через дискурсы эмоциональности и активности оказалась провальной и привела к совершенно иным результатам. Ведь для XVII века не существовало четкой взаимосвязи между эротикой и сексуальностью, и то, что исследуется в качестве лесбиянства, рассматривается не как гомосексуализм, а как гомозротизм, который не обязательно вписывался в дихотомию активного и пассивного (она была значима как раз для сферы сексуального). И именно репрезентация активности, акцент на ней, сделали к началу следующего века репрезентации женской эротизированной и политизированной дружбы демонстрацией сексуально неприемлемого поведения. До конца XVII века практически не было обвинений женщин в содомии, она считалась физически невозможной. Женщин обвиняли лишь в попытках присвоить себе мужскую роль. Потом они появляются.

Возможно для Кэтрин Филипс именно сомнительность таких коннотаций, при том, что в условиях Реставрации ей еще важнее было подчеркнуть свою пророялистскую позицию, учитывая, что ее муж подвергся опале как сторонник Кромвеля, в конце концов вызвала уменьшение числа гомоэротических стихов к близким подругам, и увеличение числа эмоциональных воспеваний новой власти. Вполне вероятно, что это была ее попытка уйти от того сомнительного эффекта, который вызвали ее стихи. И стихотворные послания к новым, причем влиятельным подругам, гораздо более сдержанны.

Откровенность сочинений последовательниц К. Филипс — Афры Бен, Деларивьер Мэнли, которые уже воспринимались как нарочито неприличные, как определенный эпатаж, вызывают в памяти связь между сексуальным и политическим в рассуждениях Роберта Дарнтона и Линн Хант³⁹ о том, что наиболее откровенно сексуальные тексты времен французской революции рассматривались как атака на политические элиты. Лесбийский дискурс оказывается задействован именно у женщин, пытавшихся отстоять свое право на политическое мнение. И то, что женщины связывали свои претензии на социально значимое поведение именно с активностью, которая в сочетании с эмоциональностью оказывалась нагруженной сексуальными коннотациями, еще больше проблематизировало природу и характеристики политического.

*Стогова Анна Вячеславовна,
кандидат исторических наук, научный сотрудник
Центра гендерной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938-53-91,
E-mail: genderhistory@gmail.com*

³⁹ *Darnton R. Forbidden Best-Sellers of Pre-Revolutionary France. N. Y., 1996; Hunt L. Pornography and French Revolution // The Invention of Pornography. Obscenity and the Origins of Modernity, 1500–1800 / Ed. by L. Hunt. N. Y., 2003. P. 301–340.*

ИСТОРИЯ МАСКУЛИННОСТЕЙ

Н. А. ДЕМЧЕНКО

ИСТОРИЯ НЕОБЫЧНОГО ВИКТОРИАНЦА

Ключевые слова: Великобритания в викторианскую эпоху; гендерная история; социальная история; маскулинность; сексуальные меньшинства

Аннотация: Статья посвящена биографии викторианского поэта и общественного деятеля Эдварда Карпентера, известного как своими политическими взглядами, так и нетрадиционной сексуальной ориентацией. Посредством фигуры «необычного викторианца», автор исследует стереотипы и социальные нормы, а также способы их преодоления.

Викторианская эпоха является знаковым периодом истории Англии. Понятия «викторианство», «викторианские» ценности и образ жизни, «викторианский» джентльмен рождают устойчивый ряд ассоциаций, в которых расхождение зачастую вызывает только знак оценки возникающего набора понятий — положительный или отрицательный? «Золотая эпоха» или «ужасный век»? Не ставя задачей статьи разрешение этого спора, отметим одно: эта «эпоха научных открытий», «эпоха империи» и социальных противоречий, до сих пор остается «местом памяти» и предметом рефлексии самих англичан.

Фигура одного викторианца — поэта и, как сказали бы сейчас, «общественного деятеля», Эдварда Карпентера — незаслуженно забыта отечественными историками, хотя имя его было хорошо известно в дореволюционной России: до нас дошли переводы некоторых его работ на русский язык — стихов, поэм, публицистики — выполненные, в том числе, и Львом Николаевичем Толстым. Любопытно, что этот человек остался за пределами внимания научного сообщества во времена Советского Союза: социалистические взгля-

ды Карпентера, казалось, должны были обеспечить интерес к его судьбе ученых того времени. Но этого не случилось.

Между тем, его жизнь и идеи давно заслуживают пристального внимания. За пределами нашей страны Карпентер, конечно, не остался вне научного исторического контекста, однако серьезная и взвешенная работа, посвященная ему, вышла только в 2008 г.: английская исследовательница Шейла Роуботэм посвятила ему монографию «Эдвард Карпентер: жизнь Любви и Свободы»¹, которая уже успела заслужить множество положительных отзывов.

Чем интересен этот человек? Начнем с того, что нетрадиционная сексуальная ориентация Эдварда Карпентера в сочетании с активной общественной позицией публичного человека обеспечили ему выход за пределы стереотипа о «правильном», «типичном» представителе своего класса: он исповедовал идеи социалистического утопизма, был тесно связан с фабианцами, а также публично выступал в защиту прав на однополую любовь.

Шейла Роуботэм обращает наше внимание на то, что идеи Карпентера, которые казались столь необычными многим социалистам, жившим после него, на самом деле оказали невероятно большое влияние на многих знаменитых людей того времени и приобрели новое прочтение в политике и тред-юнионизме XX века. Его дом неподалеку от Шеффилда стал местом паломничества для всех, кто хоть немного интересовался социализмом. В разное время там побывали Уолт Уитмен, Бернард Шоу, Рамсей МакДональд, Эмма Голдман, Изабелла Форд и многие другие знаковые для того времени фигуры.

Известно, что на формирование личности влияет множество факторов: генетическая предрасположенность, воспитание, образование, социальное окружение человека в каждый конкретный период времени. Разделение на мужчин и женщин, обусловленное набором хромосом, дополняется и подчеркивается социокультурными ролями, приписываемыми обществом, в том числе и в зависимости от биологического пола. Подобная стереотипность мышления и по-

¹ Rowbotham Sh. Edward Carpenter. A Life of Liberty and Love. London, New York, 2008.

ведения (как нужно вести себя представителю данного класса, что постыдно, а что приемлемо и даже необходимо?) — «ментальный отпечаток» каждой конкретной эпохи — неразрывно связана с исторической ситуацией и постоянно изменяется с течением времени.

Политические идеи Карпентера не станут предметом этого исследования. В гораздо большей степени нас интересует то, как он стал человеком «пограничного пола», как и почему он вышел за пределы понятия «нормы», присущей его эпохе и его стране. Как человек, по своему происхождению обладавший всеми возможностями для реализации в рамках типичного для того времени маскулинного стереотипа, выбрал свой путь, противоречивший существующим представлениям о том, что должно? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена эта работа.

Основным источником для этой статьи стали его мемуары. «Мои мечты и дни как автобиографические заметки»² Эдварда Карпентера были изданы в 1921 г; еще при жизни автора. Мемуары относятся к категории мемуаров-автобиографий: автором движет желание передать свой опыт и свои эмоции, объяснить свою жизненную позицию и продемонстрировать свой путь к пониманию существующих вещей.

«Мои мечты и дни» были им написаны уже в зрелом возрасте, как некий итог его философских размышлений о себе, эпохе, ее влиянии на человека в сфере глубоко интимной, эмоциональной. Их текст буквально пронизан полунамёками относительно его личных эмоций, бесконечного поиска понимания и любви. Многие из его слов позволяют утверждать, что в этих воспоминаниях есть элементы от жанра мемуаров-исповеди.

Карпентер был человеком весьма оппозиционных взглядов в политике, сторонником социалистического движения. Его свободные взгляды распространялись и на вопросы, в викторианской Англии практически запретные — касавшиеся сферы сексуальной. Его размышления о предметах самого разного порядка сопровождаются постоянным сравнением с существующими нормами общественной морали, сталкиваясь с которой, он следует своим путем. Его публи-

² *Carpenter E. My days and dreams being autobiographical notes. L., 1921.*

цистика становится с годами все более провокационной; а поэзия — пронизанной размышлениями о свободном человеке, который без препятствий вершит свой выбор в гармонии с природой.

Эдвард Карпентер родился в августе 1844 года, в Брайтоне, в семье Чарльза Карпентера и его жены Софии Уилсон. Его дед — Джеймс Карпентер — был адмиралом военно-морского флота и боролся с французской революцией. Отец — Чарльз Карпентер — также служил на флоте, дослужился до лейтенанта, а затем сменил род занятий на юриспруденцию, хотя до конца жизни годился принадлежностью семьи к военному сословию, генеалогию которого можно проследить до тринадцатого века³. Отец его матери также был связан с мореплаванием: он был офицером военно-морского флота Шотландии.

В период между 1835 и 1841 годами в семье Софии и Чарльза — потомков двух славных «морских династий» — появились на свет шестеро детей: София, Чарльз, Элиза, Эмилия, Эллен и Джордж. Эдвард стал седьмым ребенком этой уважаемой четы. Его младший брат — Альфред, и еще две сестры — Алиса и Дора, родились вскоре после него. Большой дом на Брансвик-Сквер в Брайтоне должен был стать уютным пристанищем для растущих отпрысков.

По наблюдениям современников-французов, ведущую роль в семье викторианцев играет отец. Англичанка же — «больше жена, чем мать. Она смотрит за детьми, руководит их воспитанием. Ее отношение заметнее всего в правиле: ни чрезмерной чувствительности, ни страстной нежности — ничего, что даже в отдаленной степени напоминало бы о них»⁴. Мать Эдварда была женщиной «старой закалки» и «считала какую-либо манифестацию чувств невозможной и недопустимой»⁵. На жизнь ее, как считает автор мемуаров, повлияла трагедия ее собственной семьи — ее горячо любимая сестра вышла замуж за «неподходящего человека» и так никогда и не была прощена родственниками. Всю свою жизнь София Уилсон превратила в самопожертвование, отдавая себя мужу, детям, дому⁶. Скорее прак-

³ *Rowbotham Sh.* Op. cit. P. 12.

⁴ *Леклерк М.* Воспитание и общество в Англии. СПб., 1899. С. 40.

⁵ *Carpenter E.* Op. cit. P. 15.

⁶ *Ibid.* P. 42.

тичная и расторопная, нежели склонная к размышлениям и мечтам; отважная и обладающая сильным чувством долга, — так описывает ее сын⁷. И, хотя сам он обожал свою мать, и всегда старался добиться ее одобрения своим хорошим поведением (а она, в свою очередь, старалась быть добра к своему чувствительному сыну), он пишет, что все ее дети рано научились держать эмоции под контролем, подавлять их и бороться с собственными переживаниями.

Подобный метод воспитания можно расценивать по-разному: можно, например, согласиться с М. Леклерком, что это позволяет развивать в малыше индивидуализм, большую самостоятельность и, в конечном итоге, будет служить исключительно его благу. Но для Карпентера этот подход обернулся своей противоположностью: все его детство до момента поступления в школу было насквозь пронизано чувством одиночества:

«Это была, без сомнения, хорошая практика и тренировка, однако ее последствием было чрезмерное голодание эмоциональной природы»⁸.

Даже такое святое понятие как дом — «home» — не имело для него того значения, которое в него уже вкладывалось англичанами той эпохи.

«Дома я никогда не чувствовал себя действительно дома, я чувствовал себя пришельцем, ненавидел подобную жизнь, подобные бесчеловечные условности, глупые нормы поведения... Однако мне никогда не приходило в голову, что где-то была другая жизнь...»⁹

Его угнетала невыносимость оков приличия:

«Постоянно быть преследуемым страхом того, как это выглядит — что люди скажут об этом... Вечно бояться нарушения границ, неписаных правил — в моем детстве все это казалось нормой поведения настолько, что я даже не мечтал избежать этого. Я никогда не был дерзким или шумным ребенком, скорее застенчивым, робким... слишком застенчивым и

⁷ Ibid. P. 42.

⁸ Ibid. P. 14.

⁹ Ibid.

робким для того, чтобы отважиться на открытый мятеж... Я страдал и был достаточно глуп для того, чтобы чувствовать себя неправым из-за этого»¹⁰.

Уже в детстве он столкнулся со строгой регламентацией не только поведения в обществе, но и с регламентацией поведения внутри семьи, в мире глубоко интимном. Неписанный викторианский кодекс поведения уважаемого семейства отнюдь не препятствовал такому положению дел.

С 1854 по 1863 гг. Эдвард обучается в Брайтонском колледже. Там он изучал классические языки и математику. Большое внимание школьной программой традиционно уделялось и физическому развитию учеников. Непременными были игры на открытом воздухе, состязания в игровых видах спорта. Он увлекался играми и атлетикой — и не без успеха. Грамматике же его обучала старшая сестра.

О тогдашней системе образования у Эдварда осталось не самое высокое мнение — учителя в школе не прикладывали никаких усилий для того, чтобы как-то заинтересовать и мотивировать ребят, образование как таковое «было задавлено в зародыше»¹¹. А «более взрослые друзья вне семьи, те, кто мог сыграть большую роль в развитии детей, никогда не приходили к нам на помощь, так что большую часть времени в моих воспоминаниях я проводил в тишине и одиночестве»¹².

Его воспоминания о дружбе школьных лет несут отпечаток постоянного поиска любви и понимания, которого в детстве он не сумел найти. Ранние школьные его годы были окрашены «желанием страстной привязанности», которое «не имело никакого выражения, никакого шанса быть выраженным»¹³, и та «дружба, сродни прилипчивости, которая завязывается на игровой площадке или в классе, была обычным явлением: она предотвращала дикий голод, но не удовлетворяла сокровенных желаний»¹⁴. Объектами его юношеского

¹⁰ Ibid. P. 24.

¹¹ Ibid. P. 15.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Ibid. P. 28.

¹⁴ Ibid. P. 28–29.

поклонения часто становились другие мальчики, обычно старше его, они были героями, ради которых он был готов пойти на все.

«Я мечтал о них по ночам, пожирал их глазами днем... но никогда не мог перемолвиться с ними хоть словом. Что я мог им сказать?»¹⁵.

Карпенгер-мемуарист описывает все возрастающее беспокойство школ по отношению к повышающейся сексуальной распушенности, но указывает при этом на то, что ни один взрослый никогда не обсуждал с ним — мальчишкой — этот предмет: ни родители, ни братья, ни наставники ни разу не сказали ему ни слова. Информация подобного рода была почерпнута из разговоров со сверстниками, которые не базировались на личном опыте или книгах.

«Я думаю, что следствием этого стало то, что я никогда не видел ничего отвратительного или смущающего в самом половом акте. Он казался мне столь же естественным, как пищеварение...»¹⁶.

Ограждение мальчиков его возраста от разговоров на темы, так или иначе связанные с сексуальным поведением, в его случае имело несколько иной, чем ожидали взрослые, результат — восприятие того, что считалось постыдным и слишком сокровенным, со временем приобрело противоположную оценку в глазах автора мемуаров.

Еще один фактор, выделяемый Э. Карпенгером как один из наиболее повлиявших на его характер, — это природа. Она давала ему гораздо больше, чем общение с людьми. Прогулки по прилегающим холмам были излюбленным времяпрепровождением и — «убежищем»¹⁷. По его собственному замечанию, поэзией в этот период времени он не интересовался. Имена Моцарта и Бетховена были ему знакомы, но до 18 лет — до того момента, когда он заинтересовался Теннисоном и Шелли — ему не были интересны писатели.

Один из немногих предметов, оставивших яркое впечатление — музыка, которой активно занимались его шесть сестер. Если девушки должны были музицировать — хотят они того или нет, —

¹⁵ Ibid. P. 29.

¹⁶ Ibid. P. 30.

¹⁷ Ibid. P. 26.

то с ним, их младшим братом, заниматься не считали нужным. Он занимался вечерами, сам. Немного писал музыку, периодически даже подумывал о ее издании¹⁸, а затем и действительно издавал ее.

В возрасте пятнадцати лет он получил доступ к серванту с химической аппаратурой, и проводил целые дни, углубившись в эксперименты с химикатами. Главной целью всех его исследований стало стремление изобрести «вечный двигатель». Ему было гораздо более интересно исследовать что-либо самостоятельно, чем учиться¹⁹.

Одиночество, эксперименты, прогулки на природе и музыка — вот основные моменты, которые повлияли на него в этот период. Особого интереса к школьным предметам он не испытывал, а дальнейшую профессиональную деятельность планировал связать с церковью.

Переосмысливая свои желания и мечтания школьных лет, автор уже во время написания мемуаров приходит к тому, что его личные предпочтения того или иного рода бесконечно оценивались и оцениваются людьми с точки зрения морали; однако для себя он этот вопрос уже решил, хотя несоответствие общепринятым нормам — например, отсутствие у него супруги или ее «равнозначной замены», особенно в более старшем возрасте, «служило источником различных трудностей и бесконечных неврозов»²⁰.

После окончания колледжа, в 1864 г. Э. Карпентер поступил на богословский факультет Кембриджского университета, желая после его окончания принять духовный сан. Пожалуй, именно время его обучения в университете и последовавший за этим период его участия в движении за распространение университетского образования оказали на формирование его взглядов и позиций едва ли не самое большое влияние.

Блестящий студент, он уже через два года завоевывает приз колледжа за эссе «Возрождение современной цивилизации»; еще через два года он входит в десятку лучших студентов Кембриджа по математике²¹ и избирается на должность научного сотрудника,

¹⁸ Ibid. P. 24.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 97.

²¹ Ibid. P. 52.

предполагающую проведение самостоятельного исследования²². Результатом этого исследования становится работа, завоевавшая очередной приз при колледже — «Влияние религии на искусство»²³. Он пишет, что по своему внутреннему духовному чувству искусство гораздо ближе к религии, чем к некому поверхностному моральному кодексу. Он верит, что музыка, архитектура и Природа могут приблизить духовное присутствие. Он видел Природу уравновешенной: «Каждое крохотное растение или животное наполнено счастливой индивидуальностью», которая, однако, подразумевает «взаимную зависимость от каждой другой твари»²⁴. Искусство, природа, архитектура, соотношение частного и общего, индивидуального и публичного — навсегда останутся темами его более поздних работ.

В тот же год, когда это второе эссе опубликовали, ему был присвоен духовный сан. Его наставником становится Джон Фредерик Денисон Морис²⁵, английский богослов и социалист, известный неортодоксальными взглядами на религию²⁶. Общение с этим неординарным человеком оказало на Карпентера огромное влияние.

До этого момента вся его жизнь могла являться ярким примером успешной реализации в публичной, профессиональной сфере. Воспитание и образование позволяли ему строить свою карьеру без малейшего препятствия, однако примерно через два года после принятия сана его перестало удовлетворять не внешнее положение дел, а свое собственное душевное состояние. Рассуждения наставника, сторонника либерального англиканства, уже не были достаточно

²² Ibid. P. 51.

²³ Ibid. P. 49.

²⁴ *Carpenter E. The Religious Influence of Art. Cambridge, 1870. P. 44, 18; Rowbotham Sh. Op. cit. P. 29.*

²⁵ *Idem. My Days and Dreams. P. 52–55.*

²⁶ Его богословские взгляды можно назвать «христианизированным платонизмом», в центре которого находится соединение божественного и высшего человеческого, явленное во Христе, «Сыне Божиим и Сыне Человеческом». Карпентер отрицал церковную доктрину о вечных муках. В начале 50-х годов XIX века его взгляды настолько не совпадали с догмами англиканской церкви, что его обвинили в ереси. И, хотя эти обвинения с него были сняты специальной комиссией, из Оксфорда, где он тогда преподавал, его предпочли все же удалить.

прогрессивны для становившегося все более радикальным молодого священника, который зачитывался Мадзини и Клиффордом²⁷ и был связан с Республиканским Кембриджским Клубом. И вот он уже сомневается в том, что его выбор — священство — был правильным. Некоторые друзья уговаривали его не оставлять сан, но такая судьба была для него равносильна лицемерию. Его смятение усиливается, когда он понимает, что влюблен. Объектом его любви стал Эдвард Энтони Бек, который также учился с ним в Кембридже. Этот первый опыт взаимной однополюсной любви и воспоминания о совместном путешествии по Европе, останутся с Карпендером навсегда.

Его социалистические взгляды расширились после визита в Париж вскоре после подавления Парижской коммуны. Затем Швейцария, Германия и, наконец, Италия. Большое влияние в тот момент на него оказала греческая скульптура²⁸. Красота и естественность человеческого тела захватили его и, по его собственным словам, послужили еще одной причиной пересмотра его отношения к религии. К нему пришло окончательное понимание того, что его возвращение в университет стало невозможным²⁹. Греческая культура послужила ему и своеобразным оправданием. Карпендер напишет своему университетскому другу Чарльзу Оатсу (также гомосексуалисту, единственному человеку, с которым в тот момент он мог говорить о своей гомосексуальности):

«Есть две стороны нашего бытия. В одной жизни ты живешь на Дьюк-Стрит и выполняешь необходимые для жизни функции (дышишь, например); а другую ты проводишь в идеальном мире... Я только что прочитал перевод платоновских «диалогов» — это то, о чем ты мечтаешь, иди, прочитай их»³⁰.

Что означает это послание? Роуботэм пишет в своей работе:

«Карпендер и многие другие гомосексуальные мужчины, принадлежавшие к верхушке среднего класса, чья собственная культура умалчивала о каких-либо публичных проявлениях любви к

²⁷ Carpenter E. My Days and Dreams. P. 60–61.

²⁸ Ibid. P. 67–68.

²⁹ Ibid. P. 68.

³⁰ Rowbotham Sh. Op. cit. P. 37

собственному полу, считали, будто их тайные желания разрешены и оправданы “Диалогами” Платона, где любовь между пожилым мужчиной и юным мальчиком является самой благородной разновидностью любви»³¹.

Карпентер всю жизнь будет искать в окружающем его мире подтверждение собственной «нормальности».

Примерно во время путешествия в Европу он понимает: если его карьера в Кембридже закончена, необходимо найти новое профессиональное занятие. И он принимает решение сделать литературу своей профессиональной деятельностью, и превратить ее в источник дохода³². Тогда же, в 1873 г., еще не окончательно оставив университет, ради удовольствия увидеть свой труд напечатанным, он выпускает на собственные средства свою первую книгу «Нарцисс и другие поэмы». Уже через полгода следующий литературный проект, которым он занимался (драма «Моисей»), помешал ему вернуться к занятиям³³.

С этим периодом связано еще одно событие, ставшее знаковым в его судьбе: он знакомится с поэзией Уолта Уитмена. Не только новая форма поэзии — Уитмен писал «свободным стихом», верлибром — но и идеи американского поэта открыли для Карпентера новый мир. Любовь-товарищество, которое он прославлял в поэме «Листья травы» и других произведениях, стала для Карпентера потрясением³⁴. Демократичные, открытые, равные, братские отношения вне зависимости от пола, расы и социального положения, к которым призывал Уитмен, стали для него одновременно новым подтверждением того, что гомоэротическая составляющая в его жизни возможна, и отражением новых, близких ему политических веяний. Он был настолько очарован, что послал Уитмену восторженное письмо, на которое тот, к радости Карпентера, отвечает. Несколько позже эта переписка перерастет в более тесные отношения. Пока же в мемуарах он напишет, что распорядок Кембриджа, с его постоянным давлением на человека, с подчинением нерушимым

³¹ Ibid.

³² *Carpenter E. My Days and Dreams. P. 70.*

³³ Ibid. P. 78.

³⁴ Ibid. P. 64–65.

правилам и необходимостью следовать определенному порядку в образе мыслей, создавали ту атмосферу, из-за которой ему не было «видно света звезд»³⁵. Воспользовавшись своим ухудшившимся здоровьем, он надолго прервал занятия в университете.

Карпентер обратился за помощью к выпускнику Кембриджа, Джеймсу Стюарту, одному из руководителей и вдохновителей движения за распространение университетского образования и вскоре стал ездить по промышленным городам Северной Англии, читая лекции в рамках этого движения. Он приложил много сил к развитию сети филиалов университета, где могли получить образование люди, у которых не было возможности поступить в сам университет. Мотивом своего выбора он называет надежду на практический результат и поиск морального удовлетворения от своей деятельности, а итогом — полное погружение в мир коммерции и бизнеса³⁶.

До этого момента он никогда не был в городах Северной Англии и абсолютно никаким образом не был связан с коммерческой деятельностью. «Соглашения, таможенные пошлины, идеи, идеалы, типы людей, торговля, производство, главенство несогласия, сравнительная слабость Официальной Церкви, отсутствие искусства, литературы и науки, грязь городов, грубоватая сила и гостеприимство — все это создавало странный контраст по сравнению с Брайтоном и Кембриджем»³⁷.

Две зимы — 1874/75 и 1875/76 гг. он провел в Лидсе, Галифаксе и Скиптоне, читая лекции и живя в съемных помещениях. Там он повстречался с множеством людей, в большинстве своем — женщинами, которые были активно связаны с развитием и распространением этого движения. Предметом его преподавания была астрономия. Его собственные знания были почерпнуты только из книг. Был ли этот процесс обучения полезен ученикам или нет, он не знал, однако «он вполне соответствовал главным принципам тогдашнего образования»³⁸.

Среди его учеников преобладали «юные леди», которые составляли самую значительную поддержку движению. Сам он условно

³⁵ Ibid. P. 50–51.

³⁶ Ibid. P. 79.

³⁷ Ibid. P. 80.

³⁸ Ibid. P. 80.

разделил их на три группы. Первую составляли успевающие ученицы из окрестных «школ для девочек»; вторую — девушки, живущие дома, которым в основном совершенно нечем было там (дома) заняться, и женщины постарше — в том же положении. Они и составляли большинство учеников, посещавших дневные и вечерние занятия, остатки же — третью группу — составляли «несколько особенно интеллигентных молодых людей и совсем уж немного было рабочих»³⁹. Все они проявляли большой интерес и вполне приличные способности к предмету.

Человек «пограничного пола», он часто рассуждает о женской природе. Брат шести сестер — практически самый младший в семье, он постоянно присутствовал при их свободных обсуждениях кавалеров на танцах и того или иного разговора.

«Работа женского ума, характер всегда были для меня открыты и хорошо ясны. Благодаря какой-то интуиции (без сомнения, отчасти врожденной) я никогда не испытывал сложности в следовании за их образом мыслей. Они не представляли для меня никакой загадки. По сути дела, эта особенность заставляла меня находить женское общество всегда интересным; но никоим образом не способствовала появлению безудержного желания жениться! Любовные отношения моей жизни переместились куда-то в другую область»⁴⁰.

Неизбежно Карпенгер приходит и к вопросу об оценке его выбора со стороны:

«Считать такое положение дел желательным или нежелательным, может ли оно служить индикатором высокой моральной природы или низкой (в стране, где все подвергается оценке в соотношении с моралью) — вот вопрос, который должен быть задан. До известной степени этот вопрос лежит за пределами каких-либо оценок. Но они не изменяют сам факт»⁴¹.

Испытывая необходимость подкрепить свои рассуждения научной информацией, автор дает ссылку на книги знаменитого доктора Хэвлока Эллиса, (с которым был дружен, и для работ которого пре-

³⁹ Ibid. P. 80–81.

⁴⁰ Ibid. P. 96.

⁴¹ Ibid. P. 96–97.

доставлял информацию по различным вопросам, связанным с гомосексуальностью) «Учение о психологии пола»⁴² и подчеркивает, что в его случае, с его характером, подобное положение вещей нужно считать скорее здоровым и естественным, нежели болезнью⁴³.

Именно во время своих путешествий по северным городам Англии в рамках движения за распространение университетского образования, он впервые сталкивается и с женским движением, которое только набирало силу в это время. Он дает примечательные характеристики «типовых» представительниц из его окружения. По его словам, участницы Движения не любят мужчин и друг друга, весьма «доктринизированы», тверды и несколько категоричны по отношению к окружающему миру.

В 1876 г. он меняет округ на Ноттингэм и занимается совершенствованием ораторских способностей. В конце апреля того же года едет в Америку, «пробуждается от долгого сна», встречаясь со своим кумиром Уитменом, которого он называет не великим поэтом или человеком, а «Великой Индивидуальностью»⁴⁴. Именно с его именем он связывает свое понимание того, что главное в человеке — «установление», поиск самого себя. Несмотря на этот новый опыт близости духовной и физической, чувство одиночества его не покидает:

«Я был так одинок все это время, одинок среди всех этих людей; но то же самое было и в Англии, так что ничего особенного для меня в этом не было»⁴⁵.

По возвращении в Англию он продолжает вести странствующую жизнь лектора: постоянная смена места жительства, ухудшаю-

⁴² Havelock E. Studies in the Psychology of Sex. Philadelphia, 1901 [1915]. P. 223–225.

⁴³ Эллис предположил, что гомосексуальность, или «инверсия», является комбинацией воспитания и биологических факторов, и те, кто изначально не предрасположен к гомосексуальности, могут стать таковыми, если имеют «слабый характер» и подвергнутся соответствующему влиянию. Он также много критиковал теорию Фрейда (о том, что гомосексуальность всегда является психическим заболеванием).

⁴⁴ Ibid. P. 85.

⁴⁵ Ibid. P. 90.

щееся здоровье, ухудшение зрения от яркого света ламп, усталость и нервы — отсутствие сна и бесконечная потребность во внимании всех студентов и забота об их нуждах⁴⁶. Постепенное снижение интереса к своей работе и все возрастающая усталость и нервное напряжение сопровождаются пробуждением пристрастия к другой сфере жизни — Карпентер увлекается физическим трудом, а грязь и нищета северных городов Англии служат причиной появления любви к сельской жизни.

Кроме того, на одной из лекций он знакомится с Альбертом Фирнехоутом, мастером по производству сельскохозяйственных инструментов. Настоячивые приглашения Альберта посетить его ферму перерастают сначала в симпатию, а потом и в крепкую привязанность. В конце концов, Альберт вместе со своей семьей переезжает в окрестности Тотли, и Карпентер присоединяется к ним. В Тотли он читает курс лекций об истории музыки и, наконец, начинает серьезно писать. В лице Альберта он нашел то самое успокоение и глубокую привязанность, которую безнадежно искал все это время.

Быть может, избрав человека своего собственного пола, он и вышел далеко за пределы стереотипного понимания о «нормальном» и «должном», однако свой выбор сам он не считал ущербным или нездоровым, а потому и не считал нужным далее искать удовлетворение своих интимных потребностей. Обретя состояние покоя и понимания, он, наконец, чувствует себя в силах свободно выражать свои взгляды в публицистике и поэзии.

Вольные взгляды Карпентера в отношении сексуальных практик сопровождались поисками свободы духа, истоки которой лежат в изучении «Бхават-Гиты»⁴⁷. Еще со времен Кембриджа его связывает дружба со студентом из Шри-Ланки (Цейлон) по имени Поннамбалам Аруначалам, который был одним из первых индусов, сдавших экзамен для поступления на гражданскую службу Англии. Он начинает карьеру юриста в Лондоне, но они продолжают общаться в письмах. Именно он присылает Карпентеру переведенную на английский язык в 1875 году «Бхават-Гиту», а позже, в 1890 г., приглашает его в поездку на Цейлон.

⁴⁶ Ibid. P. 90–93.

⁴⁷ См., например, *Carpenter E. My Days and Dreams*. P. 251.

В 1881 г. Карпентер окончательно перестает читать лекции и начинает писать поэмы в духе Уитмена — гимны свободе человеческого духа. Результат его трудов — поэма «По направлению к демократии» — вышла в свет в 1883 г. небольшим тиражом. Радикальный журналист Эдвард Эвелинг в своей рецензии назовет его «английским Уолтом Уитменом», сходство будет подмечено и друзьями Карпентера. Сам же он будет отрицать то, что он пытался копировать американского поэта, утверждая, что его поэма написана более «медитативным и медленным» тоном. Уитмен не высказывал недовольства, дипломатично обронив, что «Эдвард молод; его время еще придет»⁴⁸. Позже поэма будет выходить в новых редакциях (с новыми частями) еще несколько раз, с каждой публикацией становясь все более провокационной.

Смерть отца в 1882 г. принесла Эдварду небольшое состояние, которое позволило ему приобрести небольшой кусок земли неподалеку от Милторпа, на полпути между Шеффилдом и Честерфилдом. Там он построил дом и, вместе с присоединившимся Фирнехоутом, занялся сельским хозяйством и плетением сандалий⁴⁹. Отныне Карпентер всем своим образом жизни проповедует идею «простой жизни» в гармонии с природой. Физический труд на свежем воздухе, солнечные ванны, вегетарианство и идея всеобщей любви и братства в сочетании с восточным мистицизмом, открытая манера общения привлекали к нему множество людей.

Примерно в это же время он начинает принимать участие в зарождающемся социалистическом движении Шеффилда⁵⁰, активно общаясь с местной социалистической ячейкой, и вскоре становится известен не как автор поэмы «По направлению к Демократии», а как постоянный автор социалистической прессы, в том числе для ежемесячного издания «Today» и еженедельной газеты Социально-Демократической Федерации «Justice».

Он говорит о том, что необходимо скорее демократизировать отношения между государством и обществом, чем уничтожить государство как таковое, и о том, что моральные элементы в политиче-

⁴⁸ Rowbotham Sh. Op. cit. P. 72

⁴⁹ Carpenter E. My Days and Dreams. P. 124.

⁵⁰ Ibid. P. 124, 126–136.

ских движениях являются ключевыми, так как заставляют людей искать альтернативу существующему устройству⁵¹.

Карпенгер приобретает достаточную известность не только среди «простого народа» — рабочих, для которых он периодически читает лекции на политические темы, но и для более образованных англичан. Он знакомится с такими известными в то время людьми как Генри и Кейт Солт⁵² (с семьей которых он был очень дружен), с Бернардом Шоу, с семьей Сидни и Беатрис Вебб, Голдсвортом Лоуэсом Дикинсоном⁵³, Роджером Фраем⁵⁴ и многими другими социалистами.

Параллельно в его жизни случается бурный роман с еще одним выходцем из рабочего класса по имени Джордж Хакин. Расставание с ним Карпенгер действительно тяжело переживал. С этим же периодом связана его работа с Хэвлоком Эллисом, который собирал материал для своих исследований о сексуальности. Эллис познакомил его со знаменитым Джоном Аддингтоном Саймондсом, английским писателем и исследователем культуры. Сам принадлежащий к «третьему полу», он стал одним из первых защитников прав на однополую любовь. Саймондс и Эллис задумали совместную работу над книгой, которая могла бы вывести этот вопрос на уровень законодательных проблем⁵⁵.

После смерти Саймондса Карпенгер нашел новое предназначение в том, чтобы стать его преемником в борьбе за права сексуальных меньшинств, в связи с чем были написаны и опубликованы его работы на эту тематику или на темы, связанные с вопросами пола в

⁵¹ См., например, *Carpenter E. England's Ideal and Other Papers on Social Subjects*. Manchester and London, 1885. Reprinted from «To-day», May 1984.

⁵² Генри Солт — английский писатель и общественный деятель, сторонник и пропагандист вегетарианства.

⁵³ Голдсворт Лоуэс Дикинсон — британский историк и политический деятель.

⁵⁴ Роджер Фрай — английский художник и искусствовед.

⁵⁵ Их книга «*Sexual Inversion*» вышла в 1896 году в Германии, публикация ее в Англии было сопряжена с трудностями: в частности, имя Саймондса исчезло с ее обложки, а сама книга была в конце концов запрещена. Подробнее см. *Tamagne F. A History of homosexuality in Europe*. P. 158.

современном ему обществе⁵⁶. Главной и отдаленной целью своих работ он ставил отмену преследования за гомосексуальность в Англии. Его более поздняя работа «Средний пол» получила большой резонанс в Англии и за рубежом⁵⁷. Среди тех, на кого она оказала большое влияние — Лоуренс, Грейвс и многие другие.

После отъезда Фирнехоута из Милторпа и женитьбы Джорджа Хакина, единственным его компаньоном остается Джордж Мерилл. Именно ему посвящены самые теплые слова Карпентера — он называет его своей «родственной душой», человеком, с которым у него установилось самое глубокое и обоюдное взаимопонимание⁵⁸.

Карпентер принимал участие в движении суфражисток и социалистическом движении⁵⁹, в 1885 г. читал курс лекций о социализме в различных английских городах⁶⁰, продолжал писать на актуальные социальные темы (например, выступал за объединение Европы, высказывался против англо-бурской войны в Африке)⁶¹. Университетский друг Карпентера — Чарльз Оатс — оставил ему после своей смерти капитал, и четвертое издание его первой поэмы — в 1905 г. — содержало еще одну, новую, часть, имевшую явную гомосексуальную «окраску» и озаглавленную «Кто может командовать Сердцем?». А в 1916 г. его мемуары «Мои мечты и дни» выходят в свет в первом издании.

Смерть Джорджа Хакина в 1917 г. оказала на Карпентера сильное влияние, и в 1922 г. он и Джордж Мерилл меняют место жительства. Мерилл начинает пить и в 1928 г. умирает. В тот же год Карпентер продает дом и переезжает в Гилдфорд, где также

⁵⁶ См. такие его работы как «Woman and her Place in a Free Society», «Marriage in a Free Society», «Homogenic Love and its Place in a Free Society», «Sex-love and its Place in a Free Society», три из которых вошли в сборник «Love's Coming of Age: series of Papers on the Relation Between the Sexes». (Manchester, 1895), а четвертая «Homogenic Love» была издана частным образом и предназначалась «внутреннего использования» среди посвященных и близких друзей Карпентера.

⁵⁷ *Carpenter E. My Days and Dreams.* P. 159–163.

⁵⁸ *Ibid.* P. 159–160.

⁵⁹ *Ibid.* P. 245.

⁶⁰ *Ibid.* P. 257.

⁶¹ *Ibid.* P. 231–233.

вскоре умирает (1929), оставив большую часть своего капитала племянникам и племянницам, за исключением 1000 фунтов стерлингов, которые по его воле отошли его последнему «близкому другу» Эдварду Инигану⁶².

Неординарность личности Карпентера и его взглядов послужили причинами того, что жизнь его нельзя назвать «типичной». Радикальный поворот в его судьбе произошел в момент его отказа от успешной карьеры после окончания университета, и истоки такой перемены он находит во множестве событий своей жизни. С одной стороны, это, безусловно, следствие его натуры, частично заложенной генетически, а частично сформированной под воздействием той среды, в которой он вырос.

Ненавистное подчинение правилам, следование тому, что Уолтер Мердок назвал необходимым следованием кодексу уважаемого человека (“*what is respectable thing to do*”)⁶³, вызывало сначала робкое отторжение в мальчишеские годы, а затем и протест, выражавшийся в самом образе жизни и в публицистике.

Однако «нетипичность» Карпентера как человека, родившегося в ту эпоху, носила, прежде всего, не физический характер — другое понимание вещей, иное, отличное от принятого в период викторианства отношение к чувствам и эмоциям, полное ощущение себя *другим* по отношению к большинству. Он не был одинок в своем мироощущении: в каждой из областей, которая его интересовала — будь то борьба за права сексуальных меньшинств или борьба за права женщин, проповедничество особого отношения к природе и вегетарианство, или его взгляды на необходимость социальных перемен в обществе — он находил верных союзников и почитателей.

Возможно, что в его добровольном уединении в сельской местности лежит и еще один смысл — это своеобразное изгнание себя из круга людей, живущих по принципиально иным правилам, потому что жить рядом с ними ему не представляется возможным. «Век прогресса», с присущей ему чопорностью и регламентацией

⁶² Carpenter, Edward // Oxford Dictionary of National Biography. [Электронный ресурс] /Oxford University Press. Электрон. дан. Oxford, 2004–2005. Режим доступа: <http://www.oxforddnb.com>, по подписке.

⁶³ Murdoch W. Victorian Era: its strength and weakness. Brisbane, 1938.

всего, что прилично и неприлично делать, думать или говорить, почти не оставлял надежды тем, кто не мог мириться с существующим порядком вещей. Однако он искал понимания — и был услышан, жаждал поделиться своим взглядом на мир — и стал известен далеко за пределами Британии.

Самореализация Карпендера была подчинена интимной, сокровенной сфере, более того, именно поиск себя и своего места он считал самым важным в жизни человека. Его творчество и публичные выступления — лишь следствие его внутренних поисков и взглядов, которые он проповедовал. Борьба за свободу духа, против необходимости сурового подчинения ненужным правилам и предписаниям, стесняющим независимость человека в его естественной гармонии с природой и самим собой; борьба с условностями, заставляющим страдать, — вот его идеалы. Не отрицая главную составляющую маскулинного стереотипа — желание *реализоваться* — он выбирает для этого необычный путь в борьбе с общественной моралью.

Его природная чувствительность и восприятие природы как формирующей человека стихии, приобретенные познания по социальным наукам, размышления о природе неравенства и подчиненного положения женщины в обществе — это факторы одного порядка, в которых преобладает начало индивидуальное, вступающее в противоречие с общественными системами, подчиненными началу организующему, консервативному и стереотипному.

Карпендер был человек необычным. Будучи викторианцем по рождению и воспитанию, он все время испытывал давление общественного мнения и пытался доказать самому себе и окружающим, что его взгляды имеют право на жизнь. И в то же время, самим фактом своего существования, своей деятельностью и тем, что он не боялся заявить о необходимости революционных для того времени перемен в сознании и законах, этот человек постепенно изменял эпоху.

*Демченко Наталья Александровна
Аспирант Центра интеллектуальной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938–53–91*

О. В. ШНЫРОВА

«МУЖЧИНЫ В ИХ ЖИЗНИ»

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О РОЛИ МУЖЧИН В СУФРАЖИСТСКОМ ДВИЖЕНИИ

Ключевые слова: история суфражизма; история Великобритании; мужской суфражизм

Аннотация: В статье рассматривается роль и положение мужчин в суфражистском движении в Великобритании XIX — начала XX вв., их взгляды на проблему прав женщин и деятельность, направленная на достижение политического равноправия.

Одной из специфических особенностей суфражистского движения в Великобритании второй половины XIX — начала XX вв. было то, что именно здесь был наиболее развит мужской суфражизм, и большое количество мужчин не просто симпатизировало борьбе женщин за равноправие, но и создавало специальные организации в поддержку избирательных прав женщин. Феномен мужского суфражизма еще только начинает исследоваться в западной исторической науке, и в обширном массиве литературы по истории английского суфражизма работы по этой проблематике встречаются достаточно редко¹. Американская исследовательница Сильвия Страус назвала свою работу «Предатели мужского дела» — так называли в Великобритании мужчин, выступавших за женское равноправие в ущерб интересов своего пола. Можно представить, что поддержка равноправия женщин в обществе с жестко определенными гендерными ролями была нелегким делом и требовала определенного гражданского мужества и способности подняться над общепринятыми взглядами и нормами поведения. Изучение феномена мужского феминизма в Англии второй половины XIX — начала XX вв. позволяет лучше понять как особенности развития и эффективность суфражистского движения, так и специфику гендерных отношений, существовавших в английском обществе данного периода.

¹ Например: *Strauss S. "Traitors to the Masculine Cause". The Men's Campaign for Women's Rights. Westport, 1986; The Men's Share? Masculinities, Male Support and Women's Suffrage in Britain, 1890–1920 / Ed. by Angela V. John and Claire Eustance. L.-N.Y., 1997.*

Можно обозначить несколько разновидностей мужского суфражизма: сторонники женских избирательных прав в парламенте, как активно продвигавшие суфражистские законопроекты и сотрудничавшие с суфражистскими организациями, так и просто голосовавшие за суфражистские билли; участники суфражистских организаций со смешанным членством; члены самостоятельных мужских организаций в поддержку избирательных прав женщин; члены различных обществ друзей суфражизма, симпатизировавших идее политического равноправия полов, и поэтому жертвовавших средства на различные кампании суфражистских обществ.

Как нам представляется, можно выделить, по крайней мере, два этапа в развитии мужского суфражизма в Англии: первый этап совпал с началом суфражистского движения в конце 60-х гг. XIX в. и был связан в основном с деятельностью представителей радикального крыла в либеральной партии (Дж. С. Милля, Я. Брайта, Ч. Дилка, Г. Фосетта и др.). Второй — с появлением милитантства и возникновением антисуфражизма и в значительной степени был реакцией на оба эти явления. Он характеризуется возникновением мужских организаций в поддержку избирательных прав женщин, в которых участвовали представители разных партий.

Можно сказать, что суфражизм в Англии возник во многом благодаря мужской инициативе. Известно, что мужчины стояли у истоков практически всех первых суфражистских организаций. Большинство первых суфражистов принадлежали к радикальному крылу либеральной партии. Приверженность значительной части либералов идее политического равноправия женщин во многом вытекала из либеральной доктрины и концепции утилитаризма, сформулированной И. Бентамом и Дж. С. Миллем. Основополагающей идеей либерализма был универсализм, подразумевавший универсальную природу всех индивидуумов, их равную моральную ценность, равенство присущих им естественных прав, прав человека. Это равенство понималось как равенство возможностей для всех членов общества. С этой точки зрения лишение женщин избирательных прав означало противоречие основным постулатам либерализма. Приверженцы утилитаризма полагали также, что отстранение половины членов общества от участия в сфере публичного (не только в политике, но и в экономике), является

крайне нерациональным и идет во вред обществу. Поэтому они были сторонниками не только избирательных прав женщин, но и женского образования и допущения женщин к профессиональной деятельности. Однако не меньшее, а, возможно, и большее значение в формировании мировоззрения мужчин-феминистов был их личный опыт, персональные и семейные связи и традиции.

Кроме того, многие из них были выходцами из диссентерской среды, которая занимала особое место в английской общественной системе. Для большинства англичан, принадлежавших к англиканской церкви, диссентеры были Другими, также как и суфражистки, не желавшие вписываться в традиционную систему гендерных отношений. Среди радикалов и диссентеров, как правило, вовлеченность в какое-либо общественно-политическое движение была не столько индивидуальным, сколько семейным делом. Поэтому среди пионеров суфражистского движения мы можем назвать семьи Брайтов, Макларенов, Панкхерстов, Тэйлоров, Починов, Пеннингтонов, Фосеттов и др., где мужья были не менее активны, чем их жены. Мы уже упоминали о случаях, когда жены, дочери и сестры обращали своих родственников мужского пола в суфражистскую веру, но можно привести и достаточно много примеров обратного. Достаточно вспомнить ирландца Р. Хаслэма, Г. Фосетта и Р. Панкхерста, которые еще до женитьбы принимали активное участие в суфражистском движении, и, женившись, побудили и своих жен к участию в нем. Многие первые суфражистские организации допускали не только мужское членство, но и участие мужчин в своих руководящих органах. Так, в исполкоме первой суфражистской организации, Манчестерского национального общества за избирательные права женщин, в 60-х — 70-х гг. XIX века было от 30% до 50% мужчин². Бессменным членом исполкома общества долгие годы был адвокат Ричард Панкхерст, принадлежавший в то время к радикальному крылу в либеральной партии. Талантливый адвокат, испытавший сильное влияние идей чартиста Эрнста Джонса и Дж. С. Милля, он внес большой вклад в разработку законодательства, обеспечивающего права женщин. Он разработал проект закона о ликвидации неде-

² См. годовые отчеты Manchester National Society for Women's Suffrage, 1868–1879 // Women's Suffrage Collection from Manchester Central Library, Microfilm. Part I: Lydia Becker Reel 2. Letter book and Annual Reports.

способности женщин (Women's Disabilities Removal Bill), который инициировал 50-летнюю борьбу за предоставление женщинам избирательных прав в парламенте, закон о собственности замужних женщин (Married Women's Property Bill), закон о муниципальных корпорациях (Municipal Corporations Bill), восстановивший право женщин участвовать в муниципальных выборах.

Мы уже не раз говорили о роли Дж. С. Милля в формировании идеологии суфражистского движения и в продвижении первой суфражистской петиции в парламенте. Однако, кроме этого, в конце своей политической карьеры он принимал активное участие в создании Лондонского национального общества за избирательные права женщин, рассылая в августе 1867 г. письма его потенциальным сторонникам. Милль неоднократно выступал на суфражистских митингах, ратуя не только за женские политические права, но и за право собственности для замужних женщин, за право женщин на труд и образование. К примеру, он выступал на первом публичном собрании Лондонского общества в июле 1869 г.; в январе 1871 г. он специально приехал в Эдинбург, чтобы выступить на собрании Эдинбургского национального общества за избирательные права женщин, где был встречен с огромным энтузиазмом. Милль активно способствовал продвижению закона о собственности замужних женщин, полагая, что когда замужняя женщина будет иметь свое имущество, то будет сложнее отрицать ее право голоса.

Будучи радикалом, Милль выступал за расширение избирательных прав рабочих. Но вместе с тем он был против сочетания идеи всеобщего избирательного права с вопросом об избирательных правах женщин, так как полагал, что сочетание двух таких радикальных мер сделает их реализацию невозможной. Этот довод затем в течение 45 лет использовался суфражистками.

Джейкоб Брайт сменил Милля в качестве лидера суфражистской парламентской фракции после того, как последний не был переизбран в парламент. В 1869 г. он, при активной поддержке Чарльза Дилка, внес поправку к Municipal Corporation Bill, обеспечившую женщинам доступ к местному избирательному праву. В 1870 г. он внес законопроект о женском избирательном праве для женщин-домовладелиц, который прошел второе чтение, но был забаллотирован из-за давления руководства либеральной партии; затем последо-

вательно вносил на рассмотрение парламента суфражистские законопроекты в 1870, 1872, 1877 гг. И кроме продвижения закона об избирательных правах женщин в парламенте, он активно способствовал становлению первых суфражистских организаций. В конце 1871 г. Брайт стал инициатором создания первой национальной суфражистской организации — Центрального комитета национального общества, в исполком которого были избраны двенадцать мужчин.

Выступая за предоставление избирательного права женщинам в принципе, не все мужчины-суфражисты были едины в своих представлениях о том, на каких основаниях это избирательное право должно было быть предоставлено. Существовали также и расхождения по поводу того, как должны строиться суфражистские организации, и должно ли суфражистское движение блокироваться с другими реформаторскими движениями, в которых также принимали участие женщины. Так, манчестерцы Джейкоб Брайт, Ричард Панкхерст и др., считали, что долг мужчин активно помогать женщинам в работе суфражистских организаций, вследствие чего они наравне с женщинами могут избираться в их органы управления. Милль же был убежден, что женщины должны сами руководить своей организацией, поэтому настаивал на том, чтобы в исполнительном комитете Лондонского общества не было мужчин. Милль расходился с манчестерцами и по поводу поддержки суфражистскими организациями движения за отмену актов о заразных болезнях, руководимого Джозефиной Батлер. Джейкоб Брайт, Ричард Панкхерст, Дункан Макларен сами активно поддерживали это движение и выступали за поддержку его со стороны суфражистских организаций, Дж. Милль и Г. Фосетт, хотя и симпатизировали его целям, полагали, что сотрудничество с движением, выносящим в сферу общественного дискурса табуированные проблемы сексуальности, может привести к дискредитации суфражистских идей. В 1874 г. это привело к разногласиям по поводу выбора парламентского лидера. Наиболее реальной кандидатурой был Джейкоб Брайт, но он был сторонником Батлер, и Лондонское общество «угрожало выступить с публичным протестом, если он будет избран, но так как Брайт не прошел в парламентских выборах, вопрос был снят с повестки дня»³.

³ *Strachey R.* Women's suffrage and women's service. The history of the London and National Society for Women's Service. London and National Society for Women's Service, Westminster, 1927. P. 16.

Таким образом, созданные радикальными либералами суфражистские организации достаточно быстро обретали самостоятельность и выходили из-под контроля своих создателей. В декабре 1868 г. Дж. С. Милль вместе со своей падчерицей Хелен Тэйлор был вынужден выйти из Манчестерского национального общества в знак протеста против методов секретаря Л. Беккер, которая, невзирая на его авторитет, продолжала поддерживать движение Джозефины Батлер. Джейкоб Брайт, Питер Тэйлор, Дж. С. Милль и многие другие мужчины-суфражисты были сторонниками продвижения законопроекта, включавшего требование избирательного права и для замужних женщин, но, как уже известно, многие суфражистки полагали, что нужно начинать с требований предоставления права голоса одиноким женщинам, пользующимся юридической самостоятельностью. Это было связано также и с тем, что после поражения Джейкоба Брайта на выборах в 1874 г. лидером парламентской суфражистской фракции впервые был признан не представитель радикального крыла либеральной партии, а консерватор У. Форсайт. Он был адвокатом, «и когда он ознакомился с суфражистским биллем, то не мог перенести неясной формулировки о замужних женщинах, которая была в таком качестве намеренно включена в билль. Поэтому перед внесением билля в палату он добавил оговорку, определенно исключаящую замужних женщин»⁴. Выдвижение консервативных законопроектов, поддерживаемых суфражистками, привело к расколу сторонников суфражизма в парламенте, так как радикалы отказывались голосовать в их поддержку. В самом суфражистском движении это привело к созданию в 1889 г. Лиги за избирательные права женщин, в которой оказались многие радикальные суфражисты мужского пола.

Однако дело продвижения политических прав женщин в парламенте во второй половине XIX века все же находилось в руках либералов. После ухода из парламента Милля наиболее известными и, главное, убежденными сторонниками политического равноправия женщин в парламенте стали радикальные либералы Дж. Брайт, Ч. Дилк, Г. Фосетт, Л. Кортни. Последние трое были министрами в либеральном кабинете. Дж. Брайт и Ч. Дилк сыграли важную роль в принятии поправки к закону о муниципальных корпорациях, допус-

⁴ Ibidem.

тившей женщин к муниципальным выборам. Генри Фосетт внес свой вклад в продвижение интересов женщин, когда он стал министром почты. Он создавал рабочие места в почтовой службе для женщин, повысил заработную плату почтовых служащих, снизил стоимость почтовых услуг. Реформы в этой сфере сделали его весьма популярным среди населения⁵. Леонард Кортни стал лидером суфражистов в парламенте в 1877 г., когда законодательную инициативу вновь взял на себя вернувшийся в парламент Джейкоб Брайт. В 1882 г. сторонники женской эмансипации в парламенте провели Married Women Property Act, предоставивший замужним женщинам возможность распоряжаться своим имуществом и заработком.

Принципиальная позиция радикального крыла в отношении права голоса для женщин едва не привела к расколу в либеральном правительстве во время обсуждения избирательной реформы 1884 г., когда либерал У. Вудалл, связанный с Манчестерским национальным обществом, внес поправку о включении женщин в число избирателей. Накануне обсуждения нового законопроекта в парламенте было 250 сторонников суфражисток. Однако Гладстон выступил против суфражистской поправки, и в результате 104 либерала отказались от своих обещаний. Однако трое членов либерального кабинета — Ч. Дилк, Г. Фосетт и Л. Кортни — отказались голосовать против поправки. Их решение было нарушением партийной дисциплины и отрицательно сказалось впоследствии на их политической карьере, хотя У. Гладстон и отказался требовать их вывода из правительства во избежание партийного и политического кризиса.

Характерно, что, несмотря на это, значительная часть суфражисток отмежевалась от Чарльза Дилка, когда он оказался в центре политического скандала, связанного с тем, что его бывшая любовница назвала его в качестве соответчика на бракоразводном процессе⁶. Карьера Дилка оказалась погублена, и он был вынужден

⁵ Когда Генри Фосетт неожиданно умер 6 ноября 1884 г. от простуды, переросшей в пневмонию, попрощаться с ним пришло так много народа, что толпа снесла стену во дворе церкви, где проходила служба.

⁶ Личная жизнь Ч. Дилка во многом сходна с личной жизнью Дж. С. Милля. Он также долгое время был влюблен в женщину, связанную узами брака с другим мужчиной. Это была суфражистка Эмилия Паттисон. Их долгие годы связывала тесная дружба, но, вероятно, Дилку, в отличие от Милля, этого было недостаточно, в результате чего он и оказался участником

распрощаться с надеждой занятия в будущем ведущих государственных должностей. Дионео в очерке, посвященном Дилку, отмечал парадоксальное фарисейство английского общественного мнения, которое мирится со многими страшными пороками, если они остаются в тайне, но готово уничтожить человека за проявление обычной слабости, если его поступок получает огласку⁷. Даже бывший единомышленник Дилка, известный журналист Вильям Стивд, также справедливо считавшийся другом суфражисток, организовал против него кампанию в *Pall Mall Gazette*. Что касается суфражисток, то многие из них выступили даже против того, чтобы его имя значилось в списке спонсоров Лиги за избирательные права женщин, полагая, что это может повредить репутации формирующейся организации. В 1889 г. *Women's Penny Paper* опубликовала заявление с 1604 подписями, протестующее против выдвижения кандидатуры Дилка в Лондонский совет олдерменов. Среди подписавшихся были Элизабет Гаретт-Андерсон, Милисент Фосетт, Прицилла Макларен, Ева Макларен и др. История Ч. Дилка, на наш взгляд, является достаточно ярким показателем консервативности и осторожной позиции викторианского суфражизма, который, невзирая на свои радикальные корни, во многом продолжал следовать общественным условностям и предрассудкам.

Впрочем, и среди тех, кто выступал в поддержку суфражисток в парламенте, далеко не все были их искренними и убежденными друзьями. Суфражисток поддерживали в основном заднекамеечники, либо начинающие политики, которые нуждались в суфражистской поддержке на парламентских выборах. Амбициозные политики не имели желания жертвовать перспективой карьеры, борясь за дело, защита которого делала их объектом фривольных шуток. Так, трое восходящих политиков конца XIX века, либералы Т. Эллис, лорд Э. Грэй и лорд Р. Халдэйн, которые совместно поддерживали *Women's Disabilities Removal Bill* в 1889 г., впоследствии отмежевались от суфражизма. Элизабет Уолстенхолм-Элми с разочарованием писала в 1899 г. Харриет Мак Илгухэм:

адюльтера с другой женщиной. Невзирая на скандал, Эмилия Паттисон вышла за Дилка замуж после смерти мужа в 1886 г., подкрепив своим авторитетом пошатнувшуюся репутацию Дилка.

⁷ Дионео. Чарльз Дилк // Меняющаяся Англия. М., 1915. Т. I.

«Мистер Том Эллис и сэр Эдвард Грэй прекратили оказывать помощь движению, как только они добились министерских постов, мистер Р. Б. Халдэйн — как только он начал добиваться министерского поста»⁸.

По иронии судьбы именно бывший суфражист Эдвард Грэй впоследствии даст повод началу милитантского движения, отказавшись отвечать на вопросы Кристабель Панкхерст и Энни Кенни по поводу своего отношения к проблеме женских избирательных прав на предвыборном митинге в Манчестере.

Те же политики второй половины XIX века, которые рисковали включать пункт об избирательном праве женщин в качестве основного пункта в свои предвыборные программы, часто проигрывали на выборах. Известно, что Дж. С. Милль не был избран на второй срок, и только огромный политический вес фамилии Брайт дал возможность вернуться в парламент Джейкобу Брайту, после того, как он был забаллотирован в 1874 г.⁹ Неудачной оказалась политическая карьера Ричарда Панкхерста, трижды потерпевшего поражение на выборах: в 1883 г. он неудачно пытался быть избранным в качестве независимого кандидата на дополнительных выборах в Манчестере; в 1885 г. также безуспешно баллотировался на муниципальных выборах в Лондоне; в 1895 г. потерпел поражение как кандидат от Независимой рабочей партии, которую незадолго до этого он помогал создать. Хотя нужно отметить, что его поражения были обусловлены не столько его феминизмом, сколько радикализмом его избирательной платформы в целом. Впрочем, невзирая на эти поражения, он оставался очень популярным общественным и политическим деятелем, и можно с достаточной уверенностью предположить, что если бы не преждевременная смерть в 1898 г., то он бы прошел в парламент позднее как кандидат лейбористской партии, у истоков которой он фактически стоял.

Подводя итоги мужскому суфражизму викторианского периода, можно сделать вывод, что в это время наиболее видные его сторон-

⁸ Цит. по: *Rubinstein D. Before the Suffragettes. Women's Emancipation Movement in 1890-s. Brighton, 1986. P. 142.*

⁹ Брат Джейкоба, Джон Брайт, был одним из основателей Лиги за отмену хлебных законов, лидером радикальных либералов в парламенте, пользовался огромной популярностью как в Англии, так и за рубежом.

ники были в основном сосредоточены в парламенте, хотя мужчины принимали участие в руководстве и деятельности суфражистских организаций, уставы большинства которых допускали не только мужское членство, но и участие мужчин в их руководящих органах. Часто сторонники суфражизма в парламенте приглашались в качестве почетных членов в руководящие органы суфражистских организаций для повышения престижа суфражистского движения и поддержания связей между суфражистскими организациями и парламентом (так, например, Уолтер Макларен был членом исполкома Комитета пропаганды женских избирательных прав). Среди тех, кто жертвовал средства в поддержку суфражистского движения, было также много мужчин. По партийной принадлежности большинство мужчин-суфражистов этого периода относилось к радикальному крылу либеральной партии. Как отметил Джейкоб Брайт в речи по поводу билля 1872 г. с суфражистской поправкой, «более двух третей, голосовавших за билль, сидят на скамьях либеральной партии. Я был бы удивлен, если бы это было не так. Если либеральная партия может выступить против скромного расширения народного представительства, ей следует сменить свое название»¹⁰.

Консерваторы-парламентарии, продвигавшие в этот период ограниченные суфражистские законопроекты, предусматривающие наделением правом голоса лишь небольшое количество незамужних женщин, обладающих независимым доходом, действовали, на наш взгляд, скорее исходя из партийных соображений, чем из интересов женщин. Либеральные суфражисты также были, прежде всего, партийными политиками, но, как мы уже видели, в тех случаях, когда их личные убеждения по поводу женских прав шли вразрез с позицией руководства партии, они могли выступить против нее. Кроме того, консерваторов практически не было среди членов самих суфражистских организаций.

Мужчины-суфражисты, исповедовавшие радикальные взгляды, часто придерживались более прогрессивной позиции в отношении вопросов женского равноправия, чем сами суфражистки. Так, большинство из них выступало за предоставления права голоса всем

¹⁰ Speech of Jacob Bright Esq. M. P. Delivered at the Fifth Annual Meeting of the Manchester Society for Women's Suffrage. November, 6, 1872 Manchester, 1872. P. 8.

женщинам, соответствующим имущественному цензу, независимо от их семейного статуса, и за поддержку движения Джозефины Батлер. Во многом это было связано с тем, что для них избирательное право для женщин было частью широкой программы социальных реформ. Так, Джейкоб Брайт, также, как и его брат Джон, выступал за парламентскую реформу, образование для бедных, самоуправление Ирландии. Генри Фосетт был крупным ученым-экономистом, с международной известностью, соединяющим в своих трудах «добросовестность исследования и большую ловкость аргументации, значительную свободу мысли и отсутствие национальных предрассудков, столь свойственных большинству английских исследователей»¹¹. Кроме того, он, также как и Чарльз Дилк, был республиканцем по своим убеждениям и основателем республиканской ассоциации в Кэмбридже. Избирательная программа Р. Панкхерста включала такие требования как ликвидация монархии и палаты лордов, всеобщее избирательное право для всех взрослых граждан без различия пола, ликвидация всех религиозных ограничений, всеобщее светское бесплатное образование, национализация земли, сокращения армии и флота, предоставление самоуправления Ирландии. В викторианский период мужчины-суфражисты не рассматривали свою деятельность как самостоятельную в рамках суфражистского движения, действуя в рядах женских суфражистских организаций, благо, что устав большинства из них, в том числе и Национального союза суфражистских обществ, допускал мужское членство. В ряде местных отделений НССО, как, например, в Оксфорде, мужчины играли ведущую роль.

Первая попытка создания мужской суфражистской организации, Лиги мужчин-избирателей в поддержку избирательных прав женщин, была предпринята в 1897 г. в Манчестере Беном Элми и Чарльзом Пирсом. Можно сказать, что это было семейное предприятие: оба они были радикалами и мужьями двух известных подруг-суфражисток. Бен Элми был женат на Эмили Уолстенхолм-Элми, а Чарльз Пирс был мужем Изабеллы Брим Пирс. И тот, и другой были членами исполкома организации почти до своей смерти (Пирс

¹¹ Янжул И. И. Свободная торговля и покровительственная система Г. Фосетта. СПб., 1879. С. 1.

умер в 1905 г., Элми — в 1906 г.) В 1904 г. в руководстве организации Бена Элми заменил его сын Фрэнк. Но вплоть до начала милитантства, это была достаточно малочисленная организация, которая активизирует свою деятельность, начиная с 1903–1904 гг.

Следующий этап в развитии мужского суфражизма начался в 1907 г., когда мужские организации в поддержку избирательных прав женщин стали создаваться одна за другой. В 1907 г. возникает первая мужская суфражистская организация национального характера: Мужская лига за избирательные права женщин (Men's League for Women's Suffrage). Вслед за ней возникает целая плеяда мужских суфражистских организаций: Манчестерская мужская лига за избирательные права женщин (Manchester Men's League for Women's Suffrage) (1908), Мужской комитет за справедливость в отношении женщин (Men's Committee for Justice to Women) (1909), Комитет мужской декларации (Men's Declaration Committee) (1909), Мужской политический союз за наделение женщин правом голоса (Men's Political Union for Women's Enfranchisement) (1910), Мужское общество в защиту женских прав (Men's Society For Women's Rights) (1911), Мужская федерация за избирательные права женщин (Men's Federation for Women's Suffrage) (1912), Северная мужская федерация за избирательные права женщин (Northern Men's Federation for Women's Suffrage) (1913). Возникновение этих организаций было связано с изменениями, происходящими в суфражистском движении в начале XX в., и с общественной реакцией на эти изменения. Деятельность антисуфражистов способствовала консолидации сторонников суфражизма и возникновению новых суфражистских организаций, в том числе и мужских. Члены этих организаций участвовали в суфражистских мероприятиях, организовывали собственные митинги, агитировали в поддержку парламентских кандидатов-просуфражистов. Эти организации создавались на внепартийной основе: первоначально в них преобладали либералы, но среди их членов были и консерваторы, а впоследствии в их деятельность активно включаются и лейбористы. По-прежнему определяющую роль при вступлении в ряды суфражистского движения играла не партийная принадлежность, а личный опыт и семейные традиции.

Основным мужским суфражистским обществом была Мужская лига за избирательные права женщин, созданная 2 марта 1907 г. лондонским адвокатом Гербертом Джейкобсом. Он уже более 20 лет

был сторонником суфражизма, после того, как в юные годы прочел «Подчинение женщины» Дж. С. Милля. Книга произвела на него глубокое впечатление и привела в ряды суфражистского движения. Он был знаком с Брайтами, Пеннингтонами, некоторое время был членом исполкома Центрального общества за избирательные права женщин. В статье о Джейкобсе, опубликованной в печатном органе Женской лиги свободы *The Vote*, отмечалось:

«великодушная идея» создания мужской суфражистской организации родилась у него «из иного понимания рыцарственности, нежели, у тех, кто как лорд Керзон, считают, что приобретение нами права голоса лишит нас рыцарственного отношения мужчин»¹².

Как вспоминал позднее сам Джейкобс, Лига была создана достаточно спонтанно и неожиданно для него самого. Толчком к ее организации стала речь Джейкобса, произнесенная на завтраке в отеле «Атертон», организованном Эмелин Панкхерст в честь освобожденных из тюрьмы милитанток, в которой он и внес предложение создать мужское общество в поддержку избирательных прав женщин, не намереваясь, однако, заниматься его созданием. Тем не менее, как это часто бывает, инициатива оказалась наказуема, и лидер ЖЛС Шарлотта Деспард стала направлять к Джейкобсу желающих вступить в мужскую суфражистскую организацию, так что последнему пришлось заняться ее формированием. Созданная Лига выступала за «предоставление женщинам избирательных прав на тех же основаниях, что и мужчинам»¹³. К 1909 г. Лига насчитывала в своих рядах 930 человек. В 1910 г. она имела 10 отделений в Великобритании (в Кэмбридже, Манчестере, Бирмингеме, Эдинбурге, Сассексе, Саутгемптоне и др.) и одно в США. Отмечалось, что Лига имеет сильные позиции в университетских городах. Декларация видных деятелей-мужчин в поддержку избирательных прав женщин (*Declaration of Representative Men in Favour of Women's Suffrage*), изданная Лигой в 1909 г. в рамках суфражистской кампании сбора подписей сторонников суфражизма демонстрирует состав ее членов и сторонников: 83 высокопоставленных политических дея-

¹² Kennedy M. O. Mr. Herbert Jacobs. Chairman of the Executive Committee of the Men's League for Women's Suffrage // *The Vote*, Vol. II. № 41.

¹³ *The Suffrage Annual Women's Who is Who*. L., 1913. P. 52.

теля, 49 видных деятелей церкви, 24 представителя высшего офицерства в армии и на флоте, 86 ученых и такие писатели, как Э. М. Фостер, Томас Гарди, Г. Уэллс, Джон Мэйсфилд и Артур Пинеро¹⁴. Среди членов МЛИЖ были также коммерсанты, адвокаты, врачи, деятели искусства. Спецификой национального состава Лиги было наличие в ней довольно большого количества евреев, среди которых наиболее видную роль играли Израэль Зангвилл и выходец из России Яков Прилукер. Известный писатель и сионист Зангвилл был создателем Еврейского территориального отделения Лиги, вице-президентом Сассекского отделения, в 1913 г. — вице-президентом всей организации. Талантливый публицист Яков Прилукер долгое время издавал газету “*Anglo-Russian*”, в которой последовательно выступал за права женщин.

Мужская лига в поддержку избирательных прав женщин была непартийной, точнее межпартийной, организацией. В ее рядах были либералы, консерваторы, лейбористы. Среди них можно назвать консерваторов лорда Солсбери и Лоуренса Хаусмана, либералов Уолтера Макларена, Малькольма Митчелла, Уильяма Дикинсона, лейбористов Филипа Сноудена, Джорджа Лансбери, Генри Брэйлсфорда. Почетным вице-президентом был Лиги был бывший премьер Южной Австралии Джон Кокберн (Cockburn). Выступая в Квинз-Холле в 1908 г. перед членами Лиги, он уверил, что полное избирательное право, дарованное женщинам в Южной Австралии в 1894 г. (активное и пассивное) не привело к кризису семьи и другим негативным последствиям, на которые ссылались антисуфражисты.

Президентом организации был консерватор лорд Литтон, чья сестра Констанс была активисткой ЖСПС, регулярно подвергавшей опасности свое здоровье, попадая в тюрьму за участие в милитантских акциях. Неудивительно, что лорд Литтон в своих речах неоднократно заявлял: «Моя главная цель и желание сделать так, чтобы отпала необходимость в милитантских действиях»¹⁵. Провозглашая себя немилитантской организацией, Лига, тем не менее, поддерживала как конституционалистов, так и суфражеток. Ее чле-

¹⁴ *Crowford E. The Women's Suffrage Movement. A Reference Guide. 1866–1928. L., 2001 P. 405.*

¹⁵ *Men's League Annual Meeting, Queen's Hall, February, 20 // The Vote, Saturday, February 24 1911.*

ны сотрудничали с Женским социально-политическим союзом и Женской лигой свободы, их фамилии можно встретить в списках доноров этих организаций, 18 июня 1910 г. члены Лиги принимали участие в процессии ЖСПС. Важной сферой деятельности Лиги было предоставление ораторов на собрания других организаций. Спрос на них постоянно возрастал, и в 1912 г. члены Лиги выступали на 400 собраниях, некоторые более 60 раз. Одним из наиболее активных ораторов был известный хирург Чарльз Манселл-Мулинн, муж суфражетки Эдит Манселл-Мулинн. В 1913 г. он оперировал бросившуюся под копыта лошади на скачках в Эпсоме суфражетку Эмили Дэвисон, пытаясь спасти ей жизнь. Благодаря деятельности вице-президента Лиги, актера Джонстона Форбса-Робертсона, мужа президента Лиги актрис-суфражисток Гертруды Эллиотт, многие писатели и драматурги прониклись симпатией к идеям суфражизма и выступали на литературных вечерах Лиги писательниц-суфражисток. Таким образом, члены Лиги, как и мужчины-суфражисты предшествующих поколений рассматривали в качестве своей основной задачи оказание помощи и поддержки женским суфражистским обществам, стараясь придерживаться нейтралитета в отношениях между ними. На мероприятиях и ежегодных собраниях МЛИЖ также обычно присутствовали представительницы женских суфражистских организаций обоих направлений.

Сотрудничая с другими суфражистскими организациями, Лига проводила большое количество собственных мероприятий. Члены Лиги организовывали в Гайд-парке два собрания каждое воскресенье, массовые собрания и митинги в Квинз-холле, на Трафальгарской площади. МЛИЖ имела свое собственное печатное издание *The Men's League Monthly Paper* (1909–1914). Согласно суфражистской традиции организация имела собственные цвета, черный и желтый, и девиз, придуманный Лоуренсом Хаусманом: «То, что хорошо для женщины, необязательно плохо для мужчины» (“Women's Right is no Man's Wrong”).

Используя свои возможности избирателей и политиков, члены Лиги концентрировали свои усилия на пропагандистской работе, лоббируя в парламенте путем посылки депутатий и писем. Они сами выдвигались в качестве парламентских кандидатов и многие проходили в парламент. Их тактика варьировалась в соответствии с изменениями политической обстановки. Первоначально они возлагали

основные надежды на объединение усилий всех сторонников суфражизма в парламенте, для того, чтобы заставить правительство принять билль в интересах женщин. Ее члены активно выступали на парламентских выборах, задавая вопросы на собраниях и оказывая давление на кандидатов. В созданном в 1910 г. парламентском Согласительном комитете было много членов Лиги. Как отмечал лорд Литтон, ставший его президентом, «создание Согласительного комитета было важным шагом в развитии суфражистского движения, так как оно подразумевало создание суфражистского общества в стенах парламента»¹⁶. Однако после того, как в 1910 г. правительство отказалось оказать поддержку Согласительному биллю, Лига вплоть до июля 1911 г. занимала антиправительственную позицию и придерживалась тактики провала правительственных кандидатов на выборах, что поставило тех ее членов, которые принадлежали к либеральной партии в очень сложное положение, ибо они оказались вынужденными выбирать между членством в МЛИЖ и политической карьерой. Отмечая это обстоятельство, член исполкома МЛИЖ Сесил Чэпмен следующим образом прокомментировал сложившуюся в организации в связи с переходом к новой тактике ситуацию:

«Новая политика — это проверка искренности желания со стороны мужчин справедливости для женщин и это может привести к выходу тех, кто, может быть, искренне симпатизирует суфражизму, но не в силах поставить его выше других политических целей. Тот, кто к нам присоединится сейчас, а я могу предсказать значительное увеличение членства, знает, что он должен ставить женский вопрос впереди всего остального. Милитантские действия разрушили бойкот прессы, и также антиправительственная политика, если она будет принята повсеместно, приведет к падению правительства»¹⁷.

Таким образом, Мужская лига за избирательные права женщин переходит к той же антиправительственной тактике, что и милитантские организации, рассчитывая путем создания серии политических кризисов заставить правительство либералов уйти в отставку. Однако, в отличие от милитанток, руководство Лиги все же решило сделать исключение для друзей суфражизма:

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Kennedy M. O. Mr. Cecil Chapman, J.P. on the Change of Policy in the Men's League // The Vote, Vol. II, № 49, Saturday, October 8, 1910. P. 280.

«те либералы, которые выступают за Согласительный комитет и оказывают ему эффективную помощь, не должны подвергаться никаким нападениям. Мы не можем работать против тех, кто так хорошо работает для нас»¹⁸.

Однако в результате смены тактики либералы Г. Чэнселлор и У. Макларен были вынуждены на время выйти из Лиги, несмотря на то, что первый был вице-президентом, а второй — членом исполнительного комитета¹⁹. Кризис в Согласительном комитете после того, как Асквит в ноябре 1911 г. внес в парламент билль о всеобщем избирательном праве для мужчин, что означало крах надежд на прохождение Согласительного билля, породил новые споры о тактике. В итоге к 1912 г. МЛИЖ, так же, как и другие суфражистские организации, начинает рассматривать в качестве своего основного союзника не либеральную, а лейбористскую партию.

Вскоре в мужском суфражистском движении также происходит раскол на умеренных и сторонников милитанства. Расхождения в тактике привели к выходу из Лиги тех ее членов, которые считали ее политику недостаточно радикальной. В 1910 г. они организовали Мужской политический союз за наделение женщин правом голоса. Это была милитантская организация, поддерживающая Женский социально-политический союз. В 1911 г. выходцами из Лиги капитаном Гонном и ирландцем Альбертом Джамрашем создается еще одна милитантская мужская организация, Мужское общество в защиту женских прав, также выступавшая в поддержку ЖСПС. Председатель Мужского политического союза Генри Нэвинсон, также бывший член Лиги, выступая в защиту милитантства, обосновывал необходимость его поддержки, апеллируя к преемственности милитантства с радикальной теорией и классической либеральной доктриной:

«Говоря о суфражистках сейчас, я прежде всего имею в виду милитанток. Широко известно, что существует большое количество прекрасных суфражистских обществ, как имеющих долгую историю, так и недавно созданных, которые тратят огромное количество энергии для того, чтобы отмежеваться от милитантства. Но в данный момент только

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ The Men's Share? P. 16.

милитанток следует принимать во внимание, поскольку они реализуют старое изречение Милля: “переход привилегий к непривилегированным слоям редко когда происходит другим путем, кроме как насильственным захватом этих привилегий со стороны непривилегированных”. Либо они вспоминают слова Мэри Уолстонкрафт “Благоразумие всегда является прибежищем слабых, и они никогда не заходят так далеко, как те, кто намерен любой ценой добиться своего. И если победа будет завоевана, то только благодаря милитанткам»²⁰.

Наиболее крупной и известной мужской милитантской организацией был Мужской политический союз за наделение женщин правом голоса. Так же, как и в МЛИЖ в Союзе было много талантливых ярких личностей, хотя было значительно меньше членов парламента. Большинство ее членов также составляли образованные представители среднего класса, но здесь было значительно больше, чем в Лиге, лейбористов, социалистов и рабочих. Таким образом, социальный состав организации был близок к социальному составу ЖСПС. Кроме того, многие руководители Союза были женаты на суфражетках. Так, мы уже писали о браке основателя Союза и его бессменного секретаря Виктора Дюваля и Уны Дагдейл, которая была активисткой ЖСПС. Председателем Союза был радикальный журналист, член Социал-демократической федерации, Генри Нэвинсон, дважды женатый на милитантках: первый раз на Маргарет Нэвинсон, сначала состоявшей в ЖСПС, а затем ставшей одной из основательниц Женской лиги свободы, а затем на журналистке Эвелин Шарп, также активистке ЖСПС. Секретарем Союза был член Независимой рабочей партии Хью Франклин, женатый на сестре Виктора Дюваля Элси, также состоявшей в Женском социально-политическом союзе. Огромное количество его тетушек и кузин (он происходил из разветвленного богатого еврейского рода) также участвовали в различных суфражистских организациях. Казначеем Союза был Генри Харберн, «фабианец, итонец, богатый и слегка чрезмерный»²¹. Организации симпатизировал ведущий теоретик лейборизма и фабианского социализма Джордж Коул.

²⁰ *Nevinson H. Women's Vote and Men / Published by Women's Freedom League. Reprinted from The English Review. L., 1908. P 8.*

²¹ *The Men's Share? P. 20.*

В предыдущих главах мы отмечали, что участие в женщин милитантских акциях приводило к конфликту с родственниками и мужьями; некоторые из них даже становились антисуфражистами. Союз объединял иных мужчин: тех, кто искренне стремился помочь близким им женщинам добиться справедливости.

Организация быстро разрасталась. К 1913 г. отделения Союза были созданы в Халле, Бирмингеме, Оксфорде, Лидсе, Ньюкасле, Манчестере, Эдинбурге, Глазго, Лестере, Данди, Рединге, Хэрроу, Хэллоуэе, Вест Хэме, Скарборо, в Окфордском университете. В 1914 г. было открыто еще 3 отделения. К июлю 1914 г., когда милитантская кампания стала еще более опасной, и милитантки во время своей агитации стали все чаще подвергаться физическому насилию, Союз организовал Отряды по защите суфражистских ораторов (Suffrage Speakers Defense Corps). Поддерживая во всем ЖСПС, члены Союза копировали его тактику: задавали вопросы кандидатам на предвыборных встречах с избирателями, продавали суфражистскую литературу на улицах, участвовали в милитантских набегах на парламент, били окна, поджигали здания. Будучи арестованными, они так же, как и милитантки, объявляли голодовку и подвергались насильственному кормлению. Первыми суфражистами, добровольно отправившимися в тюрьму стали Виктор Дюваль и Джордж Джейкобс, отказавшиеся заплатить штраф за то, что задавали вопросы Ллойд Джорджу о его отношении к избирательному праву для женщин на одном из собраний либеральной партии во время предвыборной кампании 1910 г. Они были приговорены к семидневному заключению за нарушение общественного порядка, причем им также, как и суфражеткам, пришлось отбывать наказание в так называемом втором разряде вместе с уголовниками, хотя как политзаключенные они имели право отбывать его в первом разряде тюрьмы. Хью Франклин, будучи приговоренным в начале 1913 г. к девятимесячному тюремному заключению за поджог железнодорожного вагона, за время пребывания в тюрьме подвергся насильственному кормлению более ста раз, пока в состоянии полного истощения не был освобожден согласно печально знаменитому закону «Кошки-мышки»²².

²² Любопытно, что название «кошки-мышки» закону о временном освобождении суфражеток по состоянию здоровья было дано суфражистом во

Как уже было отмечено, в Союзе было достаточно много рабочих, которые принимали не менее активное участие в его акциях, чем представители среднего класса, также рискуя своим здоровьем и безопасностью. Так, в 1910 г. внимание общества было привлечено к рассмотрению в суде иска члена Союза Альфреда Хокинса к Лиге молодых либералов. 26 ноября 1910 г. он был избит стюардами из Лиги за то, что задавал вопросы по поводу политических прав женщин на предвыборном митинге Черчилля в Лестере, несмотря на то, что, как избиратель, он имел на это право. Его колено было сломано в двух местах, так что он был вынужден провести месяц в госпитале и потом 4 месяца не мог работать. Его жена Элис находилась в это время в тюрьме за участие в милитантской акции, и семеро детей осталось без присмотра и средств к существованию. Он подал в суд на Лигу молодых либералов и отсудил у них 100 фунтов в 1911 г. в качестве компенсации ущерба.

Вышеприведенные факты свидетельствуют о том, что мужчинам-суфражистам действительно относились как к «предателям мужского дела». М. Фосетт отмечала суровость закона по отношению к милитанткам²³. Подобное отношение наблюдалось и к их сторонникам мужского пола. Нападения на мужчин-суфражистов, требующих ответов на свои вопросы на предвыборных собраниях различных политических деятелей (случай с Хокинсом был не единственным) свидетельствуют о той ярости, которую вызывали эти «предатели» у антисуфражистски настроенных обывателей.

Отстаивая интересы суфражисток и участвуя в суфражистских акциях, мужчины-суфражисты, часто жертвовали не только своим здоровьем, но и своей карьерой, ибо их действия воспринимались работодателями как компрометирующие. Так, Хью Франклину пришлось оставить пост секретаря в почтовом министерстве, Альберту Джамрашу — уйти с должности редактора *Awakener* по требованию читательской аудитории, полагавшей, что его тесная связь с ЖСПС и защита милитантства не соответствуют направленности газеты. В 1909 г. Генри Нэвинсон и Генри Брэйлсфорд сами покинули редакцию *Daily News* в знак протеста против того, что редак-

втором поколении, консерватором Робертом Сесилом, отец которого голосовал в 1867 г. за поправку Милля.

²³ *Fawcett M. Women's Suffrage. L., 1912.*

тор газеты отказался опубликовать материалы, осуждающие насильственное кормление милитанток в тюрьмах. Как вспоминал впоследствии Нэвинсон, ни ему, ни Брэйлсфорду впоследствии так и не удалось найти себе постоянной работы в какой-либо газете²⁴.

Не все мужские организации в поддержку суфражизма полностью включались в суфражистское движение, принимая участие в суфражистских мероприятиях и заимствуя тактику и методы женских суфражистских обществ. Так Мужской комитет за справедливость в отношении женщин, основанный в 1909 г. после ареста членов депутации Женской лиги свободы в парламент, поставил своей задачей наблюдать случаи, когда женщин арестовывали за суфражистскую деятельность и отслеживать нарушения их прав при аресте, вынесении приговора и заключении. Его члены представляли отчеты об этом в министерство внутренних дел, требуя соблюдения законности в отношении женщин. Организация оказывала также всемерную поддержку Согласительному комитету и агитировала за принятие согласительного билля. Таким образом, эта организация не участвовала непосредственно в суфражистских мероприятиях, ограничивая свою деятельность правовой и информационной поддержкой суфражисток.

Среди мужчин-суфражистов следует также отметить активных сторонников политического равноправия женщин в парламенте, не входивших в состав мужских суфражистских организаций. Из них наиболее преданными делу суфражизма в этот период становятся представители лейбористской парламентской фракции Джеймс Кейр Гарди и Джордж Лансбери, старавшиеся оказывать давление на лейбористскую партию с целью заставить ее стать последовательной сторонницей суфражизма как в стенах парламента, так и вне его.

Известно, что Кейр Гарди, который находился в давних дружеских отношениях с семьей Панкхерст, был инициатором создания Женского социально-политического союза. Как основатель Независимой рабочей партии и один из создателей лейбористской партии он был наиболее влиятельным сторонником суфражистов в лейбористской парламентской фракции, иногда используя свое влияние для того, чтобы заставить партию принять решение в поддержку суфражизма. В 1907 г., когда на партийной конференции в Белфасте была

²⁴ *Nevinson H. W. Fire of Life. L., 1935.*

отклонена резолюция, «побуждающая немедленное распространение избирательных прав на женщин», он заявил, что «не желает иметь ничего общего с движением или партией, которые повинны в несправедливом отношении к женщинам, отрицая за ними то право, которого они добиваются для себя»²⁵. Выход из партии ее основателя, чей авторитет среди рабочих был огромен, грозил очень серьезными последствиями, поэтому в результате был достигнут компромисс, в результате которого парламентариям-лейбористам было разрешено голосовать за суфражистские билли в соответствии своим личным убеждениям, а Харди был избран председателем партии. Он не только активно лоббировал интересы суфражисток в парламенте, но и неоднократно выступал на суфражистских митингах, ратуя за избирательные права для женщин. Свои взгляды на женское равноправие он выразил в памфлете «Гражданские права женщин. Призыв к женскому политическому равноправию»:

«Период «полуангела, полуидиота» закончился. Женщина пробивает себе путь во всех сферах человеческой деятельности. ...Рано или поздно мужчине придется обращаться с ней как с равной, и нет лучшего начала, чем признать ее право на равенство»²⁶.

Как явствует из статьи З. Минович, переведшей памфлет на русский язык, Кейр Гарди был образцом политического деятеля для русских суфражисток²⁷.

Муж суфражетки Джордж Лансбери также был горячим сторонником милитанток, поддерживая их в самых радикальных акциях. В 1912 г. он обрушился на парламентариев с гневной речью, требуя отмены насильственного кормления и освобождения милитанток из тюрем:

«Это самая позорная страница в Англии. Ваши имена войдут в историю, как имена людей терзавших и пытавших женщин... Эти женщины показывают нам, что такое настоящие женщины. Вы обязаны уважать их за то, что они отстаивают свое женское достоинство»²⁸.

²⁵ Times, February 28, 1907.

²⁶ Keir Hardie J. The Citizenship of Women. A plea for Women's Suffrage. Manchester, 1906. P. 14.

²⁷ Минович Н. Кейр Гарди и его защита равноправия женщин // Союз женщин, 1908, № 1.

²⁸ Панкхерст Э. Моя жизнь. Записки суфражистки. Пг., 1915. С. 183–184.

Для рядового члена лейбористской парламентской фракции Джорджа Лансбери горячая поддержка женских избирательных прав была чревата серьезной угрозой для политической карьеры, поскольку его расхождение с политикой фракции в целом (он настаивал на голосовании против всех правительственных биллей до тех пор, пока не будет принят билль о праве голоса для женщин, в то время как остальные, в том числе Гарди и Сноуден, полагали, что голосовать следует только против закона об избирательной реформе, исключаящего женщин) привели к разрыву с фракцией и выходу из парламента. В 1912 г. он баллотировался как независимый кандидат в округе Боули и Бромли, где до этого одержал победу как представитель лейбористской партии. Ему была обещана полная поддержка со стороны ЖСПС и других суфражистских организаций, однако эти выборы ему выиграть не удалось. Его поражение вызвало большое разочарование среди суфражисток и, прежде всего, милитанток, однако Х. Смит считает, что его причины крылись не только в непопулярность суфражистской программы кандидата, но и, прежде всего, в сектантской позиции ЖСПС во время ведения избирательной кампании. Грэйс Роу, помогавшая организовывать кампанию от ЖСПС, постоянно критиковала лейбористскую партию, чем настроила против себя электорат этого рабочего округа и местную партийную организацию. В результате стало невозможным сотрудничество суфражисток и лейбористов в поддержку Лансбери в день выборов. Местная партийная организация, «которая не имела достаточное количество транспорта, чтобы доставить на избирательные участки сторонников Лансбери, отказалась предоставить штабу от ЖСПС списки избирателей, которые могли бы проголосовать в его поддержку, в то время как ЖСПС, имевший хороший автомобильный парк, отказался перевозить на нем мужчин: «Миссис Панкхерст никогда не позволит Союзу находиться под мужчинами!»²⁹.

Несмотря на искреннюю преданность делу милитанток, постепенно у мужчин-суфражистов складываются все более напряженные отношения с руководством ЖСПС. В значительной степени это было связано с радикализацией тактики и идеологии Женского социально-политического союза. Начиная с 1912 г. Кристабель Панкхерст все чаще заявляет о «войне полов», и начинает

²⁹ *Smith H.* The British Women's Suffrage Campaign 1866–1928. L., 1998.

выступать против активного участия мужчин в суфражистском движении, несмотря на то, что ряд мужчин-суфражистов воспринимает и поддерживает ее тезисы об антагонизме полов и сексуальной эксплуатации женщин. Так, 7 мая 1912 г. Лоуренс Хаусман выступил с лекцией «Война полов и суфражизм» на собрании местного отделения Женской лиги свободы в Эссексе, в заключение которой заявил:

«Суфражистское движение выявило перед обществом огромное количество проявлений войны полов, являющихся продуктом наших современных социальных условий»³⁰.

Хотя, как справедливо отмечает мой коллега И. А. Школьников, возможно, что неприятие и раздражение руководства ЖСПС вызывало именно заимствование наиболее последовательными мужчинами-суфражистами радикальной риторики и методов милитанток, что лишало их чувства исключительности и роли жертв, испытывающих несправедливое отношение со стороны мужского пола³¹. Действительно, если все больше мужчин были готовы признать справедливость всех претензий со стороны женщин, жертвовать своей карьерой и даже свободой во имя восстановления справедливости, правомерно ли было говорить о непримиримом антагонизме мужских и женских интересов?

Радикализация курса ЖСПС привела к очередному расколу Союза и выходу из него Эммелин и Фредерика Петик-Лоуренсов, что вызвало большую растерянность даже среди милитанток, ибо эта супружеская пара сделала очень много для организации. Несмотря на то, что ЖСПС не признавал мужское членство в своих рядах, Фредерик Петик-Лоуренс, также, как и его жена Эммелин, долгое время были в числе руководителей Союза. Эта супружеская пара внесла не меньший вклад в развитие суфражистского движения эдвардианской эпохи, чем Брайты или Макларены в развитие викторианского суфражизма. Свою приверженность идее гендерного равен-

³⁰ SEX-WAR and Woman's Suffrage. A lecture given by Luarence Housman (Member of the Executive committee Men's League for Women's Suffrage at the Large Essex Hall May 7th, 1912) Women's Freedom League Publications, L., 1912. P. 40.

³¹ Школьников И.А. Мужской суфражизм в Великобритании: риторика и репрезентации // Гендер и общество в истории. СПб., 2007. С. 571–592.

ства Эммелин Петик и Фредерик Лоуренс продемонстрировали при заключении брака, взяв двойную фамилию Петик-Лоуренс. В 1904 г. Кейр Гарди познакомил их с Эммелин Панкхерст, и вскоре супруги вступили в ЖСПС. Несмотря на левые взгляды, Фредерик был способным преуспевающим бизнесменом; свой капитал и свои коммерческие способности он направил на службу ЖСПС. В течение многих лет он был финансовым советником организации, в то время как его жена была ее казначеем. В 1907 г. он основал еженедельную газету *Votes for Women*, которая стала самокупаемым печатным органом Женского социально-политического союза, его успешно реализованной идеей было также создание женского издательства при организации, *Women's Press*. С. Страус называет Петик-Лоуренса главным организатором рекламных кампаний ЖСПС, постановщиком его массовых мероприятий, которые, благодаря его способностям шоумена, становились зрелищными и привлекали внимание публики³². В 1912 г. супруги Петик-Лоуренс вместе с Эммелин Панкхерст и рядом других суфражеток предстали перед судом по обвинению в заговоре. Фредерик был приговорен к девяти месяцам тюрьмы и выплате судебных издержек. В заключении он неоднократно подвергался насильственному кормлению, а после освобождения был вынужден объявить себя банкротом, чтобы заплатить судебные издержки и по искам владельцев магазинов, чья собственность пострадала во время милитантских акций. Возможно, поэтому он выступил против нового курса, провозглашенного Кристабель Панкхерст, в котором во главу угла ставилась атака на собственность англичан. Он также был разочарован решением Кристабель не возвращаться из Парижа, куда она уехала, спасаясь от судебного преследования, и руководить движением из-за границы. В свою очередь, Кристабель опасалась, что ее отсутствие в Англии приведет к нежелательному для нее усилению позиций Петик-Лоуренсов в руководстве организацией³³. Кроме того, она все больше начинает склоняться к мысли, что суфражистское движение должно стать исключительно женским. В результате в октябре 1912 г. Панкхерсты предложили Петик-Лоуренсам выйти из состава ЖСПС. Выдержка Фредерика позволила избежать раскола организа-

³² *Strauss S.* Op. cit. P. 214.

³³ *Crawford E.* *The Women's Suffrage Movement.* P. 541.

ции и нежелательной огласки в прессе, однако выход Петик-Лоуренсов из Союза вызвал разочарование в действиях его руководства со стороны многих суфражисток и суфражистов. В конце 1913 г. у Кристabelle портятся отношения с милитантским Мужским политическим союзом за наделение женщин правом голоса, председателя которого Генри Нэвинсона она обвинила в предательстве суфражистских интересов и сотрудничестве с Ллойд Джорджем³⁴. Результатом несогласия с раскольнической политикой, проводимой руководством ЖСПС стало создание в 1914 г. организации Объединенные суфражисты (United suffragists). В нее вошли многие бывшие члены ЖСПС и Мужского политического союза за наделение женщин правом голоса: Генри Нэвинсон и Эвелин Шарп, супруги Харберн, супруги Лансбери, Лоуренс Хаусман и его сестра Клеменс, Мод Арнклифф Сеннет, супруги Зангвилл, жена Джорджа Бернарда Шоу и др. Вступившие в организацию Петик-Лоуренсы передали Объединенным суфражистам газету *Votes for Women*, которая стала официальным печатным органом. Возникновение и существование этой организации, так же, как и ряда других суфражистских организаций, объединяющих мужчин и женщин (People's Suffrage Federation), свидетельствует о наличии в суфражистском движении достаточно репрезентативного течения, объединившего людей, считавших, что движение за политическое равноправие действительно является *Общим делом* (The Common Cause).

Как уже отмечалось выше, первые самостоятельные организации мужчин в поддержку избирательных прав женщин возникли в Англии. Однако, во многом благодаря пропагандистской работе и авторитету Мужской лиги за избирательные права женщин, идея создания мужских суфражистских организаций начинает восприниматься как актуальная и в других странах, где существовало развитое движение за политическое равноправие полов. В 1908 г. мужская суфражистская организация появляется в Дании, затем аналогичные организации возникают во Франции, Венгрии, Швеции, Германии, Дании, Нидерландах и США, что дает возможность говорить о развитии международного движения мужчин-суфражистов. По предложению Мужской лиги за избирательные права женщин в 1911 г. в Стокгольме был создан Мужской между-

³⁴ The Men's Share?

народный альянс за избирательные права женщин. Его председателем был избран почетный вице-президент МЛИЖ, бывший премьер-министр Южной Австралии Дж. Кокберн. По его инициативе в 1912 г. в Лондоне был созван первый конгресс Мужского международного альянса, явившийся учредительным. Английские организации мужчин-суфражистов: Мужская лига за избирательные права женщин, Мужской политический союз за наделение женщин правом голоса и Мужская федерация за избирательные права женщин выступили его организаторами. Помещение для заседаний было предоставлено Международным женским клубом за избирательные права женщин (International Women's Franchise Club), объединявшим в своих рядах как женщин, так и мужчин. Позднее МЛИЖ опубликовала подробный отчет о ходе конгресса, дающий достаточно полное представление о происходившем³⁵. На конгресс прибыли делегации из Франции, Швеции, Норвегии, Дании, Голландии, Финляндии, США, Японии.

В России не существовало мужских организаций в поддержку избирательных прав женщин, однако в Англии был хорошо известен своей радикальной и феминистской деятельностью уже упоминавшийся издатель газеты *Anglo-Russian* Яков Прилукер. Ему, как выходцу из России, Джон Кокбурн предложил выступить в качестве российского делегата. Предложение было принято с энтузиазмом, и, таким образом, на конгрессе присутствовала делегация, представлявшая Россию в лице Прилукера и его жены-англичанки. Кроме мужских суфражистских организаций на конгресс прислали свои делегации практически все крупные женские суфражистские организации национального уровня и Международный суфражистский альянс, которые участвовали в его работе в качестве наблюдателей, поэтому на коллективной фотографии участников конгресса запечатлено приблизительно равное количество мужчин и женщин. Естественно, что самой многочисленной была английская делегация, хотя, характерно, что ЖСПС не был представлен на конгрессе. Выступая на открытии конгресса Джон Кокбурн заявил: «Мы наблюдаем конец эры патриархата... Имеются свидетельства того,

³⁵ More Light on the Women's Question. Compiled from "Anglo-Russian" and "The Men's League's Monthly Record" by Jakoff Prelooker, Published by the Men's League for Women's Suffrage. Westminster, 1912 // Sophia Smith Collection. Suffrage, England, box 2.

что патриархату предшествовал матриархат, когда управление в значительной степени находилось в руках женщин. Мы не возвращаемся к нему, мы идем к эре, когда общество будет в равной мере использовать лучшие качества обоих полов»³⁶. Самым крупным событием конгресса стал организованный 27 октября массовый митинг в Гайд-парке, на котором с трех платформ в течение дня выступали ораторы из разных стран и была принята резолюция с требованием предоставления женщинам избирательных прав в текущую сессию парламента.

В речах, произносимых на митингах, обедах и встречах, мужчины-суфражисты излагали свои взгляды на необходимость женского равноправия и обосновывали свою позицию в этом вопросе. Лоуренс Хаусман утверждал, неразвитость женщины может привести не только к неразвитости расы, но и к «потере самоконтроля со стороны мужчины, который, владея такой женщиной, будет навязывать ей свои представления о женственности»³⁷. Как всегда, больше всего аплодисментов получила остроумная речь Зангвилла:

«Я с радостью обнаружил, что суфражистские ряды пополнились не кем иным, как бывшим президентом Теодором Рузвельтом, и что женские избирательные права теперь включены в предвыборную программу кандидата в президенты. Никто не может обвинить Рузвельта в немужественности, поэтому и членом Мужской лиги за избирательные права женщин больше нельзя называть обабившимися. Великий американский лось с нами и рычит: “Право голоса для женщин!”»³⁸

Проблема мужественности достаточно часто остро стояла перед мужчинами-суфражистами, ибо с точки зрения обывателя их поведение не вписывалось в общепринятые стандарты поведения настоящего мужчины и расценивалось, как проявление слабости.

На конгрессе был принят устав Мужского международного союза, в котором говорилось, что единственная цель созданной организации — обеспечение избирательных прав женщин. Однако основные резолюции, принятые на конгрессе, охватывали более широкий круг вопросов. Кроме требования немедленного предоставления права голоса женщинам, были приняты резолюции по борьбе с тор-

³⁶ Ibid. P. 17.

³⁷ Ibid. P. 29.

³⁸ Ibid. P. 25.

гом женщинами, о расовой проблеме, о целесообразности имперской политики и в поддержку всех суфражистов и их сторонников. Таким образом, кроме проблемы избирательных прав женщин, в решениях конгресса так или иначе, нашли отражение вопросы, волновавшие в то время мировое сообщество и обычно фиксировавшиеся в решениях других международных конгрессов и съездов.

Международное мужское суфражистское движение продолжало развиваться в последние предвоенные годы. В 1913 г. к Международному союзу присоединились организации Галиции, Богемии, Канады. Английские мужские суфражистские общества в силу их большей численности и опытности продолжали играть в нем ведущую роль. В 1913 г. состоялся второй конгресс в Будапеште, на котором в составе английской делегации присутствовали Кейр Гарди и почетный секретарь МЛИЖ Чарльз Дрисдейл.

Возникновение международной мужской организации исключительно в целях поддержки избирательных прав женщин было очень важным для развития суфражистского движения, ибо значительно ослабляло позиции его оппонентов. Оно опровергало аргументы о неизбежно вытекающей из политического равноправия войне полов, и заставляло политиков более серьезно относиться к требованиям суфражисток, ибо теперь их поддерживали уже действующие избиратели, к тому же часто имеющие реальное влияние в политической жизни. Для самих мужчин-суфражистов, как видно из вышеприведенной цитаты из речи Зангвилла, международное объединение способствовало обретению чувства уверенности и замены ощущения маргинальности чувством исключительности и в, определенной степени, избранности, что, как нам кажется, было необходимо «предателям мужского дела», не всегда встречающим понимание даже со стороны суфражисток.

В целом мужской суфражизм, безусловно, оказал благоприятное влияние на само движение. Обладающие правом голоса и, следовательно, имеющие возможность допуска в партийно-политические структуры, мужчины были ценными союзниками женщин в борьбе за политическое равноправие. Они играли роль посредников между суфражистскими обществами и политиками, как это было, например, в случае с Г. Брейлсфордом, который в 1912 году от имени Национального союза женских суфражистских

обществ начинал переговоры с лейбористской партией о возможном политическом альянсе лейбористов и умеренных суфражисток; или же в случае с лордом Литтоном (президентом межпартийного Согласительного комитета), который в 1910–1911 годах сумел договориться с милитантками о перемирии на период рассмотрения в парламенте согласительных биллей о праве голоса для женщин. Кроме того, вовлечение мужчин в суфражистское движение оказывало влияние и на его восприятие общественностью.

Таким образом, мужской суфражизм в Великобритании начала XX в. был достаточно распространенным явлением, организационно оформленным в сеть эффективно действующих организаций, принимавших активное участие в борьбе за политические права женщин как на уровне участия в суфражистском движении, так и на уровне парламентской деятельности, так как многие мужчины-суфражисты были видными деятелями политических партий и членами парламента. Подводя итоги, можно выделить следующие причины распространения мужского феминизма именно в Англии: длительная борьба женщин за политические права, поляризация общества по отношению к проблеме женских избирательных прав после возникновения милитантства, кризис системы гендерных отношений в начале XX в. Жесткое распределение гендерных ролей в английском обществе согласно господствовавшей концепции сепаратных сфер не устраивало не только большое количество женщин, но и значительное количество мужчин, выступавших за изменение гендерных отношений и включение женщин в сферу публичного. Можно сказать, что период конца XIX — начала XX в. знаменовался в Англии появлением не только «новой женщины», стремившейся к независимости и равноправию, но и «нового мужчины», ценившего в женщине эти новые качества и желавшего видеть рядом с собой не просто «ангела домашнего очага», а равноправного партнера и полноценную личность.

*Шнырова Ольга Вадимовна,
Кандидат исторических наук, доцент кафедры новой,
новейшей истории и международных отношений
Ивановский государственный университет
E-mail: eeicgs@interline.ru*

Е. В. СТЯЖКИНА

МАСКУЛИННОСТЬ КАК ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Ключевые слова: маскулинность; гендерная история; историография; методы исторических исследований

Аннотация: В статье рассматриваются основные подходы, сложившиеся в рамках нового научного направления гендерных исследований — «истории маскулинности». Автором статьи выявляются как условия появления и развития этого направления, так и его познавательный потенциал и дальнейшие перспективы в отечественном историческом знании.

Вопрос о проблематизации мужского/ маскулинного/ «мужественности» в пространстве исторического анализа похож на прогулку по минному полю, где каждый шаг сопровождается взрывом научных дискуссий, спектр которых довольно широк и разнообразен. Накопление эмпирического материала, осмысление и переосмысление теоретических подходов порождают напряжение незавершенной дискуссии, внутри которой — опасности терминологических и методологических разночтений/разнопониманий.

Наиболее «трудными местами» (однако же, и наиболее плодотворными в случае их академической и персональной, авторской, рефлексии) для институционализации мужских исследований в отечественной исторической науке являются:

– консерватизм, приверженность позитивистской методологии, восприятие новой, гендерной, парадигмы как непроверенной модели «экспорта» знания, причем, такого знания, у которого нет укорененности в отечественной почве¹;

– собственно «экспорт», сопровождающийся введением новых терминов и понятий, который, по мнению Сергея Ушакина, является «симптомом колониального сознания, с его глубоко укоренившимся кризисом собственной идентичности, с его неверием в творческие способности собственного языка, с его недоверием к собст-

¹ Подробнее об этом: Здравомыслова Е., Темкина А. Институционализация гендерных исследований в России // Гендерный калейдоскоп: курс лекций / Отв. ред. М. М. Малышева. М.: Academia, 2002. С. 33–51.

венной истории и собственным системам отсчета»². При этом и простая «транслитерация понятий»³, и прямой перевод терминов, которыми оперирует западная наука, иногда оказываются не только неблагозвучными («manhood» как мужчинство), но и либо не вполне понятными и требующими дополнительных пояснений, либо отягощенными теми или иными смысловыми коннотациями, которые изменяют смысл термина (ср.: «masculinity» и «мужественность»), либо и вовсе не имеющими прямого перевода⁴.

– отставание и осознаваемый «догоняющий» характер институализации проблем мужского в историческом поле. При отсутствии полноценного научного диалога Востока и Запада (здесь — в наиболее широком смысле), имеет место как простое калькирование сюжетов, изучаемых на Западе, так и боязнь собственных постановок вопросов, связанная с возможными обвинениями в «недочитанности» и «историографической некомпетентности» автора. Ослабление научных связей на постсоветском пространстве становится фактором непряженности для мирового сообщества многих, в том числе и связанных с проблематизацией мужского в истории, инновационных научных тем и направлений. Страх «постановочной или методологической ошибки» у историков дополняется бессознательным плагиатом у дельцов от науки.

Источником скептицизма относительно актуальности включения мужского/мужественного/маскулинного в историческое поле

² Ушакин С. Человек рода «он»: знаки отсутствия // О муже(Н)ственности: Сб. статей / Сост. С. А. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. Здесь цит. по электронной версии: <http://www.genderstudies.info/sbornik/muzhest/3.htm>. — 25.10.2009.

³ Там же.

⁴ Слово «отцовство» (английское fatherhood), — пишет И.С. Кон, — означает социальный институт, систему прав, обязанностей, социальных ожиданий и требований, предъявляемых к мужчине как к родителю... Реальные отцовские практики (английское fathering) — деятельность, связанная с выращиванием и воспитанием детей... В религиозной литературе и словарях существует особое слово «сыновство» (нем. Sohnschaft, англ. Sonship), сформированное по образцу греческого «*hyiothesia*», от слов «*hyios*» (сын) и «*thesis*» (установление). В русском каноническом переводе Библии оно переводится как «усыновление», но в православной богословской традиции фигурирует и «сыновство». См. подробнее: Кон И. Отцовство и сыновство: социальная и психологическая асимметрия // Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения / Отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб., 2009. С. 56, 58.

являются и ложно понятые результаты «феминологической» революции в истории. Общим местом значительного количества работ по «женской истории» оказывается заявление, что история написана мужчинами, артикулирована мужчинами, ориентирована на патриархатные установки, создана вне/без участия женского. Исходя из этого маскулинность воспринимается как проанализированная, проявленная и прочитанная. Отсюда возникает вопрос: если история создана как мужской порядок рассуждения, то, что именно, а, главное, зачем необходимо проблематизировать и изучать как мужское?

Напряжение при постановке вопроса о маскулинности как исторической проблемы создается и методологическими дискуссиями, порожденными концептуализацией собственно гендерной парадигмы. С учетом того, что история — это наука со сложившимися методами познания, ориентированная, в первую очередь, на работу с источниками, исследователи гендерных проблем сталкиваются с необходимостью выбрать такой ракурс и способ рассуждения, который является наиболее прагматичным при работе с историческими документами. В режиме «отрицания по умолчанию» находятся те теории и подходы (например, теория перформативности гендера), которые сложно «проявить» в практике анализа документов. С другой стороны, «удобная» при работе с документами позитивистская методология признана архаичным наследием, пользоваться которым удобно, но стыдно.

Определяя проблему данной работы в терминах «маскулинность как историческая проблема», автор исходит из собственного приятия теории социального конструирования общества (включающую сегодня и теорию социального конструирования пола и рода, мужского и женского). Однако это приятие не исключает понимания, что сформулированная в терминах «мужчины в истории: возможность быть увиденными»⁵, «человек рода он»⁶ в истории»,

⁵ Парафраз названия сборника научных статей, издаваемых в Белорусском государственном педагогическом университете им. М. Танка под редакцией Ирины Чикаловой: Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2001, 2002, 2002. Вып. 1–3. Следует заметить, что и те исследователи, которые работают в рамках теории социального конструирования гендера (*Hearn J. Theorizing men and men's theorizing: Varieties of discursive practices in men's theorizing of men // Theory and Society. 1998. Vol. 27. № 6. P. 781–816; Clatterbaugh K. What is*

«мужское и мужественное в истории» проблема изучения мужского/маскулинного утратит свой эвристический потенциал. Различие в постановке проблемы подчеркивает различие методологических подходов, но не отменяет актуальности вопроса как такового.

Замечание И. Кона о том, что «методологический гиперкритицизм делает исследователя похожим на сороконожку, которую спросили с какой ноги она ходит. Бедняжка задумалась и после этого вообще не смогла сдвинуться с места»⁷ представляется долгожданной авторитетной «индальгенцией». Индальгенцией для постановки широкого поля исследовательских задач с учетом (но без боязни) возможности использования различных методологий и теорий в изучении маскулинности.

В данной работе мы попробуем рассмотреть основные этапы изучения маскулинности/маскулиностей как исторической проблемы и сформулировать (широко, и, возможно, претенциозно, фантазийно, вне общепринятых методологий или, напротив, на пересечении их) те вопросы и те границы исследовательских полей, в которых проблема маскулинности как истории может быть плодотворной, креативной и просто интересной.

Австралийский социолог Алан Петерсен⁸ заметил, что само слово (как термин и понятие) «masculinity», означающее маскулинность (мужественность, но без нравственно-этической коннотации), в англо-язычной литературе появилось относительно недавно — только в середине восемнадцатого века, и появилось оно именно в тот период истории, когда делались первые попытки определить мужественность и женственность через отличительные телесные признаки. В этот период родилась некая универсальная норма, в которую были включены все ранее обозначенные, проанализирован-

Problematic about Masculinities? // *Men and Masculinities*. 1998. Vol. 1. № 1. P. 24–45) склонны отказаться от термина «маскулинности/маскулиности» из-за его недостаточной определенности и в качестве объекта научного анализа использовать термин «мужчины» (men).

⁶ Ушакин С. Указ. соч.

⁷ Кон И. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире / Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ; СПб.: Алетейя, 2001. С. 583.

⁸ Petersen A. *Unmasking the Masculine: 'Men' and 'Identity' in a Sceptical Age*. London: Sage Publications Ltd, 1998.

ные, но достаточно разрозненные представления о «мужском/маскулинном/мужественном». Универсальная норма предписывала достаточно четкие социальные требования, которые касались мужского поведения, мужского характера, одежды, телесности. Воплощением универсального канона маскулинности «по умолчанию» был признан белый европеец, исповедующий христианство.

Рождение *универсальной нормы* означало, что проявленность мужского в гуманитарном знании получила определенную институциональную форму. Иными словами, был подведен итог различным порядкам рассуждения о мужском в обществе, в природе, в религии.

Это означает, что проблема мужского/ мужественного/ маскулинного ранее уже была, так или иначе, проблематизирована в научном дискурсе. И этот процесс был естественным отражением поиска ответа на вопрос, что есть человек. Кризис мифологического мировоззрения актуализировал проблему новых способов легитимации человеческого. И уже античная философия стала пространством напряженных дискуссий о мужском и женском.

Следует, вероятно, констатировать, что «гендерное беспокойство»⁹ охватывало ученых (философов, богословов, биологов и т.д.) всякий раз, когда человеческие сообщества переживали те или иные кризисы. Угроза самоидентификационным механизмам, изменения социальных и политических порядков, модернизационные процессы, научные открытия, освободительные и эмансипаторские движения — всё это в разные периоды, на разных территориях и в рамках различных подходов и научных дисциплин действовало как «пусковой механизм» для возобновления/продолжения дискуссий о мужском и женском. Можно предположить, что каждый мировоззренческий или социальный разлом, угрожающий привычному миропорядку, требовал подтверждения факта существования каких-то не поддающихся сомнению, «незыблемых основ». Такой основой было «мужское», на протяжении столетий «прибавлявшее» к своим характеристикам все новые и новые черты (дух, разум, воля, сила,

⁹ Название известной работы Джудит Батлер: *Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*. New York, 1990 (на русском языке см. *Батлер Д. Гендерное беспокойство // Антология гендерной теории / Под ред. Е. Гаповой, А. Усмановой. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 297–298*). В данном контексте используется как метафора.

способность к контролю чувственных желаний, рациональность, анатомическое совершенство и т.п.).

Искушения «андрофилией»¹⁰ не избежали ни античные философы, ни раннехристианские богословы, ни средневековые «отцы церкви», ни гуманисты эпохи Возрождения, ни «просветители», ни представители немецкой классической философии, ни правоведы, ни этнографы и антропологи, ни биологи, ни психиатры¹¹. Следует отметить, что проблематизация мужского как исторического носила вспомогательный, иллюстративно-аргументационный характер.

Позиции мужского как универсальной человеческой нормы пошатнулись в связи с первой волной феминизма. Совпавшая с развитием идей культурного эволюционизма, дарвинизма, позитивизма, эта волна стала источником очередного напряжения и поисков научной легитимации незыблемости мужского как общечеловеческой универсальной нормы. Маскулинность была проявлена и проанализирована не только в гуманитарных, но и в естественных науках: психологии, биологии, медицине¹². В 1908 году в Германии

¹⁰ «Андрофилия» — термин, широко использующийся при характеристике гендерной проблематики в философии наряду с понятием «мизогиния».

¹¹ Существует целый ряд работ, в которых проанализирована гендерная проблематика в научном знании (преимущественно в философии и богословии). Исследования построены в рамках феминистских парадигм и методологий и сфокусированы на мизогинистском характере интеллектуальной истории. Такой фокус позволил исследователям осветить не только «поражения женского», но и всевозможные способы легитимации победы «мужского»: Жеребкин С. Гендерная проблематика в философии // Введение в гендерные исследования. Ч. 1.: Учебное пособие / Под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков, СПб., 2001. С. 390–427; Брандт Г. А. Философская антропология феминизма. Природа женщины. СПб.: Алетейя, 2006; Чухим Н. Візія жінки в західній філософській традиції (від античності до модерну). К., 2006.

¹² Савельев А. Юридические отношения между супругами по законам и обычаям великорусского народа. СПб., 1881; Mantegazza P. Gli amori degli uomini. Saggio di una etnologia dell'amore. 2 Bde, Milano: Paolo Mantegazza, 1886; Jellinek G. Adam in der Staatslehre. Vortrag gehalten im historisch-philosophischen Verein zu Heidelberg. Heidelberg: Koester, 1893; Ellis H. Man and woman. A study of human secondary sexual character. London: Scott, 1894; Bloch I. Beiträge zur Aetiologie der Psychopathia sexualis, 2 Bde, Dresden: Dohrn, 1902–1903; Weininger O. Geschlecht und Charakter. Eine prinzipielle Untersuchung. Wien: Braumüller, 1903; Heilborn A. Der Mensch. Sechs Vorlesungen aus dem Gebiete der Anthropologie. Leipzig: B. G. Teubner, 1904; Ellis H. Sexual selection in man: I. Touch, II. Smell, III. Hearing, IV. Vision. Philadelphia:

под редакцией Р. Коссмана и Ю. Вейса вышел трехтомник «Мужчина и женщина». В 1911 году исследование было переведено на русский язык М. А. Энгельгардтом и с дополнениями вышло в России. Во введении Робби Коссман совершенно недвусмысленно формулирует опасения, которые подвигли коллектив авторов на создание фундаментального труда:

«Сильнее, чем в какую-либо иную историческую эпоху, разгорается в наше время борьба между мужчиной и женщиной за место в человеческом обществе, на которое она изъясняет притязание и которого он не расположен предоставить ей. ...Цель этого сочинения — дать обеим сторонам действительно незыблемую научную точку опоры и тем самым несколько охладить тот фанатический пыл, который неизбежно появляется всюду, где недостаток общих знаний по необходимости возмещается фантазией»¹³.

Европейское научное сообщество оказалось в одном шаге от того, чтобы проявить мужчин (как мужчин, а не как королей, рыцарей, ремесленников) в пространстве исторического анализа. Однако первая волна феминизма завершилась определенными политическими победами, а мир в целом оказался лицом к лицу с куда более тревожными и опасными беспокойствами: войнами и диктатурами. Поэтому сложившийся концепт маскулинности приобрел характер метанарратива, который не только предписывал, но и узаконивал стереотипные представления о доминировании мужчин-

F. A. Davis, 1904; Schmitz O. A. Don Juan, Casanova und andere erotische Charaktere. Stuttgart: Juncker, 1906; Kossmann R., Weiss J. Mann und Weib. Ihre Beziehungen zueinander und zum Kulturleben der Gegenwart. 3 Bde, Stuttgart: Union Deutsche Verlags-Gesellschaft, 1908 etc.

¹³ Коссман Р. Введение. Обособление полов // Мужчина и женщина. Спб., 1911. Т. 1. С. 3. Следует подчеркнуть, что, несмотря на акцентированный биологический детерминизм, исследование действительно было фундаментальным и системным. Так, мужское и женское было проанализировано с учетом возрастных, семейных, национальных, расовых, профессиональных и статусных аспектов. Отдельные главы были посвящены репрезентации мужских и женских образов в литературе и искусстве. В третьем томе был дан пространственный исторический очерк, посвященный первобытности и жизни первобытных народов. Вероятно, эта книга довольно длительное время относилась к прецедентным текстам. Именно ее, например, читал известный герой «Золотого теленка» Васисуалий Лоханкин. При этом ни в одном переиздании романа нет специальной сноски, поясняющей, какая именно книга имеется в виду.

европейцев над женщинами и мужчинами-представителями других рас. В первой половине XX в. историописание (как в построении универсальных схем развития общества, так и в оценке конкретно-исторических событий) закрепило маскулинность и гегемонность мужчин белого европейского сообщества в качестве универсально-го и даже единственно возможного бытования мужского.

Но мир менялся. И мир академического знания продолжал болезненно сталкиваться с *другими*: с другими этносами, народами, культурами вне собственных пределов, с *другими* группами *других* в рамках собственных сообществ.

Наиболее плодотворным для того, чтобы усомниться в универсальности маскулинного в истории, снова оказалось столкновение с поставленной, проговоренной, терминологически определенной проблемой феминного. Эта формула «нового рождения» метафорически повторяет историю рождения первобытной социальности, в которой общество сначала роль осознало матери в продолжении рода, а только потом — отца.

Научившись «быть» в истории, сконструировав проблему гендера и гендерных систем, порядков, собственно феминология и гендерология подтолкнули и даже предложили «воспитательный процесс», такое же умение «быть в истории» для мужчин и мужского.

Надо признать, что открытие гендерной методологии в истории в контексте проблемы мужчин/маскулинности не только расширило поле классических тем гендерной перспективы, но и изменило саму эту перспективу. Оказалось, что пространства традиционно проявленной маскулинности — публичные пространства власти, политики, войны, насилия¹⁴, — являются не единственно возможными пространствами изучения маскулинности. Изменение гендерной перспективы обнаруживает мужчин в пространстве приватного (и акцентирует вопрос об искусственности жестко полярного разделения приватного и публичного¹⁵).

¹⁴ В рамках которых создано множество интереснейших работ. В 2007 году в статье «Западная маскулинность в войне и мире» американский историк Роберт Най представил прекрасный обзор нескольких десятков исторических исследований, сфокусированных на этой проблематике: *Nye R. Western Masculinities in War and Peace // American history review. April 2007. V. 112, № 2. P. 417–439.*

¹⁵ *Paitman C. Feminist critique of the public/private dichotomy // Feminism and Equality, Oxford, 1987; Frazer E., Lacey N. The politics of Community: A*

Следует сразу же сосредоточить внимание на том, что маскулинность как научная проблема, проходит в академическом дискурсе тот же самый путь институционализации, что и феминность (женские студии). И, как справедливо заметила Лорина Репина, «новорожденная «история мужчин», призванная дополнить свою «женскую половину», похоже, во многом повторяет» путь «истории женщин»¹⁶.

Во-первых, проблематизация маскулинности осуществляется в рамках феминистских парадигм. И мужское проявляется и анализируется через женское как в терминах взаимодействия, так и в терминах дихотомии и оппозиции. Андреа Конуэлл и Ненси Линдисфарн отмечают:

«В первую очередь маскулинность и мужественность определяются как оппозиция, как то, что не есть женское или женственное»¹⁷.

Кроме того, нельзя не согласиться с Натальей Пушкаревой, которая заметила, что «сторонницы исторической феминологии первыми признали необходимость интеграции своих исследований с трудами историков-андроологов, поскольку только параллельное рассмотрение истории Женского и истории Мужского могло позволить увидеть “в их взаимодействии настоящий мотор истории”»¹⁸.

Во-вторых, маскулинность приходит в историю через психологию (здесь сформулированы биопсихологический, психоаналитический, постфрейдистский подходы), философию (здесь уже предложены эссенциалистский (сущностный), конструктивистский, перформативный подходы), социологию, антропологию, этнографию, искусствоведение (в том числе и литературоведение), политический анализ¹⁹.

Feminist Critique of the Liberal — Communitarian Debate. Toronto: University of Toronto Press, 1993 etc.

¹⁶ Репина Л. П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. С. 29.

¹⁷ Dislocating Masculinity: Comparative Ethnographies / Ed. A. Cornwall, N. Lindisfarne. New York: Routledge, 1994. P. 11.

¹⁸ Пушкарева Н. Л. Как женщин сделали видимыми // Женщины в истории: возможность быть увиденными: Сб. науч. ст. / Под ред. И. Р. Чикаловой. Мн.: БГПУ, 2001. С. 54.

¹⁹ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. New York, 1990; Kosofsky-Sedgwick E. Between Men: English Literature and Homoso-

Пионерами и даже миссионерами (в лучшем смысле этого слова) проблематизации маскулинного являются Р. Коннелл²⁰, Майк Киммель²¹, Игорь Кон²², Джон Тош²³.

Кроме многочисленных монографий, часть которых (если не все) стали классикой жанра, этим исследователям принадлежит приоритет в формировании терминологического поля. И. Кон акцентирует внимание на том, что наполнение термина «маскулинность» имеет три разных, но отчасти пересекающихся смысла:

«1. Маскулинность как дескриптивная, описательная категория обозначает совокупность поведенческих и психических черт,

cial Desire. New York, 1985; *Segal L. Slow Motion: Changing Masculinities, Changing Men. London, 1997. (2-nd ed) etc.*

²⁰ Р. Коннелл (1944 г.) — австралийский социолог, один из выдающихся исследователей маскулинности (*Connell R. W. Masculinities. Berkeley, Calif., 1995; Connell R. W. The Men and the Boys. Berkeley, Calif., 2000; Connell R. W. Gender. London, 2002, Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 851–879 и др.)*

Значительная часть его работ была подписана именем «Роберт Уильям Коннелл». Однако в силу семейных обстоятельств, Коннелл сменил имя и род (но не пол). Сегодня имя исследовательницы Рейвин Коннелл. Соответственно, грамматические конструкции, связанные с женским родом, являются более корректными в цитации ее произведений. Поскольку мы точно не знаем, является ли смена рода для самой Р. Коннелл такой, которая имеет обратную силу, то в части наших грамматических конструкций мы постараемся избежать прошедшего времени. Там же, где это будет нелогично, цитация работ будет сопровождаться двойной родовой конструкцией. Имя исследовательницы, во избежание путаницы, будет обозначено только инициалом.

²¹ *Kimmel M. S. The Contemporary «Crisis» of Masculinity in Historical Perspective // The Making of Masculinities: The New Men's Studies / Ed. by H. Brod. Boston, 1987; Idem. Manhood: The American Quest. New York, 1994; Idem. Masculinity as Homophobia // Toward a New Psychology of Gender / Eds. Mary Ger-gen and Sara Davis. New York: Routledge, 1997; Idem. The History of Men: Essays in the History of American and British Masculinities. Albany, N.Y., 2005.*

²² *Кон И. Мужское тело в истории культуры. М.: Слово, 2003; Он же. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009; Он же. Мальчик — отец мужчины. М.: Время, 2009.*

²³ *Tosh J. The old Adam and the New Man: Emerging Themes in the History of English Masculinities, 1750–1850 // English Masculinities 1660–1800 / Eds. T. Hitchcock and M. Cohen. L.-N. Y., 1999. P. 217–238; Idem. What should Historians do with Masculinity? Reflections on Nineteenth-Century Britain // History Workshop Journal, 1994. 38. P. 179–202.*

свойств и особенностей, объективно присущих мужчинам, в отличие от женщин.

2. Маскулинность как аскриптивная категория обозначает один из элементов символической культуры общества, совокупность социальных представлений, установок и верований о том, чем является мужчина, какие качества ему приписываются.

3. Маскулинность как прескриптивная категория — это система предписаний, имеющих в виду не среднестатистического, а идеального «настоящего» мужчину, это нормативный эталон мужественности»²⁴.

Открытие теории гендера, концепта сексуальности как социальной и культурной конструкции, пересмотр взаимосвязи между биологическим и социальным полом (в работах Дж. Батлер²⁵) привело к признанию того факта, что маскулинность и «мужчинство»/мужчины не есть универсальные понятия. На относительности и вариативности маскулинности акцентировали внимание Дэвид Гилмор²⁶, Р. Коннелл, Игорь Кон и др.

Отсюда, из этого базового понимания была институционализована проблема не маскулинности, а маскулинностей.

Темпы формирования, развития и смены гендерных порядков неравномерны, отмечает Игорь Кон, неодинаковы в разных странах, в разных социально-экономических группах, в разных культурных и религиозных сообществах, в разных возрастных группах и среди разных типов мужчин. В работе с красноречивым (в контексте вышесказанного) названием «Маскулинности» (1995)²⁷ Р. Коннелл рассматривает четыре модели маскулинностей: гегемонные, субординированные, комплицитные (компромиссные, общинные) и маргинальные. Под гегемонной маскулинностью Р. Коннелл в середине 1990-х годов XX века предлагает понимать

²⁴ Кон И. Мужское тело в истории культуры. Здесь цит. по: Кон И. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Часть 1. С. 571–572.

²⁵ Butler J. Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity. N.Y., L.: Routledge, 1990; Butler J. Bodies That Matter: On the Discursive Limits of "Sex". N. Y., L.: Routledge, 1993.

²⁶ Gilmore D. Manhood in the making: cultural concepts of masculinity. London: Yale University Press, 1990; Гилмор Д. Загадка мужественности // Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия / Под ред. С. В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. С. 880–904.

²⁷ Connell R. Masculinities. Sydney: Allen and Unwin, 1995.

конфигурацию гендерной практики, которая воплощает приемлемый в настоящий момент ответ на вопрос о легитимности патриархата, который гарантирует (или считается, что гарантирует) доминирующее положение мужчин и подчинение женщин²⁸.

Носителями гегемонной маскулинности, по Коннелл(у), могут быть не только реальные люди, но также и киногерои, и художественные персонажи. Гегемонная маскулинность «живет» в символах и знаках. Она, как правило, формируется в ситуациях, когда существует определённое соответствие между культурным идеалом и институционализированной властью. В этом смысле, высшие эшелоны государственного аппарата и армии могут считаться носителями гегемонных маскулинностей.

Гегемонная маскулинность исторически изменчива. Ее приписывают конкретным индивидам, но на самом деле гегемонная маскулинность есть коллективное творчество, которое создается и поддерживается социальными институтами — от племени, семьи, цеха до государства. А поскольку носителем гегемонной маскулинности является не личность, а социальные институты, в рамках которых люди взаимодействуют друг с другом, то взаимодействие разных маскулинностей может быть и отношениями власти, и отношениями производства, и отношениями дружбы/вражды, подчинения и протеста.

Концепция гегемонной маскулинности, предложенная Р. Коннелл(ом), сформировала и методологические рамки исторических исследований маскулинностей, и поле напряженной теоретической дискуссии, градус которой повышался по мере накопления и анализа эмпирического, в том числе и исторического материала.

²⁸ Ibid. P. 75. Разумеется, концепция «гегемонной маскулинности» была сформулирована Р. Коннелл(ом) не в один день и не в один год. Она стала результатом начатых еще в 1980-е годы исследований в области изучения мужского опыта: неравенства в средних школах Австралии, особенностей социализации мужчин на рынке труда и т.д.: *Connell R. Which way is up? Essays on sex, class and culture.* Sydney: Allen and Unwin, 1983; *Connell R. Gender and power.* Sydney, Australia: Allen and Unwin, 1987; *Connell R. An iron man: The body and some contradictions of hegemonic masculinity // Sport, men and the gender order / Eds. M. Messner and D. Sabo.* Champaign, IL: HumanKinetics Books, 1990. Монография «Маскулинности» подытожила исследования ученого.

В работе «Мужское господство» Пьер Бурдьё отметил, что ни собственно гендерные отношения, ни «гегемонная маскулинность» не являются самовоспроизводящимися системами. Тактики, механизмы доминирования мужского и исключения женского различаются в зависимости от исторических условий, регионов, социальной стратификации. «Мужское доминирование» всегда является открытым, проблематичным проектом и требует значительных усилий, направленных на его поддержание²⁹.

Плодотворные критические идеи относительно концепции «гегемонной маскулинности» были изложены в статье Д. Деметриу³⁰. Исследователь, соглашаясь с «исторической зависимостью» гендерных отношений, обратил внимание на упрощенческий механизм в использовании и трактовке термина «гегемонная маскулинность». Д. Деметриу предлагает выделять две формы гегемонии: внутреннюю и внешнюю. «Внешняя гегемония» институционализирует господство мужчин над женщинами. «Внутренняя» — проявляет и проблематизирует социальное господство одной группы мужчин над другими. Отношения между этими двумя формами в концепции «гегемонной маскулинности» оказались не обозначенными и не проясненными. Исключительно важной для изучения маскулинности в исторической перспективе является идея Д. Деметриу о том, что гегемонная маскулинность не просто изменяется в связи с изменением исторических условий, но, присваивая иные элементы, сама становится способной как к приспособлению, так и к реконфигурации в новых исторических обстоятельствах³¹.

В 2005 году Р. Коннелл и Джеймс Мессершмидт предложили детальный анализ критики концепции гегемонной маскулинности и определили новые границы теоретических и терминологических полей изучения мужчин/мужского/маскулинного³².

²⁹ Подробнее об этом: *Bourdieu P.* Masculine domination. Stanford, CA: Stanford University Press, 2001 (*Бурдьё П.* Мужское господство // Социальное пространство: поля и практики / Пер. с фр. Ю. В. Марковой. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб. Алтейя, 2005. С. 286–364; электронная версия: <http://bourdieu.name/content/muzhskoe-gospodstvo>

³⁰ *Demetriou D.* Z. Connell's concept of hegemonic masculinity: A critique // *Theory and Society*. June 2001. Vol. 30. № 3. P. 337–361.

³¹ *Ibid.* P. 355.

³² *Connell R., Messerschmidt J.* Hegemonic masculinity. Rethinking the Concept // *Gender & Society*. Vol. 19 No. 6. December 2005. P. 829–859.

Основная критика, обозначили авторы, коснулась пяти принципиальных позиций: что лежит в основе концепции маскулинности, проблема неоднозначности и пересечения смыслов понятия, вопрос о том, каким образом должно опредмечиваться понятие «гегемонная маскулинность», что представляет собой субъект маскулинности, и как «гегемонная маскулинность» соотносится/должна соотноситься с паттерном «гендерные отношения». Принимая конструктивную и плодотворную критику, авторы сочли необходимым пересмотреть концепцию, сохранив при этом фундаментальные понятия о множественности маскулинности и маскулинной иерархии. Кроме того, Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт считают, что гегемонная маскулинность в большей степени связана с авторитетом и социальной властью, чем иные формы маскулинности. И это понимание также необходимо сохранить. Без «ревизии» осталось и положение о том, что «доминирующая мужественность» основывается не только и не столько на силе, но зависит от культурного контекста, легитимизирующих дискурсов, процессов маргинализации альтернативных форм маскулинности³³.

Однако от слишком упрощенного и одномерного понимания гегемонной маскулинности как «глобального доминирования мужчин над женщинами», считают ученые, следует отказаться. В концепции гегемонной маскулинности в роли доминируемых должны быть проявлены «другие» (другие мужчины, носители других канонov маскулинности)³⁴.

Полагая, что проблема гегемонной маскулинности — это поле продолжающейся дискуссии, Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт определили четыре пространства, в которых концепция нуждается в переосмыслении и переформулировании. Речь идет о природе гендерной иерархии, о географии (локальной, региональной, глобальной) конфигураций мужественности, о механизмах социального воплощения гегемонной маскулинности и, наконец, о динамике маскулинностей³⁵. Р. Коннелл и Дж. Мессершмидт заключают:

«Создание и оспаривание гегемонии в исторически изменяющихся гендерных порядках — процесс чрезвычайной важности»

³³ Ibid. P. 846.

³⁴ Ibid. P. 846.

³⁵ Ibid. P. 847.

сти, для изучения которого мы по-прежнему нуждаемся в концептуальных инструментах»³⁶.

Двадцать лет интенсивной работы, накопление теоретического и анализ эмпирического материала позволили акцентировать внимание на том, что маскулинности формируются через отличие, через разницу. Различие — вообще имя общества. Нет обществ без различий, создающих напряжение, порождающих движение социальной жизни. Без разности полюсов невозможно социальное изменение.

Маскулинность всегда формируется, во-первых, как отличие, во-вторых, она формируется как отношение и по отношению к Иному: к женскому, к Другому мужскому, к Другому национальному, к Чужому.

Такие способы формирования маскулинностей и создают иерархические системы — позиции доминирования и подчинения. При этом мужчина/мужчины могут как принимать желательные для них форматы «гегемонной маскулинности», так и отказываться от них. Принятие или непринятие зависит от целого комплекса обстоятельств, а сам процесс является изменчивым и непостоянным на протяжении всей жизни мужчины и/или существования мужчин в тех или иных социальных группах.

Конструкция маскулинности работает в поле категорий изменчивости и различия — возрастного, социального, национального, брачного, религиозного, сексуального.

Именно этот методологический подход плодотворно осваивается в историческом поле.

По-настоящему революционным оказалось, например, проявление мужчины в сфере семейных практик, практик и стратегий сексуальности, любви, дружбы, отцовства, сыновства. Откликаясь на работу Джона Тоша «Место мужчины: Дом и представление о мужественности в сознании среднего класса викторианской Англии»³⁷, (одна из глав которой «Отец и сын» была поистине эври-

³⁶ Ibid. P. 854.

³⁷ Tosh J. A Man's Place. Masculinity and the Middle-Class Home in Victorian England. New Haven and London: Yale University Press, 1999. Перевод названия монографии Дж. Тоша представлен в соответствии и в согласии с тем вариантом, который предложила Л. П. Репина. Именно ей принадлежит приоритет открытия и анализа работ Дж. Тоша как историка маскулинности для отечественных исследователей. См.: Репина Л. П. Женщины и мужчины в

стической. Джон Тош проанализировал четыре типа отцовско-сыновских отношений: отсутствующий отец, отец-тиран, дистанцирующийся и любящий отец), критики Джона Тоша пошутили, что проявленная таким образом проблема маскулинности вызывает у феминисток беспокойство, поскольку введение мужчины в сферу приватного (женского) может снова сделать женщин невидимыми.

Не менее значимыми являются и другие работы. В данной статье некоторые из них представлены вне какого-либо направления или школы, а исключительно в качестве иллюстрации широты и спектра возможных пространств анализа маскулинности в истории. Так, Клиффорд Патни³⁸ анализирует процесс создания гегемонного норматива маскулинности через отношения/ различия с христианским идеалом мужчины, в котором как будто бы не проявлена сила, но проявлено смирение. «Мускулистое христианство» американцев формируется как оппозиция к «смирненному телесному канону» католической церкви. Димитар Камбуров³⁹ рассматривает постсоциалистическую гегемонную маскулинность балканских народов через различие/отношение к гегемонной западной маскулинности. И ставит вопрос о том, как конструируется мужественность в тех регионах, к которым Запад относится как к женственным. (Это очень эвристичный вопрос в исторической перспективе. И может быть продолжен в сравнительно-цивилизационном ракурсе: а как конструируется западная маскулинность через отношение исламского мира к Западу как к женщине?). Ирина Новикова и Кейт Прингл анализируют изменения мужских практик в современной Европе. Методологией их анализа стали постфеминистские теории. В фокусе исследования — идея новой Европы, порождающая идеи «нового расизма» и определяющая каноны «мужской европейскости» через иерархии настоящей/ненастоящей или чистой/нечистой европейской маскулинности⁴⁰.

истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002.

³⁸ Putney Cl. *Muscular Christianity: Manhood and Sports in Protestant America, 1880–1920*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2001.

³⁹ Novikova I., Kambourov D. *Men in the Global World. Integrating Post-Socialist Perspectives*. Хельсинки: Кикимора, 2003.

⁴⁰ Ibid.

Роберт Олдрич⁴¹ предпринимает попытку реконструировать жизнь геев-колонизаторов на основе сотен дневников, воспоминаний, газетных статей, художественных текстов и судебных актов. Действующими лицами книги являются как «знаковые люди эпохи»: Лоуренс Аравийский, Артур Рембо, Андре Жид, лорд Китчернер, Герман Мелвилл, так и «простые люди» — чиновники, моряки, солдаты. Колониальная география представлена как в широком географическом — британские, французские и голландские империи, Индия и Азии, Северная Африка и Восток, Австралия и Океания, так и в узком прагматическом смысле. События и их рефлексии связываются с публичными домами, парками, банями, пустынями, залами судебных заседаний, общинами пограничников, исправительными колониями переселенцев. Работая с источниками, Р. Олдрич реконструирует тексты, учитывая фактор самоцензуры. Один из интереснейших разделов исследования рассказывает о сексуальных контактах европейцев с местным населением: по согласию или без оного. С помощью сексуального насилия европейцы утверждали свое превосходство над аборигенами. По мнению автора, колониальный мир не был раем для геев. Напротив, жесткие гетеросексуальные нормы и правила, вынесенные переселенцами из Европы, в условиях вынужденного тесного сосуществования стали еще жестче и прочнее, чем на родине.

Бертран Тэйтэ⁴² рассматривает возрастные каноны и возрастную относительность/различие в конструкции маскулинного как исторически изменчивом процессе.

Джон Хейнс⁴³ обращает внимание на постройку/отстройку маскулинности через символические образы, транслируемые советским государственным кинематографом. В фокусе исследования — сталинская эпоха, хотя сам автор определяет хронологические рамки шире: от культурной революции, начавшейся в 1920-е годы, и до хрущевской «оттепели», сущностные характеристики которой остались в исследовании не раскрытыми. Хейнс акценти-

⁴¹ Aldrich R. *Colonialism and Homosexuality*. London : Routledge, 2003.

⁴² Taithe B. *Neighborhood Boys and Men: the Changing Spaces of Masculine Identity in France, 1848–71* // *French Masculinities* / Eds. Christopher E. Forth, Bertrand Taithe. Palgrave-UK-USA, 2007. P. 67–85.

⁴³ Haynes J. *New Soviet Man: Gender and Masculinity in Stalinist Soviet Cinema*. Manchester and New York: Manchester University Press, 2003.

рует внимание на роли кино в маскулинизации, централизации и монологах культуры. Наиболее полно в работе проанализировано творчество Григория Александрова и Ивана Пырьева. Автор считает, что именно эти два режиссера сыграли наиболее значительную роль в создании образов маскулинности, с одной стороны, и формировании «новой кинематографической реальности», которая, по сути, заменяла зрителю практическую реальность собственной жизни, с другой. Дж. Хейнс приходит к выводу о том, что образы советского кинематографа, транслированные через подчеркнутую молодость героев, вели к инфантилизации маскулинного и созданию всеобщего паттерна «Отец (Сталин) и дети». «Сыновья большой советской семьи», рожденные музыкальными комедиями Г. Александрова и И. Пырьева, по мнению Дж. Хейнса⁴⁴, зафиксировались в «стадии зеркала»⁴⁵.

Роберт Най⁴⁶ акцентирует внимание на символическом капитале и различиях в символическом капитале, который, трансформируясь в кодексы чести, становится добровольным самоограничением и самовоспроизводством гегемонного норматива маскулинности.

Следует отметить, что в 1998 году один из выдающихся австралийских ученых, настоящий энтузиаст проблематизации маскулинности в гуманитарных науках, Майкл Флуд, зафиксировал трехтысячный рубеж научных исследований о мужчинах/ мужском/ маскулинном⁴⁷. В 2008 году вышло девятнадцатое

⁴⁴ Ibid. P. 182. Следует отметить, что в работе Дж. Хейнса есть выраженный недостаток, связанный, вероятно, с попыткой ответить на вызовы всех современных методологических систем. Исследователь одновременно работает в терминах и теориях З. Фрейда, Ж. Дерриды, С. Жижека, М. де Серто, он мобилизует также теоретические разработки М. Бахтина, Ж. Лакана, Дж. Хоскинга. Результатом подобной авторской неопределенности в методологии исследования становятся неопределенности, поспешности, противоречия, искусственность аргументации в выводах по целому ряду сюжетов. Дж. Хейнс смело преодолел «случай сороконожки», но его «сороконожка» — обьелась и, похоже, не может переварить съеденное.

⁴⁵ Лакан Ж. Стадия зеркала: http://lacan.narod.ru/ind_lak/lac_r6.htm

⁴⁶ Nye R. A. Masculinity and Male Codes of Honor in Modern France. N.Y., 1993.

⁴⁷ The men's bibliography: a comprehensive bibliography of writing on men, masculinities and sexualities, compiled by Michael Flood. Canberra, Australia, 1998. (6-th ed.).

издание этой книги, в которой «библиография мужчин» была представлена 22 400 монографиями, сборниками, статьями, «рассортированными» М. Флудом по тридцати шести категориям. Профессиональным историкам, вероятно, будут интересны не только рубрики «история маскулинности» и «методология и эпистемология», но также и «маскулинность в культуре и репрезентации», «сексуальность», «духовность, мифопоэтика, письмо и психоанализ», «мужские отношения с мужчинами, дружба» и другие⁴⁸.

В поле теоретических подходов к проблеме маскулинности было определено, что гегемонная мужественность базируется на двух китах, двух универсальных принципах, которые ее и создают: первый фаллоцентризм — как символ мужской силы, силы владеть, покорять, оплодотворять, удовлетворять и отнимать, второй — логоцентризм — как комплекс представлений о разуме (интеллекте) как признаке мужского.

Чтобы сформулировать обобщающую форму мужской власти французский психоаналитик Жак Лакан⁴⁹ объединил фалло- и логоцентризм в одно понятие «фаллологоцентризм» («фаллологоцентризм»), которое широко используется в феминистской литературе.

Игорь Кон совершенно точно определил пространство напряжения в создании гегемонной маскулинности: расхождение между фалло- и логоцентризмом делает единый общий канон маскулинности принципиально невозможным (либо уникально индивидуально литературно экзотичным, как, например, образ Рета Батлера в романе М. Митчелл «Унесенные ветром» или Захара Кордовина в романе Дины Рубиной «Белая голубка Кордовы»). Это напряжение и порождает альтернативные образы маскулинности в рамках одной и той же культуры⁵⁰.

⁴⁸ Электронная версия этого полезного ресурса: *Flood M. The Men's Bibliography A comprehensive bibliography of writing on men, masculinities, gender, and sexualities (19-th edition)*. <http://mensbiblio.xyonline.net/> Последнее обновление — 24.01.2008.

⁴⁹ Лакан Ж. Значение фаллоса // http://lacaniens.org.ua/lib/znachenie_fallosa.doc

⁵⁰ Кон И. Альтернативные маскулинности. Исторический экскурс // Меняющиеся мужчины в меняющемся мире. Здесь цит. по электронной версии: http://www.fictionbook.ru/author/igor_kon/mujchina_v_menyayushemsya_mire/read_online.html?page=5

На наш взгляд, особенность функционирования канона нормативной маскулинности заключается в том, что он никогда не мог быть воплощенным. И именно невозможность его воплощения была и остается условием его развития, существования и кризиса (или череды кризисов, которые постоянно изменяли и меняют мир). Очень плодотворной в этой связи является концепция Джудит Батлер⁵¹ о гендере как перформансе, который определяется не биологическим телом, а, напротив, для которого тело есть материализация нормативного идеала. Маскулинность (как и феминность) в рамках этой методологии — это только *приближение* к нормативному идеалу жестко дифференцированных гетеросексуальных полов.

В статье «Перспективы: маскулинности в современной мировой истории», изданной в 1993 году, Р. Коннелл акцентировал(а) внимание на том, что история становления господствующих экономики и государственности европейской и американской культуры, является, в действительности, историей гендерных отношений (связанных с классовыми и расовыми отношениями). Поскольку представителями мирового преобладания были и остаются, в большинстве случаев, мужчины, исторический анализ маскулинности должен быть основополагающим объектом в нашем понимании современного мирового устройства⁵². (Маскулинность как основополагающий объект для понимания современного мироустройства была переосмыслена в уже названной работе Р. Коннелл(а) и Дж. Мессершмидта. Авторы выразили сожаление о том, что в развитии исследований о мужчинах и маскулинности отношения с женщинами и феминностью («гегемонной феминностью» или «акцентированной феминностью») выпали из фокуса аналитических полей.

«Как убедительно показано в биографических исследованиях, женщины занимали центральное место в конструировании маскулинности — как матери, как учительницы, как подруги, как сексуальные партнерши и жены и т. п.»⁵³)

⁵¹ Батлер Дж. Указ. соч.

⁵² Коннелл Р. Перспективы: маскулинность в современной мировой истории // Цит. по: http://www.las.iastate.edu/WSP_KCGS_Partners/russian/modules/stereotypes_nationalism/Connel%20Russian.rtf Статья опубликована в журнале Theory and Society. Vol. 22. N. 5, Special Issues: Masculinities. Oct. 1993. P. 597–623.

⁵³ Connel R., Messerschmidt J. Op. cit. P. 848.

Между тем, на амбициозный призыв «изучать мужчин, чтобы понять современный мир» сегодня ответили и отвечают сотни исследователей Центральной и Восточной Европы, постсоциалистического пространства.

Причем, Восточная Европа не только отвечает на этот призыв, но и создает свои концептуальные подходы к решению проблем маскулинности. И творчество Игоря Кона в этом смысле трудно переоценить. Плодотворные разведки и аналитические построения в рамках разных гуманитарных наук мы имеем сегодня в работах Е. Здравомысловой, А. Темкиной, С. Ушакина, С. Жеребкина, А. Синельникова, Е. Мещеркиной, А. Юрчак, Н. Ходыревой и многих других.

«Вхождение» мужской проблематики в пространство гуманитарных наук в Восточной Европе в целом повторяет процесс ее институционализации в Западной Европе, Австралии, США.

Во-первых, проблема маскулинности сначала «задевает» поля и рамки социологии, психологии, философии, а исторический ракурс остается вспомогательным и большей частью — иллюстративным.

Во-вторых, история маскулинностей/мужчин/мужского актуализируется как анализ недавнего прошлого. Точно так же, как и западные ученые, исследователи постсоветского пространства и стран Восточной Европы пытаются осмыслить современный миропорядок и найти источники и причины создания современных нормативов гегемонной маскулинности. Можно констатировать, что кризис маскулинности, как на Западе, так и в России, в странах Восточной Европы, является одним из источников исторической проблематизации этой темы.

В-третьих, проблема мужского в исторической ретроспективе ставится в значительной степени в рамках методологии социальной истории, эволюционизма, позитивистского дискурса, истории повседневности. И это напоминает процесс институционализации «феминологии», достаточно долгое время проходивший под лозунгом «добавить женщин».

Справедливости ради необходимо отметить, что изучение «мужских сообществ», «мужских профессиональных групп», «этносов мужского поведения» было характерным для советской историографии (как для историографии других стран, развивавшихся под значительным влиянием марксистской методологии, так и вне ее).

Непроблематизированная как мужская, тема находила свое отражение в исследованиях истории рыцарских орденов, княжеских династий, рабочего класса, истории силовых структур («охранки», Красной Армии, милиции, ЧК), истории партии, комсомола и т.п. Накопленный в этих работах фактический материал имеет и сегодня эвристический потенциал. Вопрос заключается в том, чтобы этот событийно-фактологический ряд был прочитан с точки зрения новых методологий. Между тем, и вне контекста гендерной теории некоторым исследователям удалось создать такие работы, в которых анализ мужских практик и мужского поведения не утратил научной актуальности. Речь, например, идет об исследовании польского философа, социолога Марии Оссовской⁵⁴, посвященном этосу рыцаря и буржуа. Отдельные части исследования вышли в Польше в 1956 и в 1973 годах. Не утратили своего познавательного и научного потенциала работы А. Гуревича «Походы викингов», Л. Баткина «Итальянские гуманисты: стиль жизни, стиль мышления» и многие другие исторические исследования, авторы которых, по меткому замечанию Н. Пушкаревой, подобно мольеровскому господину Жюрдону не подозревали, что говорили прозой, но проблематизировали и скрупулезно анализировали именно мужские практики бытия⁵⁵.

Следует отметить, что в современной историографии вопрос о «мужчинах», конечно, не стоит в плоскости «добавить», просто определенный интерес вызывают видимые, очевидные «мужские сообщества» — мужчина на войне (Е. Сенявская⁵⁶), казачество (С. Жеребкин⁵⁷), конструкт «вождя» (А. Тихомиров⁵⁸), морское

⁵⁴ *Оссовская М.* Рыцарь и буржуа: Исследование по истории морали / Пер. с польск., общ. ред. А. А. Гусейнова; Вступ. ст. А. А. Гусейнова и К. А. Шварцман. М.: Прогресс, 1987.

⁵⁵ Следует отметить, что эту метафору Н. Пушкарева применила относительно становления women's study в России. Полагаю, однако, что для ряда исключительных работ, проявляющих мужское и мужественное в истории, она будет так же уместна.

⁵⁶ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999.

⁵⁷ *Жеребкин С.* Сексуальность в Украине: гендерные «политики идентификации» в эпоху казачества // О муже(N)ственности: сборник статей. Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 224–242.

⁵⁸ *Тихомиров А.* Роль личности в новой политической истории: конструкт вождя в условиях современной диктатуры (на примере образа Сталина в ГДР // Новая политическая история. Вып. 4. 2004. Спб.: Алетейя. С. 41–61.

офицерство (Е. М. Лупанова⁵⁹). Исторический интерес вызывают мужские обряды и практики инциализации, практики повседневного поведения определенных слоев населения по профессиональному признаку (А. Б. Богданов⁶⁰).

Общим местом (за редким исключением) в проявленном историческом интересе к мужчинам и мужскому есть либо умолчание, либо декларация при не использовании, либо и вовсе — не использование гендерной методологии.

Это не есть непреодолимая проблема. Это логичный путь институционализации гендерной методологии, которая, с одной стороны, вызывает скепсис у представителей «старой школы», с другой — быстро и продуктивно, даже без «самоназвания», «самоопределения» становится полезной, а отсюда — ускоренно проникает и будет проникать в изучение маскулинности как исторической проблемы.

Второе проблемное поле связано с терминологией и понятиями, которыми можно оперировать в поле исторических исследований. Поскольку историки ориентированы на поиск и анализ, с одной стороны, конкретно-исторических фактов и событий, а, с другой, на создание определенных типологических универсальных схем развития общества, то термин «гегемонная маскулинность» с учетом понимания его иерархичности (собственно гегемонные маскулинности могут быть построены и в маргинальных группах), его вариативности и его всеобщности, требует прагматического уточнения. Уточнения для более упрощенной процедуры его воплощения и использования.

Этот уточнение, по сути, уже состоялось. Имеется в виду широкое распространение понятия «гегемонный норматив маскулинности» или «гегемонная нормативная маскулинность». Такое уточнение дает возможность акцентировать институциональную (властную, символическую, политическую) поддержку желательной для общества маскулинности и соотносить именно нормативы и процедуры их создания в разных сообществах, в разные эпохи, в

⁵⁹ Лупанова Е. М. Норма поведения русского морского офицера на рубеже 18—19 веков: правительственные предписания и требования общества к своим членам // Новая политическая история. Вып. 4. 2004. Спб., 2004. С. 129–152.

⁶⁰ Богданов А. Б. Врачи в первой российской кругосветной экспедиции (1803–1806 гг.): повседневная деятельность и экстремальные ситуации // История повседневности: Сборник научных работ. СПб., 2003. Вып. 3. С. 26–48.

разных культурах. Употребление термина «нормативная маскулинность», например, позволяет снять коннотацию господства и доминирования с этого понятия и оперировать иными добавочными конструкциями. Как например, Анна Роткирх⁶¹ называет позднесоветскую нормативную маскулинность «тревожной», а Соня Роуз⁶² гегемонную маскулинность британцев в период Второй мировой войны «умеренной» (выстроенной по отношению к агрессивному гегемонному нормативу нацизма).

Третье проблемное поле — это история исторической науки и историография отдельных тем и исследований. Здесь можно и нужно поставить следующие вопросы.

Согласившись с тем, что маскулинности (и как конструкция, и как перформанс) базируется на двух универсальных принципах фалло и логоцентризме попробуем проанализировать:

А были ли носители и творцы исторического знания воплощением канона гегемонного норматива маскулинности, соответствующего той эпохе, в которой они жили?

Если работать над этой проблемой в рамках биографического метода, то можно предположить, что нет. Не были. Точнее, они воплощали в большей степени принцип логоцентризма, а другой универсальный механизм — фаллоцентризм — был в их биографиях вторичным, выстроенным от логоса, а часто — не выстроенным и в определенном смысле — провальным.

Таким образом, не оказывается ли история исторической науки (при рассмотрении ее через призму маскулинности и гендерных порядков) полем, где гегемонная нормативная маскулинность и транслировалась, и одновременно, размывалась, изменялась?

Еще один вопрос может быть задан в рамках историографии и биографического метода: как был связан концепт нормативной маскулинности с позицией историка, персональной, индивидуальной маскулинностью того, кто пишет, того, кто говорит? «Чья речь, того и власть». Но чья это была речь?

⁶¹ Rotkirch A. The man question: loves and lives in late 20th century Russia. Helsinki: University of Helsinki, 2000.

⁶² Rose S. A. Temperate Heroes: Concepts of Masculinity in Second World War Britain // Masculinities in Politics and War. Ed. Dudink, Hagemann, and Tosh. P. 192–193.

Как влиял личностный проект маскулинности на дискурс, который предлагался в качестве легитимного?⁶³

Отсюда проблематизируется и поле источниковедения и работы с источниками.

Во-первых, и на это обратили внимание многие исследователи, на протяжении XIX–XX столетий в работе с источниками, как археологическими, этнографическими, так и письменными была проявлена «мужецентричность» (например, в этнографических описаниях бердачизма: мужской бердачизм был и описанным, и увиденным, а женский (по разным причинам) — только названным как факт «с чужих слов»). Об этом пишет американская исследовательница Лорен Хэстен⁶⁴, традиционно (для феминистской парадигмы) называя такую работу с источниками «мужской слепотой как к древним, так и к собственным обществам»).

Во-вторых, интересной является проблема того, как гегемонный норматив маскулинности отражался и отражается на иерархии и верификации источников. У Геродота, Нестора, Жюль Мишле устный источник был в чести. Ныне на вершине пирамиды доверия «законодательные акты», а поле источников устной истории вместе с мемуарами и воспоминаниями маркируется как «вспомогатель-

⁶³ В основу статьи были положены материалы доклада на Международном конгрессе Американского Совета Научных Сообществ и Международной Ассоциации Гуманитариев (Львов, 1–4 октября 2009 г.). При обсуждении указанной в тексте гипотезы белорусский философ Татьяна Шитцова высказала сомнение относительно возможно искусственного противопоставления фалло и логоцентризма, которое может привести исследователя к упрощенной и схематичной логике бинарных оппозиций и, в конечном итоге, довести исследовательскую схему до противопоставления «материального и духовного». Исследовательница обратила внимание на тот факт, что корректнее было бы избегать этого противопоставления, оставаясь в рамках понимания взаимосвязи и взаимозависимости названных принципов. Эта идея является верной и продуктивной. Однако в работе с историческими источниками, во всяком случае, в период их первоначальной обработки — постановки вопроса к источнику — понимание возможности проявления (или не проявления) напряжения между фалло- и логоцентризмом (в терминах И. Кона) в рамках биографического метода может дать интересный и плодотворный ракурс гендерно чувствительного историографического анализа.

⁶⁴ *Hasten L. W. In Search of the "Berdache": Multiple Genders and Other Myths* — <http://www.laurenhasten.com/berdache.htm>

ное», «субъективное», маргинальное, не годное для создания универсальных схем и даже для конкретно-исторического анализа.

В-третьих, постановка маскулинности как исторической проблемы делает необходимым введение и изучение категории «мужского письма»: как в контексте формирования канона, так и в контексте несоответствия канону, в вопросе о методологии власти и иерархии, во многих других ракурсах, в которых изучается «женское письмо»⁶⁵.

Широким полем для изучения маскулинности как исторической проблемы является вопрос о формировании канонов гегемонного норматива и зависимости его от эпохи и от того, кто «проговаривал» канон.

Важным является обращение гедерного-маскулинного взгляда к эпохе первобытности.

Во-первых, с точки зрения проблемы глоттогенеза. Как формировалась речь, как рождался Логос? Был ли этот процесс гендерно-равномерным? Многочисленные теории глоттогенеза позволяют по-разному исследовать и анализировать эту ситуацию. Б. Поршнев⁶⁶ еще в середине XX века предположил, что речь стала защитным механизмом одних гоминид от других, более суггестивных. А что, если Дин Фолк⁶⁷, предположившая, что речь возникла

⁶⁵ Такие попытки уже сделаны как с применением методов гендерного анализа, так и вне этого контекста. Приоритет снова «западный», однако мы также входим в простор этого понимания: *Herbert L. Sussman. Victorian Masculinities: Manhood and Masculine. Poetics in Early Victorian Art and Literature. Cambridge 1998*: анализ идей мужчин и маскулинности в викторианскую эпоху через литературный анализ братства прерафаэлитов, Томаса Карлалла, Волтера Роберта Броунинга и Волтера; *Borenstein E. Men without women: masculinity and revolution in Russian fiction, 1917–1929. Durham: Duke University Press, 2000*: здесь чтение гендера и маскулинности через анализ прозы Олеси, Бабеля и Платонова, без акцента на «мужское письмо», но через вписанность мужского во властные структуры; *Крылова Ю. Жоффруа де Ла Тур Сандрин: «и задумал я написать книгу» // Гендер в истории и общество. СПб., Алетейя, 2007*: анализ текста дворянина как поучение дочерям.

⁶⁶ *Поршнев Б. Ф. О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974*; *Поршнев Б. Ф. Контрсуггестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформации в развитии человечества) Мозг и общество // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/Porsh/KontrIst.php*

⁶⁷ *Falk D. Finding Our Tongues: Mothers, Infants and the Origins of Language. Perseus / Basic Books, 2009.*

как материнский лепет — права? И именно от «материнского лепета» защитились гоминиды-самцы, зафиксировав свое преимущество не только через власть силы, но и через власть слова?

Экологическая теория, теория трудовых выкриков позволяет проследить процесс глоттогенеза как процесс власти, а этнографические данные о наличии «женского» и «мужского» языка — проанализировать, как формировалась символическая иерархия слова как знака, слова как Логоса⁶⁸.

В-вторых, гендерный порядок и поиски маскулинности позволяют, например, переосмыслить феномен палеолитических Венер с точки зрения изображения женского как общечеловеческого, как и с точки зрения «невидимого», «спрятанного», «внутреннего» мужского как нормативного. (Известно, что рейтинг изображений первобытного палеолитического искусства (по убыванию) — это животные, женщины, мужчины (причем, изображения мужчин — это 10-20%⁶⁹ найденных изображений, причем, изображений весьма схематических, условных, дофаллических).

В-третьих, «спрятанная» маскулинность палеолита и мезолита позволяет поставить вопрос о гендерном порядке формирования первобытного символического мира и первобытного искусства. Американский исследователь Дин Сноу обратил внимание на многочисленные отпечатки рук, оставленные художниками по соседству с другими рисунками во французских пещерах Гаргас и Пеш-Мерль, а также испанской Куэвас-эль-Кастильо. Сноу измерил их вдоль и поперек и пришел к выводу, что большинство отпечатанных на стенах рук принадлежало женщинам. Следует добавить, что в сознании архаического человека рука имела большое значение, ее изображение олицетворяло человека в целом⁷⁰.

Пеформативность канона маскулинности в истории очевидна, но только-только становится обозначаемой как историческая про-

⁶⁸ Феминистская критика языка и гендерная лингвистика вплотную подошли к необходимости изучения глоттогенеза через призму гендерной парадигмы: *The Feminist Critique of Language: a Reader* // Ed. D. Cameron. London&New York: Routledge, 1998; *Кирилина А. В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*. 1998. № 2. С. 51–58; *Кирилина А. В.* Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999.

⁶⁹ С учетом разницы подходов в том, что считать мужским изображением.

⁷⁰ <http://www.itogi.ru/paradox/2009/30/142416.html>

блема. Например, эта изменчивость в шкале мужского/женского хорошо проиллюстрирована в контексте античности и, отчасти, эпохи Возрождения (как возрождения символического поля античности): здесь красота являлась проявлением и признаком мужского (Микеланджело считал мужское тело совершенным. В усыпальнице Медичи сначала были созданы мужские фигуры/тела, а потом, к двум из них добавлены женские признаки). Также интересным является нормативность слез в образе рыцаря, изученная в работе А. Суприянович⁷¹.

Р. Коннелл заметил(а), что «при изменении исторических условий гегемонная форма маскулинности становится уязвимой» (гегемонный норматив, добавим мы, и согласимся).

Отсюда еще одно проблемное поле: как, каким способом изменения исторических условий влияют на изменение гегемонного норматива (Сам(а) Коннелл рассмотрел(а) четыре фактора, которые изменили и сформировали современную западную гегемонную маскулинность:

«Распад средневекового католицизма из-за распространения культуры ренессанса и протестантской реформации привел к разрушению аскетических и общерелигиозных идеалов жизни мужчин, принятых в монастырском уставе. С одной стороны, усилилась позиция матримониального союза и супружеской гетеросексуальности как гегемонной формы. С другой стороны, акцентирование внимания на проявлении индивидуальных качеств и прямой связи человека с Господом привело к идее индивидуализма и концепции превосходства, составляющих основу для современной концепции маскулинности. Создание первых иностранных империй атлантическими приморскими государствами (Португалией и Испанией, а впоследствии Голландией, Англией и Францией) было с самого начала гендерным предприятием, восходящим к индивидуальным мужским обязанностям, таким, как военное дело или морская торговля. В современном значении слова, конкистадоры, возможно, являлись первым формированием, которое получило определение “маскулинного” культурного типа. Они, зачастую

⁷¹ Суприянович А. Г. Слезы рыцаря: штрихи к представлениям о мужественности в средневековых рыцарских романах // Гендер и общество в истории / Под ред. Л. П. Репиной, А. В. Стоговой, А. Г. Суприянович. СПб, Алетейя, 2007. С. 418–440.

жестокие и неуправляемые, были исключены из традиционных социальных взаимодействий... Рост городов, вызванный развитием коммерческого капитализма, — Антверпена, Лондона, Амстердама — создал общую атмосферу независимой и комфортной жизни, по сравнению с обстановкой в сельской местности. Новые условия повседневной жизни способствовали появлению радикального индивидуализма.

В свете крупномасштабных европейских гражданских войн — религиозных войн XVI–XVII века, породивших династические войны XVII–XVIII веков — устоявшиеся гендерные порядки сильно пошатнулись. Мерилом этого является тот факт, что революционная борьба столкнулась с первыми радикальными притязаниями на гендерное равенство в европейской культуре, в лице религиозно-политических сект, таких, например, как квакеры»⁷².

Понятно, что ни одно общество, ни одни правила, системы символов и требований не могли быть и не были построены только сверху вниз и только под влиянием объективных факторов.

Изменения снизу — это поле социально-исторической антропологии, предмет которой — человек, человеческое измерение истории, процессов непреднамеренных социальных изобретений. Изменения снизу — это процессы в плоскости безысходности, это подчинение волне ассимиляции или колонизации, но это и процесс «творческого потребления» правил, процесс отталкивания, дифференциации, эмансипации, в которой изменяется баланс власти. «Творческое потребление» — это форма прагматичного противостояния без активного, выраженного протеста. Маскулинность подчиненных — субординирована, однако эта субординация — не навсегда. Потребление новых правил изменяет потребляющих и не всегда в сторону «гегемонного норматива».

Тут *другой голос* маскулинности и другие задания: найти и проанализировать те социальные изобретения, те вызовы, которые меняли мужское как личностное, как групповое, как профессиональное и сами сыграли роль в формировании новых правил и систем гегемонного норматива маскулинности.

В поле исторической антропологии может быть поставлен вопрос о кризисах гегемонных нормативов маскулинности, которые

⁷² Коннелл Р. Перспективы: маскулинность в современной мировой истории...

стали причинами, результатами и сопровождали социальные изменения, изменения самих механизмов существования обществ.

Можно предположить, что кризисы нормативной маскулинности в ту или другую эпоху были сконцентрированы вокруг напряжения между фалло и логоцентризмом. Когда один из универсальных принципов оказывался супердоминирующим, происходил кризис нормативного формата и его изменение, которое сопровождалась и изменением канонов, процессов социализации и так далее.

Через призму кризиса нормативной маскулинности может быть проанализирован процесс изменения всей европейской социальности, и, вероятно, восточной, также. Через нее, например, может быть прочитана история античности и история победы христианского мира (Надежда Орлова в работе «Антропология пола и брака в христианстве»⁷³ подробно анализирует процесс «молчания патриархов», «мужского молчания» и «мужского бессилия в силе, но силы в вере». По сути дела, христианство формирует новый канон, где Логос приобретает священный символизм и не может быть присвоен «простым смертным»: ни Адамом, ни Авраамом, ни Иосифом. Со временем, присвоение Логоса все-таки состоится. И это снова изменит канон нормативной маскулинности).

Конфликт двух нормативов маскулинности (того, что поддерживался античным Римом и того, что формировался в границах христианских сообществ) привел к формированию нового социального порядка и нового норматива маскулинности, значительно отличающегося от названных двух.

Поле исторической демографии дает возможность рассматривать исторические кризисы нормативной маскулинности как фактор глобальных социальных изменений, включая фактор возраста, фактор доминирующих возрастных групп. Что имеется в виду? В антропологической литературе с легкой руки Мартина Дейли и Марго Вилсон существует термин «синдром молодого самца» («the young male syndrome»)⁷⁴.

⁷³ Орлова Н. Х. Антропология пола и брака в христианстве. СПб.: Издательский дом "Мир", 2006.

⁷⁴ Wilson M., Daly M. Competitiveness, risk-taking and violence: the young male syndrome // *Ethology and Sociobiology*. 1985. № 6. P. 59–73. Электронная версия: <http://psych.mcmaster.ca/dalywilson/YoungMaleSyndrome1985.pdf>

Молодые мужчины представляют собой особенную социальную группу, которая по своим физическим качествам, стандартам поведения (тяга к риску, отсутствие беспокойства о собственной безопасности, желание выделиться, склонность к девиантному поведению) резко отличается как от женщин, так и от других мужчин.

На этой почве формируется гипотеза: могут ли социальные изменения и изменения норматива маскулинности быть связанными с тем, что в тот или иной период времени общество становится «молодым» в среднестатистическом, демографическом разрезе? Не лежит ли реализация «синдрома молодого самца» и изменение нормативной маскулинности, например, в основе (или как один из факторов) великого переселения народов?

Работая над проблемами маскулинности в рамках российской империи в начале XX столетия нами, например, было выявлено, что Согласно данным переписи 1897 года 44,9% населения империи были моложе 20 лет⁷⁵. Согласно данным переписи 1926 года моложе 20 лет было 48,7% населения, в возрасте до 25 лет находилось 58% населения⁷⁶. Детство, отрочество и юность — это время личных революций, радикальных, однозначных и простых решений, это время бескомпромиссности, отрицания прошлого и «борьбы с родителями» как вполне закономерного этапа взросления. Представители большевистской власти в определенном смысле не вышли из ситуации подросткового протеста. А, зафиксировавшись в ней, выработали и распространили «невзрослый» (детский, подростковый, юношеский) язык пропаганды и агитации, который был и востребованным и понятным для страны, 58% населения которой было моложе 25 лет.

Историческая демография дает возможность поставить аналогичные вопросы в контексте событий английской, французской революции, войны за независимость США, балканских войн, установления власти Ата-Тюрка в Турции и так далее.

⁷⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. // Под ред. Н. А. Тройницкого. Т. I. Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. С.-Петербург, 1905. Здесь посчитано по данным электронного журнала Демоскоп: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_age_97.php

⁷⁶ Всесоюзная перепись населения 1926 года. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928–1929. Том 9. Здесь посчитано по данным электронного журнала Демоскоп: http://demoscope.ru/weekly/ssp/sng_age_26.php

Проблематичной и новаторской является проблема изучения маскулинности в контексте истории Российской империи, СССР и в контексте истории тех государств, которые были частью этих держав и/или находились под их «методологическим протекторатом».

Игорь Кон⁷⁷ обращает внимание, что нормативный канон маскулинности в России всегда был крайне противоречивым. С одной стороны, с выраженной имперской патриархальностью, с другой — с точно так же выраженной мужской социальной и часто — домашней — субординированностью, которая выливалась в домашнее насилие, бессмысленные и беспощадные (не концентрированные вокруг смысла) бунты.

Украинский канон нормативной маскулинности, вероятно, был еще более противоречивым и в некоторые периоды истории — непроявленным, не прописанным и не проговоренным. Украинский нормативный канон отстраивался по отношению к такому большому количеству других — других элит, других наций, других возрастных, образовательных, социальных групп, женщин, что можно выделить условно две эпохи, когда этот норматив был гегемонным хотя бы для исторического символического поля: это период Киевской Руси и период казачества.

Бесконечно проблематичным можно назвать и норматив гегемонной маскулинности для Сербии, Хорватии, Боснии и Герцеговины, других балканских государств, где «протестность доминируемых» (если речь идет о периоде господства Османской империи) была, вероятно, структурообразующим фактором создания норматива «настоящего мужчины-серба» или «настоящего мужчины-болгарина». В то же время, маскулинность боснийцев, принявших ислам, вероятно, создавала напряженные сценарии личных жизненных проектов, поскольку воспринималась как нормативная и как не-нормативная одновременно.

Проблемными полями сегодня продолжает оставаться советская (и географически шире — социалистическая) идентичность и связанные с ней модели маскулинности (работы Е. Здравомысловой, А. Темкиной⁷⁸, А. Синельникова⁷⁹, Е. Мещеркиной⁸⁰, Е. Трубиной⁸¹ и др.).

⁷⁷ Кон И. Указ. соч.

⁷⁸ Здравомыслова Е. Темкина А. Государственное конструирование гендера в советском обществе // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 3–4 и др.

Нераскрытым остается вопрос о том, существовала ли в реальном, а не в идеальном мире группа носителей нормативной гегемонной маскулинности. Кто желал соответствия канону? Были ли группы и индивиды, которые стремились «себя под Лениным чистить, чтобы плыть в революцию дальше»⁸²? Как долго «революционный канон» был действенным и чем/почему/когда он был изменен? Не превратился ли официальный советский (социалистический) канон нормативной маскулинности в игровые практики? В процесс творческого присвоения, которое сущностно меняло предлагаемые нормы?

Или тоталитарный проект создавал только субординированные и маргинальные сценарии? Можно ли рассматривать советский гегемонный норматив как норматив вечного детства: брачного и внебрачного сыновства/сиротства. Могут ли в таком случае политические и диссидентские организации советской системы быть рассмотренными через логику построения мужских союзов с их выработкой норм и кодексов чести?

Представления о муже(н)ственности советского мужчины в терминах феминности, инфантилизации, инфантильности как проявления и «среднего», и «пограничного» состояний субординированной маскулинности дают возможность обратиться к теории перформативного гендера. И в рамках этой теории поставить две проблемы. Первая связана со значимостью приватной сферы, особенно в 1960–1980-е гг., с превращением приватной сферы — как пространства

⁷⁹ Синельников А. Мужское тело: взгляд и желание. Заметки к истории политических технологий тела в России // Гендер. исследования / Харьк. центр гендер. исслед. 1999. № 2 (1/1999). С. 209–219 и др.

⁸⁰ Мещеркина Е. "Зазеркалье" гендерных стереотипов // Вы и Мы: Диалог российских и американских женщин: Альманах. 1997. № 1(13). С. 19–22; Мещеркина Е. Биографии "новых русских": Гендерная легитимация предпринимательства в постсоветском пространстве // Гендер. исследования / Харьк. центр гендер. исслед. 1999. № 2 (1/1999). С. 123–144.

⁸¹ Трубина Е. «В форме себя держать!»: социальные симптомы и экзистенциальные тупики мужской биографии // О муже(N)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. Москва: НЛЮ, 2002. Эл. доступ: <http://www.gender-ehu.org/files/File/Trubina.pdf>.

⁸² Маяковский В. Владимир Ильич Ленин. Поэма // <http://www.vmayakovsky.ru/book/110/>

политической свободы (кухни), «добычи пищи» и контроля над ее распределением⁸³ — в сферу реального, а не символического, публичного. Вторая проблема в том, можно ли считать *женщин* носительницами канона *нормативной маскулинности*, но трансляторами — канонов субординированной маскулинности?

Особый вопрос (с учетом огромного массива историографии): был ли нормативный канон рабочего класса гегемонным? И была ли такая социальная группа «рабочий класс», в рамках которого можно было бы говорить о гегемонной маскулинности?

Не менее проблематичным является попытка проанализировать с исторической точки зрения изменения нормативных и иных канонов маскулинности на постсоциалистическом пространстве.

Практически не изученным остается вопрос о конструкциях и сущностях условно «восточных (исламских) маскулинностей» (С. Касымова⁸⁴ о таджикском двойном патриархате, Х. Нурсеитова⁸⁵ о моделях современной исламско-управленческой маскулинности в Казахстане).

В целом, проблематизация маскулинности в историческом поле приобретает все более зримые очертания и, вместе с этим, все более серьезные теоретические и методологические дискуссии. Р. Коннелл называет введение исследований маскулинностей в историческое пространство схожим с катанием по тонкому льду. Уверенность конька здесь, на наш взгляд, зависит от:

– теоретической, методологической включенности в гендерный порядок рассуждения. При этом качество исследований будет зависеть и от того, удастся ли историку избежать методологической всеядности и точно определиться с тем дискурсом, который он сам считает наиболее рациональным для изучения мужского бытования в истории;

⁸³ Проблема домашнего матриархата в социалистическом обществе рассмотрена в работе: Вальчевська С. Особиста свобода. Домашній матриархат // *Ї. Незалежний культурологічний часопис. Гендерні студії*. 2000. № 17. С. 28–43.

⁸⁴ Касымова С. Гендерная система таджикского общества: путь к модернизации (советский период) // *Гендерная система: состояние и тенденции развития* / Под ред. Ш. Шоисматуллоева. Душанбе: АН Республики Таджикистан: Институт философии права, 2004. С. 132–159.

⁸⁵ Нурсеитова Х. Дискурсивное конструирование отцовства // *Мужское и мужественное в современной культуре: Научные доклады и сообщения*. Отв. ред. Н. Х. Орлова. СПб., 2009. С. 81–85.

– определения терминологического поля, сужения, уточнения, расширения, где это необходимо, ряда терминов; включенности в междисциплинарные исследования; научной и творческой смелости в постановке проблем и преодоления «страха догоняющего»;

– изменения характера работы с источниками и пересмотра ряда выводов, сделанных на основании уже изученных источников; пересмотра объективности и всеобщности принятой ныне иерархии в классификации источников;

– историографического пересмотра и переноса акцентов историографии там, где это необходимо;

– расширения поля изучения маскулинности за счет проблематики широких социальных изменений и возможности их прочтения через фактор кризисов нормативной маскулинности;

– изучения маскулинности в рамках биографического и демографического методов, анализа «мужского письма», введение проблемы маскулинного в поле истории повседневности, истории ментальности, семейной истории, устной истории и социально-исторической антропологии.

Включение маскулинного в поле исторического — это не феминистская и постмодернистская забава, это способ «очеловечить» и «озвучить» историю вне/против/вместе со сложившимися и довлеющими порядками рассуждения.

Мужское и женское в истории делают видимыми не только друг друга, но и гендер, который является не просто родовой характеристикой или «социальным полом», но, по сути, базой, фундаментом, кирпичами и цементом, которыми собирается и скрепляется общество в истории, сегодня и в будущем.

*Стяжкина Елена Викторовна,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории славян
Донецкий Национальный университет (Украина),
Тел.: + 38 062 305 16 56,
E-mail: elena@interdon.net*

ПИСЬМО ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛЫ МАДДАЛЕНЕ ПИКО ДЕЛЛА МИРАНДОЛА¹

Письмо приора доминиканского монастыря Сан Марко, реформатора и духовного лидера Флоренции конца XV в. Джироламо Савонаролы написано предположительно в 1495 г. и адресовано представительнице известного флорентийского семейства — Маддалене Пико делла Мирандола, избравшей монашескую стезю.

По мысли проповедника, Маддалена должна хорошо осознавать, что ее вступление в монастырь означает полный отказ от мирских страстей и привязанностей. Чтобы монашеская жизнь женщины не стала аналогом мирской, Савонарола останавливается на подробном разъяснении того, как необходимо соблюдать три монашеских обета — бедности, целомудрия и послушания. Рассуждения фра Джироламо относительно жизни в монастыре сводятся к подчеркиванию того обстоятельства, что обретение блаженства, недоступного живущим светской жизнью, требует от вступивших в обитель несоизмеримо больших, нежели у мирян, духовных усилий по преодолению земных соблазнов на пути внутреннего очищения.

При чтении текста письма надлежит принять во внимание следующие обстоятельства: в 1493 г. монастырь Сан Марко становится центром самостоятельной, выделившейся из Ломбардской, Тосканской конгрегации доминиканских монашеских общин, что дает возможность Савонароле приступить к их реформированию в духе раннехристианского благочестия². Кроме того, к рубежу 1495–1496 гг. следует отнести начало активизации действий монаха в проведении моральных преобразований в городе на Арно, важной составной частью которых стала духовная реформа женщин³.

¹ Перевод выполнен Е. П. Тельменко по изданию A Maddalena Pico della Mirandola // *Le lettere di Girolamo Savonarola*. A cura di Roberto Ridolfi. Firenze, 1933. P. 80–91. Комментарии и предисловие переводчика.

² См.: *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. М., 1995. Т. 1. С. 125–132; *Чентти Т. С.* Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. М., 1998. С. 68–77.

³ См.: *Тельменко Е. П.* «Если ты, женщина... желаешь жить хорошо, ты больше не женщина..., а человек и обладаешь душой мужественной»: О савонаролианской проповеди «простоты христианской жизни» среди женщин // *Адам и Ева. Альманах гендерной истории.* № 15. М., 2008. С. 139–158.

Постигнув, возлюбленная во Иисусе Христе, желание вашего сердца оставить мирскую тщету и служить всей правдой вечному жениху, милосердие Господа понуждает меня, — вместе с расположением, которое я питаю к вашему дому, — написать эти несколько слов для того, чтобы укрепить вас в вашем намерении и просветить относительно истинного пути к Богу в соответствии с тем положением, к которому вы святым образом возвысились, с тем, чтобы вы не повторили ошибок, присущих многим, и злоупотреблений нашего времени. Ибо многие намереваются оставить мир, но скорее меняют его и идут от одного мирского (существования — *E.T.*) к другому, стократно, будучи введены в заблуждение дьяволом, утрачивают и этот мир, и иной. Посему, следовало бы, возлюбленная во Иисусе Христе, всякому верующему ясно осознавать и, сознавая, постоянно принимать во внимание и, принимая во внимание, горячо любить, и, возлюбив, ревностно делать то, для чего они вступили в монастырь. Многие сейчас не понимают, к какой цели они направились, и поэтому не могут хорошо организовать свою жизнь, поскольку постижение цели является определяющим моментом наших действий. Многим дано постижение цели, но, тем не менее, они, не принимая ее во внимание, живут в монастыре без пользы добрых дел. Иные, постигнув цель и принимая ее во внимание, не возлюбив ее горячо, остаются прохладными (равнодушными⁴ — *E.T.*) и нерадиво вершат дела Господа, не внимая тому, что сказал пророк: *Maledictus homo qui fecerit opus Dei negligenter*⁵. Некоторые, постигнув, приняв и возлюбив, но не действуя так, как подобает, отклоняются от первоначального порыва и многократно утрачивают плоды своего тяжелого труда. Следовательно, вам, — если вы не хотите утратить нелегкий труд в этом воинстве, в которое вы вошли, — следует ясно понимать, постоянно принимать во внимание, горячо любить и ревностно делать то,

⁴ Савонарола часто употребляет термин «*tiepidi*» в значении «равнодушные»; именно в таком состоянии относительно вопросов веры, как представляется монаху, пребывает большая часть его современников.

⁵ В тексте оставлены латинские цитаты, их написание соответствует итальянской публикации источника. В примечаниях будет приводиться русский перевод Библии по синодальному изданию. Здесь, видимо, имеются в виду слова пророка Иеремии: «Проклят, кто дело Господне делает небрежно» (Иер. 48:10).

что является целью верующих христиан, и особенно тех, кто призван для высшей степени совершенства жизни, соответственно, монашествующих⁶. Итак, допустим, что цель всех христиан — царствие небесное, однако сейчас мы не принимаем во внимание конечную цель, я говорю о цели более близкой, во имя которой святые подвижники⁷ постоянно прилагали усилия, чтобы снискать ее в этой, настоящей жизни, и которая есть ничто иное, как любовь к Богу и ближнему; поэтому святые подвижники усердствовали и не обращали внимания ни на что, кроме сосредоточения сознания на милосердии и любви ко Христу распятому, до такой степени, чтобы достигнуть того предела, когда они могли бы вместе с Апостолом сказать: *Christo confixus sum cruci; vivo autem, iam non ego, vivit vero in me Christus*⁸. Так что, ночью и днем их разум не мыслил о прочем, сердце страстно не мечтало, и язык не говорил об ином, как об Иисусе Христе распятом. Из любви к нему они не только не тяготились тяжелым трудом и испытаниями, напротив, им представлялась большой честью возможность испытать мучения за него, того, который удостоился быть распятым за них, так, чтобы иметь возможность с поразительным пылом апостола Павла горячо заявить: *Absit mihi gloriari nisi in cruce domini mei Iesu Christi, per quem mihi mundus crucifixus est et ego mundo*⁹. Следовательно, к этой цели и к этой любви постоянно прикован взгляд истинного верующего, и он настолько приобретает или теряет в вере, насколько растет или уменьшается эта любовь, уразумев слова Апостола: *Finis praecepti est caritas de corde puro et conscientia bona, et fide non ficta*¹⁰. И, поскольку совершенства в этой любви невозможно снискать без чистоты сердца, необходимо, стремясь вырасти в любви божественной, очистить сердце от всякого земного и плотского желания и вырвать скверный корень собственной воли и чувственности, которые, или из-за обстоятельств нашего рождения, или из-

⁶ В тексте: *religiosi*.

⁷ В тексте: *religiosi*.

⁸ Здесь и далее цитируются послания ап. Павла: «Я сораспялся Христу. И уже я не живу, но живет во мне Христос» (Гал. 2:19-20).

⁹ «А я не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа, которым для меня мир распят, и я для мира» (Гал. 6:14).

¹⁰ «Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры» (1 Тим. 1: 5).

за дурной привычки, мы приобрели. И эта чистота является конечной расположенностью к милосердию Христа, поскольку, тот час как человек оставит мирскую тщету и очистит изнутри сердце от всяческой греховной грязи и от всякого пристрастия к сотворенному, последует безграничное милосердие вечного жениха Иисуса Христа распятого. Следовательно, к этой чистоте и милосердию необходимо быть постоянно подготовленным; и, как мы уже говорили, необходимо, чтобы верующий ясно представлял, что он вступил в монастырь ни для чего иного, если не для очищения своего сердца и наполнения его божественной любовью. И поскольку необдуманность отвращает человека от цели, следует постоянно иметь ее перед глазами и постоянно принимать ее во внимание, и страстно желать обрести ее, и усердно и неустанно трудиться для этого. Поэтому в монастыре даются три обета, чтобы очистить сердце от всякого телесного и бренного чувства.

Первый — обет бедности, он очищает сердце от пристрастия к внешним вещам. Означенный обет недостаточно соблюдать наружно, но необходимо чрезвычайно возлюбить бедность, ибо слуга и невеста Христова не стремится обладать ничем, кроме того, что необходимо для жизни, даже с большим трудом и наказанием, не уповая на живого человека, но только на Христа, который питает весь мир. Этот обет, дочь моя, в настоящее время скверно соблюдается многими монахами, которые, — желая быть бедными, но чтобы не нуждаться ни в чем, — оставляют в миру большие вещи, а затем в монастыре запутывают сердце в вещах малых, то есть в пристрастии к келье или новой тунике, к красивому требнику, ножичкам и изображениям Христа-младенца, ножничкам и другой чепухе, которая мешает чистоте разума и раздражает ближних, и, в итоге, они обитают в монастыре как деревья бесполезные и бесплодные в саду. О, жалкое состояние людей, оставивших золото и серебро, а затем ввергнувшихся в песок и грязь! Итак, вам следует принять во внимание, что, также как в миру мужья обожают видеть свою супругу, украшенную золотом и серебром, драгоценными камнями и жемчугом, жених небесный желает, напротив, видеть свою невесту лишенной всяких земных украшений и более бедной, чем это возможно при его положении, поскольку, чем более бедна она будет в действиях и чувствах, тем скорее уподобится ему и, в итоге, будет более приятна ему. Об аббате Арсении можно про-

честь, что, когда он был при дворе императора влиятельным человеком, никто другой при этом дворе не одевался богаче него, а когда он стал затем монахом, никто в ските не одевался хуже него, что было необходимо, чтобы другие монахи, — занимавшие в миру более низкое положение, чем он, — стыдились обладать одеждой лучшими, чем его, и оттого он был образцом и примером бедности для всех других обитателей скита¹¹. И поэтому, желая оставить этот мир из-за служения Христу, снизойдите от многих богатств и высокого положения к бедности Христа нашего Спасителя, и как, превосходя других женщин, которые были бы в вашем обществе, если бы вы обретались в миру, вы были бы более богато и дорого одеты, также и сейчас, в монастыре, вы должны быть облачены более скромно и в худшие ткани, поскольку, если для тех, кто состоит в воинстве дьявола, присуще стремление возвыситься над своими сотоварищами, после того, как они пришли в воинство Христово, они, равным образом, и здесь ищут превосходства над другими. Не будут, следовательно, для вас более приличествовать ни обладание платьем новым или же из изысканной материи, ни позолоченные книжечки¹² или прекрасные требники и другие дорогие книги, ни прочие ценные вещи, присущие вашему положению, поскольку может показаться, что вы не пренебрегли этим миром, и что вы еще помните об отеческом достоинстве и злоупотреблениях и гордыне этого дьявольского мира, как поступают иные, только обратившиеся на путь Христа, которые, желая вступить в монастырь, занимаются новыми тканями и другими, не нужными в монастыре вещами, так что кажется, что они готовятся идти под венец не к бедному Христу, но в этот развращенный мир. Оставьте, оставьте, дочь моя духовная, это излишество и порочную привычку, войдите в монастырь бедной и нагой. Стремитесь обладать старой, грубой и за-

¹¹ Речь идет об Арсении Великом: родился в 354 г. в знатной римской семье; был воспитателем Аркадия и Гонория — сыновей императора Феодосия; в 394 г. тайно оставил двор и удалился в Египетскую пустыню, здесь обрел славу святого; скончался ок. 450 г.

¹² Здесь и далее в тексте встречаются термины *libriccini* и *libretti*, которые переведены как «книжечки». Вероятно, имеются в виду небольшого размера книги для духовного чтения женщин; относительно содержания «книжечек» можно предположить, что в их состав, в том числе, входили проповеди и «Цветочки» Франциска Ассизского.

платанной одеждой; и все прочие вещи, без которых невозможно жить в подобном (монашеском — *Е.Т.*) положении, должны соответствовать бедности, а не суетности. Требник должен быть невеликой стоимости, из тех, которые напечатаны, без миниатюр, без шелковых застежек, без позолоченных листов или других украшений, с закладкой не из золота, а из кожи или простой нити, также было бы намного лучше, если бы вы могли обходиться без требника и произносить службу вместе со всеми прочими, или когда для вас представится случай, с каким-либо требником, общим для монастыря. И ваши книжечки должны выглядеть прилично, но не быть изукрашенными, и после того как вы их использовали, храниться вместе. Келью вашу устройте так, чтобы ее всегда можно было оставлять открытой, даже для воров. Там внутри не должно быть ничего запретного, только необходимое: простая кровать, простое бюро, простые изображения; всякая вещь должна испускать запах бедности. Не должен находиться в вашей келье Младенец (изображение маленького Иисуса Христа — *Е.Т.*), который сейчас является своего рода идолом для монахинь, и они тратят на собственное украшательство большие деньги, которые обогатили бы многих бедняков, и поэтому в Судный день они будут давать отчет Богу, не теряя времени, которое сейчас губят, напрасно совершая вещи тщетные и ребяческие. Вы должны иметь одно распятие, не из золота и серебра, не украшенное и с отделкой, но благочестивое, которое побуждает разум к набожности, и обладающее невеликой стоимостью, чтобы вы могли его легко отдать, уступая просьбам. Вы не должны заблуждаться, утверждая: мои родственники богаты, и ими мне преподнесены ценные вещи; ибо вам в монастыре следует учитывать не только то, что соразмерно положению ваших родственников, но и то, что приличествует положению служения Христу: для того, чтобы вы не только стремились спасти свою душу, но и подать пример спасения другим, заверяю вас сердцем Христовым, что насколько вы возлюбите эту бедность и будете жить просто, настолько большую чистоту, мир и милосердие обретете. И не впадайте в заблуждение, как некоторые, которые утверждают, что означенная бедность состоит не в отказе от внешних вещей, а во внутреннем чувстве; ибо, хотя это истинно, тем не менее, очень тяжело, и даже практически невозможно, обладать внешними вещами и не любить их. Поэтому древние святые,

хотя все их чувства были сосредоточены на Христе, тем не менее, отказывались от всего, зная, что обладание земными вещами есть причина многих грехов. И это хорошо заметно среди всех принявших монашество, и в общих монастырских делах, и в частных — келейных, поскольку они охладели в любви ко Христу, в молитвах редких, изящных, чувственных, многословных, бормочущихся, вспыльчивых, торопливых, непостоянных, завистливых, прекрасных, гордых и непокорных. И это с ними происходит, поскольку они отрунули главное основание — истинную бедность, не понимая, что тот, кто служит Господу в монастыре, должен быть бедным не только в чувствах, но и в действиях. И от этого правила, которое я вам предоставил, не отходите из-за убеждений мирского человека. В ином случае, поверьте мне, вы не обретете желаемого, поскольку это определение всех Святых Отцов, и повседневный опыт свидетельствует об этом.

Второй обет, который очищает сердце от плотских чувств, это обет целомудрия, насколько тяжело его соблюдать, превосходно демонстрирует Святой Августин, говоривший: *Inter omnia christianorum certamina sola dura sunt praelia castitatis, ubi quotidiana pugna et rara victoria*¹³. И это особенно тяжело в молодости, и тем тяжелее, чем большим будет желание служить ей душой и телом. И поскольку целомудрию противостоят три вещи, — то есть внешние вещи, телесная энергия и внутренние размышления, — Святые отцы в вероисповедании предоставили против них три оружия — затворничество, покаяние и постоянное очищение или духа, или тела: тот, кто не может усердно соблюдать эти вещи, не обретет победы в этом сражении. При этом недостаточно, в том, что касается первого, быть затворенной в монастыре, если невеста Христова в означенной обители не укрылась. Многие в наше время затворены между стен, но целый день пребывают у решеток и колес, и под видом набожности и милосердия болтают и тараторят со своими друзьями и родственниками и призывают их почаще приходить с визитами; разумеется, обладай они духом, они не стремились бы ни видеть, не слушать их, напротив, не церемонились бы с ними на словах, не обращая внима-

¹³ «Из всех сражений, которые ведут христиане, самые жестокие — это битвы за нравственную чистоту, когда сражение ежедневное, а победа — редкая.»

ния на их негодование. Обратись они к чтению житий Святых Отцов, обнаружили бы там, как сыновья не желали видеть собственную мать, брат сестру, сестра брата, как говорил Спаситель: *Non veni pacem mittere in terram, sed gladium. Veni enim separare hominem adversus patrem suum et filiam adversus matrem suam et nurus adversus socrum suam; et inimici hominis domestici eius*¹⁴. Так что, моя возлюбленная донна и дочь во Иисусе Христе, вступая в монастырь, оставьте всех ваших близких снаружи, так, чтобы не только не желать их больше ни слышать, ни видеть, — особенно мужчин, — но также не стремиться вспоминать о них, ибо говорит Отец вечный невесте возлюбленного сына своего Иисуса Христа: *Audi filia et vide et inclina aurem tuam et obliviscere populum tuum et domum patris tui et concupiscet rex decorem tuum, etc*¹⁵. Примите во внимание, что невозможно, — подобно тому, как поступают некоторые равнодушные монахини, — беседовать у решеток со светскими лицами и не преисполнять свое воображение множеством суетных вещей и плотским вожделением. Из этого следует, что подобное ваше отдаление от мира, — ибо плоть никогда не перестает докучать духу, — является заблуждением: *Плоть желает противного духу, дух — противного плоти*¹⁶, поэтому вам необходимо второе оружие, то есть — покаяние, в котором следует соблюдать золотую середину, так, чтобы оно не было ни чрезмерным, ни недостаточным; этой середины очень тяжело придерживаться, и невозможно предоставить для начинающих лучшего правила, чем чтобы они советовались с людьми сведущими и скромными в духовной жизни. Поэтому слуга и служанка Христовы должны склоняться к строгому образу жизни, так, чтобы постоянно придерживаться умеренности в еде, питье, сне и других вещах и телесных потребностях, которые должны употребляться как лекарство, о чем говорит Апостол: *Rationabile obsequium vestrum*¹⁷. После этого остается борьба с рассуждением, и для этого необходимо третье оружие, то есть постоянное очищение, или духовное, или

¹⁴ «Не мир пришел я принести, но меч. Ибо я пришел разделить человека с отцем его и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его» (Мф. 10:34–36).

¹⁵ «Слыши, дочь, и смотри, и приклони ухо твое, и забудь народ твой и дом отца твоего. И возжелает Царь красоты твоей и проч.» (Пс. 44: 11–12).

¹⁶ Гал. 5: 17.

¹⁷ «Для разумного служения нашего» (Рим. 12: 1).

телесное; и поэтому Святые Отцы устроили в монастырях так, чтобы слуги Христовы были все время заняты, или в очищении духовном, то есть в чтении, пении псалмов, созерцании и молитвах, или в очищении телесном и ручном труде. Отсюда говорит Святой Иероним: *Semper aliquid operis facito, ut diabolus semper te inveniat occupatum*¹⁸. Итак, если вы будете прилежно соблюдать эти три вещи, вы сохраните лилию вашего девства белой и незапятнанной для вечного жениха вашей души Иисуса Христа.

И третий обет, который очищает сердце от беспорядочных духовных чувств — это обет святого послушания, который выше всякого принесения жертвы, как написано: *Melior est obedientia quam victimae*¹⁹. Означенный обет, если вы стремитесь исполнять его и соблюдать его как следует, чтобы уподобиться вашему жениху, *qui factus est obediens usque ad mortem, mortem autem crucis*²⁰, вам необходимо выполнять, как это сделал некий монах, который в кратчайшее время обрел большую святость при жизни. Ибо, вступив в монастырь, он сказал себе самому: *tu et asinus unum estote (ты и ослица — одно и то же)*. Ослица идет туда, куда ее ведут, переносит большие тяжести и терпит удары, и, тем не менее, молчит. Также и вам следует пренебречь мирской славой и преходящим положением, и помнить, что все мы — дети Адама, все смертны, все схожи и одинаковы по природе, и чтобы вы всегда помнили смирение нашего Спасителя; который, будучи Богом, повиновался человеку, то есть Деве Марии и Иосифу, для того, чтобы человек не стыдился из своей любви подчиняться другому человеку. Следовательно, вступая в монастырь, вы идете служить, а не быть обслуженным, подчиняться, а не командовать, быть подвластным даже тем, кто имел счастье быть вашими слугами в миру. Итак, обладайте твердым намерением в вашей душе не только подчиняться и повиноваться вышестоящим, но и также равным вам и тем, то ниже вас; *sicut filius hominis non venit ministrari, sed ministrare et dare*

¹⁸ «Постоянно занимайся каким-либо делом, чтобы дьявол неизменно находил тебя занятым [в работе].»

¹⁹ «Послушание лучше жертвы.» Здесь Вульгата (1 Sam. 15: 22) по структуре не совпадает с каноническим переводом православной Библии (1 Цар. 15: 22).

²⁰ «Который был послушным даже до смерти, и смерти крестной» (Фил. 2: 8).

*animam suam redemptionem pro multis*²¹. Постоянно имея ввиду, что вся его жизнь состояла в смирении, и что гордыня — начало и корень всякого зла, из-за нее Люцифер со своей гордой компанией, как луч света, упал с неба эмпирея. *Quia qui se exultat humiliabitur et qui se humiliat exaltabitur*²². Короче говоря, вступая в монастырь, вам не следует думать о различении добра и зла, если вам не будет на то указано, не спорить с каким-либо лицом, никогда не противоречить, не считать себя мудрецом; поскольку наш Спаситель говорит: *Nisi conversi fueritis et efficiamini sicut parvuli non intrabitis in regnum coelorum*²³. В монастыре вы стали ниже по положению, придя учиться, как девочка, а не учить. Всякий монашествующий, особенно молодой, который почитает себя мудрецом, пребывает вне пути Господа, и не знает, где обретается.

Итак, возвратившись к началу, я утверждаю, что эти три обета учреждены среди монахов для очищения сознания от всех пристрастий к вещам сотворенным, внешним и плотским, и к внутренним, то есть приверженности к собственному высокому положению, с тем, чтобы сердце целиком освободилось от любви к себе, полностью облачилось в милосердие и воспыало любовью ко Христу распятому, уподобившись ему. И для этой цели устроены все прочие вещи исповедания, то есть посты, бдения, уединение, молчание и молитвы. И поэтому, если монах постоянно не принимает это во внимание, он не сможет постигнуть, приносит ли он пользу в вере. Следовательно, вы, стремясь обрести счастье в этой жизни и иной, должны оставить этот тщетный мир, как вы намеревались, но отринуть его не частично, а полностью и целиком предаться Богу, в любви к которому только и достигаются мир и покой, как говорит Святой Августин: *Fecisti nos, Domine, ad te, et inquietum est cor nostrum donec requiescat in te*²⁴; скрупулезно следуя тому, что я вам написал, сочетайте с этим постоянную молитву, которая является

²¹ «Так как Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф. 20: 28).

²² «Ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лук. 14:11; 18:14; Мф. 23:12).

²³ «Если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18: 3).

²⁴ «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (Августин. Исповедь I, 1).

первостепенным занятием монахинь. Но, поскольку молитва не может быть хорошо исполнена, если она не связана с молчанием и уединением, вам необходимо усердно стараться сдерживать язык, как говорит Святой апостол Иаков: *Qui putat se religiosum esse non refrenans linguam suam, sed seducens cor suum, huius vana est religio*²⁵. Замечу вам, что ни в одной вещи дьявол так быстро не совращает монахов, как в разговоре, поскольку под видом отдыха, или других приятных вещей, он приводит их к частому и неоднократному злословию в отношении ближнего, не принимая во внимание то, что говорит Соломон, что *in multiloquio non deerit peccatum*²⁶, и что многословие умаляет действенность молитвы, которой дьявол боится больше всего прочего, и без которой он несколько не страшится монаха. И если всем монахам надлежит обуздывать язык, то в большей степени это подобает девам Христовым, которым приличествует быть целомудренными и стараться говорить только тогда, когда их вопрошают. Славная Дева Мария подала им пример, когда общалась с Ангелом, он произнес множество вещей, и значительных, и чудесных, а она ответила немногими словами: только теми, которые касались цели Ангела. В конце концов, через многословие монах утрачивает силу духа, тревожит себя и других. К молчанию следует также присовокупить уединение, и одно не может быть без другого; и они вместе, подобно отцу и матери, порождают возвышение сознания, как говорит Пророк: *Bonum est viro cum portaverit iugum ab adolescentia sua, sedebit solitarius et tacebit, quia levabit se supra se*²⁷. И потому в монастыре ищите пребывания в уединении, особенно в надлежащее время, и не стремитесь к частной дружбе, но будьте вместе со всеми, и особенно избегайте общения со злословящими и разнузданными сестрами, если вы с такими столкнетесь, и неизменно сближайтесь с теми, кто обладает здоровым духом и испускает добрый запах благочестия, подает пример и тяжел на разговоры, то есть редко обращается к этому, и не с важностью и гордыней, а со смирением в обращении; от подобных вы сможете постоянно усваивать и извле-

²⁵ «Если кто из вас думает, что он благочестив, и не обуздывает своего языка, но обольщает свое сердце, у того пустое благочестие» (Иак. 1: 26).

²⁶ «При многословии не миновать греха» (Прит. 10: 19).

²⁷ Слова пр. Иеремии: «Благо человеку, когда он несет иго юности своей; Сидит уединенно и молчит, ибо Он наложил его на него» (Плач. 3: 27–28).

коть какой-либо неплохой пример добродетели. Постоянно стремитесь, как сказано выше, возлюбить уединение, во время которого сможете развить ваш разум в святых поучениях Священного Писания и святых учителей. И особенно вас утешит, после Священного Писания, занятие сличением Святых Отцов святого Иоанна Кассиана, и их жизни, описанной святым Иеронимом²⁸. После изучения этого вы должны обдумать и осмыслить, каким образом вы должны им следовать; после соответствующего размышления возвысите свое сознание к Богу и молитесь, прося, чтобы он даровал вам те милости, которые предоставил им, дабы вы могли служить ему при благоприятных и неблагоприятных обстоятельствах сердцем прямым, чистым, честным и искренним. Проступая означенным образом, вы будете непрерывно заняты в божественных делах, и сможете соблюдать подобное во внешних занятиях, то есть, занимаясь ручным трудом, будете сосредоточены на духовных вещах, и ваш вечный жених дарует вам благодать созерцания, в котором вы насладитесь тем, чего не ведает этот мир. И вы обретете счастье, ибо всякая вещь будет представляться вам легкой из-за наслаждения любовью Христовой, и вы обретете блаженство в вечном царствии. И просите также за меня грешного, чтобы Бог даровал мне милость вместе с вами достигнуть высот его величайшей славы. Благословен он во веки веков. Аминь.

²⁸ В тексте: “*nello studio delle collatione de’ sancti padri di san Giovanni Cassiano, et delle vite loro, le quali scripse Hieronymo*”. В биографии Джироламо Савонаролы, написанной Пачифико Бурламакки, находим сходный оборот: здесь автор указывал, что Савонарола в начале своего духовного пути укрепился в вере на основании “*la collationi di Giovanni Cassiano et le Vite de’ Santi Padri da Santo Girolamo*”. См.: *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze, 1937. P. 13.* Среди трудов Иоанна Кассиана, посвященных монашеской жизни, имеются 12 книг «О постановлениях киновий палестинских и египетских» и 24 книги «Собеседования Египетских подвижников», здесь вероятно имеются в виду «Собеседования» с 15 аввами различных монастырей; другое сочинение — «Жизнеописания отцов» (“*Vitae patrum*”) Св. Иеронима, в котором описывается жизнь египетских иноков.

РЕЦЕНЗИИ

Рец. на кн.: Банщикова А. А. Женские образы в художественных произведениях древнего Египта.
М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 168 с.

Гендерная проблематика не особенно популярна в египтологических исследованиях; в отечественной же литературе ей посвящены, по сути дела, единичные публикации — исследования М. Э. Матье, проводившиеся в характерном этнологическом аспекте (на сегодняшний день устаревшем)¹ и, в 1990–е гг., очерки В. А. Головиной и О. В. Томашевич². Кроме того, последняя исследовательница, увлекаясь проблемой положения женщины в древнем Египте, не раз обращалась к ней в тематике дипломных работ студентов МГУ им. М. В. Ломоносова. Именно развитием одной из этих работ стала первая в отечественной египтологии книга по гендерной проблематике — рецензируемая монография А. А. Банщиковой (сейчас — сотрудницы Института Африки РАН).

Источники данного исследования по древнему Египту — это художественная литература (нельзя не отметить небольшую ошибку в названии монографии — уместнее было бы сказать «...в произведениях художественной литературы...»). При небольших размерах работы, А. А. Банщиковой удалось действительно исчерпывающе для данной темы привлечь произведения литературы всех эпох истории древнего Египта — от Древнего царства (XXVIII–XXIII вв. до н. э.) до Позднего времени (I тыс. до н. э., причем использованные демотические тексты известны вообще в кодификации эллинистического времени). Не менее подробно проведен и учет имеющейся на сегодняшний день литературы: специального историографического раздела в монографии нет, но

¹ *Матье М. Э.* Следы матриархата в древнем Египте // Труды Института антропологии, археологии и этнографии. Т. IV. Л., 1936; *Она же.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // Вестник древней истории. 1954. № 3. С. 45–75.

² *Головина В. А.* «Жена царицы великая» Нефертари Меритенмут // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 8–43; *Томашевич О. В.* Женщина в древнем Египте // *Жак К.* Египет великих фараонов. М., 1992. С. 311–331; *Она же.* «Сексуальная революция» в древнем Египте // Древние цивилизации Старого и Нового Света: Культурное своеобразие и диалог интерпретаций. Сб. ст. М., 2003. С. 209–217.

А. А. Банщикова не раз характеризует отдельные мнения исследователей и дает подробные отсылки к целым комплексам публикаций; единственным досадным пробелом оказывается отсутствующая среди них монументальная работа Э. Фойхт «Ребенок в древнем Египте»³ (притом, что материнский аспект в положении женщины в работе рассматривается).

Формулируя во введении задачи своей работы, А. А. Банщикова обращает внимание, что до сих пор привлечение художественных образов к исследованиям древнеегипетского общества носило иллюстративный характер (с. 9); применительно к литературе это особенно досадно, поскольку именно она служит «зеркалом общественных настроений и ценностей» (с. 11). Автор подробно характеризует экономико-правовой статус женщины в древнем Египте: право распоряжения имуществом, полную правосубъектность и возможность инициировать развод, — отмечая вместе с другими исследователями, что он был выше, чем в других обществах Востока и древности в целом, и изменился к худшему лишь под чужим влиянием к середине эллинистического времени (кон. III в. до н. э.; с. 11–13). Однако при таком статусе женщины именно ей принадлежит высокая роль в формировании отношений в древнеегипетской семье, «создание и существование» которой «регулировалось... только ближним семейным кругом, подвластным общественному мнению, но никак не идеологии и влиянию государства» (с. 14). Это замечание более принципиально, чем может показаться при первом взгляде на него, так как оно, по сути, формулирует значение исследований египетской семьи вообще: еще в начале Древнего царства государство в Египте абсорбировало все крупные общинно-клановые структуры⁴, и в силу этого семья — единственная среди них, которая в принципе не могла быть разрушена, — должна была стать главным генератором и носите-

³ Feucht E. Das Kind im Alten Ägypten. Die Stellung des Kindes in Familie und Gesellschaft nach altägyptischen Texten und Darstellungen. Frankfurt–New York, 1995.

⁴ Дьяконов И. М. Возникновение земледелия, скотоводства и ремесла. Общие черты первого периода истории древнего мира и проблема путей развития. 3: Второй путь развития обществ ранней древности // История древнего мира. Т. 1: Ранняя древность. М., 1989. С. 47–48.

лем социальной и культурной традиции, в какой-то мере альтернативной официозу. То, что египетскому государству был несвойствен мелочно-обременительный контроль над подданными, делало эту функцию семьи тем более эффективной и значимой. А. А. Банщикова не строит иллюзий по поводу практического равноправия женщины в древнем Египте, который характеризует как *male-dominated society* (что может быть сказано о любом обществе архаики); вместе с тем она отмечает «масштабность... положительной составляющей» в стандартном отношении египтян к женщине, которое и планирует показать на материале литературных произведений, рассмотренных по их жанрам (с. 15).

Первая глава — «Женские образы в древнеегипетских поучениях» — построена на произведениях литературного (можно сказать, литературно-публицистического) жанра, существовавших на всех этапах истории древнего Египта, что делает их особенно репрезентативными для изучения эволюции его мировоззрения. Еще один момент, обеспечивающий, по мнению автора, репрезентативность материала поучений — это стандартность обсуждаемых в них жизненных ситуаций и отношения к ним (с. 18). «Аудиторию» данных текстов (по сути дела, это справедливо и применительно к древнеегипетской литературе в целом) автор определяет как «грамотных людей», включая в эту категорию «высшие классы египетского общества» и «образованных общинников» (с. 19). С последним утверждением приходится не согласиться на одном основании установленной отечественной историографией отсутствия свободной общины в Египте с III тыс. до н. э. (см. наше прим. 4): в этой стране люди, не относившиеся к непосредственным производителям, находились на службе государства, либо, в крайнем случае, были самодельными в тесной связи с ним и в рамках его инфраструктуры. Отождествить же «грамотных людей», несмотря на их немногочисленность в древнем Египте (ок. 1% населения, что при пересчете на трудоспособных мужчин дает, однако, не такое уж низкое соотношение 1:20–30⁵), исключительно с «высшими классами» не получится ввиду как широкого разлета в функциях и фактическом положении между людьми этой группы (от рядовых писцов до царского

⁵ Baines J. *Visual and Written Culture in Ancient Egypt*. Oxf., 2007. P. 64–67, 70.

окружения), так и ее принципиальной незамкнутости (что и делает возможной экстраполяцию жизненных ориентиров образованных людей древнего Египта на его общество в целом).

Обращая внимание на то, что женщина в поучениях появляется только как член семьи (жена или мать; с. 19), А. А. Банщикова на материале «Поучения Птаххотепа» делает вывод, что исходный пункт эволюции древнеегипетского отношения к женщине в III тыс. до н. э. — это признание ее «второй силой» в семье, отношения с которой должны формировать в ней подлинную «психологическую гармонию» (с. 36; 49). Не споря с этим заключением, мы считаем, что возможность построения такой гармонии уже в «Поучении Птаххотепа» получает определенное, очень существенное ограничение в словах, мимо которых не проходит и автор: *shr(i) sy r shm 3rd sy d3.s pw irt.s m33.s* (Pt. 332–333). Перевод этой фразы вызывает меньше затруднений, чем кажется автору: «Удаляй ее от власти (очевидно, в доме), обуздывай ее: око ее, когда смотрит она, — это буря ее». Мы согласны, что речь здесь идет о женской импульсивности — в том, что касается построения различных планов и стремления к их реализации⁶ (с. 35); однако сама эта черта женщины, с точки зрения автора «Поучения» заслуживает только одного отношения — того, чтобы мужчина «смирять» ее и, зная о ней, не допускал ее обладательницу к власти в доме. Совершенно немыслимо, на наш взгляд, такое понимание данной фразы: «она (жена) может остаться в доме, если довольна мужем, если нет — может и уйти» (с. 34): не говоря о том, что для разведенной самостоятельной женщины в Египте III тыс. до н. э. попросту не было социальной ниши, сама эта фраза, безусловно, имеет ввиду отношения внутри семьи, причем любой, вовсе необязательно «проблемной» и готовой рассыпаться. Данная рекомендация «Поучения...» продолжается в следующем его фрагменте, почему-то не обсужденном в монографии подробно (см. с. 35): «Сдерживай ее — это вода; лоно дано ей (букв. “в руки ее”); переживаемое ею — дай

⁶ Об образе «Ока» в представлении о «задумывании» богом-творцом явлений еще не созданного мира см.: Демидчик А. Е. Несколько замечаний о «родстве» египтян с божеством // Мероэ: Страны Северо-Восточной Африки и Красноморского бассейна в древности и раннем средневековье. Вып. 5. М., 1999. С. 108–114.

ему выход» (букв. «канал»; Pt. 336–338: *šnʿy.k s[y] mw pw kʒt di.t[w].s n ʿwy.s šnnt.s ir n.s mr*). По сути дела, здесь продолжается мысль о том, что женщине по ее природе свойственна, прежде всего, иррациональная импульсивность, и мужчина должен с этим справляться, если нужно, употребляя силу. Споры нет, что «Поучение Птаххотепа» (особенно внятно — как раз в этих строках) предписывает чуткость к женской импульсивности, необходимость умело ее «канализировать»; однако в то же время в данной связи появляется и мотив, которому была суждена в древнеегипетских поучениях долгая жизнь, — связь женской импульсивности («воды», в очевидной семантической связи) с сексуальностью. Таким образом, уже в самом начале традиции поучений, на этапе, когда согласная гармоничная семья действительно признается идеалом, ее построение кажется возможным только с учетом различий между мужчиной и женщиной, причем свойственная последней импульсивность ставит ее ступенью ниже, совершенно закономерно при культе рациональности в поучениях. Что касается рекомендации «Поучения Птаххотепа» «остерегайся приближаться к женщинам» (Pt. 281: *ʿhʒ t[w] m tkn m hmwt*), то пояснение, что ее нужно придерживаться «в жилище, в которое тыходишь как господин, как брат или как друг» (id. 278–279: *m hnw ʿk.k r.f m nb m sn m hnm s r-pw*), на наш взгляд, исключает, что здесь в буквальном смысле «речь идет о сексуальном контакте» (с. 35); скорее, имеются в виду возможные «светские» завязки романтических историй, побуждающих многих отклониться «от полезного для них» (Pt. 284).

А. А. Банщикова убедительно прослеживает дальнейшую эволюцию отношения к женщине в семье в древнеегипетских поучениях: через этап «деловых взаимоотношений между супругами как своего рода “семейными администраторами”» в эпоху Нового царства («Поучение Ани»; с. 36) — к опасениям перед склонностью женщины к измене, порождаемой сексуальностью, и перед ее «безбожностью» в Позднее время (I тыс. до н. э.; «Поучение Анх-Шешонка»; с. 42). В то же время едва ли верно объяснение такого отношения «инфантилизацией» женщины в Позднее время, ее восприятием «как своего рода “взрослого ребенка”, не прошедшего социализации» (с. 45). На наш взгляд, ключом к позднеегипетскому восприятию женщины оказывается также учтенное в работе поуче-

ние папируса Инсингер (I в. до н. э.): в нем «реализация женщины как “плохой” всегда оказывается связана с ее сексуальными страстями» (в том числе с воздействием персонифицирующей их богини Хатхор); в противоположность этому, «то, что в “хорошей” женщине хорошего — от бога» (в частности, от богини-матери Мут; с. 47). Едва ли в папирусе Инсингер нужно видеть «улучшение отношения к женщине» по сравнению с «Поучением Анх-Шешонки» (ок. IV в. до н. э.): просто если второе говорит только о наиболее частой «плохой» составляющей женской природы, то первое — также и о редкой «хорошей». По сути, мы видим инвариант позднеегипетского отношения к людям вообще (не исключая и высшего в их иерархии — царя), характеризующегося, в отличие от ситуации III–II тыс. до н. э., уверенностью в склонности людей к соблазнам и, напротив, неверием в их способность избегать их собственными разумом и волей; «благочестивый человек», противоположный «безбожному»⁷ (букв. «врагу» — *s3b*, *s(3)b(3)*, *sb(3)*; женский род этого термина фигурирует во фрагментах, обсуждаемых в работе), остается таковым благодаря тому, что сверяется с определенным вмененным извне стандартом благого поведения («пути жизни», или «пути бога»), в определенной мере принуждая себя к его соблюдению. Трудность такого «самопринуждения» в случае женщины, очевидно, усугубляется (почти до невозможности) ее природными страстями: поэтому ее следование благому пути по собственной воле прямо связывается с вмешательством божества, а в остальных случаях ее принуждает к этому опекающий ее мужчина. Однако такое отношение к женщине — это не ее «инфантилизация», а скорее «переложение» ее природных слабостей, известных еще в «Поучении Птаххотепа», на гораздо более болезненное мироощущение I тыс. до н. э. Заметим, что сам перепад в мировоззрении Египта III–II тыс. до н. э. и Позднего времени прослежен в монографии на примере отношения к женщине очень убедительно: кроме того, предложено его объяснение «парцелляцией» египетского общества в начале Позднего времени, его превращением из этатистского монолита, заботящегося о составляющих его людях, в

⁷ См. также на материале «Поучения Анх-Шешонки» и папируса Инсингер: Brunner H. Die Weisheitsbücher der Ägypter. Düsseldorf–Zürich, 1998. S. 234–237 ff., 295–302 ff.

поле противоборства множества частных и корпоративных интересов, с закономерным расшатыванием социальных норм (с. 48, 132; по сути дела, это объяснение, высказываемое в нашей литературе впервые, относится к пессимистическому взгляду египтян Позднего времени не только на женщин, но и на людей вообще, ключевому для мировоззрения этой эпохи).

Во второй главе — «Женские образы в древнеегипетских сказках и повестях» — автору удалось провести исключительно полный учет произведений древнеегипетской прозы, от среднеегипетских (с рубежа III–II тыс. до н. э.) до демотических. Нельзя не согласиться с формулировкой общей закономерности построения женских образов в этих произведениях: «наиболее привычным для литературы и, видимо, нормативным для семейной жизни является пассивное поведение женщины (...от рождения ребенка до оказания помощи уже взрослому сыну). Если же вдруг женский персонаж изображается активным, то это либо иностранка..., либо четко отрицательный персонаж» (с. 83). Столь же справедливо замечание, что образы последнего типа (отрицательный персонаж — прежде всего, неверная жена) выходят на заметное место со времени Нового царства (активизация контактов Египта с внешним миром, прежде всего с сопоставимыми по уровню развития цивилизациями Азии⁸) и особенно в Поздний период (ослабление социальных норм, о котором уже шла речь в связи с поучениями; с. 84). Из конкретных моментов, затронутых в этой главе, хотелось бы остановиться на анализе самого значительного женского образа новоегипетской «Повести о двух братьях» — спутницы ее героя Баты, сотворенной для него из «[семени] каждого бога», но предавшей его. Эта *шепсет* (букв. «знатная», как этот персонаж именуется в большей части текста⁹), по яркому определению автора моногра-

⁸ О «внесистемности», с египетской точки зрения, ситуаций, в которых действуют литературные персонажи (в том числе египтяне — на примере «Рассказа Синухета») в Азии, см.: *Большаков А. О., Суцневский А. Г.* Герой и общество в древнем Египте // *Вестник древней истории*. 1991. № 3. С. 13–14.

⁹ А. А. Банщикова остроумно замечает, что «слово это является одним из обозначений статуи – неодушевленного предмета» (с. 61, прим. 10), что служило бы аллюзией на происхождение этого существа; однако аллюзия эта может быть только очень косвенной — слово со значением «статуя» выглядит как *šps* (*Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Leipzig;

фии, представляет собой «образ... непробужденной и непробуждаемой красавицы, через которую в жизнь героя входит великое зло, не потому, что она зла, а потому, что она “вещь в себе”, не-социализированное существо», по сути, лишенное эмоций (с. 61). Причина этого в логике «Повести...» — несомненно, «искусственное» сотворение *шепсет* богами, в силу которого она — не человек в точном смысле этого слова; однако здесь следовало бы и четче сказать, что к такому существу не применимы полностью законы, действующие в отношении обычных женских образов, и поставить вопрос о том, кем оно все же является. Ответить на него нельзя, не обратившись к мифологическим коннотациям «Сказки о двух братьях», которые, при их специфичности, в целом заданы мифом об Осирисе¹⁰. Невинный страдалец, аналогичный Осирису, в «Повести», несомненно, Бата; концентрация в *шепсет* зла и его направленность на Бату делает ее аналогом Сету, но в то же время, парадоксальным образом, она проявляет и качества Исиды (беременеет от Баты, по сути, после его смерти и рождает его сына, одновременно являющегося и перевоплощением Баты, который добивается ее осуждения). Осирисские коннотации признаются и для «Сказки о Правде и Кривде» (правда, несравненно хуже сохранившейся), где истоком бедствий невинного страдальца опять же оказывается женщина; однако в монографии они лишь констатируются, причем довольно неясно (с. 62); между тем эти два произведения, по сути дела, дают основу для важного и вряд ли высказывавшегося до сих пор наблюдения о том, что в новоегипетских художественных вариациях на мифологические темы появляется примечательная тенденция связывать функции Сета именно с женским образом.

В., 1926–1950. Bd. IV. S. 451 [8–9]), а не *špst*; зато последнее слово имеет значение «богиня» (*Idem.* S. 450 [7]), которое могло бы быть актуальным в этой же связи. Однако базовым значением этого слова (на которое эти аллюзии могут налагаться) в «Сказке» является, без сомнения, все же «наложница царя» (*Idem.* S. 450 [1–4]; ср. с. 103, со ссылкой на рHarris 500): собственно, лишь став ею, этот персонаж и начинает именоваться таким образом (рD’Orbiney 12.3 и сл.); до этого ее именуют *ir[t]y-ḥmsw* (id. 9.7 — «спутница»), *st-ḥmt* (id. 10.2: «женщина, жена»), *B ʿddw* (id. 10.5: «юница»).

¹⁰ Коростовцев М. А. Литература древнего Египта // История всемирной литературы. Т. 1. М., 1983. С. 74.

Третья глава — «Женские образы в древнеегипетской любовной лирике» — посвящена произведениям, резко отличным от прозы и по системе образов (в работе ей уделяется большое внимание) и по весьма вероятной ритмизации, которые появились в литературе Египта в четко ограниченный промежуток времени — с царствования Хоремхеба по середину XX династии (1330–е гг. — сер. XII в. до н. э.). Тематически они посвящены отношениям доброй любви между героями, обозначаемыми как «Брат» и «Сестра». Важнейший и не вызывающий сомнений вывод данной главы связан с доминантностью «Сестры» в подобных отношениях: именно она инициирует их (собственно, от ее имени эти произведения часто и написаны), причем если положение «Брата» часто характеризуется как «болезнь» или «опьянение», то действия «Сестры» — как «охота» (см. особ. с. 106–107). По сути, это единственный (ввиду свободного семейного статуса обоих партнеров) вариант внебрачных связей, который оцениваются в египетской литературе «как нечто совершенно естественное и позитивное» и как таковой, и в связи с доминированием в нем женщины (с. 108–109).

В четвертой главе («Сравнительный анализ восприятия женских образов в разных жанрах египетской литературы») делается целый ряд выводов о закономерностях, связанных с женскими образами в египетской литературе в целом. Высказывается мнение, что именно женщина — «ведущая» во всех внебрачных и не нацеленных на создание семьи отношениях; в семейной жизни она в большей мере «реагирующий субъект» (с. 109). Абсолютно позитивен образ матери: в Позднее время «она даже противопоставляется жене как единственная женщина, достойная доверия» (с. 116), и истоком этого признается биологический, а не социальный уровень связи между ней и сыном (соответственно, не расторгимой и не изменяемой — с. 119; заметим, что расторжение ее мы видели на примере *шепсет* и ее сына в «Сказки о двух братьях»). Как инверсии стандартной модели гендерного поведения рассматриваются ситуации, в которых женщины инициируют адюльтер или внебрачные отношения, основанные на внезапном влечении. Второе признается уделом неегиптянок (собственно, азиаток; к ним напрасно отнесен столь специфичный образ, как *шепсет* «Повести о двух братьях»), отличие от которых египетских девушек, ищущих

добрачной любви, состоит в том, что они делают это «на основе прочного знакомства» со своими избранниками (с. 110–112; последнее из произведений египетской лирики не так уж очевидно). Наконец, в данной главе А. А. Банщикова уделяет внимание таким характеристикам женщин в литературе, как описание их внешности (с. 120–122; здесь она опирается на наблюдения, рассеянные по всей работе), упоминания их жизненных циклов (с. 122–124) и контекст их образов, формируемый упоминаниями различной утвари и предметов обихода (с. 124–126).

Наиболее важные выводы, сформулированные в заключении к работе, касаются, с одной стороны, изменений в отношении к женщине в Новое царство и Позднее время (их закономерности были установлены уже в первой главе; и теперь к их обоснованию прибавляется, в частности, наблюдение о том, что, со снижением роли гармонии внутри семьи, уже в Новое царство, литература выносит изображение любви за ее рамки: с. 132); и, с другой — причин «весьма сбалансированного видения семьи и женщины (как в семье, так и за ее рамками)» в Египте III тыс. до н. э. Эти причины видятся в важности для каждого египтянина доброй памяти о нем, которая побуждала бы его потомков заботиться о его посмертном культе (а его, соответственно, творить для них добро при жизни), и в общей установке египетской культуры на толерантность к слабым, «что, возможно, берет свое начало в небезызвестной концепции *маат*, мирового справедливого мироустройства, все элементы которого должны сочетаться гармонично» (с. 134–135). Последнее едва ли верно, поскольку *маат* — не концепция, а явление древнеегипетской картины мира, а именно совокупность норм природы и общества, свойственных стабильному миру и поддерживаемых ритуалом¹¹; восприятие же гармонии в семье, где женщина является сопоставимой с мужчиной «второй силой», как общественной нормы должно вытекать из мировоззренческих установок, но не наоборот. Что же касается истоков такого восприятия в мировоззрении III тыс. до н. э., мысль о его связи с заинтересованностью в посмертном культе, отправляемом родственниками умершего, не просто интересна, а находит прямое подтверждение в древнейшем

¹¹ Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005. С. 22–23.

«Поучении Джедефхора» с рекомендацией обзавестись детьми именно для этой цели. Высказывая эту мысль, автор обращается к реконструкции истоков древнейших компонентов египетской ментальности — работе, которая проделывается очень редко, — и проводит ее, как мы видим, успешно.

Завершающие монографию два кратких очерка о мифологических образах Хатхор и Исида обозначают их качества богинь чувственной любви и материнства, но, в общем, играют чисто иллюстративную роль. Думается, они бы выиграли от подключения к ним мифологических коннотаций женских образов новоегипетской литературы, о которых мы говорили.

Подводя итог обсуждению работы А. А. Банщиковой, нельзя не признать ее успеха. Большинство ее выводов кажутся убедительными, а те, по поводу которых возникают возражения, самой заданной автором постановкой вопросов побуждают к плодотворной дискуссии. Данная работа — достойное начало по настоящему исследовательской разработке гендерной проблематики в отечественной египтологии.

И. А. Ладынин

**Гендер в историческом познании: не только полезно,
но и не страшно. Новый антропологический опыт
в альманахе «Мир историка»**

Если историческая наука ещё может себе позволить какое-то время следовать устоявшимся образцам, то условием развития истории историографии — когда перед нами не обзорного характера нарративы, тяготеющие к аннотированной библиографии, — выступает проблематизация исторического познания, тенденций и апорий его развития. Ориентация на новые вопросы как раз отличает серийный сборник «Мир историка», появление которого было связано с новаторским проектом омских историографов, а именно «стремлением вернуть в историю исторической науки "человека" — показать учёного-историка в процессе житейских перипетий»¹².

¹² Мир историка: историографический сборник / Под ред. В. П. Корзун, Г. К. Садретдинова. Вып. 1. Омск: Изд-во ОмГУ, 2005. С. 3. В 2006–2008 гг.

В первом выпуске этого ряда изданий историки прояснили интенцию своих поисков: испытывая «чувство тесноты в рамках традиционной историографии», которая не питает интереса к истории науки как деятельности «живых людей», они использовали в качестве эмблемы своей исследовательской программы троп «мир историка», — конечно, «метафора туманная», но «достаточно верно указывающая на общее направление работы»¹³. Деятельность омских историков отвечает современной модели научной коммуникации: «Альманах — научные конференции — междисциплинарные семинары — учебная литература (что составляет логично выстроенный коммуникативный ряд) являются своеобразными узлами новой интеллектуальной сети»¹⁴. Одним из базовых элементов данной схемы является «Мир историка», четвертый выпуск которого¹⁵ приурочен к юбилеям двух учёных — д.и.н., проф., зав. кафедрой современной отечественной истории и историографии ОмГУ В.П. Корзун и д.и.н., проф., председателя Омского отделения РОИИ, зав. сектором социокультурных процессов Сибирского филиала Российского института культурологии В.Г. Рыженко. Эти юбилеи послужили поводом к предпринятой в сборнике «попытке расширения проблемного поля историографического исследования за счёт обращения к принципиально новой для себя гендерной проблематике» (с. 5).

Отечественные гуманитарии только начинают подходить к работе с гендерными идеологиями и дискурсами по всему спектру гендерного «дисплея». Методология изучения социума в регистре «социального пола» является поныне полем острых когнитивных конфликтов, вплоть до вопроса о том, что чему предшествует: биологический пол гендеру как социальной организации и культурной интерпретации половых различий или же, напротив, пол — это судьба, он лишь маркирует социальное деление, являя собой знак с символическим значением, приобретённым в ходе исторического развития. В любом случае, ситуацию *gender studies* в историческом

вышли: Вып. 2 / Под ред. Г. К. Садретдинова, В. П. Корзун. Омск, 2006; Вып. 3 / Под ред. В. П. Корзун, А. В. Якуба. Омск, 2007; Вып. 4 / Под ред. С. П. Бычкова, А. В. Свешникова, А. В. Якуба. Омск, 2008.

¹³ *Редколлегия*. Введение // Мир историка. Вып. 1. С. 3.

¹⁴ Корзун В. П. Вместо предисловия // Мир историка. Вып. 3. С. 11.

¹⁵ Мир историка. Вып. 4. Далее ссылки на данный выпуск в тексте.

познании вполне характеризует название увидевшей свет в 1986 г. статьи Джоан Скотт «Гендер: полезная категория исторического анализа». Её принято считать поворотным моментом в формировании дискурса гендерной истории, поскольку здесь были сформулированы основные методологические положения, обновлённые под влиянием постмодернистских и постструктуралистских веяний.

Гендерное видение истории оказалось стянуто к системе символов, которые представлены в многоликих репрезентациях человеческого сообщества, бытийствующего посредством социоролового обмена. Поэтому гендерные штудии, сначала опиравшиеся на модернистские теории (структурный функционализм Т. Парсонса, теории социализации Т. Парсонса и Р. Бейлса, интеракционизм И. Гофмана), нашли релевантную проблемно-концептуальную основу в постструктуралистской семиотике, представленной в конструктах М. Фуко, Ж. Дерида, П. Бурдьё и, разумеется, концепциях «женского письма» Ю. Кристевой, Э. Сиксу и Л. Иригарэ, построениях других западных гендерных и феминистских теоретиков. И не только. Угодивший в гендерные сети концепт Ж. Лакана «Женщина не существует» — контрапункт неопрейдистской идеи о неизбежном доминировании мужского начала в мире *homo sapiens* — подвергается радикальной реификации. Женщины «нет», но в том смысле, что «не существует» и мужчины: и «он», и «она» как субъективные конструкты равны перед культурной метафорой гендера. Подобно тому, как в христианском универсализме «нет ни эллина, ни иудея».

Растянувшееся на несколько десятилетий смещение гендерных исследований в сторону «безыдейного» постмодернизма, получившее мощный толчок в ходе «мировой революции» 1968-го года, сопровождалось ослаблением их зависимости от боевитых идей феминизма и сообразных политических притязаний. Академическая составляющая сей интеллектуальной эволюции получает обобщенную характеристику в новейшем историографическом труде: «Траектория движения историографии второй половины XX в. фиксирует следующие вехи: от якобы бесполой, универсальной по форме, но по существу игнорирующей женщин истории — к её зеркальному отражению в образе “однополой”, “женской” истории, от последней — к действительно общей гендерной истории, и далее — к обновленной и обогащённой социальной истории, которая стремится

расширить своё предметное поле, включив в него все сферы межличностных отношений. По существу, речь идёт о новой исторической дисциплине с исключительно амбициозной задачей — переписать всю историю как историю гендерных отношений, покончив разом и с вековым “мужским шовинизмом” всеобщей истории, и с затянувшимся сектанством истории “женской”¹⁶.

Замысел четвертого выпуска «Мира историка», ядром которого является гендерная проблематика, под стать такому пониманию истории гендерных отношений. Выражая мнение редколлегии, С. П. Бычков, А. В. Свешников и А. В. Якуб подчеркивают, что «в нашем случае речь идёт не об “истории женщин”, а о попытках изучения общества как гетерогенной динамичной структуры диалогического взаимодействия различных половозрастных ролей и статусов. На наш взгляд, именно такой подход открывает принципиально новые перспективы исследования» (с. 6). По разумению авторов, «гендерный “поворот” позволяет попытаться ухватить некоторые новые аспекты при исследовании “родного”, традиционно привычного проблемного поля. К этим новым аспектам относятся, например, специфика гендерных отношений в рамках академического сообщества, конструирование особой профессиональной идентичности учёного-историка с учётом гендерных особенностей, влияние женщин на формирование жизненных и научных приоритетов историков-мужчин (сыновей, мужей, коллег) и т.д.» (с. 6). Основное внимание участвующих в этом выпуске историков из разных городов (Москва, Санкт-Петербург, Казань, Киев, Липецк, Омск, Петрозаводск, Чебоксары, Челябинск, Череповец) сосредоточено на специфике гендерных отношений в микросообществах науки.

В первом из трёх разделов альманаха («Женщины в мире науки») представлен широкий круг проблем, от судеб тех женщин, что были допущены в андроцентричную академическую среду конца XIX — начала XX в., до «женского взгляда» на «приключения» в археологических экспедициях уже советского времени. Статьи этого раздела сопряжены с содержащимся в его последнем, третьем, сег-

¹⁶ Ретина Л.П., Зверева В.В., Парамонова М.Ю. История исторического знания. М., 2004. С. 262. Это обобщение опирается на результаты многолетнего изучения процесса становления и развития женских и гендерно-исторических исследований в историографии. См.: Ретина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина Европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М., 2002.

менте документальным массивом, составленным из эго-документов учёных и окружавших их женщин.

Наиболее последовательно подходы современной гендерной истории как составной части тендерной парадигмы социального познания представлены в статье Н.В. Гришиной¹⁷, посвященной проблеме социальных ролей, которые играли просвещённые дамы в сфере отечественного образования на рубеже XIX–XX вв. Автор показывает их стремление внести изменения в гендерный контракт эпохи, который предусматривал для женщины место «около науки» или «рядом с наукой». Он — в смысле она — не ограничивается анализом взятых на вооружение представителями «слабого пола» стратегий, преследующих цель получить доступ к образованию. Мобилизованная исследователем для социологической интерпретации проблемы структурно-функционального извода концептуалистика позволила ему (в значении ей¹⁸) сделать отражающее гендерную сенситивность научного сообщества рубежа веков обобщение (ещё? уже? свободное от психоаналитических и лингвосемантических интерпретаций): «Смирившись с существованием высших женских курсов и институтов, общество продолжало считать, что для образованных женщин наиболее приемлемо использовать полученные знания для домашнего воспитания детей или преподавания в гимназии в статусе народной учительницы, т.е. фактически выполнять традиционную роль матери как агента первичной социализации, соответствующую гендерной идентичности эпохи» (с. 28).

Взаимодействие «маскулинного» и «феминного» начал в академической среде прослеживается в статьях Т.Н. Ивановой «Женщины в судьбе В.И. Герье» и А.В. Антощенко «Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории)»¹⁹, причем историки избирают сюжет о роли женской презентации в профессиональной деятельности ученых мужей. Получается, женское влияние в научном микросоциуме одинаково плодотворно при любом сценарии межличност-

¹⁷ См.: *Гришина Н.В.* «Ученицы, слушательницы, почитательницы... Женщины в мире “мужской” науки (в конце XIX – начале XX вв.)» // *Мир историка*. Вып. 4. С. 8–21.

¹⁸ Даром что ли Р. Барт, безуспешно пытавшийся очистить научные манифестации от следов идеологии, в отчаянии воскликнул: «Язык — это фашист!».

¹⁹ См.: *Иванова Т. Н.* Женщины в судьбе В. И. Герье // *Мир историка*. С. 29–49; *Антощенко А. В.* Трагедия любви (Путь Г.П. Федотова к Истории) // Там же. С. 50–75.

ных отношений. «Дорогие сердцу Герье женщины» — жена Евдокия (Авдотья) Ивановна Токарева, дочери Софья и Елена не только подвигли выдающегося специалиста в области всеобщей истории на создание Московских высших женских курсов, но и сохранили бесценные для истории науки документы — «знаменитый фонд 70 в Отделе рукописей РГБ, к материалам которого обращался, пожалуй, любой исследователь исторической науки конца XIX — начала XX вв.» (с. 49). Пребывая среди «преданных, умных, нравственно чистых — настоящих русских женщин» (с. 37; авторы более чем уверены, что пассаж о «настоящих русских женщинах», обладающих столь завидными качествами, — не более чем фигура речи, а она ничуть не ставит под сомнение наличие «настоящих женщин» у англичан, немцев, татар и др. — *В.Б., Г.М.*). В.И. Герье ещё в начале века сумел придти к выводам, какие вполне могли бы послужить ему пропуском в мир современной гендерной истории: «Женщина, вообще говоря, не уступает мужчине ни в способности логического мышления, ни силой воли», разве что будучи «восприимчивее в области чувства», а «современное различие между интеллектуальным и нравственным миром мужчин и женщин в значительной степени обуславливается влиянием преемственной культуры и способом воспитания» (цит. по: с. 37). Впрочем, насчёт заверенного академической печатью мандата В.И. Герье мы погорячились, поскольку он «считал неприемлемым по ряду причин обучение женщин в существовавших университетах» (с. 37).

Теперь «казус» Г.П. Федотова, у кого была принципиально иная, нежели у В.И. Герье, ситуация. Но и здесь метания мыслителя, попавшего в тиски «любви-ненависти» к Т.Ю. Дмитриевой, обернулись большим плюсом для науки, сиречь «способом познания любимой, на основе которого позже оформился оригинальный метод исторического исследования Г.П. Федотова» (с. 74). И неспроста: «Татьяна ввела Жоржа в свой духовный мир, сотканный из её восприятия незнакомых ему литературных героев (прежде всего из произведений норвежских писателей и русских символистов), мистцизма и фантазии. Красота этого мира не укладывалась в привычные представления Жоржа, он хотел бы оспорить некоторые её проявления, но не мог этого сделать. Ему оставалось принять её мир таким, каков он есть, включить его ценности и связанные с ними Татьянины истины в систему своего мировосприятия» (с. 61). Начинаешь пони-

мать, почему история, освобождаясь от жёстких дисциплинарных норм ранкеанского толка, так сближается с литературой, сюжеты и системы мировидения которой вырастают из превратностей межличностных отношений её творцов.

К тем статьям, где авторы стараются выдержать формат *gender differences*, примыкают тексты из раздела «Документы и материалы»²⁰. Некоторые из них посвящены фигуре матери учёного, причастной конвенциональным связям и контактам: «перед нами феномен содержательно расширяющейся, ценностно нагруженной коммуни-тарности, когда погружение в интересы друг друга, приближение их к “своим” становятся стилем жизни» (с. 459). Сопрягая своим активизмом жанр научной жизни с канонем жизни науки, матери и жёны учёных не только осваивали негласный кодекс поведения учёного сословия, но и сообщали импульсы процессам изменения маскулиноцентричной гендерной нормативности.

Комментируя подготовленные матерью материалы к биографии математика с мировым именем И.А. Лаппо-Данилевского (сына знаменитого историка А. С. Лаппо-Данилевского), В.П. Корзун полагает, что «Елена Дмитриевна, не являясь профессиональным учёным, при составлении биографии исходила из ценностных установок профессорской культуры, этоса науки — биограф открывает в человеке и его мире лишь то, против чего, вероятно, не стал бы возражать и сам человек. Этот принцип в современной биоисториографии рассматривается как основополагающее ценностно-этическое требование» (с. 458).

Наверное, для такой напряжённой сферы, как гендерное взаимодействие, эта максима имеет особое значение. Однако возникают вопросы. Как можно базировать ценностно-этическое требование, да

²⁰ См.: *Мяжков Г. П., Хамматов Ш. С.* «Остаюсь любящая мать и самый искренний друг Софья Корсакова, или «Обратная семантика» жизни и творчества историка Дмитрия Корсакова (с. 412–439); *Мамонтова М. А.* Первая русская женщина — магистр русской истории (подборка документов, посвященная М. А. Островской) (с. 449–454), *Корзун В. П.* «Теперь мне кажется, что он пойдет по своей прямой дороге и не погибнут его дарования и надежды...» (материалы к биографии Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, подготовленные его матерью Еленой Дмитриевной) (с. 455–499); *Антощенко А. В.* «Вторая муза историка» (стихи Г. П. Федотова) (с. 500–506); *Гутнов Д. А.* Е. В. Гутнова в характеристиках Е. А. Косминского (публикация из архива наследников Е. В. Гутновой ее четырех официальных характеристик, составленных учителем, членом-корреспондентом АН СССР Е.А. Косминским) (с. 512–520).

ещё основополагающее, на предположительном, вероятном? И даже если прибегнуть к антиципации такого свойства: да, действующее лицо исторического нарратива явно не хотело бы в своё время касаться тех или иных сторон своей биографии, то можно ли быть уверенным, что — чудесным, к примеру, «фёдоровским», способом воскрешённое — в иных условиях оно было бы столь же категорично? И потом. Разве создание истории не есть вопрошание её героев зачастую именно о том, чего они вовсе не хотели бы разбирать по косточкам? Не потому ли столь широко распространена практика обнаружения личных материалов деятелей культуры, политики или науки вопреки их прямому запрету, сделанному ещё при жизни? История — наука, а наука не склонна принимать в расчёт нравственные соображения. Другое дело, что и здесь никто не отменял понятия такта, уважения к личности. Поэтому пределы проникновения во внутренний мир своего персонажа — это предмет морального выбора каждого исследователя. В.П. Корзун, как можно заметить, расположена к сдержанности в этом вопросе.

Рискуя уйти в сторону, обратимся здесь к русскому переводу романа венгерского писателя Петера Эстерхази «Исправленное издание»²¹, а вернее, его обсуждению на страницах журнала «Новое литературное обозрение»²². Воспользуемся характеристикой коллизии произведения, что содержится в выступлении одного из участников этой беседы: «Оказывается, отец писателя, главная и поразительная фигура недавно прочитанной нами книги Петера Эстерхази, фундаментального романа-хроники “*Harmonia Caelestis*”, блестящий представитель древнего рода, любимец бесчисленных родных, друзей, знакомцев и, как можно понять, смысловой центр жизни сына, с марта 1957 года на протяжении многих лет был постоянным информатором венгерских спецслужб. Признанию этого переломного открытия, его документированию и попытке понять, вдогонку только что вышедшей “*Harmonia Caelestis*”, и посвящено “Исправленное издание”, вышедшее по-венгерски в 2002 году»²³. Можно быть уве-

²¹ См.: Эстерхази П. Исправленное издание: Приложение к роману «*Harmonia Caelestis*»: Роман / Пер. с венгр. и послесл. Вяч. Середы. М.: НЛЮ, 2008.

²² См.: Аксиология памяти в литературе: Петер Эстерхази // Новое литературное обозрение. М., 2009. № 2 (96). С. 212–254.

²³ Дубин Б. Другая история // НЛЮ. 2009. № 2. С. 222.

ренным, что граф Матьяш Эстерхази ни под каким предлогом не дал бы добро на описание той — скрытной — стороны своей жизни, где он действовал под кличкой Чанади. Писатель Е.А. Попов, задаваясь вопросом «нужно ли об этом вообще знать?», молвил со свойственной ему прямоотой: «Да вот, получается, исходя из личного опыта Петера Эстерхази, что без этого знания жизнь вообще и литература в частности теряют всякий смысл, превращаясь в дешёвый балаган»²⁴.

Можно понять авторов, ратующих за сокрытие от «посторонних взглядов» интимных, частных сторон жизни человека: это прямо относится и к истории, что запала на превратности судеб дочерей Евы, и к другой, озабоченной деяниями сыновей Адама. Однако историознание неизбежно вовлечено в идейно-политическое ратоборство, а здесь свои законы: «В подобных условиях попытку отстоять частное, защиту обычного, борьбу за интимность, у которой отнимают собственное место, время, реальность, осмысленную речь, можно рассматривать как неклассическое измерение или новое поле политической борьбы. Именно так формулировала свой авангардистский подход к теме семейного и женского американский кинорежиссёр Сью Фридрих в знаменитой фразе: «Личное и есть политическое» (“The personal is political”). Этим, в частности, был продиктован фильм-дознание С. Фридрих о детстве и юности её матери в нацистской Германии “Связующие узы” (“The Ties That Bind”, 1984)”²⁵.

Свое «дознание» о положении женщины-учёного в ту же эпоху и в той же стране ведёт один из авторов альманаха А.В. Хряков, сосредоточившись на жизненном и творческом пути историка Х. Шедер²⁶, которая, не найдя достойного применения своим знаниям в научной системе Третьего рейха — «мужского государства», обратилась к религиозно-просветительской деятельности, а в 1943 г. за «пособничество евреям» попала в женский концлагерь Равенсбрюк. Конечно, здесь ни у автора, ни у читателей не возникает проблем с «ценностно-этическим требованием», поскольку Шедер борется и страдает за «правое дело». Но они бы обязательно возникли,

²⁴ Попов Е. После Освенцима. Исправленная рецензия // НЛО. 2009. № 2. С. 217.

²⁵ Дубин Б. Указ. соч. С. 223.

²⁶ См.: Хряков А. В. Немецкий историк Хильдегард Шедер: ресурсы научной карьеры // Мир историка. Вып. 4. С. 171–196.

если бы в центре исторического исследования оказалась персона хотя бы коллаборациониста поневоле. Так что вопрос о границе вторжения в сферу частного не имеет однозначного решения.

В целом же статьи и материалы альманаха, несомненно, расширяют представление о соотношении приватного и публичного, «мира любви» и «мира науки» в ходе адаптации женщин к порядкам доминирующей тендерной идентификации. Очевидно и другое, основной массив статей²⁷ всё же более тяготеет к *women's studies*, нежели к некоей общей гендерной истории, так что не утратила своей актуальности оценка, согласно которой гендерные исследования в России находятся в целом в ситуации, когда они ещё не совсем отделились от «женской» и «мужской» историй²⁸.

Дело не только в том, что отечественная наука значительно позже обратилась к изучению положения женщин. Гендерная история в любой из своих версий и модификаций сохраняет «родимые пятна» феминистского мировоззрения²⁹, а от предпосылочных — идеологических — суждений не удаётся по-настоящему избавиться и не в таких «идейно заряженных» областях исторического знания. Авторы сборника и сами отдают себе в этом отчет: «Гендерные исследования за последние тридцать пять лет превратились если не в респектабельную (чему мешают имплицитный политический заряд

²⁷ См.: Шevelева П. В. Молодость историка (начало жизненного и профессионального пути М. В. Нечкиной) (с. 76–118); Дребушевская Г. А. Е. В. Гутнова о средневековом представительстве и проблемах демократии» (с. 119–140); Гурджий А. И., Юсов С. Л. Научная деятельность Екатерины Стецюк в Институте истории Украины (с. 153–170); Зезина М. Р., Кознова И. Е., Роголина Н. Л., Рыженко В. Г., Сивохина Т. А. Вспоминая уроки гармонии «ученого» и «женского»: к образу советского историка В. М. Селунской (с. 197–221); Свешишкова О. С. Женский взгляд. Археологическая экспедиция в гендерном измерении (с. 222–237) и др.

²⁸ См.: Муравьева М. Г. Гендерная история в российском вузе: нужна ли она? // Гендерная история: pro et contra. СПб., 2000. С. 6.

²⁹ Упомянутый уже на этих страницах «самый веселый анархист новой российской словесности» Е. А. Попов поведал: «Выступая в моем присутствии на Западе перед феминистской аудиторией, колдун Ерофей (писатель В. В. Ерофеев. — В. Б., Г. М.) заявил однажды, что движущей силой модной тогда “перестройки” являются женщины как существа более цивилизованные и сознательные», посему «феминистки быстро раскупили любезно предложенные колдуном его собственные книги» (Попов Е. Подлинная история «зеленых мюзикантов». М., 2003. С. 142).

[выделено нами. — В. Б., Г. М.]), то, по крайней мере, вполне успешную исследовательскую традицию» (с. 5).

За различными проявлениями этого «заряда» бывает не просто уследить и самим поборникам научно-исторического равноправия полов. В той же статье Н. В. Гришиной фигурирует «чисто женская поведенческая стратегия — своеобразная “бархатная власть”», а на память приходит — причём обоим авторам сразу, — вкрадчиво-ползучая «генеральная линия» Фомы Фомича Опискина из повести «Село Степанчиково и его обитатели» Ф. М. Достоевского, а в ней норы и пошиб обывателей — дочерей и сыновей земли русской раскрыты глубже и масштабнее, чем во многих исторических сочинениях. Или А. В. Хряков размышляет над судьбой Х. Шедер как «одной отдельно взятой женщины-историка» в контексте «всей женской историографии Германии»: в случае, если принять положение о «женской историографии» за методологический императив, то можно, пожалуй, ожидать поворота во взглядах на характер и природу исторического познания в целом. И ещё. Продвигаясь на примере жизни и деятельности В.М. Селунской «к воссозданию единства профессиональной биографии и человеческих качеств в целостном образе советского историка, принадлежащего своему времени», исследователи обозначают контуры облика своей героини, какие «действительно оказываются не просто лично окрашенными, они пронизаны редким свойством гармонии “учёного” и “женского”» (с. 221). Но вот для читателя остается непрояснённым, по какому же преимущественно разряду — научному или женскому — проходит исключительная творческая активность профессора Московского университета: «Валерия Михайловна мало спала и многое успевала. Отсюда её высокая работоспособность и эрудиция» (с. 211).

Впрочем, авторы данного текста всё более склоняются к мысли о том, что решение грандиозной задачи (если, конечно, признать, что она стоит в качестве первостепенной перед отечественной историографией) — переписать всю историю как историю гендерных отношений, решительно покончив и с мужским шовинизмом, и женским сектантством, может быть представлено только в виде достижений всего исторического познания в целом. В многомерном пространстве знания об истории отдельные исторические произведения не только могут, но и, скорее всего, должны отображать собственно

«женские» и «мужские» линии общественного развития. Или же, как это принято в традиционной историографии, до известной степени абстрагироваться от них. В противном случае, требование во что бы то ни стало реализовать идею гендера как взаимодействия социобиологических сообществ на площадке каждой без исключения работы рискует превратиться в дневные муки и ночные кошмары профессии историка. Похоже, современная наука и культура не готовы к такой всеобъемлющей перемене взглядов на мир людей, укорененных в христианской в своей основе евроатлантической цивилизации.

Однако процесс идёт. Медленно, но неуклонно. Гендерная история — один из его симптомов. Пионерный опыт омских историков и потянувшихся к ним коллег из других мест сигнализирует о наличии у них необходимого экзистенциально-личностного ресурса, тем самым — о ситуации достаточно высокой сенсительности части научного сообщества гуманитариев в области женских и гендерных исследований. Можно ожидать наступления времён, для коих станет нормой, дежурной риторикой умозаключение: «Понятие пола наряду с возрастом, национальностью и социальным статусом является центральным для исторической науки, так как лежит в основе конституирования всей социальной действительности» (с. 171). Четвёртый выпуск альманаха «Мир историка» эти времена приближает.

И последнее. Авторы не брали на себя всесторонний анализ весьма содержательного, насыщенного идеями и образами сборника, за скобками их рассмотрения оказался раздел второй — «Типология научных коммуникаций», хотя в широком смысле, в русле «антропологии» академической жизни, он внутренне связан с другими частями альманаха. Они посчитали наиболее важным для себя остановиться на «несколько авантюрной» (с. 5) затее авторов «Мира историка» — погрузиться в малоизведанную пучину Гендера. Как видим, ничего страшного, можно плыть дальше.

В. М. Бухараев, Г. П. Мягков

SUMMARIES

D. M. OMELCHENKO *graduate student, Department of Ancient and Medieval History, Stavropol' University*

THE FEMALE MONASTERY OF ST JOHN, ARLES IN THE EARLY 6TH C.: NORM AND PRACTICE

Keywords: Church history; Gallic monasteries of the 6th c.; female monasticism

The article deals with the early history of the female monastery of St John in Arlat/Arles founded by the Saint bishop Caesarius (470-542). In particular, the activities of the Abbess Caesaria have been analyzed. It is shown that although enclosure remained a model for female monasticism, the monastery of St John represented Bishop's authority and played an important role in Christianization. The Abbess' and sisters' activities were not limited by the monastery walls: the sermons by St Caesarius that had been copied in the monastery created his reputation of popular preacher known far beyond the boundaries of the diocese of Arles. Thus Abbess Caesaria could be viewed as one of the key figures in the process of constructing the saint bishop's memory.

O. I. TOGOEVA *DPh, senior research fellow, Institute of World History, RAS*

WOMAN IN POWER IN THE MIDDLE AGES AND IN THE MODERN TIMES (THE NOTION OF VIRAGO)

Keywords: Middle Ages; gender history; ideas of power and its symbolization; virago

The article deals with the notion of *virago*, man-woman who borrows and adopts man's symbols of power to strengthen her own position as a ruler. As the research shows, intrusion into man's sphere of politics and ruling forces a woman to make certain concessions in favor of the public opinion that more than often "does not see" her occupying an official post. In such a case her conscious mimicry becomes her main concession; she changes the appearance of a woman-ruler, she turns symbolically into a man. The signs of this transformation are manifold: change of appearance (cutting hair, wearing man's wig, false beard, etc.), man's attire, military dress, armor, insignia, man's titles, minting her own coin, using the authority of her masculine relatives — father, brother, husband. The notion of *virago* that first appears in the Early Middle Ages and still exists up to the Modern Times proves that a woman can legitimize her status of a ruler in the eyes of her entourage only having symbolically turned into a man.

A. M. ERMAKOV *DPh, Associate professor, Department of World history, Yaroslavl' Pedagogical University*

FEMALE GENDER ROLES IN THE IDEOLOGY OF GERMAN FASCISM

Keywords: German fascism; National Socialism; gender ideology; gender roles; modernization; emancipation of women

The article shows the Nazi leaders' views of the roles of women in the society, family and economics. It is demonstrated that the Nazi leaders' views were based on racial and biological theories. The author points to the relationship between the views of officials in the Hitlerite party and the traditional gender stereotypes. The elements of

modernism in national socialist gender ideology are shown; one could also find some evidence of the revision of moral norms.

E. N. KIRILLOVA *DPh, seniour research fellow, Institute of World History, RAS*
WIDOWS' LAW IN THE GUILDS OF THE EARLY MODERN RHEIMS

Keywords: social and economic history; early Modern history; crafts and merchant guilds; widows' rights

The article compares the position of master with that of his widow who chose to stay in business after his death. Widows' law was not limited to professional qualifications; even though women had chances to learn the trade, the absence of professional knowledge was seen as a norm. Thus widows, unlike their late husbands could not work unassisted and were not allowed to teach new professionals.

L. L. SELIVANOVA *Research fellow, Institute of World History, RAS*
RUSSIAN AMAZONS AT HER MAJESTY'S SERVICE

Keywords: History of the 18th-c. Russia; foreign and domestic policy under Catherine II; the Empress' visit to the Crimea in 1787; Russian army in the 18th c.; women in Russian army; myth of Amazons; Ancient history and archaeology

The myth about female warriors has been used for various purposes, including diplomatic and military, ones. This article examines a little-known episode that took place during the visit of Catherine II's court and foreign diplomats to the Crimea in 1787. The purpose of the visit was to demonstrate the military might of the Russian state to the Sublime Porte and her western allies. The foreign diplomats who travelled with the Empress were quite impressed by a corps of armed women under the command of E. I. Sarandova, which had been specifically organized by Prince Gregory A. Potemkin for this occasion. The author suggests that this episode should have evoked — intentionally or not — the legend of the encounter between Alexander the Great and Thalestris, the queen of the Amazons, who was accompanied by a three-hundred strong female cavalry force.

S .Yu. MALYSHEVA *DPh, Professor, Department of historiography and source study, Kazan' University*

BROTHELS AND PROSTITUTES IN KAZAN'S LEISURE TIME AND EVERYDAY LIFE AT THE LATE 19TH – EARLY 20TH CC.

Keywords: history of everyday life in Russia; urban history of Kazan'; leisure; brothels; prostitution

The article deals with poorly studied cultural aspects of the history of prostitution in Russia – namely, the place of brothels in leisure and everyday 'space' in a provincial city, and the role of visits to brothels and prostitutes in the structure of leisure time of urban males in the late 19th – early 20th cc.

S. V. ARISTOV *Graduate student, department of foreign history, Voronezh Pedagogic University*

WOMEN IN THE RAVENSBRÜCK CONCENTRATION CAMP: VIOLENCE AND RESISTANCE

Keywords: concentration camps; Ravensbrück; gender history; history of violence

The article presents a study of women's position in the Ravensbrück concentration camp; it demonstrates that the ways of physical and psychological coercion aimed, among other things, at destroying prisoners' gender identity and to prevent women from preserving it by all means still available to them.

I. A. KRASNOVA *DPh, professor, Head of the Department of Ancient and Medieval History, Stavropol' University*

WOMEN OF FLORENCE BETWEEN FAMILY AND CONVENT: INDIVIDUAL CHOICE, MARRIAGE STRATEGIES AND SOCIAL COERCION

Keywords: women's history; late Medieval Florence; marriage strategies of urban elites

The article analyses the choices of life available for women from the patrician families of the late Medieval Florence. The author focuses her attention both on marriage and on its alternatives.

O. M. MOROZOVA *DPh, associate professor, department of Public relations, Don State technical University, Rostov-na-Donu*

A MAN AND A WOMAN ON THE BRINK OF CHAOS: NICHOLAS II AND ALEXANDRA FEODOROVNA DURING THE GREAT WAR

Keywords: Alexandra Feodorovna; Nicholas II; correspondence; gender history

The article is focused on the correspondence of the last Russian Emperor and his wife; it is shown how the letters revealed their system of views, attitudes and reactions in connection with the situation of the last years of Nicholas II's reign.

M. B. ILYICHEVA *DPh, associate professor, Murmansk Pedagogic University*

CHANGING ATTITUDES TO UNHAPPY MARRIAGE, LOVE AND SEXUAL MORALS IN BRITISH SOCIETY, 1950-1980

Keywords: Great Britain in the late 20th c.; views of love; family and marriage; sexual morals

The article deals with changes that occurred in the ideology of British family of the post-war period. The author analyses the conditions, reasons and the essence of the changes in the attitudes towards marriage, and particularly – unhappy one.

A. Yu. SEREGINA *DPh, senior research fellow, Centre of Gender History, Institute of World History, RAS*

RELIGIOUS EDUCATION OF LAY CATHOLICS IN THE LATE 16TH-C. ENGLAND: A CATECHISM BY THE VISCOUNT OF MONTAGUE (1597)

Keywords: English Catholicism; Reformation, Catholic Reformation; religious education, family history

The article represents a study of a Catholic catechism compiled in 1597 by a lay person – the Viscount of Montague – for his daughter. The article is focused on the analysis of the text's composition and genre (a combination of catechism and apologeti-

cal theology textbook) that reflected a crucial role of laity, and women in particular, in the religious education of English Catholics.

T. L. LABOUTINA *DPh, seniour research fellow, Institute of World History, RAS*
CATHERINE II AND FEMALE EDUCATION IN THE 18TH C. RUSSIA

Keywords: Russia under Catherine II; female education in the 18th c.; foreign influences on Russian education

The article is dedicated to Russian educational system in the 18th c. and particularly female education. The great deal of attention is paid to Catherine II's influence over the development of Russian education

Ya. B. RUDNEVA. *DPh, associate professor, Institute of Business and technology, Naberezhnye Chelny*

FEMALE SELF-REPRESENTATIONS IN THE OFFICIAL DOCUMENTATION OF THE EARLY 20TH C

Keywords: co-education; application letter; a source of personal data; a personal text; female letter; gender identity; self-representation

The establishment of co-educational (mixed-sex) institutions of higher education in Russia became one of the most important steps in transformation of Russian higher learning gender-differentiated system. The article is devoted to the study of women's self-representation as reflected in female application letters. Such analysis opens new cognizable possibilities of a look upon the atmosphere enables one to study the atmosphere of academic space in the early 20th c. and women's position there.

I. E. ROUDKOVSKAYA *DPh, associate professor, department of philosophy and social sciences, Tomsk Pedagogical*

WOMEN IN POLITICS IN THE INTERPRETATION OF W. ROBERTSON AND N. M. KARAMZIN

Keywords: Russian and English historiography in the 18th c.; William Robertson; N. M. Karamzin; representation of power; women in politics

The article presents a comparative analysis of the images of female rulers that are to be found in the works by W. Robertson and N. M. Karamzin. These images reflect the Late Enlightenment historians' views on the legitimacy of female rule.

A. G. SOUPRIYANOVICH *DPh, seniour research fellow, head of the Centre for Gender history, Institute of World History, RAS*

DISAPPEARANCE OF MARGERY KEMPE, OR HOW THE AUTHOR HAS TURNED INTO A CHARACTER

Keywords: historiography; Margery Kempe; gender history; female medieval mysticism

The article analyses the interpretations of the 'Book' by the late medieval English visionary Margery Kempe produced in the contexts of various historiographical schools of the 20th and 21st cc. The author shows how and why the attitudes towards the 'Book', its author and main character have changed dramatically.

A. V. STOGOVA *DPh, research fellow, Centre of Gender History, Institute of World History, RAS*

A ROYALIST OR A LESBIAN? CONFLICTING INTERPRETATIONS OF THE WORK BY CATHERINE PHILIPS

Keywords: historiography; Catherine Philips; gender history; history of lesbians; royalist poetics

The article presents various interpretations of the work by English poet Catherine Philips that had been produced by two major historiographical schools of the late 20th – early 21st c. The author analyses the essence of the conflict and the chances to overcome it.

N. A. DEMCHENKO *Graduate student, Centre for Intellectual History, Institute of World history, RAS*

A STORY OF AN UNUSUAL VICTORIAN

Keywords: history of Victorian England; social history; gender history; masculinity; sexual minorities

The article is dedicated to the biography of a Victorian poet as public figure, Edward Carpenter known as an advocate of Socialist ideas and a homosexual. Through the example of an ‘unusual Victorian’ the author studies the stereotypes of masculinity as well as the boundaries of social norms and the ways to cross them at Victorian England.

O. V. SHNYROVA *DPh, Associate Professor, Department of Modern History and International Relations, Ivanovo University*

‘MEN IN THEIR LIVES’: ON THE ROLE OF MEN IN THE SUFFRAGE

Keywords: history of the suffrage, history of Great Britain, male suffrage

The article deals with the role and position of men within the British suffrage movement of the 19th – early 20th cc., as well as male suffragists’ views of the problem of women’s rights and of the ways to achieve political equality.

E. B. STYAZHKINA *DPh, Professor, Department of Slavic History, Donetsk National University*

MASCULINITY AS A HISTORICAL PROBLEM

Keywords: masculinity; gender history; historiography; methods of historical research

Masculinity as a historical problem is in the process of institutionalization in Russia. Inclusion of masculinity in the field of historical research is the result of a «gender revolution» in the humanities. Institutionalization of the problem of «man as history» requires the determination of the methodological field which the researcher works in. The author poses the questions: can we analyze crisis of normative masculinity as a factor of social change in the history of different societies and in different states? Or can we analyze crisis of normative masculinity as a result of social change only? Also fruitful can be the study of masculinity in the biographical and demographic methods, analysis of «men’s writing», the introduction of the problem of masculinity in the field of history of everyday life, history of mentality, family history, oral history and socio-historical anthropology.

СОДЕРЖАНИЕ

Гендерная идеология

- Д. М. Омельченко*
Женский монастырь Св. Иоанна в Арелате в первой половине VI в.:
нормативная модель и практика.....5
- О. И. Тогоева*
Женщина у власти в Средние века и Новое время
(О понятии “virago”).....16
- А. М. Ермаков*
Гендерные роли женщины в идеологии германского фашизма.....36

Гендерные роли и модели поведения

- Е. Н. Кириллова*
Вдовье право в ремесленных и торговых корпорациях
Реймса в раннее Новое время.....54
- Л. Л. Селиванова*
Российские амазонки на службе ее величества.....74
- С. Ю. Мальшева*
Публичные дома и проститутки в досуговой и повседневной
жизни Казани второй половины XIX — начала XX вв.....89
- С. В. Аристов*
Женщина в концентрационном лагере Равенсбрюк:
насилие и противостояние.....113

История семьи

- И. А. Краснова*
Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: Индивидуальный
выбор, брачные стратегии и социальное принуждение.....125
- О. М. Морозова*
Он и она у порога Хаоса. Николай II и Александра Федоровна
в годы великой войны.....154
- М. Б. Ильичева*
Изменение представлений о несчастливом браке, любви
и сексуальной морали в Британском обществе 1950–1980-х гг.176

Гендерное образование

- А. Ю. Серегина*
Религиозное образование мирян–католиков в Англии
конца XVI в.: катехизис виконта Монтегю (1597 г.).....186
- Т. Л. Лабутина*
Екатерина II и женское образование в России в XVIII веке201

<i>Я. Б. Руднева</i> Женские саморепрезентации в деловой документации начала XX века.....	209
---	-----

Женщины в историографии

<i>И. Е. Рудковская</i> Женщины в политике в трактовке В. Робертсона и Н. М. Карамзина.....	229
<i>А. Г. Суприянович</i> Исчезновение Марджери Кемп, или Как автор стал героем	251
<i>А. В. Стогова</i> Роялистка или лесбиянка? Конфликт интерпретаций творчества Кэтрин Филипс.....	268

История маскулинностей

<i>Н. А. Демченко</i> История необычного викторианца.....	288
<i>О. В. Шньорова</i> «Мужчины в их жизни». Некоторые размышления о роли мужчин в суфражистском движении.....	308
<i>Е. В. Стяжкина</i> Маскулинность как историческая проблема.....	338

Публикации

Письмо Джироламо Саванаролы Маддалене Пико дела Мирандола (Пер., предис. и коммент. Е. П. Тельменко)	373
---	-----

Рецензии

<i>И. А. Ладынин</i> . Рец. на кн.: <i>Баницикова А. А.</i> Женские образы в художественных произведениях древнего Египта (М., 2009).....	385
<i>В. М. Бухараев, Г. П. Мягков</i> . Гендер в историческом познании: не только полезно, но и не страшно. Новый антропологический опыт в альманахе «Мир историка».....	395
Summaries	407
Содержание.....	412
Contents.....	414

CONTENTS

Gender ideology

- D. M. Omelchenko*
The female Monastery of St John, Arles in the early 6th c.:
norm and practice5
- O. I. Togoeva*
Woman in power in the Middle Ages and in the Modern Times
(The notion of *virago*).....16
- A. M. Ermakov*
Female gender roles in the ideology of German fascism36

Gender roles and modes of behaviour

- E. N. Kirillova*
Widows' law in the guilds of the Early Modern Rheims.....54
- L. L. Selivanova*
Russian Amazons at Her Majesty's service74
- S. Yu. Malysheva*
Brothels and prostitutes in Kazan's leisure time and everyday life
at the late 19th – early 20th cc.....89
- S. V. Aristov*
Women in the Ravensbrück concentration camp:
violence and resistance113

History of family

- I. A. Krasnova*
Women of Florence between family and convent: individual choice,
marriage strategies and social coercion.....125
- O. M. Morozova*
A man and a woman on the brink of Chaos: Nicholas II
and Alexandra Feodorovna during the Great war154
- M. B. Ilyicheva*
Changing attitudes to unhappy marriage, love
and sexual morals in British society, 1950-1980176

Gender education

- A. Yu. Seregina*
Religious education of lay Catholics in the late 16th -c. England:
a catechism by the Viscount of Montague (1597)186
- T. L. Laboutina*
Catherine II and female education in the 18th -c. Russia201

<i>Ya. B. Roudneva</i> Female self-representations in the official documentation of the early 20 th c.	209
--	-----

Women in historiography

<i>I. E. Roudkovskaya</i> Women in politics in the interpretation of W. Robertson and N. M. Karamzin.....	229
<i>A. G. Soupriyanovich</i> Disappearance of Margery Kempe, or How the author has turned into a character	251
<i>A. V. Stogova</i> A Royalist or a lesbian? Conflicting interpretations of the work by Catherine Philips	268

History of masculinities

<i>N. A. Demchenko.</i> A story of an unusual Victorian.....	288
<i>O. V. Shnyrova</i> 'Men in their lives': on the role of men in the suffrage	308
<i>E. B. Styazhkina</i> Masculinity as a historical problem.....	338

Publications

Letter of Girolamo Savonarola to Maddalena Pico della Mirandola (Transl., introduction and comments by E. P. Tel'menko)	373
--	-----

Reviews

<i>I A. Ladynin.</i> Review.: <i>Banschikova A. A.</i> Female images in Ancient Egyptian literary texts (Moscow, 2009, in Russian).....	385
<i>V. M. Boukhraev, G. P. Myagkov.</i> Gender in historical knowledge: not only useful but not scary as well. New anthropological experience in the miscellany 'The historian's world'	395
Summaries	407
Contents.....	414

Дорогие читатели, вы можете подписаться на наше издание «Диалог со временем», на второе полугодие 2010 года, в любом отделении связи России. Подписной индекс 36030 в дополнительном каталоге Агентства «Роспечати».